Политическая понерология

Первая рукопись данной книги была вспешке сожжена в коммунистической Польше за пять минут до прибытия тайной полиции. Вторая копия, написанная заново учёными, работавшими в невозможных условиях насилия и угнетения, была послана в Ватикан. Тем не менее её получение так и не было подтверждено — манускрипт и его ценное содержание были утеряны.

Третий вариант рукописи был создан после того, как один из учёных сбежал в 1980-х годах в США. Збигнев Бжезинский воспрепятствовал её опубикованию.

После длившегося полвека подавления эта книга, наконец, вышла в свет.

Понерология возникла в горниле попыток понять с научной точки зрения макросоциальный феномен того, что нельзя назвать никак иначе как экстремальное и непомерное зло: фашизм и советский коммунизм. *Политическая понерология* шокирует своим клиническим и трезвым описанием сущности зла. Но она также трогательна описаниями автора невообразимых страданий учёных, которые заразились или даже были уничтожены изучаемой ими болезнью.

Политическая понерология анализирует основателей и сторонников репрессивных режимов. Лобачевский исследует в данной книге факторы, действующие когда люди бесчеловечно обращаются друг с другом. Мораль и человечность не способны долго противостоять злу. Единственное средство против зла — это знания о его существовании и о его истинной природе.

Эта книга обязательна для прочтения каждым гражданином любой страны, пытающимся понять сущность зла.

Политическая понерология: Наука о природе зла применительно к политике

Политическая понерология

Анджей Лобачевский

2018

Les Editions Pilule Rouge

Первое издание, 2018
Les Editions Pilule Rouge (ru.pilulerouge.com)
ISBN 979-10-97487-03-4

Оглавление

Предисловие переводчика

После безвозвратной утери первых двух рукописей в 1984 году Анджей Лобачевский написал третий манускрипт, содержание которого легло в основу данной книги. В 1985 году его текст был переведён из польского языка на английский д-ром Александрой Чиук-Кельт (Dr. Alexandra Chciuk-Celt) из Нью-Йоркского университета. После многих лет цензуры в 2006 году эта книга была наконец опубликована издательством Red Pill Press. В основу русского перевода была взято последнее издание книги на английском языке.

Первоначальная версия этой книги была написана на довольно техническом языке. Это объясняется академической подоплёкой Лобачевского в профессиональной психологии и психопатологии, а также его намерением развить объективный язык, который был бы более подходящим для описания обсуждаемых феноменов, чем обыденный язык. Учитывая запланированную точность и богатство содержания оригинального текста, автор не одобрил бы упрощённый перевод. Хороший перевод характеризуется, прежде всего, тем, что намерения и стиль написания автора с точностью переносятся в язык перевода. Мы постарались сделать перевод, который был бы как понятным, так и точным. Мы хотели бы заранее поблагодарить читателей за их терпение при прочтении некоторых сложных пассажей.

Как будет далее обсуждаться в книге, автор прибегнул к использованию неологизмов. Необходимость в них читатели обнаружат при прочтении книги. Некоторые понятия ещё не существовали в русском языке и были заимствованы из английского перевода.

Мы надеемся, что этот перевод найдёт отклик у всех русскоговорящих людей, которые, как и большинство других людей по всей планете, страдали и всё ещё страдают от этого психопатологического феномена. Мы также надеемся, что этот перевод внесёт свой вклад в то, чтобы сделать усилия Лобачевского не напрасными.

В тексте книги примечания издателя были обозначены как [Прим. ред.],

и примечания переводчика как [Прим. перев.].

Предисловие издателя

> «Стремись быть похожим на Гору Фудзи, с настолько широким и прочным основанием, что сильнейшее землетрясение не сможет сдвинуть тебя, и таким высоким, что величайшие предприятия объединившихся людей покажутся незначительными с твоей точки зрения. С умом, высоким, как гора Фудзи, ты сможешь видеть всё ясно. И ты сможешь увидеть все силы, которые определяют события, а не только то, что происходит рядом.» — *Миямото Мусаси*

Книга, которую вы держите в руках, возможно, самая важная книга, которую вы когда-либо прочтёте; в действительности, она *будет* таковой. Не важно, кто вы, каков ваш жизненный статус, ваш возраст, пол, национальность или этническая принадлежность. В тот или иной момент вашей жизни вы почувствуете прикосновение или безжалостную хватку холодной руки Зла. Плохие вещи случаются с хорошими людьми. Это факт.

Что есть зло? С исторической точки зрения, этот вопрос всегда был теологическим. Поколения богословских апологетов написали целые библиотеки книг в попытке подтвердить существование милосердного бога, создавшего несовершенный мир. Святой Августин различал две формы зла: «моральное зло», намеренно совершаемое людьми, знающими, что поступают неправедно, и «природное зло» — плохие вещи, происходящие сами по себе: шторм, наводнения, вулканические извержения или смертельные эпидемии.

И потом существует ещё и то, что Анджей Лобачевский называет «макросоциальным злом»: крупномасштабное зло, охватывающее целые общества и нации, причём это происходит снова и снова с незапамятных времён. С объективной точки зрения, история человечества — это ужасная история.

Смерть и разрушения затрагивают всех: богатых и бедных, свободных и порабощённых, молодых и старых, хороших и плохих, причём с таким произволом и безразличием, что они — если задуматься об этом на мгно-

вение — могут полностью лишить человека способности действовать.

Человеку снова и снова приходилось наблюдать, как усыхают его поля, как издыхает его домашний скот, как его родные и близкие мучаются и умирают от болезней или человеческой жестокости, как все труды его жизни в одно мгновение превращаются в ничто по вине событий, которые абсолютно неподвластны ему.

Изучение истории во всех её аспектах открывает вид на человечество, который почти невыносим: грабительские набеги голодных племён, завоёвывавших чужие земли и приносивших с собой разрушения в мраке доисторической эпохи; вторжения варваров в цивилизованный мир средневековья; побоища, устроенные крестоносцами католической Европы против «неверных» Среднего Востока, и позднее — даже против «неверных» из своих же рядов; ужас открытого преследования инквизицией, когда мученики тушили огонь своей собственной кровью; неистовый холокост как современный геноцид; войны, голод и эпидемии, которые шествуют по планете семимильными шагами и никогда не были такими ужасающими как сегодня.

Всё это вызывает невыносимое чувство беспомощности. Мирча Элиаде называл это «ужасом истории».

Есть люди, считающие, что *в наше время* всё это уже достояние прошлого; человечество якобы вошло в новую фазу; наука и технология якобы положили конец всем этим страданиям. Многие люди верят, что человек и общество эволюционируют, и что к настоящему времени мы уже взяли под контроль произвольное зло в нашем мире — или, по крайней мере, полностью искореним его в ближайшие 25 лет, как утверждает Джордж Буш и его неоконсерваторы, ведущие нескончаемую войну против терроризма. Всё, что не соответствует ему, получает иное толкование или игнорируется.

Наука дала нам космонавтику, лазер, телевидение, пенициллин, сульфамидные лекарства и множество других полезных открытий, которые якобы делают нашу жизнь более терпимой и плодотворной. Однако мы можем легко видеть, что это не соответствует действительности. Можно даже сказать, что никогда прежде человек так неустойчиво не балансировал на краю полного уничтожения.

На личном уровне наша жизнь постоянно ухудшается. Загрязнение воз-

духа, которым мы дышим, а также нашей питьевой воды стало почти невыносимым. Наша пища полна субстанций, имеющих очень низкую пищевую ценность и которые на самом деле могут быть вредны для здоровья. Стресс и напряжение стали приемлемой частью нашей жизни и убивают больше людей, чем сигареты, которые курят некоторые люди с целью ослабить именно этот стресс. Мы глотаем бесконечное количество пилюль, чтобы проснуться, заснуть, сделать работу, успокоить нервы и почувствовать себя хорошо. Жители Земли тратят больше денег на успокаивающие лекарства, чем на жильё, одежду, пищу, образование или любой другой продукт или услугу.

На социальном уровне ненависть, зависть, жадность и раздоры увеличиваются экспоненциально. Преступность растёт быстрее, чем население. В сочетании с войнами, восстаниями и политическими чистками это приводит к тому, что многие миллионы людей по всему миру остаются без должного пропитания или защиты от политического произвола.

И затем, разумеется, засухи, голод, эпидемии и природные катастрофы, ежегодно взимающие дань в человеческих жизнях и страданиях. Кажется, что это также происходит всё чаще.

Когда человек задумывается над историей — *такой, какая она есть*, — он вынужден осознавать, что находится в железной хватке бытия, которое, кажется, совершенно не беспокоится о его боли и страданиях. Снова и снова на человечество обрушиваются одни и те же страдания — многие миллионы раз на протяжении тысячелетий. Совокупность человеческих страданий наводит ужас. Я могла бы писать об этом до скончания мира, израсходовать океаны чернил и целые леса бумаги, но всё равно не смогла бы передать весь этот Ужас. Чудовище своевольных несчастий всегда было рядом с нами. Потому что покуда сердца людей перекачивали тёплую кровь через их хрупкие тела и пылали с неописуемой сладостью жизни в жажде всего хорошего, справедливого и любящего, презрительный, преследующий, коварный и исходящий слюной зверь бессознательного зла облизывал свои губы в предвкушении очередного пиршества ужаса и страданий. Эта загадка человеческого наследия, эта Каинова печать существует с незапамятных времён. И с давних времён человеческие стенания оставались неизменными: моя кара суровее, чем я могу перенести!

Предполагается, что в древние времена человек, познав свои невыно-

симые и непостижимые условия существования, создал соответствующие космогонии для оправдания всех жестокостей, заблуждений и трагедий истории. В целом человек действительно беззащитен перед космическими и геологическими катастрофами. Уже давно утверждается, что средний человек не в состоянии что-либо сделать с военными нападениями, социальной несправедливостью, личными и семейными неудачами, а также большинством других нападок на его существование.

Вскоре это изменится. Книга, которую вы держите в руках, даст вам ответы на многие вопросы о Зле в нашем мире. В ней повествуется не только о макросоциальном, но и о повседневном зле, потому что они в прямом смысле слова неразделимы. Продолжительное накопление повседневного зла всегда и неизбежно приводит к большому системному злу, разрушающему больше человеческих жизней, чем любой другой феномена на этой планете.

Данная книга — это также руководство по выживанию. Как я сказала выше, она будет самой важной книгой, которую вы когда-либо прочтёте. Разумеется, при условии, что вы не психопат.

Вы, возможно, спросите: «Какое отношение имеет психопатия к личному или социальному злу?»

Самое прямое. Знаете ли вы или нет, но всякий и каждый день вашей жизни затрагивается влиянием психопатии на наш мир. Вы увидите, что даже если мы бессильны перед геологической или космической катастрофой, мы всё-таки способны предпринять многое против социального и макросоциального зла, но, прежде всего, мы должны его изучить. Психопатия и её влияние на наш мир могут и будут приносить нам боль, покуда мы будем оставаться в неведении о них.

В наши дни слово «психопат», как правило, вызывает образ едва сдержанного — но на удивление воспитанного — сумасшедшего серийного убийцы доктора Ганнибала Лектера из фильма *Молчание ягнят*. Я должна признать, что этот образ приходил мне на ум почти каждый раз, когда я слышала это слово. Существенное отличие состояло в том, что я никогда не могла себе представить психопата как культурного человека, способного сойти за «нормального» индивидуума. Но я ошибалась, и мне пришлось убедиться в этом на собственной шкуре. Этот опыт был, возможно, одним из самых болезненных и поучительных эпизодов моей жизни. Он

позволил мне преодолеть блокаду в моём восприятии окружающего мира и населяющих его людей.

Что касается темы блокад в восприятии, я должна добавить, что провела 30 лет за изучением психологии, истории, культуры, религии, мифологии и так называемого паранормального.[1] В течение многих лет я также работала гипнотерапевтом, что дало мне отличные практические знания о принципе работы человеческого сознания/мозга на очень глубоком уровне. Но несмотря на это, я всё ещё продолжала руководствоваться определёнными убеждениями, которые пошатнулись лишь после моего изучения темы психопатии. Я осознала, что придерживалась определённого ряда идей, считавшихся мною незыблемыми и, как оказалось, ложными. Однажды я даже написала об этом:

> Моя работа показала мне, что подавляющее большинство людей хотят делать добро, испытывать хорошее, думать положительно и принимать решения с хорошими результатами. И они пытаются делать это изо всех сил! Если большинство людей испытывают это внутреннее желание, то почему, чёрт возьми, этого не происходит?

Я должна признать, что была наивной. Было много вещей, о которых я тогда не имела никакого понятия, и которые я узнала с тех пор, как написала эти строки. Но даже в то время я осознавала, как наш разум может использоваться для того, чтобы сбить нас с толку.

Так какие мои тогдашние убеждения сделали меня жертвой психопата? Первое и наиболее очевидное убеждение состояло в том, что я по-настоящему верила, что в глубине своей души все люди в общем «добропорядочны»; они желают «делать добро, испытывать хорошее, думать положительно и принимать решения с хорошими результатами. И они пытаются делать это изо всех сил!…»

Как оказалось, это не соответствует действительности. Мне и другим членам нашей исследовательской группы пришлось испытать это на своих собственных шкурах. Но для нас это также было поучительным уроком. Чтобы прийти к более точному пониманию того, какой тип людей способен на такие вещи, которые были причинены мне (и моим близким), и в

[1] У меня нет академических степеней, поэтому я не могу назвать себя «профессионалом» в этом отношении.

чём заключались мотивы — или даже побуждения — такого поведения, мы принялись изучать психологическую литературу в поиске путеводной нити, так как нам было необходимо понять это ради собственного душевного спокойствия.

Психологическая теория, способная объяснить злостное и вредительское поведение, могла бы очень помочь жертвам таких актов в том, чтобы они не чувствовали себя постоянно травмированными или разгневанными. И если такая теория способна помочь найти слова для преодоления расхождений во мнениях людей и устранить разногласия, то это также достойная цель. И с такой идеей мы начали нашу обширную работу на тему нарциссизма, которая в конечном итоге привела нас к изучению психопатии.

Разумеется, поначалу мы не ставили никаких «диагнозов» и не навешивали ярлыков на наши наблюдения. Мы начали делать наблюдения и изучать соответствующую литературу в поиске подсказок, личностных профилей и всего того, что могло бы нам помочь понять внутренний мир людей — фактически группы людей, — которые, казалось, были совершенно безнравственными и непохожими на всё, с чем мы когда-либо сталкивались. Мы обнаружили, что такой тип людей довольно распространён, и что, согласно последним исследованиям, они могут причинить человеческому обществу больше ущерба, нежели любое другое «психическое заболевание». Марта Стаут, долго работавшая с жертвами психопатов, пишет следующее:

> Представьте себе, если можете: не иметь совести — совсем; никакого чувства вины или раскаяния, независимо от того, что вы делаете; не знать, что такое проявлять заботу о благополучии незнакомцев, друзей или даже членов семьи. Представьте себе, что вам не стыдно — ни одного укола совести за всю жизнь, независимо от того, какое эгоистичное, равнодушное, опасное или откровенно безнравственное поведение вы демонстрируете. И притворитесь, что понятие ответственности известно вам только как бремя, которое другие почему-то принимают без вопросов, — вот ведь наивные дураки! Теперь добавьте к этой странной фантазии способность скрывать от других людей, что ваше отношение ко всем этим «психологическим штучкам» радикально отличается от общепринятого. Поскольку каждый предполагает, что совесть является универсальной

для всех людей, скрыть тот факт, что у вас её нет, удастся почти без усилий. Вам нет нужды демонстрировать перед другими своё хладнокровие: ледяная вода в ваших жилах настолько странна, настолько вне личного опыта большинства окружающих, что догадаться о вашем состоянии практически невозможно.

Другими словами, вы полностью лишены внутренних ограничений, и ваша безграничная свобода поступать так, как вам угодно — без угрызений совести, — просто невидима для мира. Вы можете делать что угодно, и всё равно ваше странное преимущество перед большинством людей, которые держатся в рамках совести, скорее всего, останется неоткрытым.

Как вы проживёте свою жизнь? Что вы будете делать со своим тайным преимуществом и с соответствующим недостатком других людей — совестью? Ответ во многом будет зависеть от того, чего именно вам захочется, потому что люди все разные. Даже глубоко бессовестные не все одинаковы. Некоторые, независимо от того, есть у них совесть или нет, любят скользить по инерции, в то время как другие наполнены сумасшедшими амбициями. Среди нас, людей, есть существа блестящие и талантливые, есть недалёкие, а большинство, с совестью или без, находятся где-то посередине. Есть жестокие люди, и есть мягкие люди, есть те, кого мотивирует кровавая страсть, и те, у кого вовсе нет таких зверских аппетитов.

… Если вас не принудят остановиться, вы можете сделать что угодно. Допустим, вы родились в нужное время и у вас есть некоторый доступ к семейном богатствам, кроме того, вы обладаете особым талантом разжигания ненависти в других. В таком случае вы можете организовать убийство большого количества невинных людей. Имея достаточно денег, вы можете организовать массовые убийства на расстоянии, а потом спокойно сидеть и смотреть, как ваш заказ выполняется. …

Что на самом деле означает четыре процента для общества?

… Например, распространённость анорексических расстройств пищевого поведения оценивается в 3,43 процента, и это считается почти эпидемией, хотя процент социопатов больше. Широко обсуждаемые расстройства, классифицируемые как шизофрения, встречаются примерно у одного процента: это четверть от доли бессовестных людей. Центры по контролю и профилактике заболеваний утверждают, что частота рака толстой кишки в США «тревожно высокая» и составляет около сорока случаев на 100 тысяч, — но социопатов гораздо больше, чем больных этой формой рака. …

Высокий уровень социопатии в человеческом обществе влияет на всех нас, даже на тех, кто не был клинически травмирован. Субъекты, которые составляют эти четыре процента, наносят ущерб нашим отношениям, нашим банковским счетам, нашим достижениям, нашей самооценке, нашему миру на земле. Тем более удивительно, что многие люди ничего не знают об этом, а если и знают, то думают только в терминах насильственной психопатии: «убийцы», «серийные убийцы», «массовые убийцы» и так далее, то есть те, кто много раз нарушал закон, и если такого человека поймают, то он по справедливости будет заключён в тюрьму или даже предан смерти. Мы часто не осведомлены и, как правило, не идентифицируем социопатов, не связанных с насилием, ведь они обычно не совершают вопиющих нарушений закона, и против них, кстати, наша правовая система даёт очень небольшую защиту.

Как правило, мы не видим связи между развязыванием этнического геноцида и, скажем, невинной ложью своему начальнику о сотруднике. Но психологическая связь не только существует, она холодит кровь. Простая и глубокая связь — это отсутствие внутреннего механизма, который, эмоционально говоря, наказывает нас, когда мы делаем выбор, который считаем аморальным, неэтичным, необдуманным или эгоистичным. Большинство из нас чувствуют себя слегка виноватыми, если съедают последний кусок торта, не говоря уже о том, что бы мы чувствовали, собираясь намеренно и методично причинять боль другому человеку. Те, у кого вообще нет совести, — это единая группа, независимо от того, являются ли они кровавыми тиранами или просто насмешниками, влезающими в чужие разговоры.

Наличие или отсутствие совести — это глубокое разделение между людьми, возможно, более значительное, чем интеллект, раса или даже пол. Что отличает социопата, который живёт за счёт других, от тех, кто иногда ворует что-то в магазинах товаров повседневного спроса, или, скажем, от современного олигарха? В чём разница между обычным хулиганом и социопатическим убийцей? Если оставить за скобками олигарха, нажившего состояние честным трудом, разница небольшая — социальный статус, драйв, интеллект или просто представившиеся возможности. Но нас от всех этих людей отличает совершенно пустая дыра в том месте души, где должна находиться наиболее развитая из всех очеловечивающая составляющая.[2]

[2] Марта Стаут, *Социопат по соседству: люди без совести против нас: как распознать и противостоять* (Бомбора, 2017)

К сожалению, в то время книга Марты Стаут ещё не была опубликована. В нашем распоряжении были, конечно же, книги Роберта Хаэра, Херви Клекли, Гуггенбюль-Крейга и других. Однако возможно большое количество психопатов в нашем обществе оценивалось их авторами лишь приблизительно. Эти психопаты никогда не уличаются в нарушении закона, не убивают — а если и совершают убийства, то остаются непойманными, — и тем не менее наносят неисчислимый ущерб семьям, знакомым или посторонним людям.

Большинство экспертов в области психического здоровья долгое время исходили из того, что психопаты происходят из бедных слоёв населения и в детстве подвергались жестокому обращению того или иного рода. Поэтому, как они полагали, их обнаружение не составит особого труда, так как они определённо находятся вне общества, и если бы они всё же играли некую социальную роль, то воспринимались бы как чужеродные тела. В последнее время это представление начало подвергаться пересмотру. Как Лобачевский отмечает в своей книге, в отношении терминов *психопатия*, *антисоциальное расстройство личности* и *социопатия* существует определённая путаница. Как подчёркивает Роберт Хаэр, есть множество психопатов, которых также можно назвать «антисоциальными», однако, как представляется, большинство психопатов никогда не были бы классифицированы как антисоциальные или социопатические личности! Другими словами, они могут быть врачами, адвокатами, судьями, членами конгресса, главами корпораций, обирающими бедных и отдающими награбленное богатым. Да, они даже могут быть президентами.

В недавней научной публикации было высказано предположение, что психопатия может быть намного более распространённой в нашем обществе, чем мы предполагали:

> Психопатия, изначально определённая Клекли (1941 г.), не ограничивается незаконной деятельностью, но охватывает такие особенности личности, как манипулятивность, лживость, эгоцентризм и отсутствие чувства вины — черты, встречающиеся не только у преступников, но и у семейных пар, родителей, начальников, адвокатов, политиков, исполнительных директоров, а также у многих других (Bursten, 1973; Stewart, 1991). Согласно нашим собственным исследованиям распространённость психопатии в университетах составляет как минимум 5%, причём большая часть её носителей являют-

ся представителями мужского пола (1 из 10 мужчин, примерно 1 из 100 женщин).

Психопатию как таковую можно охарактеризовать <…> как склонность к доминированию и холодности. Виггинс (1995) подытожил несколько предыдущих результатов научных исследований <…> Он пришёл к выводу, что психопаты предрасположены к проявлению ярости и раздражения, а также охотно используют других людей в своих интересах. Они высокомерны, манипулятивны, циничны, мстительны, склонны к самолюбованию, ищут острых ощущений, не испытывают угрызений совести, а также ищут во всём свою собственную выгоду. Что касается шаблонов их социального поведения (Foa & Foa, 1974), то они считают любовь и самосознание своими неизменными атрибутами и видят себя как высокоуважаемых и важных людей; в то же время другим людям они не приписывают ни любовь, ни статус, считая их недостойными и ничтожными. Эта характеристика безусловно соответствует сущности психопатии в общем понимании.

Данное исследование пытается ответить на некоторые фундаментальные вопросы из той области психопатии, которая остаётся незамеченной с криминалистической точки зрения <…> Для этого мы вернулись к первоначальному, предложенному Клекли в 1941 году выделению психопатии как личностного профиля, встречающегося не только у преступников, но и среди успешных членов нашего общества.

Результаты наших исследований ясно показывают, что: (а) измерения психопатии сходятся на прототипе психопата, характеризуемого комбинацией доминантных и холодных межличностных характеристик; (б) психопатия действительно встречается в нашем обществе и является, возможно, более распространённой, чем предполагалось; (в) психопатия, как представляется, перекрывается лишь незначительно с другими расстройствами личности, за исключением антисоциального расстройства личности. …

Очевидно, что необходимо провести намного больше исследований, чтобы понять, какие факторы проводят различие между законопослушными (хотя и не придерживающимися морали) психопатами и психопатами, нарушающими закон. Это исследование, несомненно, нуждается в более широком использовании некриминальных выборочных групп, чем это было принято в прошлом.[3]

[3] Салекин, Тробст и Криокова, «Construct Validity of Psychopathy in a Community Sample:

Лобачевский отмечает, что существуют различные типы психопатов. Один из этих типов является наиболее опасным: *первичный психопат*. Лобачевский не предоставляет нам «контрольный перечень» [характеристик этого типа], но освещает внутренний мир психопата. Его описания в точности соответствуют отличительным чертам [психопатов], приведённым в процитированной выше научной публикации.

Марта Стаут также обсуждает тот факт, что психопаты, как и любой другой человек, рождаются с различными пристрастиями, антипатиями и стремлениями, поэтому некоторые из них становятся докторами и президентами, а другие — мелкими воришками или насильниками.

«Располагающий к себе, обворожительный, интеллигентный, внушающий уважение и доверие, пользующийся большим успехом у женщин» — вот как Херви Клекли описывает большинство своих испытуемых в книге *The Mask of Sanity*. По всей видимости, психопаты, несмотря на своё «безответственное» и «саморазрушительное» поведение, обладают избытком тех самых черт характера, к которым стремится большинство нормальных людей. Для нормальных людей, часто читающих книги о самопомощи или посещающих психотерапевтов, чтобы вообще быть способными взаимодействовать с другими людьми, эта спокойная самонадеянность психопатов подобна почти сверхъестественному магниту. Психопат, наоборот, никогда не страдает от неврозов, никогда не испытывает неуверенности в себе или страха — он *такой*, каким хотят быть «нормальные» люди. Более того, они притягивают к себе девушек даже несмотря на свою внешнюю непривлекательность.

Новаторская гипотеза Клекли заключается в том, что психопат страдает от глубокой и неизлечимой *эмоциональной* недостаточности. Если он вообще способен что-то чувствовать, то только самые поверхностные эмоции. Руководствуясь лишь своей прихотью, он может делать всё, что ему только пожелается, потому что последствия, которые наполнили бы нормального человека стыдом, ненавистью к самому себе и вызвали бы у него замешательство, совершенно не затрагивают психопатов. Что для других людей было бы ужасом или катастрофой, для них является лишь мелким неудобством.

Клекли утверждает, что психопатия широко распространена в нашем

A Nomological Net Approach», *Journal of Personality Disorders* 15:5 (2001): 425-441.

обществе. Проведённое им изучение отдельных случаев включает примеры психопатии у людей, которые совершенно нормально функционируют в обществе: бизнесменов, врачей и даже психиатров. В наши дни некоторые из самых проницательных исследователей рассматривают криминальную психопатию, часто именуемую антисоциальным расстройством личности, как крайнюю степень определённого типа личности. Я думаю, что более целесообразным было бы характеризовать криминальных психопатов как «неудачливых».

Один из исследователей, Элан Хэррингтон, пошёл настолько далеко, что заявил о том, что психопат — это «новый» человек, возникающий в результате всё более растущего давления современной жизни.

Разумеется, мошенники и проходимцы существовали всегда, однако в прошлом основной заботой было скорее выявление некомпетентных людей, чем психопатов. К сожалению, всё поменялось. Сегодня нам приходится опасаться крайне изощрённых жуликов, отдающих себе полный отчёт в своих поступках и совершающих их настолько искусно, что остаются при этом незамеченными. Да, психопаты любят мир бизнеса.

> «Не втянутый в отношения с другими людьми, он невозмутимо изучал их страхи и желания, манипулируя ими как ему пожелается. Человек с такими способностями не обязательно обречён на жизнь, полную неприятностей и эскапад и позорно заканчивающуюся в тюрьме. Вместо совершения убийств людей он, возможно, станет корпоративным рейдером и будет губить целые компании, увольняя, а не убивая, людей и кроша их возможности, а не тела.
>
> <…> Последствия предпринимательской преступности для рядовых граждан умопомрачительны. Криминолог Жоржет Беннетт говорит: «На них приходятся почти 30% судебных дел в Федеральном окружном суде США — больше чем на любую другую категорию преступлений. Ущерб от квартирных краж со взломом, нападений и прочих имущественных преступлений, совершаемых уличными преступниками, составляет 4 миллиарда долларов в год. В то время как якобы порядочные граждане в конференц-залах наших фирм, а также скромные работники розничной торговли обманывают нас на сумму от 40 до 200 миллиардов долларов в год».
>
> Вызывает волнение тот факт, что одеждой для замаскированного здравомыслия психопата может быть как костюм-тройка, так и маска-чулок с оружием впридачу. Как говорит Хэррингтон: «Пси-

> хопатов также можно встретить и в уважаемых кругах; мы больше не считаем, что они обязательно должны быть неудачниками». Он цитирует Уильяма Краснера: «Они — психопаты и полупсихопаты — могут быть отличными и бессовестными продавцами, так как им доставляет удовольствие ‘всучивать что-либо людям’, избегая при этом наказания. Они практически не испытывают угрызений совести, когда обманывают своих клиентов». Наше общество быстро становится всё более меркантильным, успех любой ценой — кредо многих бизнесменов. Типичный психопат процветает в такой среде и считается деловым «героем».[4]

Тем не менее изучение «амбулаторных» психопатов, которых мы называем «заурядными», ещё даже не началось. Мы знаем очень мало о субкриминальной психопатии. Некоторые исследователи лишь недавно начали серьёзно рассматривать идею о важности изучения психопатии не как патологической категории, а как общей личностной черты некоторых членов нашего общества в целом. Другими словами, психопатия начинает признаваться как черта более или менее другого типа людей.

Херви Клекли в сущности очень близко подошёл к идее о том, что психопаты человечны во всех отношениях — но при этом не имеют души. Это отсутствие души делает их очень эффективными «машинами». Они могут писать научные работы, имитировать с помощью слов эмоции, но со временем выяснится, что их слова не согласовываются с их поступками. Это тот тип людей, которые могут утверждать, что опустошены горем, но при этом в следующий момент идут на вечеринку, чтобы «забыться». Проблема в том, что они *действительно* забывают.

Будучи довольно эффективными машинами — подобно компьютеру — они способны выполнять очень сложные программы, нацеленные на получение поддержки от других людей для своих желаний. Таким путём многие психопаты способны достигать очень высоких позиций в жизни. Лишь по прошествии времени их окружающие начинают осознавать тот факт, что их продвижение на пути к успеху стало возможным лишь потому, что они нарушали права других людей. «Даже если они безразличны к правам окружающих, они зачастую способны вызывать у других людей чувство

[4] Ken Magid and Carole A. McKelvey, «The Psychopaths Favourite Playground: Business Relationships», *High Risk: Children Without a Conscience* (Bantam Books, 1987), p. 316

доверия и уверенности».

Психопат не признаёт каких-либо недостатков в своей психике и не видит необходимости изменить себя в лучшую сторону.

Анджей Лобачевский рассматривает проблему психопатов и их экстремально высокого вклада в макросоциальное зло, а также их способность играть роль «серых кардиналов», стоящих за самой структурой нашего общества. Очень важно помнить, что это влияние проистекает от относительно небольшой части человечества. Остальные примерно 90% людей не являются психопатами.

Однако эти 90 с небольшим процентов нормальных людей знают, что что-то не так! Им просто не удаётся распознать, что именно; они не могут разобраться, что к чему; и поэтому склоняются к мысли о том, что ничего не могут с этим поделать, или что, возможно, это кара божья.

На самом деле происходит следующее, как Лобачевский будет описывать далее: когда примерно 90% людей впадают в определённое состояние, психопаты, подобно заразному вирусу в человеческом теле, поражают слабые места общества, которое затем оказывается в условиях, всегда и неизбежно приводящих к крупномасштабным ужасам и трагедиям.

Фильм *Матрица* затронул самые глубинные струны общества, потому что в нём была изображена механическая западня, в которой оказываются жизни многих людей, и из которой они не могут освободиться из-за своего убеждения в том, что каждый, кто похож на человека, является таким же как они сами — с эмоциональной, духовной и прочих точек зрения.

Возьмём, к примеру, то, как психопаты могут оказывать влияние на общество в целом: посредством «юридических споров», как Роберт Кэнап описал в своей работе *The Socially Adept Psychopath*. Юридический спор считается одним из основных принципов нашего общества. Мы верим, что в хорошо развитой системе правосудия споры решаются юридически. Это очень изощрённый обман, который психопаты навязали нормальным людям, чтобы обладать перед ними преимуществом. Только вдумайтесь: выиграть юридический спор сможет лишь тот, кто способен наиболее искусно использовать систему, чтобы убедить в чём-либо группу людей или заставить ему поверить. Так как система этого «юридического спора» медленно становилась частью нашей культуры, то когда она вторгается в наши жизни, мы, как правило, не способны быстро её распознавать. Но именно

так это и работает.

Люди привыкли предполагать, что другие человеческие существа по меньшей мере пытаются «поступать правильно», «вести себя хорошо», быть справедливыми и честными. Поэтому зачастую мы не уделяем достаточно времени тому, чтобы с должной тщательностью определять действительно ли человек, вошедший в нашу жизнь является порядочным. Когда возникает юридический спор, мы автоматически предполагаем, что в любом конфликте одна сторона частично права, так же как и другая, и что мы можем составить себе мнение о том, какая сторона права больше всего. Из-за нашей подверженности нормам «юридического спора», когда возникает спорный вопрос, мы автоматически думаем, что истина лежит где-то между двумя крайностями. В таких случаях может быть полезным применение математической логики к проблеме того или иного юридического спора.

Предположим, что в некоем споре одна сторона невиновна, честна и говорит правду. Очевидно, что ложь не даёт невиновному человеку никакого преимущества. О чём ему лгать? Если он невиновен, то единственная ложь, которую он мог бы сказать, заключалась бы в ложном признании: «Я сделал это». Ложь даёт преимущество лишь лжецу. Он может ложно заявить, что не делал этого и обвинить в этом невиновного человека, который продолжал бы настаивать на своей невиновности, говоря при этом правду.

Правда, искажаемая искусными лжецами, всегда может выставить в плохом свете невиновного человека, особенно если он честен и признаёт свои собственные ошибки.

Исходное допущение, что правда лежит между мнениями обеих сторон, всегда сдвигает преимущество в пользу лгуна и лишает его искреннего человека. В большинстве случаев этот сдвиг сопровождается извращением самой правды, причём таким образом, чтобы принести вред безвинному человеку, в результате чего преимущество *всегда* остаётся на стороне лгунов — психопатов. Даже простая дача показаний под присягой — это бесполезный фарс. Если человек — лгун, то клятва под присягой не означает для него ровным счётом ничего. Однако на серьёзного, правдивого свидетеля клятва под присягой оказывает сильное воздействие. И снова преимущество переходит на сторону лгуна.

Часто отмечалось, что психопаты обладают явным преимуществом над людьми с совестью и эмоциями, так как психопат не имеет ни того, ни другого. Кажется, что совесть и эмоции связаны с абстрактными концепциями «будущее» и «другие люди». Это «пространственно-временная» область восприятия. Мы можем переживать страх, симпатию, сочувствие, печаль и так далее, потому что мы способны абстрактно *представить* будущее, основанное на нашем собственном опыте прошлого или даже просто вообразить «концепции пережитого опыта» в бесчисленных вариациях. Мы можем «видеть себя» в других людях даже при том, что они существуют «отдельно от нас», и именно это вызывает у нас чувства. Мы не можем просто ранить кого-либо, потому что мы способны представить себя на их месте, и как мы бы чувствовали себя при этом. Другими словами, мы можем идентифицировать себя с другими людьми не только в пространстве, но и во времени.

Похоже, что психопаты не имеют этой способности.

Они просто не могут себе «представить» как напрямую связаться с другими образами, когда «я», так сказать, соединяется с другим «я».

О, безусловно, они могут *имитировать* чувства. Но единственное реальное чувство, которое они, кажется, имеют и которое движет ими и заставляет разыгрывать различные драмы для произведения впечатления — это своего рода «голод хищника», жажда заполучить желаемое. Иначе говоря, они «воспринимают» свои потребности и желания как любовь, и если они не удовлетворяются, то они описывают их как «нелюбовь». Более того, эта точка зрения, основанная на потребностях и желаниях, предполагает, что действителен лишь «голод» психопата, а всё то, что существует «где-то там», вне психопата, не является реальным, разве что оно может быть ассимилировано им как своего рода «пища». «Может ли это быть использовано или принести мне выгоду?» — это единственный вопрос, занимающий психопата. Всё остальное — вся его деятельность — подчиняется этому желанию.

Короче говоря, психопат — это хищник. Когда мы думаем о взаимодействиях хищников с их добычей в животном мире, мы можем прийти к некоторому пониманию того, что находится за «маской здравомыслия» психопата. Так же как хищник в природе предпринимает всевозможные скрытные манёвры, чтобы подкрасться к своей добыче, отделить её от ста-

да, приблизиться к ней и сломить её сопротивление, так и психопат создаёт разнообразные виды искусного камуфляжа, состоящего из слов и хороших впечатлений — а в действительности лжи и манипуляций — с целью «поглотить» свою добычу.

Это подводит нас к важному вопросу: что психопат *действительно* получает от своей жертвы? На этот вопрос легко ответить, когда они лгут и манипулируют с целью получения денег, материальных благ или власти. Но во многих случаях, например, в любовных отношениях или в поддельной дружбе, не так легко понять, к чему стремится психопат. Не слишком углубляясь в духовные рассуждения — проблема, с которой также столкнулся Клекли, — мы можем лишь сказать, что психопат, кажется, *наслаждается* причинением страданий другим людям. Нормальным индивидуумам нравится видеть других людей счастливыми или делать что-то, что вызывает у них улыбку, психопат же наслаждается полностью противоположным.

Любой, кто когда-либо наблюдал кота, играющего с мышью перед тем, как убить и съесть её, вероятно, объяснил себе такое его поведение тем, что кот просто «развлекается» попытками мыши к побегу и не способен воспринимать переживаемые ею ужас и боль. Поэтому его нельзя обвинять в каких-либо злых намерениях. Мышь умерла, кот наелся — так устроена природа. Психопаты, как правило, не едят своих жертв.

Да, в исключительных случаях психопатии можно наблюдать именно эту динамику «кота и мыши». Каннибализм имеет долгую историю; раньше предполагалось, что с поеданием некоторой специфической части тела жертвы могут быть приобретены её определённые способности. Но в обычной жизни психопаты не заходят так далеко. Поэтому нам снова необходимо взглянуть на эту игру в кошки-мышки с другой точки зрения. Теперь мы можем задать следующий вопрос: было бы слишком большим упрощением полагать, что невинный кот просто развлекается рыскающей мышью, лихорадочно пытающейся спастись? Или эта динамика сложнее, чем кажется на первый взгляд? Есть ли в этом для кота нечто большее, чем просто «развлечение» попытками мыши спастись? С какой вообще целью такое поведение было бы эволюционно заложено в кота? Становится ли мышь вкуснее благодаря связанным со страхом биологически активным веществам, переполняющим её маленькое тельце? Является ли цепенею-

щая от ужаса мышь деликатесом для «гурмана»?

Из этого следует, что мы должны пересмотреть наши идеи о психопатах с немного другой точки зрения. Одно мы знаем наверняка: многие люди, имеющие дело с психопатами и нарциссистами, сообщают, что чувствуют себя изнурёнными, растерянными и впоследствии зачастую испытывают ухудшение здоровья. Является ли это ответом на вопрос, почему психопаты ищут «любовные отношения» и «дружбу», которые не имеют для них какой-либо различимой материальной выгоды? Идёт ли здесь в действительности речь о потреблении энергии других людей?

Мы не знаем ответа на этот вопрос. Мы наблюдаем, теоретизируем, строим предположения и выдвигаем гипотезы. Но в конечном счёте только сами жертвы могут определить, что они потеряли в этой динамике — и это зачастую намного больше, чем материальные блага. В определённом смысле психопаты — это пожиратели душ или «психофаги».

В последние несколько лет всё больше психологов, психиатров и прочих работников в области психического здоровья начали рассматривать эти проблемы в новом свете. Это было реакцией на вопросы о состоянии нашего мира, а также о возможности того, что между такими людьми, как Джордж У. Буш (а также многими так называемыми неоконсерваторами) и остальными людьми существует некое существенное различие.

Книга д-ра Стаут содержит одно из самых длинных объяснений, которое я когда-либо видела, тому, почему ни один из приведённых ею примеров не имеет сходства с реальными людьми. Затем, в одной из первых глав, она приводит «составной» практический пример индивидуума, который, будучи ребёнком, с помощью петард взрывал лягушек. Широко известно, что Джордж У. Буш занимался этим в детстве. Описываемый ею индивидуум окончил колледж с удовлетворительными оценками — так же, как и Буш окончил Йельский университет. Это, конечно, заставляет невольно задуматься…

Как бы то ни было, даже без работы д-ра Стаут, во время нашего изучения этой темы мы осознали, что его результаты представляли особую важность для каждого человека. Мы поняли, что эта тема рано или поздно в той или иной мере коснётся каждого человека. Мы также начали осознавать, что результаты наших исследований с большой точностью описывают многих индивидуумов, стремящихся к ключевым постам в органах

власти, особенно в политике и деловом мире. Эта идея сама по себе не является столь шокирующей, однако, по правде говоря, это пришло нам в голову лишь после того, как мы увидели определённые закономерности и распознали их в поведении многих исторических личностей — в том числе у Джорджа У. Буша и членов его правительства.

Текущие статистические данные показывают, что психически больные люди более многочисленны, чем здоровые. Если вы возьмёте выборку людей из какой-либо сферы жизни, то с большой вероятностью обнаружите значительное количество патологических симптомов в той или иной степени проявления. Политика не является исключением. В силу самой своей природы она привлекает больше патологических «властных типов» чем другие области деятельности. Это не только логично и точно, но и, прежде всего, ужасающе. Ужасающе, потому что патология среди индивидуумов во власти может привести к катастрофическим последствиям для всех людей, живущих под их контролем. Итак, мы решили написать об этом и опубликовать материалы в Интернете.

После публикации мы начали получать письма от наших читателей, в которых они выражали благодарность за то, что мы дали название тому, что происходило с ними в их личных жизнях, а также за то, что мы помогли им понять происходящее в мире, который, кажется, совсем обезумел. У нас сложилось впечатление, что это носило характер эпидемии. И в некотором смысле мы были правы. Если некто с острозаразной болезнью занят в профессии, где ему приходится иметь дело со многими людьми, то результатом этого становится эпидемия. Это применимо и к данной ситуации. Если человек, занимающий политический пост, — психопат, то он или она может создать эпидемию психопатологии в людях, которые в принципе не являются психопатами. Наши идеи на эту тему в скором времени получили подтверждение из неожиданного источника: Анджея Лобачевского, автора данной книги. Я получила следующее электронное письмо:

> Уважаемые дамы и господа,
>
> У меня перед глазами на экране монитора ваш исследовательский проект на тему психопатии. Ваша работа имеет первостепенную важность и ценность для будущего наций…
>
> Я — клинический психолог в очень преклонном возрасте. Сорок

> лет назад я принял участие в секретном исследовании истинной сущности и психопатологии макросоциального явления, называемого «коммунизмом». Другими исследователями были учёными предыдущего поколения, которые уже скончались.
>
> Углублённое изучение природы психопатии, игравшей существенную и вдохновляющую роль в этом макросоциальном психопатологическом явлении, а также различение её от других психических аномалий, как оказалось, было необходимой подготовкой для понимания в полной мере природы этого феномена.
>
> Большая часть проделываемой сегодня вами работы была уже сделана в то время… Я могу предоставить вам крайне ценный научный документ, который будет полезен в достижении ваших целей. Речь идёт о моей книге «Политическая понерология: Наука о природе зла применительно к политике». Вы также можете найти копию этой книги в Библиотеке Конгресса и в некоторых университетских и общественных библиотеках в США.
>
> Будьте добры, свяжитесь со мной, чтобы я смог отправить вам копию по почте.
>
> С искренним уважением!
>
> Анджей Лобачевский

Я сразу ответила. Да, конечно же, я хотела прочитать эту книгу. Несколько недель спустя рукопись пришла почтой.

По мере её прочтения, я начала понимать, что эта книга была, по существу, хроникой спуска в ад, преобразования и триумфального возвращения со знанием об этом аде. Эти знания были бесценны для всех нас, особенно в наше время, когда схожий ад очевидно окутывает нашу планету. Риск, на который пошла группа учёных, проводивших исследования, лежащие в основе этой книги, выходит за рамки понимания большинства из нас.

Многие из них были в то время молодыми, их карьеры только начинались, когда нацисты семимильными шагами маршировали по Европе. Эти исследователи пережили то время, и когда позднее нацисты были изгнаны, и им на смену пришли коммунисты под руководством Сталина, им пришлось испытать на себе многолетние притеснения, которые те из нас сегодня, кто высказывается против Рейха Буша, не может себе даже представить. Однако на основании синдрома начала этой болезни можно предположить, что в особенности в США и, возможно, во всём мире скоро на-

станут «плохие времена», полные такого ужаса и отчаяния, что Холокост Второй мировой войны покажется нам пробной репетицией.

И так как эти исследователи уже пережили это и задокументировали для нас информацию об этом, данная книга вполне может спасти наши жизни тем, что будет выполнять функцию карты, способной служить нам проводником в ниспадающей мгле.

Лора Найт-Ядчик

Предисловие автора к новому изданию

Прошло 20 лет с момента написания этой книги. Я сильно постарел. В один прекрасный день мой компьютер свёл меня с учёными из Quantum Future Group, убедившими меня в том, что пришло время для моей книги, и что она сослужит хорошую службу будущему человечества. Они позаботились о том, чтобы она была опубликована.

Последние 20 лет были наполнены политическими событиями. Наш мир чрезвычайно изменился по причине естественных законов феномена, описываемого в данной книге. Уровень знаний пережил драматический рост благодаря усилиям людей доброй воли. Тем не менее наш мир ещё не выздоровел, и остатки серьёзной болезни всё ещё очень активны. Эта болезнь, связанная с новой идеологией, появилась вновь. Законы возникновения зла действуют в миллионах людей и семей. Этому политическому феномену, угрожающему миру, противостоит военная сила. Ограниченные проявления этого феномена осуждаются или сдерживаются словом этики. В результате этого немалые усилия прилагались в прошлом без поддержки объективных естественных знаний о самой природе зла и поэтому были недостаточными и опасными. Все эти усилия предпринимались без учёта важнейшего принципа медицины, ставшего девизом моей книги: *Ignoti nulla curatio morbid* (нельзя лечить неопознанную болезнь). За окончание коммунистического порабощения мы заплатили высокую цену. Те нации, которые считают себя свободными, вскоре обнаружат, что всё ещё платят за это.

Необходимо задать вопрос: почему данная работа, созданная усилиями выдающихся исследователей и автора с одной единственной целью — предотвращение распространения болезни макросоциального зла, — не смогла её достичь?

Это долгая история.

В Австрии одним «дружелюбным» врачом, который впоследствии оказался агентом коммунистических спецслужб, автор был признан носите-

лем этой «опасной» науки. Все коммунистические ячейки и сети в Нью-Йорке были мобилизованы для организации противодействия информации, содержащейся в данной книге, чтобы предотвратить её широкое разглашение. Я с ужасом узнал, что открытая система угнетения, из которой я совсем недавно вырвался, была такой же активной — но на этот раз более завуалированной — и в США. Я был деморализован, когда видел в действии систему сознательных и невольных пешек; людей, простодушно доверявших своим «друзьям», не зная, что они были коммунистическими агентами, и очернявших меня с патриотическим рвением. В результате этой клеветы мне было отказано во всякой помощи, и, чтобы выжить, мне приходилось работать подсобным рабочим, несмотря на то, что я уже был в пенсионном возрасте. Моё здоровье подорвалось, и я потерял два года.

Мне стало ясно, что я был не первым, кто приехал в Америку с подобными знаниями. Я был третьим; с моими предшественниками поступили схожим образом.

Несмотря на все эти обстоятельства, я не сдавался. В 1984 году книга была наконец закончена и аккуратно переведена на английский язык. Работа была оценена как «очень информативная» теми, кто её прочитал, однако она так никогда и не была опубликована. Для издателей психологических книг она была «слишком политической», а для издателей политической литературы она содержала «слишком много психологических и психопатологических элементов». Другие издатели отвечали, что в их ассортименте для книги больше не было места. Постепенно стало ясно, что книга не прошла проверку «посвящённых лиц».

Тем не менее время для политической ценности этой книги ещё не прошло; её основной научный тезис остаётся актуальным, ценным и вдохновляющим. В грядущие времена она может сослужить хорошую службу, если её содержание будет применено и расширено должным образом. Дальнейшие исследования в этой области могут привести к новому пониманию человеческих проблем, терзающих человечество уже многие тысячелетия. Понерология — благодаря использованию современного подхода — могла бы послужить опорой для столетий социальных наук. Таким образом, данная книга может внести свой вклад в достижение всеобщего мира.

Именно это послужило причиной тому, что я 20 лет спустя потрудился целиком перепечатать на моем компьютере уже выцветшую рукопись.

В работе не было сделано никаких существенных изменений, и она представлена здесь в той форме, в какой она была написана в Нью-Йорке много лет назад. Так позвольте ей остаться документальным свидетельством экстремально опасной работы, проведённой выдающимися учёными и мною; работы, предпринятой в тёмные, трагические времена и в невозможных условиях, которая, несмотря на это, является хорошим примером превосходной науки.

Желание автора состоит в том, чтобы вручить эту работу в руки людей, способных нести эту ношу, продолжать теоретическое изучение понерологии, обогащать её новыми подробными данными, которые были утеряны со временем, и претворять эти знания на практике во имя различных ценных целей и во благо отдельных людей и всех наций.

Я благодарю мадам Лору Найт-Ядчик и профессора Аркадиуша Ядчика, а также их друзей за сердечную поддержку, понимание и усилия, благодаря которым моя старая работа всё-таки будет опубликована.

Анджей Лобачевский
Жешув, Польша, декабрь 2005 г.

Предисловие автора

Прежде всего, я хотел бы извиниться перед уважаемыми читателями за недостатки данной книги, ставшие результатом необычных обстоятельств. Я работал над ней в основном рано утром перед моим отправлением на тяжёлую работу, которую мне приходилось делать для заработка на жизнь. Я с готовностью признаю, что эти пробелы должны быть заполнены, сколько бы времени на это ни потребовалось, потому что факты, на которых основывается данная книга, крайне необходимы. Хотя и не по вине автора, эти данные пришли слишком поздно.

Читатель вправе получить объяснение длинной истории и обстоятельств, в которых возникла эта работа, а не только её содержание. Лежащая перед вами книга является на самом деле уже третьим манускриптом, написанной мною на эту тему. Первую рукопись мне пришлось сжечь в печи центрального отопления, когда меня в последний момент предупредили об официальном обыске, который действительно состоялся минуты спустя. Второй манускрипт я отослал церковному сановнику из Ватикана. Я передал его через одного американского туриста, но с момента передачи мне совершенно не удалось получить какой-либо информации о судьбе пакета.

Эта долгая история развития предмета сделала работу над третьим манускриптом ещё более трудоёмкой. Сформулированные параграфы и уже продуманные фразы из утерянных рукописей крутились у меня в голове, что дополнительно затрудняло планирование содержания.

Два первых черновика этой книги были написаны на очень замысловатом языке, чтобы специалисты с необходимым уровнем подготовки — особенно в области психопатологии — могли бы получить от неё пользу. Невосполнимая утеря второго черновика также означала потерю подавляющего большинства статистических данных и фактов, которые были бы настолько ценны и убедительны для специалистов в этой области. Анализ нескольких индивидуальных случаев был также утерян.

Настоящая версия содержит только те статистические данные, которые запомнились мне благодаря частому использованию или смогли быть восстановлены с удовлетворительной точностью. Я также добавил доступные данные из области психопатологии, которые я посчитал крайне необходимыми для понимания предмета читателями с хорошим общим образованием и особенно представителями социальных и политических наук, а также политиками. Я также лелею надежду, что эта работа сможет достичь более широкой аудитории и сделать доступными некоторые полезные научные данные, которые, возможно, лягут в основу понимания современного мира и его истории. Эта книга также сможет облегчить читателям понимание себя, своих близких, а также других наций.

Кому принадлежат знания, изложенные на страницах этой книги? Кто провёл необходимую работу? Это были совместные старания, состоявшие не только из моих усилий, но и из результатов работы многих исследователей, с некоторыми из которых я не был знаком лично. Зарождение этой книги, обусловленное тогдашней ситуацией, делает практически невозможным разделение проделанной работы и выражение личной благодарности каждому, кто внёс в неё свой вклад.

Я много лет работал в Польше вдали от активных политических и культурных центров. Именно там я осуществил ряд детальных тестов и наблюдений, которые позднее были объединены с выводами других экспериментаторов для выработки общего введения в понимание окружающего нас макросоциального феномена. Имя человека, который, как ожидалось, должен был произвести заключительное обобщение, держалось в тайне, что было понятным и необходимым, учитывая то время и ситуацию. Лишь иногда я получал анонимные резюме результатов исследований, проделанных другими исследователями из Польши и Венгрии. Опубликована была лишь небольшая часть этих данных, чтобы не вызвать никаких подозрений о подготавливаемой специализированной работе. Эта данные доступны и сегодня.

Ожидаемого обобщения этой работы не произошло. В результате постсталинистской волны репрессий и тайных арестов исследователей в начале шестидесятых годов я потерял все свои контакты. Научные данные, оставшиеся в моем распоряжении, были очень неполными, хотя и бесценными по своей значимости. Мне потребовались многие годы работы в одиноч-

ку, чтобы объединить эти фрагменты в единое целое и заполнить пробелы моим собственным опытом и исследованиями.

Мои исследования на тему первичной психопатии и её исключительной роли в макросоциальных феноменах проводились одновременно или вскоре после исследований моих коллег. Их результаты я получил позже, и они подтвердили мои собственные заключения. Наиболее отличительный пункт моей работы — это общая концепция новой научной дисциплины, которую я назвал «понерологией». Читатель также найдёт и другие фрагменты информации, основанные на моих исследованиях. В меру моих способностей я также провёл общий синтез имеющейся информации.

Как автор заключительной работы я хотел бы выразить моё глубокое уважение ко всем тем, кто начал эти исследования и продолжал их проводить, рискуя своей карьерой, здоровьем и жизнью. Я воздаю должное тем, кто заплатил за это своими страданиями или смертью. Пусть эта работа станет некоторой компенсацией за принесённые ими жертвы, независимо от того, где они могут находиться сегодня. Во времена, более благоприятные для понимания этого материала, пусть будут вспоминать их имена — как те, которые я никогда не знал, так и те, которые я уже позабыл.

Анджей Лобачевский
Нью-Йорк, август 1984 г.

1 Введение

Представьте себе огромную аудиторию в старом готическом университете. Многие из нас часто собирались там в начале нашей учёбы, чтобы послушать лекции выдающихся философов и учёных. За год до окончания учёбы нас собрали там снова (под угрозой исключения из университета) для прослушивания идеологических лекций, недавно включённых в учебную программу.

За кафедрой появился докладчик, которого почти никто не знал. Он сказал, что будет нашим новым профессором. Его речь была беглой, однако не имела научного характера: он был не в состоянии различать научные и заурядные концепции и трактовал сомнительные идеи так, как будто они были неоспоримыми мудростями. Каждую неделю в течение 90 минут он бомбардировал нас наивными, дерзкими паралогизмами и патологическим взглядом на человеческую реальность. К нам относились с презрением и плохо скрываемой ненавистью. Шутки над профессором могли иметь для нас далеко идущие последствия, поэтому мы были вынуждены слушать его внимательно и серьёзно.

На «кухне слухов» вскоре узнали о происхождении этого «профессора». Он был родом из пригорода Кракова; там же он учился в местной гимназии, хотя никто не знал, закончил ли он её. Как бы то ни было, это было его первое посещение университета — и при этом в роли профессора!

«Так они никого не смогут убедить!», — шептали мы друг другу. «Это пропаганда, раскрывающая саму себя». Это была настоящая пытка для разума, и прошло много времени, прежде чем мы нарушили молчание.

Мы начали наблюдать друг за другом, так как чувствовали, что нечто странное захватило наш разум, и что-то ценное безвозвратно угасало в нас. Казалось, что холодный туман обволакивал нашу психологическую реальность и моральные ценности. Наши человеческие чувства и студенческая солидарность, а также патриотизм и устоявшиеся ценности потеряли своё значение. Мы начали спрашивать друг у друга: «Ты также переживаешь

это?» Каждый из нас испытывал беспокойство о своей собственной личности и о своём будущем. Некоторые оставляли этот вопрос без ответа. Глубина этих переживаний оказалась различной для каждого из нас.

Поэтому мы стали задаваться вопросом, как защитить себя от результатов этой «индоктринации». Тереза Д. первой предложила провести выходные в горах. Это сработало. Приятная компания, юмор, усталость с последовавшим глубоким сном — и наша человеческая личность была восстановлена, хотя некий осадок всё-таки остался. Со временем у нас также развился своего рода психологический иммунитет, хотя и не у каждого. Анализ психопатических черт личности «профессора» оказался ещё одним отличным способом поддержания собственной психологической гигиены.

Вам, возможно, не составит труда представить себе нашу озабоченность, разочарование и удивление, когда наши сокурсники внезапно начали менять своё мировоззрение; их образ мышления всё больше напоминал нам болтовню «профессора». Их ещё недавно дружеское поведение становилось всё более прохладным, хотя пока ещё не враждебным. Доброжелательные или критические аргументы оставляли их невозмутимыми. Они создавали впечатление, будто обладают неким тайным знанием; для них мы были всего лишь бывшими друзьями, всё ещё верившими в учения «профессоров старой школы». Нам приходилось быть осторожными в том, что мы им рассказывали. Эти бывшие друзья вскоре вступили в Партию.

Кем они были? Из каких социальных слоёв они происходили? К какому типу студентов и людей они принадлежали? Как и почему они претерпели такие изменения менее чем за один год? И почему ни я, ни большинство моих знакомых сокурсников не поддались этому феномену и процессу? Много подобных вопросов занимали нас в то время. Именно тогда — благодаря этим вопросам, наблюдениям и жизненным позициям — родилась идея о том, что этот феномен может быть объективно изучен и понят; идея, глубокий смысл которой выкристаллизовался лишь со временем.

Многие из нас, недавно дипломированных психологов, принимали участие в первых наблюдениях и размышлениях, однако большинство — ввиду материальных или академических проблем — со временем оставили этот проект. Из той группы остались лишь немногие, поэтому автор этой книги, возможно, является «последним из Могикан».

Было относительно легко определить окружение и происхождение людей, повергшихся этому процессу, который я назвал «трансперсонификацией». Они происходили из всевозможных социальных групп, в том числе из аристократических и глубоко религиозных семей. Они вызвали примерно у 6% из нас нарушение студенческой солидарности. Оставшееся большинство сокурсников переживало различные степени дезинтеграции личности, что побудило их начать поиск ценностей, чтобы вновь обрести себя; результаты этого поиска были разнообразными и порой созидательными.

Уже тогда у нас не оставалось никаких сомнений касательно патологической природы этого процесса «трансперсонификации», протекавшего во всех случаях схожим (но никогда идентичным) образом. Продолжительность этого феномена также варьировалась. Некоторые из этих людей превратились в дальнейшем в фанатиков. Другие распознали свою тогдашнюю ситуацию благодаря сложившимся позднее обстоятельствам, отказались от своих взглядов и восстановили свои утраченные связи с обществом нормальных людей. Этих людей заменили. *Единственной постоянной в новой социальной системе было магическое число 6%.*

Мы попытались выяснить степень одарённости тех студентов, которые подверглись этому процессу «трансперсонификации», и пришли к выводу, что она была ниже среднего. Их более слабое сопротивление [индоктринации] очевидно объяснялось их биопсихологическими характеристиками, которые с высокой вероятностью были качественно гетерогенными.

Я пришёл к выводу, что также должен изучать темы, смежные с психологией и психопатологией, чтобы ответить на вопросы, возникшие в результате наших наблюдений. В то же время я предстал перед фактом, что некто, видимо руководствовавшийся специальными знаниями, удалил весь материал на эту тему из нашей библиотеки; книги всё ещё находились в каталоге, но отсутствовали физически.

Анализируя по прошествии времени эти события, я могу теперь сказать, что этот «профессор», используя свои специальные знания человеческой психологии, пытался словить нас на приманку. Он знал заблаговременно, что сможет «выудить» податливых индивидуумов, и даже знал, как это сделать. Тем не менее низкое количество тех, кто попался на его крючок, приводило его в разочарование. Процесс трансперсонификации работает в целом лишь тогда, когда личностный инстинктивный субстрат проявля-

ет слабость или определённую недостаточность. В меньшей степени этот процесс наблюдался и среди тех, кто проявлял другие виды недостаточности, причём вызванное им состояние было лишь временным и нестойким, будучи по большей мере результатом психопатологической индукции.

Это знание о существовании восприимчивых индивидуумов и о методах их обработки продолжит быть инструментом завоевания мира, пока останется секретом таких «профессоров». Если удастся ловко превратить это знание в популярную науку, это поможет странам развить свой иммунитет. Но никто из нас не догадывался об этом в то время.

Как бы то ни было, мы должны признать, что этот профессор своей демонстрацией характеристик этого процесса, заставив нас испытать этот глубокий опыт, помог нам понять природу этого феномена в более широком контексте, чем это удалось многим другим научным исследователям, участие которых в этой работе было более опосредованным.

В мои юношеские годы я прочитал книгу об одном естествоиспытателе, путешествовавшим через дебри Амазонки. В книге описывался момент, когда на него упало с дерева маленькое животное, которое, болезненно вцепившись в его кожу, начало сосать его кровь. Биолог осторожно снял его с себя — без всякой злобы, ведь это была его естественная форма питания — и начал внимательно его изучать. Это история упорно вспоминалась мне снова и снова в те трудные времена, когда «вампир» упал на наши «шеи» и начал высасывать «кровь» нашей несчастной страны.

Сохранять во что бы то ни стало позицию натуралиста в моих попытках проследить природу этого макросоциального феномена позволило мне придерживаться определённой дистанции и соблюдать психологическую гигиену перед лицом того ужаса, который иначе было бы сложнее понять. Такой подход также немного увеличивает чувство безопасности и даёт понять, что с его помощью могут быть найдены созидательные решения. Это требует строгого контроля естественных нравоучительных рефлексов отвращения и прочих тягостных эмоций, вызываемых этим феноменом у каждого нормального человека, когда он лишает его радости жизни и личной безопасности, разрушая его будущее, а также будущее его страны. Научное любопытство становится преданным союзником в такие времена.

Я надеюсь, что читатель простит мне рассказ следующего воспоминания

из моей юности, которое, однако, непосредственно введёт нас к рассматриваемой теме. Мой дядя, очень одинокий человек, регулярно приходил к нам в гости. Октябрьскую революцию он пережил в сердце России, куда был сослан царской полицией. Больше года длились его странствия из Сибири в Польшу. Каждый раз, когда он встречал на своём пути вооружённую группу, он пытался выяснить, какую идеологию они представляли — белую или красную, чтобы потом ловко притвориться её сторонником. Если бы эта хитрость не имела успеха, то ему выстрелили бы в голову как подозрительному симпатизанту врага. Самым безопасным было носить с собой оружие и быть частью группы. Таким образом он странствовал и воевал на стороне той или другой группы, пока не находил возможность дезертировать в западном направлении — в направлении его родной страны Польши, лишь недавно вновь обретшей свою независимость.

Достигнув, наконец, своей горячо любимой отчизны, он смог возобновить давно прерванное юридическое образование, стал уважаемым человеком и занял ответственную должность. Однако *он так никогда и не смог освободиться от своих кошмарных воспоминаний*. Женщины пугались его историй давних плохих времён и не хотели давать жизнь детям в условиях неопределённого будущего. Таким образом, он так никогда и не основал семью. Возможно, что он также был неспособен создать прочные отношения с любимыми людьми.

Рассказывая свои истории детям из моей семьи, мой дядя вновь переживал своё прошлое: то, что он видел, пережил, и в чём он участвовал. Наша ещё не сформированная сила воображения испытывала трудности примириться с тем, что он рассказывал. Кошмарный ужас пробирал нас до костей. Мы спрашивали себя: почему все эти люди потеряли свою человечность? Чем это объяснялось? Некое дурное предчувствие пробиралось в наши молодые умы; ему, к сожалению, было суждено сбыться в будущем.

Если создать библиотеку из всех книг, описывающих ужас войн, зверства революций, кровавые деяния политических деятелей и их систем, многие читатели откажутся её посещать. Античные труды стояли бы на одной полке с историками и журналистами современности. Документальные свидетельства о немецких лагерях смерти и концлагерях, а также о геноциде еврейской нации приводят статистические данные и описывают хорошо

организованную «работу» по уничтожению человеческих жизней. Используя правильный, спокойный язык, они предоставляют конкретную основу для признания природы зла.

Автобиография Рудольфа Гесса, коменданта концлагерей Освенцим и Биркенау — это классический пример того, как думает и что чувствует интеллигентный психопат с дефицитом человеческих эмоций.

Подобная библиотека содержала бы в первую очередь книги, написанные свидетелями этого криминального безумия, такие как *Слепящая тьма* Артура Кёстлера, в которой описывается жизнь в России перед Второй мировой войной; *Дым над Биркенау* — личные мемуары Северины Шмаглевской о немецком концлагере для женщин в Освенциме; *Иной мир* — мемуары Густава Херлинг-Грудзинского о советском периоде, в которых он описывает пережитое в концлагере; и не в последнюю очередь книги Александра Солженицына, полные человеческих страданий.

Эта библиотека также содержала бы труды на тему истории философии, рассматривающие социальные и моральные аспекты возникновения зла. В этих трудах также использовались бы полумистические законы истории, чтобы, по меньшей мере частично,оправдать кровавые результаты. Тем не менее внимательный читатель смог бы обнаружить в известной мере эволюцию взглядов этих авторов: от принятия примитивного порабощения в древности и истребления завоёванных народов до сегодняшнего нравоучительного порицания подобного образа действий.

Как бы то ни было, этой библиотеке всё ещё недоставало бы одной работы — работы, предлагающей исчерпывающее объяснение причин и процессов, лежащих в истоках таких исторических драм, и дающей ответы на вопросы, как и почему человеческие слабости и амбиции перерастают в кровожадное сумасшествие. Прочитав данную книгу, читатель осознает, почему её написание до недавнего времени было невозможным с научной точки зрения.

Старые вопросы остались бы без ответа: почему это могло произойти? Неужели каждый из нас содержит в себе семя преступления, или же оно лишь в некоторых из нас? Не важно, насколько добросовестно и психологически корректно подходить к этой теме — никакое литературное изложение событий, описанных в вышеупомянутых книгах, не способно ни ответить на эти вопросы, ни полностью объяснить происхождение зла. По

этой причине ни одна из этих книг неспособна предложить эффективные принципы противодействия злу. Наилучшее литературное описание болезни не может помочь достичь понимания лежащей в её основе **причины**, и поэтому не предоставляет никаких методов лечения. Тем самым описания исторических трагедий неспособны выработать эффективные меры по противодействию возникновению, существованию или распространению зла.

Используя обыденный язык [1] для описания психологических, социальных и моральных концепций, которые нельзя объяснить с его помощью надлежащим образом, мы создаём своего рода заменяющее понимание, приводящее к изводящему подозрению беспомощности. Наша традиционная система концепций и представлений не оснащена необходимым фактическим содержанием, которое обеспечило бы разумное понимание качества факторов (в особенности психологических), действовавших до и в течение таких нечеловечески жестоких времён.

Тем не менее мы должны отметить, что авторы таких литературных описаний должны были чувствовать, что их языка было недостаточно для передачи их мыслей, и поэтому они пытались придавать своим словам надлежащую точность — как будто они предвидели, что некто в будущем воспользуется их трудами для объяснения необъяснимого. Если бы эти писатели не были настолько точными и изобразительными в своём литературном языке, то я бы не смог использовать их работы в моих научных исследованиях.

В целом большинство людей приходят в ужас от подобной литературы; особенно в гедонистических обществах люди имеют склонность бежать от реальности в мир невежества или наивных догм. Некоторые даже презирают страдающих людей. Поэтому влияние таких книг иногда может быть вредоносным. Нам необходимо противодействовать этому влиянию путём указания того, что этим авторам приходилось опускать, так как наш обыденный мир концепций и представлений просто не мог содержать этот ма-

[1] Обычные повседневные слова, имеющие различные значения; как правило, имеют благожелательный характер, однако зачастую не передают специфический, научный смысл. Далее автор проводит важное различие между прилагательными «обыденный» и «естественный», причём первое слово имеет скорее значение «субъективный», а второе — «объективный». [Прим. ред.]

териал.

По этой причине читатель не найдёт в этой книге никаких душераздирающих описаний криминального поведения или человеческих страданий. Наглядное описание совокупности страданий людей, видевших и переживших больше, чем я, и чей писательский талант превосходит мой, — это не моя задача. Это противоречило бы цели этой книги, так как это не только привлекло бы внимание читателя лишь к некоторым случаям ценой исключения многих других, но и отвлекло бы его внимание от самой сути дела, а именно от *общих законов происхождения зла*.

При прослеживании поведенческих механизмов возникновения зла необходимо держать под контролем как отвращение, так и страх, а также предаться увлечению эпистемологической наукой и развить невозмутимое мировоззрение, необходимое в естествознании. Мы никогда не должны терять из виду нашу цель — найти процессы понерогенеза, узнать, к чему они приводят, и какую опасность они представляют для нас в будущем.

Поэтому цель этой книги — взять читателя за руку и показать ему мир за пределами концепций и представлений, на которые он с самого детства чрезмерно эгоистично (вероятно потому, что его родители, окружение и общество его страны использовали сходные концепции) полагался для описания своего мира. Вслед за этим данная книга покажет ему адекватную выборку фактических концепций, давших рождение научным воззрениям и позволящих ему приобрести понимание того, что осталось иррациональным в его повседневной системе концепций.

Тем не менее это путешествие в другую реальность не будет психологическим экспериментом, проводящимся над умом читателя с единственной целью раскрыть слабые места и пробелы в его мировоззрении. Это скорее срочная необходимость в силу насущных проблем нашего сегодняшнего мира, которые мы можем игнорировать лишь на свой страх и риск.

Важно понять, что мы можем отличать друг от друга путь к ядерной катастрофе и путь к созидательной самоотверженности *лишь тогда*, когда выйдем за пределы этого мира естественного эготизма [2] и давно известных концепций. Лишь тогда мы можем прийти к пониманию, что этот путь

[2]Эготизм подробно описывается в главе 4 «Понерология» и означает чрезмерное или преувеличенное самомнение. [Прим. ред.]

был выбран для нас мощными силами, с которыми наша ностальгия по уютным, знакомым человеческим концепциям не идёт ни в какое сравнение. Мы должны выйти за пределы этого мира обыденного, иллюзорного мышления — ради себя и наших близких.

Социальные науки уже развили свой собственный стандартный язык, служащий посредником между взглядами обычных людей и полностью объективным натуралистическим пониманием. Он полезен учёным в части коммуникации и кооперации, однако всё ещё не имеет концептуальной структуры, необходимой для полного учёта биологических, психологических и патологических предпосылок, которые будут рассмотрены во второй и четвёртой главе данной книги. В социальных науках традиционная терминология *уничтожает критические стандарты* и «замораживает» этические нормы; в политических науках это приводит к недооценке факторов, описывающих сущность политических ситуаций, в основе которых лежит зло.

Этот язык социальных наук оставил меня — и других исследователей в нашей ранней фазе поисков загадочной природы этого нечеловеческого исторического феномена, охватившего нашу страну и всё ещё стреляющего во всех тех, кто пытается его объективно понять — в состоянии полной беспомощности и научного провала. В конечном итоге у меня не оставалось иного выбора, кроме как вернуться к объективной, биологической, психологической и психопатологической терминологии, чтобы выдвинуть в центр внимания истинную природу этого феномена — суть проблемы.

Изучение природы этого явления, а также потребности читателей — особенно тех, кто не знаком с психопатологией — обусловили описательный стиль этой книги, в которой сначала должны быть представлены факты и концепции, необходимые для дальнейшего понимания психологического и морально патологического материала. Поэтому мы начнём с вопросов человеческой личности, намеренно сформулированных таким образом, чтобы согласовываться с опытом практикующих психологов, после чего мы перейдём к вопросам социальной психологии. В четвёртой главе «Понерология» мы познакомимся с тем, как возникает зло в отношении каждого социального слоя, выделив подлинную роль некоторых психопатологических феноменов в процессе понерогенеза. Это облегчит нам переход от бытового к необходимому объективному языку естествознания,

психологии и статистики — в нужном и достаточном объёме. Надеюсь, что обсуждение этого материала в клинических понятиях не будет слишком утомительным для читателя.

Я считаю понерологию новой научной дисциплиной, рождённой из исторической необходимости и недавних открытий в медицине и психологии. В свете объективного естественнонаучного языка она изучает причинные компоненты и процессы возникновения зла независимо от его социального размаха. Вооружившись надлежащими знаниями, мы предпримем попытку проанализировать эти понерогенные процессы, в особенности в области психопатологии, являющейся причиной человеческой несправедливости. Читатель вскоре обнаружит, что в этой работе мы снова и снова будем сталкиваться со следствиями патологических факторов, чьими носителями являются люди, которым в некоторой степени присущи различные психические отклонения или дефекты.

По существу, моральное и психобиологическое зло связаны между собой посредством настолько большого количества причинных связей и взаимовлияний, что могут распознаваться лишь с помощью абстрагирования. Тем не менее способность различать их *качественно* может помочь нам избегать нравоучительной интерпретации патологических факторов — ошибка, к которой мы все имеем склонность, и которая коварным образом отравляет человеческий ум всякий раз, когда речь идёт о социальных и моральных вопросах.

Понерогенез *макросоциальных феноменов* — возникновение зла в крупном масштабе, — изучение которого является основной целью данной книги, как представляется, подчиняется тем же самым законам природы, действующим в рамках вопросов, возникающих у людей как на индивидуальном уровне, так и на уровне небольших групп. Роль индивидуумов с различными психологическими дефектами и аномалиями низкого уровня, по-видимому, является неизменной характеристикой таких феноменов. В макросоциальном явлении, которое мы будем в дальнейшем именовать «патократией», определённая наследуемая аномалия («первичная психопатия») действует как катализатор и является существенным причинным фактором возникновения и выживания социального зла в крупном масштабе.

Наше естественное человеческое мировоззрение фактически препятству-

ет нашему пониманию подобных вопросов. Таким образом, для преодоления этого барьера необходимо быть хорошо знакомым с психопатологическими феноменами, рассматриваемыми в данной книге. Я надеюсь, что читатель простит мне эпизодические пробелы на этом новаторском пути и будет бесстрашно следовать моей линии рассуждений, систематически ознакамливаясь с фактами первых глав данной книги. Таким образом мы сможем принять истину о природе зла без непроизвольных протестов со стороны нашего естественного эготизма.

Для специалистов, уже знакомых с психопатологией, это путешествие будет не таким уж необычным. Тем не менее они обнаружат некоторые различия в интерпретации нескольких хорошо известных феноменов, возникших частично по причине аномальных обстоятельств, при которых проводилось это исследование, но в большей мере благодаря *более интенсивному проникновению* в суть этой проблемы, необходимому для достижения основной цели. Именно поэтому этот аспект нашей работы содержит определённую теоретическую ценность для психопатологии. Я надеюсь, что неспециалисты положатся на многолетний опыт автора в распознавании индивидуальных психических аномалий, встречающихся у людей и играющих роль в возникновении зла.

Следует отметить, что понимание понерогенных процессов может дать значительные моральные, интеллектуальные и практические преимущества — благодаря необходимой для этого натуралистической объективности. Долгая история этических вопросов остаётся при этом нетронутой; как раз напротив, она *подкрепляется*, так как современные научные методы подтверждают базовые ценности морали. Тем не менее понерология заставляет делать некоторые поправки во многих деталях.

Понимание природы макросоциальных патологических феноменов позволяет нам занять по отношению к ним здоровую позицию и рассматривать их под правильным ракурсом, тем самым помогая нам защищать наш разум от отравления их болезненным содержанием и влияния их пропаганды. Непрекращающаяся контрпропаганда, к которой прибегают некоторые страны со здоровой человеческой системой, может быть легко заменена доходчивой информацией научного и научно-популярного характера на эту тему. Суть в том, что мы сможем побороть этот гигантский, заразный социальный рак лишь тогда, когда осознаем его сущность и причины.

Это снимет покров тайны — как основной причины, обеспечивающей его выживание — с этого феномена. «Ignoti nulla curatio morbi»![3]

Такое понимание природы этого явления, раскрываемое в данной книге, приводит к логическому выводу о том, что методы лечения и реорганизации сегодняшнего мира должны совершенно отличаться от использовавшихся до сих пор решений по улаживанию международных конфликтов. Решения подобных конфликтов должны работать скорее как современные антибиотики или даже лучше — как правильно применённая психотерапия, а не использовать такое старомодное оружие, как дубинки, мечи, танки или ядерные ракеты. Целью должно быть лечение социальных проблем, а не разрушение общества. Здесь уместна аналогия с архаическими лечебными методами пускания крови — в противовес современным методам оздоровления и укрепления больных.

Что касается феноменов понерогенного характера, одно лишь правильное знание может запустить процесс выздоровления отдельных людей и помочь их разуму вновь обрести гармонию. В конце книги мы обсудим как применять это знание таким образом, чтобы достичь правильных политических решений и начать процесс терапии в масштабе всего мира.

[3]Нельзя лечить неопознанную болезнь.

2 Несколько неотъемлемых концепций

В процессе формирования нашей европейской цивилизации сошлись три принципиально разнородных концепции: греческая философия, римско-имперская и законодательная культура, а также христианство, консолидированное временем и усилиями многих поколений. Таким образом, возникшая из этого культура нашего когнитивного/духовного наследия была в своей сущности расплывчатой каждый раз, когда язык концепций, будучи чрезмерно привязанным к материи и законам, оказывался слишком негибким для объяснения аспектов психологической и духовной жизни.

Такое положение дел имело негативные последствия для нашей способности понимать реальность, в особенности реальность, касающуюся человечества и общества. Вследствие этого европейцы потеряли интерес к изучению реальности (подчинив факты интеллекту) и вскоре стали проявлять тенденцию навязывать природе свой субъективный идеализированный образ мышления, являвшийся чуждым и не до конца последовательным. Лишь в наше время — благодаря крупным достижениям в областях науки, изучающих факты путём познания присущей им природы, а также благодаря толкованию философского наследства других культур — мы можем лучше объяснить наш мир концепций и сделать их более однородными.

Вызывает удивление то, какую роль играло автономное племя в Древней Греции. Даже в то время цивилизациям было практически невозможно развиваться в изоляции, в частности не попадая под влияние более древних культур. Тем не менее даже в этом ракурсе кажется, что Греция была в культурном отношении относительно изолированной. Возможно, это связано с эрой упадка, именуемой археологами «Тёмными веками», господствовавшей в средиземноморском регионе между 1200 и 800 гг. до н. э. и объясняющейся воинственностью архейских племён.

Господствовавшее в Древней Греции богатое мифологическое воображение, развившееся благодаря прямому контакту с природой, а также бла-

годаря жизненному и военному опыту, отображало эту связь с характерными особенностями страны и её населения. В таких условиях родилась литературная традиция, а позже и философские размышления, искавшие общие принципы, ключевое содержание и критерии ценностей. Наследие древних греков вызывает глубокий интерес благодаря его богатству и индивидуальности, но прежде всего по причине его первозданного характера. Тем не менее оно принесло бы нашей цивилизации бо́льшую пользу, если бы греки в достаточной мере использовали достижения других цивилизаций.

Римляне были слишком энергичными и практичными, чтобы глубоко размышлять над идеями греков. В этой имперской цивилизации административные потребности и юридические подвижки формировали практические приоритеты. Для римлян роль философии носила скорее дидактический характер; она была полезной для развития мыслительных процессов, необходимых для облегчения административных функций и принятия политических решений. Влияние греческой культуры на римлян смягчило их нравы, что оказало благотворный эффект на развитие Римской империи.

Тем не менее в *любой* имперской цивилизации сложные проблемы человеческой природы являются затруднительными факторами, осложняющими правовое регулирование общественных дел и административных функций. Это вызывает склонность отвергать подобные вопросы и развивать концепцию человеческой личности, достаточно упрощённую для соответствия требованиям закона. Римские граждане могли достигать своих целей и развивать личные предпочтения в пределах структуры, установленной их судьбой и правовыми принципами. Тем самым ситуация каждого индивидуума формировалась способом, имевшим мало общего с его действительными психологическими качествами. Духовная жизнь людей, не имевших гражданских прав, не была предметом глубоких размышлений. Таким образом, когнитивная психология оставалась неразвитой — состояние, всегда вызывающее моральное падение как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Христианство имело более тесные связи с древними культурами Азии, в том числе по части философских и психологических идей. Это был, конечно же, динамический (хотя и не самый важный) фактор, делавший хри-

стианство более привлекательным в сравнении с другими мировоззрениями. Наблюдение и понимание очевидных трансформаций человеческой личности, вызывавшихся верой, создало в ранних христианах психологическую школу мысли и искусства. Это новое отношение к другому человеку, то есть к своему ближнему, характеризовавшееся пониманием, прощением и любовью, открыло путь для психологического познания, которое, как часто наблюдается в харизматических феноменах, было чрезвычайно плодотворным в первые три столетия нашей эры.

Современник того периода, возможно, ожидал, что христианство поможет развить искусство человеческого понимания в большей мере, чем более древние культуры и религии. Возможно, он также надеялся, что это знание защитит будущие поколения от опасностей спекулятивных мыслей, так сильно оторванных от той глубокой психологической реальности, которую можно понять лишь посредством искреннего уважения к другому человеку.

История, однако, не оправдала это ожидание. Симптомы упадка сострадательности и психологического понимания, а также тенденция Римской империи навязывать своим подданным внешние шаблоны могут наблюдаться уже в 350 г. н. э. Со временем христианство прошло через все те трудности, которые возникли в результате недостаточного познания действительности. Исчерпывающие исследования исторических причин угнетения развития человеческого познания в нашей цивилизации были бы в этом контексте чрезвычайно плодотворным проектом.

Сначала христианство приспособило для своих целей философское и языковое наследие греков. Это позволило ему развить свою собственную философию, однако первородные и материалистические черты этого нового языка повлекли за собой определённые ограничения, затруднявшие коммуникацию между христианством и другими религиями в течение многих столетий.

Слово Христа распространилось вдоль побережья и оживлённых транспортных путей Римской империи среди её населения, но лишь ценой кровавых преследований и в конечном итоге компромиссов с властью и законом. В конечном счёте Рим разрешил эту проблему, заимствовав христианство и приспособив его к своим целям. В результате христианская церковь переняла римские организационные формы и приспособилась к

существовавшим социальным институтам. Вследствие этого неизбежного процесса адаптации христианство унаследовало особенности римского правового мышления, в том числе и его равнодушие к человеческой природе во всём её разнообразии.

Таким образом, две разнородные системы стали настолько прочно связаны друг с другом, что со временем было забыто, насколько чуждыми друг другу они были в прошлом. Время и сделанные уступки, однако, не устранили внутренние противоречия. Римское влияние лишило христианство некоторых глубоких, древнейших знаний о психологии человека. Различные христианские группы развивались в разнообразных культурных условиях и создали настолько непохожие друг на друга формы христианства, что сохранение единства стало исторически невозможным.

Возникшая из этого «западная цивилизация» испытывала тем самым серьёзный дефицит в области, играющей важную созидательную роль в защите населения от различных форм зла. Эта цивилизация развила правовые нормы в области государственного, гражданского и церковного права, которые предназначались для *выдуманных и упрощённых людей*. Эти нормы быстро расправились со знаниями о человеческой личности и крупными психологическими различиями между представителями вида *Homo sapiens*. На протяжении многих столетий любое понимание определённых психологических аномалий, присутствовавших в некоторых индивидуумах, было вне обсуждения, хотя именно эти аномалии неоднократно были причинами катастроф.

Эта цивилизация была *недостаточно резистентной ко злу*, берущим своё начало за пределами легко доступной человеческой понятливости и использующим в своих интересах огромный пробел между формальной или правовой совокупностью идей и психологической реальностью. В цивилизации, испытывающей недостаток в психологическом познании, сверхактивные индивидуумы, движимые своими внутренними сомнениями, вызванными чувством собственной особенности, легко найдут отголосок этого в недостаточно развитом сознании других людей. Такие люди мечтают о том, чтобы навязать свою власть и инородность своему окружению и обществу. К сожалению, в психологически невежественном обществе их мечты имеют хороший шанс стать для них реальностью, а для всех других — кошмаром.

2.1. Психология

В 1870-х годах произошло нечто необычное: поиск скрытой правды о человеческой природе был инициирован как светское движение, основанное на биологическом и медицинском прогрессе (то есть познание инициаторов этого движения брало своё начало в материальной сфере). С самого начала многие исследователи представляли себе, что эта наука сыграет важную роль в установлении мира и порядка в будущем. Но так как она ссылалась на прежние духовные знания, любое подобное приближение к человеческой личности неизбежно носило односторонний характер. Юнг и другие, вскоре заметили эту однобокость и попытались провести обобщение. Павлову, однако, не было позволено опубликовать свои взгляды.

Психология — это единственная наука, в которой наблюдатель и предмет наблюдения принадлежат к одному и тому же виду и даже могут быть совмещены в одном человеке, когда он проводит самоанализ. Поэтому вполне возможно, что в логический процесс, используемый думающим человеком в контексте представлений и индивидуального поведения, может пробраться субъективная ошибка. Такая ошибка часто погрязает в порочном кругу, кусая собственный хвост, порождая тем самым проблемы из-за отсутствия дистанции между наблюдателем и предметом наблюдения — трудность, неизвестная другим научным дисциплинам.

Некоторые учёные, как, например, бихевиористы, пытались избегать этой ошибки любой ценой. При этом они сократили объём когнитивной информации настолько, что в ней осталось лишь совсем немного сути. Этим они, однако, создали очень полезный образ мышления. Успехи часто достигались людьми, которые, с одной стороны, были движимы внутренним страхом, а с другой — искали метод упорядочивания своих личностных качеств посредством познания и самопознания. Когда причиной этих страхов было неполноценное воспитание, их преодоление приводило к удивительным открытиям. Но когда причина этих страхов лежала *в человеческой природе*, это имело результатом продолжительную тенденцию к деформированию понимания психологических феноменов. К сожалению, в подобной научной дисциплине прогресс сильно обусловлен индивидуальными личностными ценностями и природой её представителей. Также он зависит от социального климата. Повсюду, где общество порабощается

или подчиняется законам сверхпривилегированного класса, психология как наука первой подвергается цензуре и нападкам административных органов, начинающих оставлять за собой последнее слово в определении того, что является научной истиной, а что нет.

Благодаря работе выдающихся первопроходцев эта научная дисциплина существует по сей день, продолжая развиваться несмотря на все трудности — на пользу общественной жизни. Многие исследователи заполняют новыми фактами пробелы в этой науке, что выполняет функцию корректировки субъективности и неясности знаменитых пионеров. Детские болезни любой новой дисциплины продолжают своё существование; к их числу можно отнести недостаток общего порядка и синтеза, а также тенденцию разделяться на отдельные школы, разъясняющие определённые теоретические и практические достижения ценой самоограничения в других областях.

Но вместе с тем делаются новые открытия практического характера, которые могут использоваться во благо людей, нуждающихся в помощи. Непосредственные наблюдения в повседневной работе терапевтов способствуют в большей мере формированию научного понимания и развитию современного языка психологии, чем какие-либо академические эксперименты или размышления в лабораториях. В конце концов, сама жизнь предоставляет разнообразные условия — комфортные или трагические, — подвергающие нас испытаниям, которые никакой учёный не смог бы провести в своей лаборатории. Данная книга существует лишь благодаря этим исследованиям, собственному жизненному опыту и бесчеловечным экспериментам над целыми странами.

Опыт учит ум психолога тому, как быстро и эффективно анализировать жизнь другого человека, как выявлять причины, повлиявшие на определённое развитие его личности и поведения. Тем самым наш разум также способен реконструировать факторы, оказавшие на него влияние в прошлом, *оставаясь самим в полном неведении о них*. При этом мы, как правило, не используем обыденную структуру концепций, на которую общественное мнение и многие индивидуумы часто ссылаются как на «здравый смысл». Напротив, мы используем категории настолько объективные, как это только возможно. Психологи употребляют концептуальный язык, который содержит описания феноменов, существующих независимо от все-

общих представлений. Для практической работы это незаменимый инструмент. Тем не менее на практике этот язык обычно превращается в клинический диалект, прекращая быть тем исключительным научным языком, достойным нашего поощрения. Здесь можно привести аналогию между этим концептуальным языком психологии и математическими символами. Одна единственная буква греческого алфавита зачастую заменяет собой многие страницы математических операций, что мгновенно распознаётся математиком.

2.2. Объективный язык

В категориях психологической объективности познание и мышление основываются на тех же логических и методологических принципах, которые зарекомендовали себя как наилучший инструмент во многих других областях естествознания. Исключения из этих правил стали традицией для нас и других подобных нам людей, но, как оказалось, сумма ошибок, порождаемых подобными исключениями, перевешивает их практическую ценность. Вместе с тем строгое соблюдение этих принципов и отказ от дополнительных научных ограничений раскрывают перед нами более широкие горизонты, позволяя нам получить некоторое представление о *сверхъестественной причинности*. Принятие существования таких феноменов внутри человеческой личности становится необходимостью, если мы хотим, чтобы наш язык психологических концепций сохранил свою объективную структуру.

Утверждая свою собственную личность, индивидуум склонен вытеснять из сознания всевозможные ассоциации, показывающие внешнее причинное формирование условных рефлексов касательно его мировоззрения и поведения. Молодые люди в особенности хотят верить в то, что свободно выбирают свои намерения и решения, хотя любой опытный психолог без особого труда может проследить причинно-следственные связи, лежащие в их основе. Многие из этих причинных связей погребены в нашем детстве; хотя воспоминания о них могут размываться со временем, мы продолжаем носить с собой результаты нашего раннего опыта на протяжении всей нашей жизни.

Чем лучше наше понимание причинности человеческой личности, тем

сильнее становится впечатление, что человечество является частью природы и общества и подвержено зависимостям, которые мы понимаем всё лучше и лучше. Охваченные человеческой ностальгией, мы задаёмся вопросом, действительно ли не существует места для свободы, для «пуруши»[1]? С ростом нашего понимания человеческой причинности растёт и наша способность освобождать доверяющего нам человека от токсических эффектов обусловливания, неоправданно ограничивающего его свободу правильного понимания и принятия решений. Тем самым мы способны объединиться с нашими пациентами в поиске наилучшего решения их проблем. Если бы мы поддались искушению использовать для этого обыденную структуру психологических концепций, то наш совет пациенту ничем не отличался бы от множества других сухих рекомендаций, которые он уже неоднократно слышал с разных сторон, и которым так никогда и не удалось ему помочь в разрешении его проблем.

Обыденное, заурядное, психологическое, социальное и моральное мировоззрение — это продукт процесса развития людей внутри общества. Мировоззрение каждого индивидуума находится под постоянным влиянием его характерных черт. Среди этих индивидуальных особенностей присутствует филогенетически детерминированный инстинктивный субстрат, а также воспитание, предоставленное семьёй и окружением. Ни один человек не может развиваться без влияния других людей и их личностей или без ценностей, привитых ему цивилизацией, а также его моральными и религиозными традициями. По этой причине обыденное мировоззрение человека не может быть ни достаточно универсальным, ни абсолютно истинным. Различия между индивидуумами и нациями — это всего лишь результат как унаследованных предрасположенностей, так и онтогенеза[2] личностей.

Поэтому важным является то, что основные ценности человеческого мировоззрения показывают фундаментальные сходства, несмотря на крупные различия во времени, расе и цивилизации. Очевидно, что это мировоз-

[1] Происходит от санскритского корня *pri*: наполнять, завершать, даровать. Означает в буквальном смысле «человек». В эзотерической философии используется для описания «идеального человека»; вечное божественное «я», абсолютная реальность, чистое сознание. [Прим. ред.]

[2] История личностного развития индивидуума или организма (от оплодотворённой яйцеклетки до стадии зрелости). [Прим. ред.]

зрение обязано своим происхождением *природе нашего вида* и естественному опыту человеческих обществ, достигнувших определённого необходимого уровня цивилизации. Хотя особенности, основанные на литературных ценностях или философских и моральных размышлениях, показывают различия, в целом они имеют тенденцию сближать друг с другом естественные концептуальные языки различных цивилизаций и эпох. В связи с этим у людей с гуманитарным образованием может сложиться впечатление, что они достигли мудрости. Также нам следует продолжать уважать мудрость «здравого смысла», сформированного благодаря жизненному опыту и размышлениям о нём.

Тем не менее добросовестный психолог должен задавать следующие вопросы: даже если естественное мировоззрение было доработано, отражает ли оно действительность с достаточной точностью? Или оно отражает всего лишь *восприятие нашего вида*? В какой степени мы можем положиться на него как на основу принятия решений в индивидуальной, социальной и политической жизни?

Во-первых, опыт учит нас прежде всего тому, что это традиционное мировоззрение проявляет перманентные и характерные тенденции к искажениям, диктуемым нам нашими инстинктивными и эмоциональными качествами. Во-вторых, благодаря нашей работе мы узнаём о многих феноменах, которые невозможно ни понять, ни описать словами обыденного языка. Объективный научный язык, с помощью которого можно проанализировать сущность феномена, становится тем самым ключевым инструментом. Подобный язык оказался также в равной мере незаменимым для понимания вопросов, поднятых в данной книге.

Теперь, когда мы заложили основу, давайте попытаемся перечислить наиболее важные тенденции, искажающие реальность, и прочие недостатки обыденного человеческого мировоззрения.

Эмоциональные свойства, являющиеся естественным элементом человеческой личности, никогда полностью не совпадают с переживаемой реальностью. Это следствие как действия инстинкта, так и обычных ошибок в воспитании. Именно поэтому наилучшая традиция философской и религиозной мысли рекомендует нам преодолевать эти эмоции, чтобы получить доступ к более точной картине реальности.

Обыденное мировоззрение также характеризуется схожей эмоциональ-

ной тенденцией наделять наши мнения моральными суждениями. Это характерно для наклонностей, глубоко укоренённых в человеческой природе и социальных нормах. Мы легко можем экстраполировать этот метод понимания на проявления неподобающего человеческого поведения, которые фактически вызываются небольшими психологическими недостатками. Когда другой человек ведёт себя таким образом, который мы воспринимаем как «безнравственный», мы склонны его осуждать, вместо того чтобы попытаться понять психологические обстоятельства, возможно, повлиявшие на его поведение — этим мы фактически подтверждаем его корректность. Таким образом, любые нравоучительные интерпретации небольших психопатологических феноменов ошибочны и приводят к множеству плачевных последствий. Именно по этой причине мы будем неоднократно указывать на это.

Другой недостаток обыденного мировоззрения — это отсутствие в нём универсальности. В каждом обществе определённая процентная доля людей формирует мировоззрение, сильно отличающееся от мировоззрения большинства. Причины этих отклонений отнюдь не являются качественно монолитными; мы рассмотрим их подробнее в четвёртой главе.

Ещё одним недостатком обыденного мировоззрения является его ограниченная область применения. Евклидовой геометрии как таковой достаточно для технической реконструкции нашего мира, полётов на Луну и к ближайшим планетам. Нам же необходима геометрия, аксиомы которой менее обыденны, когда мы проникаем в центр атома или за пределы нашей Солнечной системы. Простой человек не сталкивается с феноменами, которые не могли бы быть объяснены с помощью евклидовой геометрии. Практически каждый рано или поздно сталкивается с проблемами, требующими разрешения. Но так как понимание факторов, лежащих в самой основе таких проблем, находится далеко за пределами его обыденного мировоззрения, он, как правило, полагается на свои эмоции — интуицию и стремление к счастью. Каждый раз, когда мы встречаем человека, чьё индивидуальное мировоззрение сформировалось под влиянием нетипичных условий, мы обычно морально осуждаем его с позиции более традиционных мировоззрений. Одним словом, каждый раз, когда начинает действовать некий неизвестный психопатологический фактор, обыденное человеческое мировоззрение перестаёт быть применимым.

Кроме того, мы часто встречаем благоразумных людей, наделённых хорошо развитым мировоззрением в отношении психологических, социальных и моральных аспектов. Их мировоззрение часто отшлифовывается посредством литературного влияния, религиозного образования и философских размышлений. Такие люди имеют выраженную склонность переоценивать ценности своего мировоззрения и ведут себя так, как будто имеют объективные основания для осуждения других людей. При этом они не учитывают тот факт, что подобная система понимания человеческих вопросов также может быть ошибочной ввиду своей недостаточной объективности. Давайте назовём такую позицию «эготизмом обыденного мировоззрения». До сих пор это был наименее пагубный тип эготизма, который в данном случае представляет собой лишь переоценку этого метода понимания вечных ценностей человеческого опыта.

Тем не менее сегодня нашему миру угрожает феномен, который невозможно понять или описать с помощью такого обыденного концептуального языка; подобный тип эготизма становится тем самым опасным фактором, удушающим на корню возможность применения объективных контрмер. Таким образом, развитие и популяризация объективного психологического мировоззрения могли бы значительно расширить сферу обращения со злом — посредством разумных действий и целенаправленных контрмер.

Объективный психологический язык, основанный на выверенных философских критериях, должен удовлетворять требованиям, полученным из их теоретических принципов, а также потребностям индивидуальной и макросоциальной практик. Он должен оцениваться целиком на основе *биологических реальностей* и представлять собой расширение аналогичного концептуального языка, сформированного более старыми естественными науками, в особенности медициной. Область его применения должна охватывать все факты и феномены познаваемых биологических факторов, для которых обыденный язык оказался недостаточным. В связи с этим он должен способствовать достаточному пониманию этой информации и различных причин, вызвавших возникновение вышеупомянутых девиантных мировоззрений.

Разработка такого концептуального языка, находясь далеко за пределами сферы действия любого учёного, представляет собой пошаговый про-

цесс. Благодаря вкладу многих исследователей он достигает такой стадии зрелости, когда может быть организован под философским надзором с учётом вышеупомянутых принципов. Такая задача могла бы сделать большой вклад в развитие всех биогуманитарных и социальных наук, освободив их от ограничений и ошибочных тенденций, наложенных на них чрезмерным влиянием обыденного языка психологических представлений, особенно в сочетании с раздутым эготизмом.

Большинство вопросов, затронутых в данной книге, находятся за пределами сферы применения обыденного языка. В пятой главе мы рассмотрим макросоциальный феномен, заставивший наш традиционный научный язык выглядеть совершенно обманчивым. Таким образом, понимание этих феноменов требует последовательного избавления от привычек этого образа мышления и использования как можно более объективной системы концепций. Для этой цели оказалось необходимым развивать и систематизировать эту тему, а также знакомить с ней читателей.

Наряду с этим, изучение феноменов, природа которых заставляет использовать такую объективную систему концепций, внесёт большой вклад в её обогащение и совершенствование.

Работая над этими вопросами и используя именно этот подход, я постепенно начал понимать реальность. Я развил образ мышления, который оказался не только наиболее подходящим, но и самым экономичным, с точки зрения времени и усилий. Этот образ мышления также защищает разум от его собственного естественного эготизма и любого вида чрезмерного эмоционализма.

В процессе вышеупомянутых исследований каждый участник этого проекта прошёл через свой собственный период кризиса и разочарований, когда осознал, что концепции, в которые он до сих пор верил, теперь оказались непригодными. На первый взгляд верные гипотезы, сформулированные научно подтверждённым обыденным языком концепций, оказались совершенно бесполезными перед лицом фактов и предварительных статистических расчётов. В то же время работа над концепциями, более подходящими для изучения реальности, стала весьма сложной, так как ключ к этим вопросам лежал в научной области, всё ещё находившейся в процессе развития.

Чтобы пережить тот период, от нас, практически как от философов, тре-

бовались принятие и уважение чувства незнания. Каждая новая научная дисциплина возникает в сферах, свободных от популярных представлений, которые необходимо преодолеть и оставить позади. Однако в данном случае этот процесс должен был быть проведён особо радикальным образом; нам приходилось осмеливаться на продвижение в каждую область, выявленную систематическим анализом фактов, которые мы наблюдали и испытывали на себе со всеми подробностями в полномасштабных условиях макросоциального зла; путь нам указывал лишь свет требований научной методологии. Мы должны были придерживаться этого руководящего принципа несмотря на все трудности, вызванные экстраординарными внешними, а также нашими личными обстоятельствами.

Лишь немногие из моих коллег, отправившихся с нами в это путешествие, смогли достичь цели, так как по различным причинам, связанным с этим периодом безысходности, им пришлось капитулировать. Некоторые из них фокусировали своё внимание лишь на одном вопросе; они поддались своего рода восхищению своей собственной научной ценностью и углубились в детали. Их достижения включены в данную книгу, потому что они поняли всеобъемлющий смысл своей работы. Другие же сдались, столкнувшись с научными проблемами, личными трудностями или страхом быть разоблачёнными властями, проявлявшими крайнюю настороженность в этих вопросах.

Внимательно читая данную книгу, читатель столкнётся со схожими проблемами, хотя и в значительно меньшем масштабе. По причине необходимости, заставившей меня отбросить значительную часть прежних концепций, у читателя может возникнуть чувство несправедливости и сложиться впечатление, что наше обыденное мировоззрение неприменимо к этим проблемам; возможно, это также усилит его эмоциональную вовлечённость. Поэтому я прошу моих читателей принять эти неприятные чувства в духе любви к познанию и его спасительных ценностей.

Вышеприведённые пояснения крайне важны для объяснения языка данной книги и более лёгкого понимания читателем её содержания. Я пытался подойти к этой теме таким образом, чтобы, с одной стороны, не было утрачена связь с миром объективных концепций, а с другой — чтобы эта работа не стала невразумительной для читателей вне узкого круга специалистов. По этой причине мы должны попросить читателя простить нам

наши промахи, сделанные в попытке лавирования между этими двумя методологиями. Как бы то ни было, автор этой книги не был бы опытным психологом, если бы не знал заранее, что некоторые читатели отвергнут научные факты, изложенные в данной работе, чувствуя, что они являются нападками на повседневную мудрость их жизненного опыта.

2.3. Человеческий индивидуум

Когда в начале 19-го века Огюст Конт[3] попытался основать социологию как новую научную дисциплину — то есть задолго до рождения современной психологии — он быстро столкнулся с проблемой человечества — загадкой, которую он не мог решить. Если бы он отверг упрощения католической церкви касательно человеческой природы, то для понимания человеческой природы не осталось бы ничего, кроме традиционных схем, возникших из хорошо известных социальных условий. По этой причине ему нужно было избегать этой проблемы, в числе прочих, если он намеревался создать в таких условиях новую научную дисциплину.

Вследствие этого он признал семью как основную ячейку общества, которую было намного легче характеризировать и рассматривать как элементарную модель социальных отношений. Этого также можно было достичь с помощью языка понятных концепций, не затрагивая при этом проблемы, разрешить которые в то время не представлялось возможным. Немного позже Джон Стюарт Милль[4] обозначил вытекающие из этого недостатки

[3]Огюст Конт (1798–1857). Родоначальник позитивизма. Основоположник социологии как самостоятельной науки (он также ввёл в обращение этот термин). Он развил свою систему позитивизма на основе исторических исследований человеческого разума. Сформулировал исторический закон «трёх стадий» истории наук. Эти стадии включали теологическую, метафизическую и положительную. От также создал универсальную иерархию все существующих наук, которые он разделил на органические и неорганические. Конт рассматривал «социальную физику», или социологию, как величайшую из них, как науку, которая могла бы объединить все существующие научные знания. [См. *Wikipedia*, Auguste Comte, Прим. ред.]

[4]Джон Стюарт Милль (1806–1873). Британский философ, социолог, экономист и политический деятель. Влиятельный либеральный мыслитель 19-го века. Он был сторонником утилитаризма, этической теории, систематизированной его крёстным отцом Джереми Бентаном. Во время своего депутатства в парламенте он ходатайствовал за ослабление налогового бремени на Ирландию и стал первым парламентарием,

психологического восприятия и роль индивидуума в этом процессе.

Социология только сейчас начала успешно справляться с этими трудностями, кропотливо укрепляя существующий фундамент науки с помощью достижений в психологии — науки, которая по своей природе рассматривает *индивидуума как основной объект наблюдения*. Это реструктурирование и признание объективного психологического языка со временем позволит социологии стать научной дисциплиной, способной отражать социальную реальность с достаточной объективностью и вниманием к деталям, создав тем самым основу для практического применения. Ведь, в конце концов, именно *человек является основным элементом общества*, включая весь комплекс его личности.

Для того чтобы понять функционирование организма, медики начинают с освоения цитологии, занимающейся изучением разнообразных структур и функций клеток. Если мы хотим понять законы, регулирующие социальную жизнь, мы должны аналогичным образом сначала понять индивидуальное человеческое существо, его физиологическую и психологическую природу, полностью признать качество и размах различий (особенно психологических) между представителями разного пола, различными семьями, сообществами и социальными группами, а также сложную структуру самого общества.

Советская система, основанная на пропаганде и индоктринации, содер-

---

потребовавшим предоставления женщинам избирательного права. В *Considerations on Representative Government* Милль призвал к различным парламентским и избирательным реформам. Милль аргументировал, что единственная роль правительства состоит в устранении границ и законов, направленных против людей. Для него было крайне важно, чтобы гласность не причиняла вреда, поэтому он поддерживал идею абсолютной свободы слова; лишь в тех случаях, когда она могла нанести прямой ущерб, Милль считал необходимым ограничить её. Например, провоцирование взбудораженной толпы нападать на других людей было бы неадекватным решением согласно системе Милля. Он считал свободную дискуссию существенным элементом прогресса. Он аргументировал, что мы никогда не можем быть уверены в том, подавленное мнение не содержит доли правды. Он продолжал свою искусную аргументацию, утверждая, что даже превратные мнения имеют свою ценность, заключающуюся в том, что опровергая их, сторонники верных мнений получают возможность подтвердить их вновь. Милль утверждал, что собственные убеждения, не будучи защищаемыми, со временем станут бесполезными и мы забудем, зачем мы их придерживались. [*Wikipedia*, John Stuart Mill, Прим. ред.]

жит в себе характерное неотъемлемое противоречие, причины которого станут понятными под конец данной книги. Происхождение человека из животного мира, лишённое всяческих экстраординарных событий, было принято в этой системе как очевидная основа материалистического мировоззрения. Но вместе с тем *скрывался тот факт, что человечество обладает инстинктивным даром* — подобно другим животным. Сторонники этого мировоззрения, сталкиваясь с наиболее щекотливыми вопросами, иногда признавали, что человек действительно содержит в себе незначительную часть этих филогенетических наследуемых признаков. Тем не менее они *препятствовали публикации любых работ, предметом которых был этот фундаментальный психологический феномен*.[5]

Чтобы понять человечество, *мы должны приобрести базовое понимание его инстинктивного субстрата и признать важность его роли в жизни отдельных людей* и обществ. Эта роль легко ускользает от нашего внимания, потому что инстинктивные реакции человеческого вида кажутся настолько самоочевидными и само собой разумеющимися, что кажутся недостойными внимания. Однако психолог, обученный наблюдать за людьми, не признаёт полностью роль этого вечного природного феномена, пока не пройдёт через годы профессионального опыта.

Инстинктивный субстрат человека в сравнении с животными имеет немного другую биологическую структуру. С точки зрения энергетических затрат, он стал менее динамичным, но вместо этого приобрёл пластичность. С этим он потерял свою функцию главного двигателя поведения. Он стал более восприимчивым к управлению посредством мышления, потеряв при этом лишь небольшую часть своего богатого специфического содержания человеческого рода.

Именно эта филогенетически развитая основа нашего опыта и её эмоциональный динамизм дают возможность человеческому индивидууму развивать свои чувства и социальные связи, позволяя ему интуитивно пости-

[5] См. «A Mess in Psychiatry». Интервью с Робертом ван Фореном, генеральным секретарём Женевской инициативы по психиатрии, опубликованное 9 апреля 1997 г. голландской газетой *De Volkskrant*, в котором он говорит: «Начиная с 1950 г. советская психиатрия не просто находилась в застое, но катилась под откос». Не изменилось абсолютно ничего. Ни один [российский] психиатр никогда не смог бы найти работу по своей профессии на Западе. У них приняты методы лечения, о которых у нас больше никто не говорит. « [Прим. ред.]

гать психологическое состояние другого человека, а также индивидуальную или социальную психологическую реальность. Именно благодаря этому мы способны воспринимать и понимать человеческие нравы и моральные ценности. С раннего детства этот субстрат стимулирует различные виды деятельности, нацеленные на развитие функций разума более высокого порядка. Другим словами, наш *инстинкт — это наш первый учитель*, которого мы несём в себе на протяжении всей жизни. Поэтому надлежащее воспитание не ограничивается лишь обучением молодого человека контролю над чрезмерно импульсивными реакциями его инстинктивной эмоциональности — оно также должно учить его ценить мудрость природы, содержащую в себе его инстинктивный дар и говорящую через него.

Этот субстрат содержит *миллионы лет биопсихологического развития*, являвшегося продуктом условий жизни человеческого вида, а значит это развитие не представляет собой совершенное творение и не может быть таковым. Тем самым наши хорошо известные человеческие слабости, а также ошибки естественного восприятия и понимания реальности подвергаются обусловливанию на филогенетическом уровне уже на протяжении тысячелетий.[6]

Общий субстрат психологии сделал возможным для людей на протяжении столетий и в период существования многих цивилизаций создавать концепции касательно человеческих, социальных и моральных вопросов,

[6]Конрад Лоренц: *Evolution and Modification of Behavior* (1965); *Агрессия (так называемое «зло»)* (1966); *Studies in Animal and Human Behavior*, том I (1970); *Studies in Animal and Human Behavior*, том II (1971); *Оборотная сторона зеркала* (1973); *The Natural Science of the Human Species: An Introduction to Comparative Behavioral Research - The Russian Manuscript (1944-1948)* (1995).

В 1938 г. Лоренц вступил в НСДАП и согласился на университетскую кафедру под нацистским режимом. Его тогдашние публикации в последующие годы привели к обвинениям в том, что его научная работа была загрязнена нацистской идеологией. Получив Нобелевскую премию, он извинился за одну из своих публикаций 1940 года, включавшую описание нацистских взглядов на науку, и сказал: «Многие высокопорядочные учёные поначалу ждали, как и я, чего-то хорошего от национального социализма, и многие, включая меня, быстро в ужасе отвернулись от него». Вполне возможно, что идеи Лоренца об унаследованном субстрате моделей поведения приходились по нраву нацистским властям, однако мы не имеем никаких доказательств в пользу того, что его экспериментальная работа была вдохновлена или искажена нацистскими идеями. [*Wikipedia*, Konrad Lorenz, Прим. ред.]

разделяющих между собой существенные сходства. В этом контексте межэпохальные и межрасовые вариации *выделяются в меньшей степени, чем различия между людьми с нормальным инстинктивным субстратом и людьми, несущими в себе инстинктивные биопсихологические дефекты*, — даже если они принадлежат к одной и той же расе и цивилизации. Мы будем неоднократно возвращаться к этому вопросу ввиду его первостепенной важности для проблем, обсуждаемых в данной книге.

Люди живут в группах с незапамятных времён, поэтому инстинктивный субстрат нашего вида формировался именно в этом контексте, обусловливая тем самым наши эмоции в отношении восприятия существования. Потребность в подходящей внутренней структуре общности, а также стремление достичь достойной роли в рамках этой структуры закодированы на этом уровне. В конечном счёте наш инстинкт самосохранения противостоит другому чувству: благополучие общества требует от нас принесения жертв, а иногда даже величайших. Наряду с этим, следует отметить, что любить человека означает прежде всего любить его человеческий инстинкт.

Наше рвение контролировать каждого, кто представляет опасность для нас или нашей группы, настолько первобытно в своём почти рефлекторном действии, что не остаётся никаких сомнений в том, что оно *также закодировано на инстинктивном уровне*. Вместе с тем наш инстинкт *не проводит различий между поведением, мотивированным обычными человеческими ошибками, и поведением индивидуумов с патологическими отклонениями*. Как раз наоборот. Мы имеем инстинктивную склонность к более сильному осуждению патологического поведения, прислушиваясь к стремлению природы избавляться от индивидуумов с биологическими или психологическими дефектами. Таким образом, наша склонность совершать подобную порождающую зло ошибку также обусловлена на инстинктивном уровне.

На этом уровне также начинают проявляться различия между нормальными людьми, оказывая тем самым влияние на формирование их характера, мировоззрения и жизненных позиций. Основные различия лежат в биопсихическом динамизме этого субстрата; различия в содержании носят лишь второстепенный характер. У некоторых людей стенический[7] ин-

[7] Относящийся к «стении» (состояние активности и явной силы); сильный, активный.

стинкт заменяет собой психику; у других он с лёгкостью возвращает контроль рассудку. Также представляется, что некоторые люди обладают более богатыми и утончёнными инстинктивными способностями, чем другие. Тем не менее существенные дефекты в этих наследуемых признаках проявляются лишь в небольшой процентной доле населения; и мы воспринимаем это как качественно патологическое явление. Нам следует уделить этим аномалиям более пристальное внимание, так как они играют важную роль в процессе патогенеза зла, который мы хотим понять более полно.

Более утончённая структура аффекта основывается на нашем инстинктивном субстрате — благодаря как его непрерывной кооперации, так и семейным и наследственным методам воспитания детей. Со временем эта структура становится более различимой частью нашей личности, в которой она играет объединяющую роль. Этот аффект более высокого порядка способствует установлению связей между нами и обществом, и поэтому его правильное развитие — это задача педагогов, а также психотерапевтов (если он расценивается как аномально сформированный). Как педагоги, так и психотерапевты иногда чувствуют себя беспомощными, если процесс его формирования был подвержен влиянию дефектного инстинктивного субстрата.

Благодаря нашей способности к запоминанию — феномен, который психология способна описывать со всё большей точностью, хотя его природа продолжает отчасти оставаться загадкой — человек сохраняет в памяти свой жизненный опыт и целенаправленно приобретённые знания. В этой способности, её качествах и содержании существуют обширные индивидуальные вариации. Молодой человек смотрит на мир иначе, чем пожилой человек с хорошей памятью. Люди с хорошей памятью и обширными знаниями имеют более сильную тенденцию обращаться к записанной информации коллективной памяти для улучшения своих собственных знаний.

Этот собранный материал является предметом второго психологического процесса — ассоциации. Наше понимание характерных признаков [ассоциаций] постоянно улучшается, хотя до сих пор нам так и не удалось полностью пролить свет на его возникновение. Вопреки или, возможно, благодаря ценностным суждениям, приписанным психологами и психо-

[Прим. ред.]

аналитиками этому вопросу, представляется, что удовлетворительное синтетическое понимание ассоциативных процессов будет продолжать оставаться невозможным до тех пор, пока мы скромно не решимся перейти границы чисто научного понимания.

Наши способности к логическому мышлению развиваются на протяжении всей нашей активной жизни, поэтому количество точных суждений достигает максимума лишь тогда, когда наши волосы начинают седеть, а напор инстинкта, эмоций и привычек — ослабляться. Это коллективный продукт, обусловленный взаимодействием между человеком и его окружением, а также наследием и традициями многих поколений. Окружение также может оказывать разрушительное влияние на развитие наших когнитивных способностей. В особенности под влиянием окружения человеческий разум заражается конверсивным мышлением[8], что является наиболее распространённой аномалией в этом процессе. Именно по этой причине для правильного развития логического мышления временами необходимы периоды саморефлексии.

Человек также развил психологическую функцию, которая не встречается среди животных. Лишь человек способен осознавать определённое количество абстрактных представлений в своём поле внимания и тщательно изучать их изнутри, чтобы повлиять на дальнейшую работу разума на основе этого материала. Это позволяет нам сопоставлять факты, проводить конструктивные и технические действия, а также предсказывать их результаты. Когда факты, подверженные внутренней проекции и самоанализу, вращаются вокруг человеческой личности, человек выполняет процесс интроспекции, существенный для мониторинга его личности и понимания собственного поведения. Этот акт внутренней проекции и самоанализа дополняет наше сознание; эта характерная черта присуща лишь человеку. Тем не менее, что касается *способности* к проведению таких умственных действий, между людьми существуют исключительно большие

[8]Конверсивное мышление: использование терминов с приданием им противоположного или искажённого смысла. Примеры: миролюбивый = умиротворяющий; свобода = дозволение; инициатива = произвол; традиционный = отсталый; сплочённая группа людей = толпа; трудолюбие = глупость. Пример: слова «миролюбивый» и «умиротворяющий» означают одно и то же: стремление установить мир, однако имеют совершенно различное дополнительное содержание, указывающее на отношение говорящего к попытке установить мир. [Прим. ред.]

различия. Эффективность этой психической функции показывает довольно низкую статистическую корреляцию с общим интеллектом.

Поэтому, говоря об общем интеллекте конкретного человека, мы должны принимать во внимание как его внутреннюю структуру, так и индивидуальные различия, возникающие на каждом её уровне. В конечном итоге субстрат нашего интеллекта содержит инстинктивное наследие природы — мудрость и заблуждения, — что увеличивает базисный интеллект нашего жизненного опыта. Благодаря нашей памяти и ассоциативной способности, на этот конструкт наложено наше умение проводить сложные мыслительные операции, вершиной которых является акт внутренней проекции и постоянное улучшение её точности. Мы по-разному наделены этими способностями, что способствует возникновению мозаики индивидуальных и разносторонних талантов.

Базисный интеллект растёт из этого инстинктивного субстрата под влиянием дружеского окружения и легкодоступного компендиума человеческого опыта; он тесно связан с аффектом более высокого порядка и позволяет нам понимать других людей и интуитивно познавать их психологическое состояние с помощью своего рода наивного реализма. Это обусловливает развитие морального мышления.

Этот уровень нашего интеллекта широко распространён в обществе; им обладает подавляющее большинство людей. Вот почему мы можем так часто восхищаться тактом и интуицией в социальных отношениях, а также чувствительной моральностью людей с интеллектуальными способностями ниже среднего. Мы также встречаем людей с выдающимся интеллектом, которым недостаёт этих естественных ценностей. Как и в случае с изъянами в инстинктивном субстрате, мы часто воспринимаем дефициты этой базовой структуры нашего интеллекта как патологические.

Распределение человеческого умственного потенциала внутри обществ диаметрально противоположно; его амплитуда выше всего. Высокоодарённые люди составляют ничтожную долю населения. На каждую тысячу человек приходится лишь несколько с наиболее высоким коэффициентом интеллекта. Но, несмотря на это, последние играют в общественной жизни настолько важную роль, что *любое общество, пытающееся помешать им использовать их способности, обречено на погибель*. Вместе с тем люди, которым лишь с трудом даётся освоение простых арифметических задач

и искусства письма, находятся в большинстве. Это обычные люди, базисного интеллекта которых вполне достаточно для повседневной жизни.

Это универсальный закон природы: чем выше психологическая организация биологического вида, тем сильнее различия между его отдельными представителями. Человечество — это наиболее высокоорганизованный биологический вид, поэтому среди людей эти различия максимальны. Как с качественной, так и с количественной точки зрения, психологические различия встречаются во всех структурах человеческой личности, обсуждаемых здесь, пусть даже и в чрезмерно упрощённой форме. Глубокие психологические различия могут показаться некоторым как несправедливость природы, однако это не так: они — её право и имеют свой смысл.

Эта кажущаяся несправедливость природы является, на самом деле, большим подарком человечеству, так как она позволяет человеческим обществам развивать свои сложные структуры и проявлять высокую творческую активность как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Благодаря этому психологическому разнообразию, творческий потенциал любого общества во много раз выше, чем это было бы возможно, если бы наш биологический вид был более однородным в психологическом отношении. Благодаря этим вариациям, также может развиваться имплицитная внутренняя структура общества. Судьба человеческих обществ зависит от надлежащей адаптации индивидуумов внутри этой структуры, а также от того, как используются эти врождённые вариации талантов.

Опыт показывает, что психологические различия между людьми лежат в основе различных разногласий и проблем. Мы можем преодолеть эти проблемы лишь тогда, когда признаем эти психологические различия как закон природы и оценим по достоинству их созидательную ценность. Это также позволило бы нам приобрести объективное понимание людей и человеческих обществ. К сожалению, это также научило бы нас тому, что равенство перед законом человека означает неравенство перед законом природы.

Если мы наблюдаем нашу человеческую личность, систематически прослеживая внутренние психологические причины, если мы способны дать достаточный ответ на этот вопрос, мы приблизимся ещё ближе к феноменам, чья биопсихологическая энергия очень низка, — феноменам, на-

чинающим проявляться перед нами с определённой присущей им неуловимостью. Обнаружив эти феномены, мы пытаемся проследить наши ассоциации, в особенности потому, что мы уже исчерпали доступную нам аналитическую платформу. В конечном счёте нам придётся признать, что мы обнаружили внутри нас нечто, являющееся результатом сверхсенсорной причинности. Этот отрезок пути может быть самым кропотливым из всех. Тем не менее он приведёт к наиболее осязаемой определённости существования, о которой говорят все основные религиозные системы. Приобретение небольшой доли правды заставляет нас проникнуться уважением к некоторым античным учениям о существовании чего-то за пределами материальной Вселенной.

Таким образом, если мы желаем понять людей, человечество в целом, не отрекаясь от законов мышления, необходимых для объективного языка, в конечном итоге мы вынуждены принять эту реальность, существующую в каждом из нас, будь она нормальной или нет, приняли ли мы её, потому что нас так воспитали или потому, что сами пришли к её осознанию, или же отвергли её из материалистических или научных соображений. В конце концов, анализируя негативное психологическое поведение, мы неизбежно распознаём аффирмацию, вытесненную из нашего поля сознания. В результате этого непрерывные подсознательные усилия по отрицанию концепций о существующих вещах порождают стремление искоренять их в других людях.

Таким образом, раскрытие нашего разума к восприятию этой реальности совершенно необходимо для каждого человека, задачей которого является понимание других людей. Это также можно порекомендовать и всем остальным. Благодаря этому [раскрытию] наш разум освобождается от внутреннего напряжения и стресса и тем самым может стать свободным от своей склонности к отбору и подмене информации, в том числе и в областях, более доступных для обыденного понимания.

Человеческая личность нестабильна по самой своей сути, поэтому эволюционный процесс, продолжающийся всю жизнь, — это нормальное положение дел. Некоторые политические и религиозные системы рекомендуют замедление этого процесса или задаются целью достигнуть чрезмерной стабильности наших личностей, однако, с точки зрения психологии

— это нездоровая затея. Когда эволюция человеческой личности или мировоззрения останавливается на достаточно продолжительное время, это состояние входит в сферу психопатологии. Процесс трансформации личности раскрывает свой смысл благодаря своей творческой природе, основанной на сознательном принятии этого созидательного преобразования как естественного хода событий.

В результате различных жизненных событий наши личности проходят через временные разрушительные периоды, особенно когда мы подвергаемся страданиям или сталкиваемся с ситуациями и обстоятельствами, идущими вразрез с нашим жизненным опытом и нашими представлениями. Эти так называемые дезинтегративные фазы часто неприятны, хотя далеко не всегда. Например, хорошо написанное драматическое произведение может заставить нас пережить короткую фазу дезинтеграции, во время которой мы попутно успокаиваем неприятные эмоции и обдумываем творческие идеи о восстановлении (реинтеграции) нашей обновлённой личности. Поэтому настоящее театральное искусство может вызывать состояние, известное как катарсис.

Дезинтегративное состояние побуждает нас прилагать умственные усилия в попытке его преодоления, чтобы восстановить гомеостаз. Преодоление подобных состояний влечёт за собой корректировку наших ошибок и обогащение личности. Это правильный и созидательный процесс дезинтеграции, приводящий к более высокому уровню понимания и принятия законов жизни, к лучшему осмыслению себя и других, а также к более развитой эмпатии в межличностных отношениях. Наши чувства также подтверждают успешное достижение состояния восстановления целостности: неприятные обстоятельства, которые мы пережили, наделяются смыслом. Таким образом, подобный опыт позволяет нам быть более подготовленными к следующей возможной фазе дезинтеграции.

Однако если нам не удалось справиться с проблемами из-за того, что наши рефлексы были слишком быстрыми (или по какой-либо иной причине), и мы вытеснили дискомфортные вещи из нашего сознания, заместив их более приятными, наша личность подвергается ретроактивной эготизации,[9] сопровождающейся чувством неудачи. Результаты этого имеют деволюционный характер: с человеком становится труднее уживаться. Если мы не

[9] Аналогично нарциссическому замыканию. [Прим. ред.]

можем справиться с подобным дезинтегративным состоянием из-за непреодолимости вызвавших его обстоятельств или по причине нехватки информации, необходимой для конструктивных решений, наш организм реагирует на это развитием невротического состояния.

Диаграмма человеческой личности, представленная в данной книге в силу необходимости в обобщённой и упрощённой форме, говорит нам о том, насколько сложны человеческие существа по своей структуре, изменениям, а также в умственной и духовной жизни. Если мы желаем создать социальные науки, чьи описания нашей реальности позволили бы нам полагаться на них на практике, мы должны принять эту сложность и удостовериться в том, что её придерживаются в достаточной мере. Любая попытка заменить эти базовые знания с помощью излишне упрощённых схем приведёт к потере этого незаменимого сближения между нашим мышлением и наблюдаемой нами реальностью. Поэтому мы должны ещё раз подчеркнуть, что использование для этой цели нашего обыденного языка психологических представлений не может замещать собой объективные предпосылки.

Схожим образом психологу чрезвычайно сложно верить в ценность любой социальной идеологии, которая основывается на упрощённых или даже наивных психологических предпосылках. Это применимо к любой идеологии, пытающейся чрезмерно упростить психологическую реальность, независимо от того, используется ли это тоталитарной системой или, как ни печально, демократией. Люди различны. Всё, что имеет качественные различия и находится в состоянии непрерывной эволюции, не может быть одинаковым.

Вышеупомянутые утверждения о человеческой природе применимы, за небольшими исключениями, к нормальным людям. Тем не менее каждое человеческое общество содержит определённый процент индивидуумов — относительно небольшое, но активное меньшинство, — *которых нельзя считать нормальными*.

Следует отметить, что здесь идёт речь о качественном, а не статистическом отклонении от нормы. Исключительно интеллигентные люди выделяются статистически, однако с качественной точки зрения они могут быть вполне нормальными членами общества. В дальнейшем мы рассмотрим индивидуумов, составляющих, с точки зрения статистики, абсолют-

ное меньшинство, но чьи качества таковы, что могут негативно сказаться на сотнях, тысячах или даже миллионах людей.

Мы рассмотрим людей, воплощающих в себе патологический феномен,[10] и у которых можно наблюдать психические отклонения и аномалии разного рода и интенсивности. Многие из них движимы внутренним страхом: они ищут нестандартные способы действия и адаптации к жизни с определённой присущей им сверхактивностью. В некоторых случаях подобная активность может быть новаторской и творческой, что обеспечивает некоторым из них социальную толерантность. Некоторые психиатры — в особенности немецкие — восхваляли таких людей как воплощение главного вдохновение для развития цивилизации. Это разрушительно односторонний взгляд на реальность. У дилетантов в области психопатологии часто складывается впечатление, что такие личности обладают необычными талантами. Тем не менее эта самая наука идёт ещё дальше и объясняет сверхактивность, а также чувство исключительности этих индивидуумов их побуждением скомпенсировать некую недостаточность. Такое ошибочное отношение приводит к сокрытию правды о том, что нормальные люди наиболее богаты [талантами].

Четвёртая глава данной книги содержит точное описание некоторых из этих аномалий, их причин и их биологической реальности, подобранное таким образом, чтобы облегчить понимания данной работы в целом. Многие другие специализированные труды содержат дополнительную информацию, которую мы, однако, не включили в данную книгу. Мы также должны принять во внимание то, что общая форма наших знаний в этой области, таких фундаментальных и практических для решения сложных проблем социальной жизни, неудовлетворительна. Многие учёные считают эту область науки второстепенной; другие — «неблагодарной», потому что она легко может вызывать разногласия среди специалистов. В результате появляются всевозможные концепции и различные семантические конвенции, а совокупность знаний в этой области продолжает характеризоваться чрезмерно *описательным* способом. Поэтому лежащая перед вами книга прилагает усилия по освещению *причинных* аспектов описанных феноменов.

---

[10] Поражённый болезнью; вызванный или изменённый развитием болезни или патологии. [Прим. ред.]

Затрагиваемые патологические феномены, обычно проявляющие низкую интенсивность, что позволяет им оставаться сокрытыми от общественного мнения, без труда сливаются с извечным процессом возникновения зла, которое впоследствии негативно сказывается на людях, их семьях и целых обществах. В дальнейшем мы узнаем из этой книги, что эти патологические факторы становятся неотъемлемой частью синтеза, ведущего к человеческим страданиям, а также, что прослеживание их активности с помощью научного контроля и социального сознания может оказаться эффективным оружием против зла.

По вышеуказанным причинам этот ракурс психопатологической науки является неотъемлемой частью объективного языка, который мы обсуждали ранее. Постоянно возрастающая точность биологических и психологических фактов в этой сфере — это непременное условие для объективного понимания многих феноменов, которые могут быть крайне гнетущими для общества и современного решения извечных проблем. Биологи, физики и психологи, занимающиеся этими неуловимыми и запутанными проблемами, заслуживают помощи и поощрения от общества, так как их труд сделает возможной в будущем защиту людей и наций от зла, причины которого мы пока ещё недостаточно понимаем.

2.4. Общество

Природа сформировала человека на инстинктивном уровне нашего вида как социальное существо. Наш разум и наши личности никогда не смогли бы развиваться без контакта и взаимодействия с постоянно расширявшимся кругом людей. Наш разум — сознательно или бессознательно — получает впечатления от других людей; это касается их эмоциональной и психической жизни, традиций и мыслей — посредством собственной резонансной чувствительности, идентификации, имитации, устоявшихся правил, а также с помощью обмена идеями. Получаемая таким образом информация обрабатывается в нашей психике для создания новой человеческой личности — той, которую мы называем «нашей собственной». Однако наше существование обусловлено необходимыми связями с теми, кто жил до нас, с теми, кто сегодня строит наше общество, и с теми, кто будет жить в будущем. Наше существование приобретает свой смысл лишь

как функция социальных уз; гедонистическая изоляция приводит к тому, что мы теряем самих себя.

Предназначение человека состоит в активном содействии развитию общества с помощью двух основных способов: формирование в его рамках своей личной и семейной жизни, а также активное участие в совокупности социальных вопросов, основанных на его — как можно надеяться, достаточном — понимании того, что необходимо сделать, что желательно сделать, а также того, удастся это ему или нет. Это требует от индивидуума развивать две, в некоторой степени накладывающиеся друг на друга, сферы знаний о вещах; его жизнь, а также его страна и человечество в целом зависят от качества этого развития.

Наблюдая, например, пчелиный улей глазами художника, мы видим нечто, напоминающее плотное скопление насекомых, связанных друг с другом своим видовым сходством. Однако пчеловод способен видеть сложные закономерности, закодированные в инстинкте каждого насекомого и всего улья в целом; это помогает ему понять, как он сам может взаимодействовать с законами природы, управляющими пчелосемьёй. Пчелиный улей — это высокоорганизованный организм; ни одна пчела не может существовать без него и поэтому подчиняется абсолютной природе его законов.

Наблюдая толпы людей, заполняющих улицы большого мегаполиса, мы видим нечто напоминающее индивидуумов, движимых своими делами и проблемами и пытающихся ухватить свою крупинку счастья. Такое чрезмерное упрощение реальности заставляет нас пренебрегать законами социальной жизни, которые существовали задолго до появления современных мегаполисов и продолжат своё существование ещё долго после того, как крупные города, созданные людьми, лишатся последнего жителя и своего предназначения. Одиночкам в толпе сложно принять эту реальность, существующую — для них — лишь в потенциале, потому что они не могут воспринимать её напрямую.

И действительно, принятие законов социальной жизни во всей их сложности — даже если нам поначалу трудно их понять — помогает нам достигнуть определённого уровня понимания, приобретаемого с помощью процесса, похожего на осмос. Благодаря этому пониманию, или всего лишь инстинктивной интуиции таких законов, индивидуум способен достичь

своих целей и довести до состояния зрелости свою личность посредством собственных поступков. Благодаря достаточно развитой интуиции и пониманию этих условий, общество способно развиваться в культурном и экономическом плане, достигнув в конечном счёте политической зрелости.

Чем больше мы преуспеваем в понимании этих условий, тем больше социальные доктрины представляются нам примитивными и психологически наивными. Это в особенности касается доктрин, основанных на идеях мыслителей 18-го и 19-го веков, для которых был характерен недостаток психологического восприятия. Суггестивная сущность этих доктрин происходит от их чрезмерного упрощения реальности. Вот почему они с лёгкостью перенимаются и используются в политической пропаганде. В свете нашего обыденного языка психологических концепций, а тем более с позиции объективного языка, эти догмы и идеологии ясно показывают свои фундаментальные недостатки касательно понимания человеческой личности и различий между людьми.

Взгляд психолога на общество, даже если он основан на профессиональном опыте, всегда помещает человека на передний план; затем угол зрения расширяется и охватывает небольшие группы (например, семьи), общества и, наконец, человечество в целом. Тогда мы с самого начала должны признать, что человеческая судьба в значительной мере зависит от этих обстоятельств. Постепенно расширяя охват наших наблюдений, мы также получаем более наглядную точность причинных связей и подкрепляющих их статистических данных.

Для того чтобы описать взаимосвязь между судьбой человека, его личностью и уровнем развития общества, мы должны изучать всю информацию, собранную по сей день в этой области и теперь дополняемую данной книгой, написанной на объективном языке. Далее я приведу лишь несколько примеров, основанных на подобном мышлении, чтобы открыть путь для вопросов, которые будут представлены в последующих главах.

Во все времена и в различных культурах наилучшие педагоги понимали важность — касательно формирования культуры и человеческого характера — диапазона концепций, описывающих психологические феномены.

Качество и богатство концепций и терминологии,[11] усвоенных индивидуумом и обществом, а также степень их приближённости к объективному мировоззрению, обуславливают развитие наших моральных и социальных позиций. Точность нашего понимания себя и других характеризует составные элементы, обуславливающие наши решения и предпочтения, не важно банальные они или важные, касающиеся личной или социальной жизни.

Уровень и качество психологического мировоззрения любого общества основываются на понимании всей социопсихологической структуры, потенциально присутствующей в психическом многообразии в рамках человеческого вида. Только когда мы понимаем человека в контексте его подлинных внутренних концепций, не заменяя их некими внешними формами, мы способны ему помочь на его пути к правильной адаптации к социальной жизни. Это пошло бы ему на пользу и способствовало бы его

[11] Особое значение, которое Лобачевский придаёт языку, очень важно. Семиотика — это наука, изучающая языки и знаковые системы, передающие значение. Одна из глубоких философских дискуссий, продолжающаяся уже несколько столетий, связана с вопросом о происхождении алфавита, а также о том, кто «даёт вещам имена» (например, «Адам» в иудейско-христианской традиции). Что касается семиотики, возникает следующий вопрос: называл ли он вещи на основе их сущности, или же он просто приходил в согласие с самим собой и называл их произвольно?

Теория семиотики предлагает два уровня, или «плана», артикуляции. На уровне любого данного языка (например, греческого, английского или китайского) существует так называемый «план выражения», состоящий из лексики, фонологии и синтаксиса, то есть из выборки слов, принадлежащих к этому языку, формирующих их звуков и способов их комбинации для передачи значения. Второй уровень — это «план содержания». Он состоит из концепций, способных быть выраженными этим языком. В некоторых языках есть слова, описывающие содержания, которые не могут быть выражены в других.

Таким образом, план содержания языка существенно важен для того, что может на нём обсуждаться. Для того чтобы звуки речи могли передавать смысл, состоящие из них слова должны иметь определённую смысловую нагрузку. Другими словами, звуки связаны с содержанием. Содержательный континуум представляет собой реальность, описываемую нашими словами, как мы её понимаем.

Лобачевский справедливо отмечает, что обычный человек (не говоря уже о психологии как таковой) имеет психологический словарь, основанный на ограниченном понимании, так как содержательный континуум искусственно ограничивается, подавляется или повреждается каким-либо иным образом. Единственное возможное решение этой проблемы — создание нового, объективного словаря, который мог бы описать эти скрытые значения. [Прим. ред.]

участию в создании стабильной и созидательной общественной структуры.

Благодаря правильному пониманию психологических качеств, психологически нормальные индивидуумы с достаточным талантом и соответствующей подготовкой были бы способны достичь наивысшей социальной функции. Базисный коллективный интеллект народных масс оказывал бы таким людям уважение и поддержку,

и поэтому единственными проблемами в таком обществе, ожидающими своего решения, были бы те проблемы, сложность которых превышала бы возможности обыденного языка концепций, каким бы богатым и качественно облагороженным он ни был.

Тем не менее всегда существовали «социальные педагоги» — не особо выдающиеся, но зато многочисленные, — восхищавшиеся своими собственными великими идеями, которые иногда были даже верными, но чаще всего ограниченными или содержавшими привкус некоторых скрытых патологических мыслительных процессов. Подобные люди всегда стремились навязывать педагогические методы, обеднявшие и деформировавшие развитие психологического мировоззрения индивидуумов и обществ; они причиняют непоправимый вред обществам, лишая их универсально полезных ценностей. Утверждая, что действуют во имя более ценной идеи, подобные педагоги фактически расшатывают ценности, якобы важные для них, и открывают путь разрушительным идеологиям.

Наряду с этим, как уже упоминалось ранее, в каждом обществе существует небольшое, но активное меньшинство людей с различными девиантными мировоззрениями — в особенности в обсуждавшихся выше областях, — возникшими либо в результате психологических аномалий, о которых мы ещё поговорим, либо под их многолетним влиянием на человеческую психику, в особенности в период детского возраста. Тем самым подобные индивидуумы оказывают пагубное влияние на процесс формирования психологического мировоззрения в обществе, в особенности если они представляют ту или иную идеологию, будь то посредством направленной деятельности, с помощью книг или каким-либо иным способом.

Поэтому многие причины, легко ускользающие от внимания социологов и политологов, можно отнести либо к развитию, либо к регрессии этого фактора, значение которого для общественной жизни настолько же решающе, как и качество их языка психологических концепций.

Предположим, мы хотим проанализировать эти процессы. В таком случае мы применим достаточно надёжный метод инвентаризации, проверяющий информацию и правильность рассматриваемой области мировоззрения. Подвергнув тестированию соответствующие репрезентативные группы, мы получим индикаторы определённой способности общества понимать психологические феномены и зависимости как внутри страны, так и за её пределами. Одновременно они будут представлять как базовые индикаторы способности общества к самоуправлению и прогрессу, так и его способность проводить разумную внешнюю политику. Подобные тесты могли бы предоставить систему раннего оповещения, способную в случае ухудшения этих способностей предпринять соответствующие контрмеры в сфере социальной педагогики. В крайнем случае для этих стран было бы полезным оказать противодействие этой проблеме посредством прямых корректирующих мероприятий, вплоть до изоляции рушащейся страны до тех пор, пока они не начнут производить должный эффект.

Давайте рассмотрим другой схожий пример. Развитие талантов, способностей, трезвого мышления и естественного психологического мировоззрения взрослого человека будет протекать оптимально там, где уровень и качество его образования, а также его трудовая деятельность будут соответствовать его личным талантам. Достижение подобной позиции даёт человеку личные, материальные и моральные преимущества. Общество как целое также получает от этого свои выгоды. Как результат, такой человек будет воспринимать это как социальную справедливость по отношению к себе.

При стечении различных обстоятельств, к числу которых относится дефектное психологическое мировоззрение рассматриваемого общества, люди вынуждены заниматься тем, что задействует их таланты лишь в неполной мере. В таком случае продуктивность человека не лучше, а зачастую даже хуже продуктивности работника со средними способностями. Человек чувствует себя обманутым; у него складывается впечатление, что на него взвалены обязанности, мешающие ему в достижении самореализации. Его мысли блуждают от его обязанностей в мир фантазий или к вещам, представляющим для него больший интерес; в его мире грёз он тот, кем ему следует быть, и кем он заслуживает быть. Такой человек всегда знает, когда его социальная и профессиональная ориентация взяла направление

вниз; но наряду с этим, если ему не удастся развить здоровое критическое мышление касательно верхних границ его собственных талантов, его грёзы могут сосредоточиться на несправедливом мире, в котором «всё, что вам нужно — это власть». У таких людей с нисходящей социальной адаптацией революционные и радикальные идеи падают на благоприятную почву. Корректировка таких условий — не только для улучшения продуктивности, но и во избежание трагедий — в лучших интересах любого общества.

Другой человеческий тип, напротив, может взобраться на важную должность лишь благодаря своей принадлежности к привилегированному классу или некой организации у власти, в то время как его таланты и способности недостаточны для выполнения его обязанностей, в особенности, если речь идёт о более сложных проблемах. Подобные люди избегают предстоящие проблемы и напоказ посвящают себя незначительным вопросам. Наигранность становится частью их поведения, и тесты показывают, что уже после нескольких лет такого образа жизни точность их мышления прогрессирующе ухудшается. Перед лицом растущего давления действовать на недоступном для них уровне и из страха быть признанным некомпетентными они начинает прямо атаковать каждого, кто более талантлив или опытен, устраняют их с подходящих должностей и играют активную роль в дискредитации их социальных и профессиональных ценностей. Это создаёт чувство несправедливости и может приводить к проблемам нисходящей социальной адаптации, как описано выше. Таким образом, люди с восходящей направленностью поддерживают жестокие, тоталитарные правительства, которые, в свою очередь, защищают их позиции.

Восходящие и нисходящие, а также качественно неточные социальные направленности имеют своим результатом растрату основного капитала общества, а именно фонда талантов его членов. Одновременно это приводит к растущей неудовлетворённости и напряжённости между людьми и социальными группами; любая попытка подойти к теме человеческих талантов и проблематики их продуктивности как к исключительно личному вопросу должна рассматриваться как опасно наивная. Развитие или регресс во всех сферах культурной, экономической и политической жизни зависят степени правильного использования этого фонда талантов. В конечном счёте это также определяет, произойдёт ли эволюция или революция.

Фактически было бы проще разработать для этого подходящие методы, которые позволили бы нам рассчитывать в любой стране корреляции между индивидуальными талантами и социальной направленностью, чем следовать предложению развивать психологические концепции. Проведение правильных тестов предоставило бы нам важный показатель, который мы могли бы обозначить как «индикатор социального порядка». Чем ближе этот индикатор был бы к числу +1.0, тем с большей вероятностью рассматриваемая страна выполняла бы основные предпосылки для социального порядка и выбрала бы правильный путь в направлении динамического развития. Низкая корреляция была бы индикатором необходимости проведения социальных реформ. Нулевой или отрицательный показатель должен интерпретироваться как знак надвигающейся революции. Революция в одной стране часто создаёт множество проблем в других странах, поэтому мониторинг этих условий в лучших интересах всех стран.

Приведённые выше примеры не рассматривают вопрос о причинных факторах, оказывающих влияние на создание социальной структуры, которая бы адекватно соответствовала законам природы. Уровень инстинкта человеческого вида уже закодировал в нашу интуицию необходимость существования внутренней социальной структуры, *основанной на психологических различиях*; [этот инстинкт] развивается параллельно с нашим базовым интеллектом и вдохновляет наш здоровый практический ум. Это объясняет, почему большинство людей со средними талантами как в целом, так и в любой стране принимают свою скромную социальную позицию до тех пор, пока она отвечает обязательным требованиям правильной социальной направленности и гарантирует приемлемый образ жизни независимо от принадлежности индивидуума к тому или иному слою общества.

Это среднестатистическое большинство принимает и уважает социальную роль людей, которые более талантливы и образованны, до тех пор, пока они сами занимают приемлемые позиции в социальной структуре. Тем не менее эти же люди отвечают критикой, неуважением и даже презрением всякий раз, когда кто-то, такой же средний, как они сами, компенсирует свои недостатки бравированием своей направленной вверх социальной позиции. Суждения, выносимые этими средними, но в то же время здравомыслящими людьми зачастую довольно точны, что особенно примечательно, если принять во внимание, что эти люди, возможно, не располагают

достаточными знаниями о многих насущных проблемах, будь то научных, технических или экономических.[12]

Опытный политик редко может допустить, что трудности в сфере экономики, обороны страны или международной политики всецело понимаются его избирателями. Как бы то ни было, он может и должен предположить, что его собственное понимание человеческих вопросов и всего связанного с межличностными отношениями внутри упомянутой структуры, найдёт отклик у представителей этого же самого большинства. Эти факты *частично* оправдывают идею демократии, особенно когда та или иная страна имеет соответствующие исторические традиции, её социальная структура хорошо развита, и уровень образования достаточно высок. Несмотря на это, они не отображают психологические данные в мере, достаточной для повышения демократии до уровня морального критерия в политике. Демократия, состоящая из индивидуумов с недостаточными психологическими знаниями, способна лишь деградировать.

Этот же политик также должен осознавать тот факт, что членами общества уже являются люди, несущие в себе результаты социальной дезадаптации. Некоторые из этих индивидуумов пытаются защищать свои позиции, не соответствующие их способностям, в то время как другие борются за право использовать свои таланты. Управление страной становится всё более сложным, когда такие битвы начинают затемнять собой другие важные потребности. По этой причине *создание справедливой социальной структуры продолжает оставаться основной предпосылкой для социального порядка* и высвобождения творческих ценностей. Это также объясняет, почему пристойность и продуктивность процесса создания структуры являются критерием хорошей политической системы.

Политики также должны сознавать, что в каждом обществе есть люди с неправильно развитым базисным интеллектом, психологическим мировоззрением и моральным мышлением. Некоторые из этих людей сами содержат в себе причину тому, другие имели контакт с психически анормальными индивидуумами в детском периоде. Такие люди обладают раз-

[12] Превратные или вводящие в заблуждение опросы мнений часто используются в попытке улучшения общественного восприятия официальных лиц. Этот метод терпит неудачу, когда в конечном счёте некомпетентность официальных лиц становится всем известной. [Прим. ред.]

личным пониманием социальных и моральных вопросов как с обыденной, так и с объективной точки зрения. Для развития психологических концепций общества, социальной структуры и внутренних связей они — разрушительный фактор.

В то же время подобные люди, используя разветвлённую сеть взаимных патологических сговоров, практически не связанную с основной общественной структурой, и легко способны в неё проникать. Эти люди и их сообщества участвуют в возникновении зла — зла, не щадящего никакую страну. Эта субструктура порождает мечты о власти и навязывании своей воли обществу. Результат этого мы часто видим в различных странах как сегодня, так и на протяжении всей нашей истории. Именно по этой причине значительная доля наших размышлений будет посвящена пониманию этого давнего и опасного источника проблем.

Некоторые страны с неоднородным населением развивают дополнительные факторы, разрушительно воздействующие на формирование социальной структуры и непрерывный процесс развития психологического мировоззрения общества. К этим факторам относятся, прежде всего, расовые, этнические и культурные различия, присутствующие практически в каждой стране, возникшей в результате завоевания извне. Воспоминания побеждённых о прошлых страданиях и презрении разделяют население на протяжении многих столетий. Преодоление этих трудностей возможно, если понимание и добрая воля преобладают в течение многих поколений.

Различия в религиозных верованиях и связанных с ними моральных убеждениях также создают проблемы, хотя и менее опасные, чем упомянутые выше факторы, *за исключением тех случаев, когда они усугубляются некой доктриной нетерпимости или превосходства* одной веры над другими. Тем не менее создание социальной структуры, имеющей сильные связи с патриотизмом и сверхрелигиозностью, как нам известно, оказалось возможным.

Все эти трудности становятся крайне разрушительными, когда некая социальная или религиозная группа, следуя своим догмам, начинает требовать предоставления её членам постов, превышающих их реальные способности.

Справедливая социальная структура, состоящая из индивидуально направленных личностей (и поэтому в целом созидательная и динамическая),

может сформироваться лишь тогда, когда этот процесс подчиняется законам природы, а не каким-то концептуальным догмам. Это приносит пользу как обществу в целом, так и каждому индивидууму, который получает возможность найти свой собственный путь к самореализации при поддержке социума, понимающего эти законы, индивидуальные интересы и общее благо.

Как представляется, высокая численность населения и большие расстояния в огромных странах являются препятствиями для развития психологического мировоззрения общества, формирования здоровой социальной структуры и установления подходящих форм правления. Именно в этих странах возникают крупнейшие этнические и культурные различия. В широко раскинувшейся стране, в которой проживают сотни миллионов человек, каждый отдельно взятый индивидуум испытывает нехватку её поддержки и чувствует себя беспомощным перед махинациями высокой политики. Структура общества теряется на просторах большой страны. Всё, что остаётся, это узкие, большей частью семейные узы.

Вместе с этим управление такими странами создаёт свои собственные неизбежные проблемы: они страдают от того, что можно было бы охарактеризовать как «перманентная макропатия» («болезнь гигантов»), по причине большой удалённости основных органов власти от местных людей и их проблем. Главный симптом этого заключается в росте числа предписаний, необходимых для административного управления; они могут показаться уместными в столице, но в удалённых районах страны или применительно к личным делам они зачастую бессмысленны. Администрация вынуждена слепо следовать этим предписаниям; для чиновников рамки использования здравомыслия и оценки реальных ситуаций становятся действительно очень узкими. Такие поведенческие правила отражаются на обществе в целом, которое, в свою очередь, начинает думать на языке предписаний, вместо того чтобы учитывать практическую и психологическую реальность. Таким образом, психологическое мировоззрение, являющееся основным фактором культурного развития и активизирующее социальную жизнь, становится запутанным.

Поэтому мы должны задать следующие вопросы: может ли вообще существовать хорошее правительство? *Способны ли огромные страны поддерживать социальную и культурную эволюцию?* Скорее создаётся впе-

чатление, что наиболее подходящими кандидатами для такого развития являются страны с населением от 10 до 20 миллионов человек, в которых личные связи между гражданами, а также между гражданами и органами власти обеспечивают правильное психологическое разграничение и естественные отношения. Слишком большие страны должны быть разделены на более маленькие организмы, пользующиеся значительной автономией в культурных и экономических вопросах. Они могли бы позволить своим гражданам испытывать чувство родины, в которой их личности могли бы развиваться и достигать зрелости.

Если бы меня спросили, как излечить Соединённые Штаты Америки, страну, проявляющую, среди прочего, симптомы макропатии, я бы предложил разделить её на 13 государств — наподобие первых колоний, лишь соответственно больше и с более естественными границами. Затем этим государствам нужно было бы предоставить значительную автономию. Это дало бы населению чувство родины, пусть и меньшей по размеру, и освободило бы его от стремлений к местному патриотизму и соперничеству между собой. Это, в свою очередь, упростило бы решение других проблем, возникших по различным причинам.

Общество не является ни организмом, подчиняющим себе каждую клетку во благо всем, ни колонией насекомых, в которой коллективный инстинкт действует как диктатор. Тем не менее обществу также необходимо избегать превращения в сборище эгоцентричных индивидуумов, связанных между собой лишь экономическими интересами, а также правовыми и формальными организациями.

Каждое общество — это социопсихологическая структура, состоящая из индивидуумов с наиболее высокой — и тем самым наиболее разнообразной — психологической организацией. От этого зависит значительная доля индивидуальной свободы человека, состоящей из чрезвычайно сложных отношений с его многогранными психологическими зависимостями и обязательствами по отношению к коллективному целому.

Попытка изоляции личных интересов человека, как если бы они находились в состоянии войны с коллективными интересами, — это чистая спекуляция, которая чрезмерно упрощает реальные условия, вместо того чтобы докопаться до сути её сложной природы. Постановка вопросов с

опорой на такие схемы — это логическая ошибка, в основе которой лежат ошибочные предположения.

В действительности многие на первый взгляд противоречивые интересы — например, индивидуальные в противоположность коллективным или интересы различных социальных групп и подструктур — могли бы быть примирены друг с другом, если бы мы руководствовались достаточным пониманием человеческого и общественного благополучия и смогли бы преодолеть эмоциональные процессы, а также некоторые более или менее примитивные догмы. Такое примирение всё же требует большего понимания человеческих и социальных проблем, а также принятия естественных законов жизни. Оказывается, что на этом уровне решение может быть найдено даже для наиболее сложных проблем, так как они без исключений проистекают из одних и тех же скрытых процессов, в основе которых лежат психопатологические феномены. Мы рассмотрим этот вопрос в конце данной книги.

Колония насекомых, независимо от того, насколько хорошо она социально организована, обречена на вымирание, если её коллективный инстинкт продолжает действовать согласно психогенетическому коду, несмотря на то, что его биологический смысл уже исчез. Например, если из-за очень плохой погоды пчеломатка не совершит вовремя свой брачный полёт, то она начнёт откладывать неоплодотворённые яйца, из которых вылупятся лишь трутни. Пчёлы продолжат защищать свою королеву, как этого требует их инстинкт, но когда рабочие пчёлы умрут, с ними вымрет весь улей.

На этом этапе лишь «высшая инстанция» в лице пчеловода может спасти его. Ему придётся найти и уничтожить королеву трутней и подселить вместо неё здоровую оплодотворённую королеву, а также несколько молодых рабочих пчёл. Для защиты королевы и её защитников от жал пчёл, оставшихся верными прежней королеве, ему понадобится сетка. Через несколько дней улей признает новую королеву. Во время этой процедуры пчеловоду, как правило, приходится переносить несколько болезненных укусов.

Из этого сравнения возникает следующий вопрос: способен ли человеческий рой, населяющий нашу планету, достичь достаточного понимания макросоциальных патологических феноменов — таких опасных, отврати-

тельных и в то же время любопытных — пока не стало слишком поздно? В настоящее время наши индивидуальные и коллективные инстинкты, а также наше обыденное психологическое и моральное мировоззрение не способны предоставить нам ответы, на основе которых мы могли бы принять искусные контрмеры.

Те искренние люди, наставляющие нас доверять «Великому пчеловоду на небесах» и проповедующие, что возвращение к его заповедям позволит нам увидеть проблеск истины, склоняются скорее к банализации отдельных истин, в особенности жизненных. Однако именно эти истины образуют основу для понимания обсуждаемых в данной книге феноменов и целенаправленных практических действий. Законы природы создали нас очень непохожими друг на друга. Благодаря своим индивидуальным особенностям, исключительным жизненным обстоятельствам и научным усилиям, человек имеет возможность овладеть искусством объективного понимания упомянутых феноменов. Тем не менее мы должны подчеркнуть, что это возможно лишь в согласии с законами природы.

Если обществам и их мудрецам удастся принять объективное понимание социальных и социопатологических феноменов, преодолев с этой целью эмоционализм и эготизм обыденного мировоззрения, они смогут найти средства для действий, в основе которых лежит понимание сущности этих феноменов. Станет очевидно, что против каждой болезни, бичующей нашу планету в форме социальных эпидемий различной интенсивности, имеется подходящая вакцина или лечение.

Подобно тому как матрос, обладающий точной навигационной картой, более свободен в выборе курса для маневрирования между островами и бухтами, так и человек, наделённый лучшим пониманием самого себя, других людей и сложных взаимозависимостей социальной жизни, становится более независимым от различных жизненных обстоятельств и приобретает способность преодолевать сложные для понимания ситуации. Вместе с этим такие расширенные знания делают человека более ответственным касательно своих обязательств по отношению к обществу, и, как следствие, более дисциплинированным. Более информированное общество также добивается внутреннего порядка и высоких показателей коллективных усилий. Данная книга была написана для укрепления этих знаний посредством натуралистического понимания феноменов, что до сих пор было

возможно лишь с помощью чрезмерно моралистических категорий обыденного мировоззрения.

В более широкой перспективе непрерывно улучшающееся понимание законов, регулирующих социальную жизнь и её нетипично изолированные сферы, должно заставить нас поразмыслить над неудачами и слабостями тех социальных догм, которые просуществовали до сегодняшнего дня и основываются на чрезвычайно примитивном понимании этих законов и феноменов. Путь от этих размышлений к улучшенному пониманию функционирования этих зависимостей в предыдущих и существующих социальных системах не так уж долог; это также применимо к предметному критическому анализу этой темы. Мы стоим перед рождением новой идеи, основанной на этом продолжающим углубляться понимании законов природы, а именно — создание новой социальной системы для различных стран мира.

Подобная система была бы намного лучше любой из её предшественниц. Её формирование возможно и необходимо, и это не просто некая размытая футуристическая мечта. В конечном счёте сегодня в целом ряде стран преобладают условия, разрушающие исторически сформировавшиеся структуры и заменившие их социальными системами, враждебными к творческим принципам работы; системы, которые могут поддерживаться лишь с помощью силы. Таким образом, мы стоим перед масштабным строительным проектом, требующим громадной и хорошо организованной работы. Чем раньше мы примемся за работу, тем больше времени у нас будет на её выполнение.

3 Истероидный цикл

Со времён первых человеческих обществ и цивилизаций люди стремились к счастливой жизни, полной спокойствия и справедливости, когда каждый мог бы мирно пасти свой скот, искать плодородные долины, пахать землю, искать сокровища или строить дома и дворцы. Люди желают мира, чтобы наслаждаться богатствами, накопленными предыдущими поколениями, и с гордостью наблюдать за своими подрастающими детьми, потягивая между делом вино или медовуху. Они хотели бы путешествовать, знакомиться с другими культурами и людьми или наслаждаться усыпанным звёздами южным небом, цветами природы и красивыми женскими одеяниями. Возможно, они также захотели бы дать волю своему воображению и увековечить своё имя в произведениях искусства, будь то мраморная скульптура, миф или поэзия.

С незапамятных времён человек мечтал о жизни, в которой его умственные и физические усилия перемежались бы с заслуженным отдыхом. Он хотел бы изучать законы природы, чтобы уметь пользоваться её дарами. Для воплощения своих грёз человек, однако, воспользовался природной силой животного мира, и когда она перестала удовлетворять его потребности, он взялся за своих собратьев, лишив их человечности — просто потому, что он оказался более сильным.

Тем самым мечты о счастливой и мирной жизни привели к угнетению других людей — насилие, растлевающее разум каждого, кто его применяет. Именно по этой причине людские мечты о счастье так никогда и не смогли воплотиться в жизнь. Этот гедонистический взгляд на «счастье» уже содержит в себе семена несчастья и питает этот извечный цикл, в котором хорошие времена порождают плохие. Тяжёлые времена, в свою очередь, вызывают страдания и умственные усилия, формирующие жизненный опыт, здравый смысл, умеренность и определённое количество психологических знаний — ценности, служащие для воссоздания более благоприятных условий существования.

В хорошие времена люди постепенно теряют потребность в глубокой рефлексии, интроспекции, познании других и понимании сложных жизненных законов. Стоит ли вообще размышлять над свойствами человеческой природы и его несовершенной личности, будь то своей собственной или других людей? Способны ли мы понять созидательный смысл страданий, которые мы не испытали на себе, вместо того, чтобы пойти по лёгкому пути, возлагая вину на жертву? Любые дополнительные умственные усилия представляются бессмысленными, когда радости жизни кажутся такими легкодоступными. Умный, либеральный и радостный современник — это славный парень, в то время как дальновидный человек, делающий мрачные прогнозы, — занудный пессимист.

Восприятие правды о нашем реальном окружении, в особенности понимание человеческой личности и её ценностей, перестаёт быть добродетелью в периоды так называемого «благополучия»; мыслящие скептики открыто осуждаются как надоеды, критикующие всех и вся. Это, в свою очередь, приводит к обеднению психологических знаний, то есть способности различать качества природы и личности человека, а также умения творчески формировать свой разум. Таким образом, культ силы заменяет собой ментальные ценности, так необходимые для поддержания закона и порядка мирными средствами. Обогащение или обеднение психологического мировоззрения определённой страны могут рассматриваться как индикатор того, каким будет её будущее — светлым или мрачным.

В «благополучные» времена поиск правды вызывает дискомфорт, так как он раскрывает неудобные факты. Ведь лучше думать о более лёгких и приятных вещах. Непреднамеренное устранение данных, кажущихся или являющихся неуместными, постепенно входит в привычку и со временем широко принимается всем обществом. Проблема заключается в том, что любой мыслительный процесс, основанный на таких ограниченных данных, не может приводить к верным заключениям. Это, в свою очередь, вызывает неосознанную замену этих обременительных предпосылок более угодными взглядами, что начинает граничить с психопатологией.

Во время таких удовлетворительных периодов, зачастую возникающих благодаря несправедливому отношению к другим группам людей или странам, способность к индивидуальному и общественному сознанию начинает подавляться; подсознательные факторы играют решающую роль в жиз-

ни людей. Такое общество, уже поражённое истероидным[1] состоянием, рассматривает любое восприятие неудобной правды как признак «невоспитанности». Айсберг Иоганна Готфрида Гердера[2]тонет в океане фальсифицированного бессознательного; лишь его верхушка остаётся видимой над волнами жизни. Катастрофа ждёт своего часа. В такие периоды способность к логическому и дисциплинированному мышлению, рождённая из необходимости в тяжёлые времена, начинает увядать. Когда общества теряют свою способность к психологическому здравомыслию и моральной критике, процесс создания зла усиливается в каждой социальной сфере (как индивидуальной, так и макросоциальной), и в конечном счёте всё вновь возвращается к «плохим» временам.

Мы уже знаем, что в каждом обществе существует определённая процентная доля людей, являющихся носителями психических отклонений, вызванных различными унаследованными или приобретёнными факторами и создающих аномалии в восприятии, мышлении и характере. Эти люди часто пытаются придать смысл своей девиантной жизни посредством социальной сверхактивности. Они создают свои собственные мифы и идеологии с целью сверхкомпенсации своих психических дефицитов и имеют склонность самовлюблённо намекать другим людям о превосходстве своих девиантных восприятий и результирующих целей и идей.

Если после нескольких поколений «хороших времён» беззаботность приводит к общественному дефициту социальных навыков и морального критицизма, это прокладывает путь для патологических заговорщиков, мошенников и даже более примитивных проходимцев, деяния которых способствуют процессу возникновения зла. Они являются существенными фак-

[1] Истерия — это психологическое состояние неконтролируемого страха или непомерной возбудимости. Здесь этот термин используется для описания «страха перед правдой» или страха думать о неприятных вещах, чтобы не нарушать своё чувство внутреннего удовлетворения. [Прим. ред.]

[2] Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803), теолог, оказал сильное влияние на немецкую литературу своей литературной критикой и историософией. Совместно с Гёте и Шиллером превратил Веймар в столицу немецкого неогуманизма. Его аналогия национальных культур как органических существ оказала огромное влияние на современное историческое сознание. Он заявлял, что нации не только проходят через фазы юности, зрелости и упадка, но и обладают собственной несравнимой ценностью. Его смесь антропологии и истории была характерной для того периода. (Дж. Г. Гердер, *Мысли, относящиеся к философической истории человечества*, (кн. 1–5).

торами его становления. В следующей главе я попытаюсь убедить моих читателей в том, что участие патологических факторов, настолько недооцениваемых социальными науками, — это распространённый феномен в процессе возникновения зла.

Таким образом, эти времена, которые многие позднее вспоминают как «старые добрые дни», служат благодатной почвой для будущих трагедий по причине прогрессивного упадка моральных, интеллектуальных и личностных ценностей, что в конечном итоге даёт начало периодам хаоса.

Вышеизложенное — это краткий обзор причинного понимания реальности, которое никоим образом не противоречит телеологическому[3] восприятию значения каузальности. Плохие времена являются не просто результатом гедонистического возвращения в прошлое, но имеют определённое историческое назначение.

Страдания, усилия и умственная деятельность в периоды неминуемой горечи приводят к постепенному и, как правило, усиленному восстановлению потерянных ценностей и как результат — к прогрессу человеческого общества. К сожалению, нам всё ещё недостаёт исчерпывающего философского понимания взаимозависимости между причинностью и телеологией этих вещей. Представляется, что в свете законов мироздания пророки были более дальновидными, чем философы, как, например: Э. С. Расселл,[4] Р. Б. Брейтвейт,[5] Дж. Сомерхоф,[6] и другие, размышлявшие над этим вопросом.

С наступлением плохих времён люди ошеломляются избытком зла. Им

---

[3]Телеология — учение, считающее, что всё в мире осуществляется в соответствии с заранее предопределённой Богом или природой целью. [Прим. ред.]

[4]Э. С. Расселл *Form and Function: A Contribution to the History of Animal Morphology* (London: Murray, 1916). [Прим. ред.]

[5]Р. Б. Брейтвейт (1900–1990): британский философ, хорошо известный благодаря своим теориям в области философии науки, морали и религиозной философии. Как научный теоретик Брейтвейт сегодня практически не принимается во внимание. Тем не менее он сделал важный вклад в основы теории вероятностей, статистики и теории игр. В своей книге *Theory of Games as a Tool for the Moral Philosopher* (1955) он продемонстрировал методы применения теории игр для принятия моральных и этических решений. Его классическая работа *Scientific Explanation: A Study of Theory, Probability and Law in Science* (1953) посвящена теме методологии естествознания. (*Encyclopædia Britannica Online*, http://www.britannica.com/eb/article-9016 188/RB-Braithwaite) [Прим. ред.]

[6]Дж. Сомерхоф, *Analytical Biology* (O.U.P., 1950). [Прим. ред.]

приходится мобилизировать все свои физические и умственные силы для борьбы за своё существование и для защиты человеческого разума. Поиск выхода из сложных ситуаций, полных опасностей, пробуждает давно позабытую силу благоразумия. Такие люди поначалу склонны полагаться на силы у власти, которые, как они полагают, способны противодействовать возникшей угрозе. Например, они могут стать излишне воинственными и восторженными военной силой.

Медленно и с трудом они, однако, открывают для себя преимущества умственных усилий, к которым, в частности, относятся возросшее понимание психологической ситуации, улучшенная способность распознавать характеры и личности людей и, наконец, понимание своих противников. В такие времена добродетели, низведённые предыдущими поколениями до чисто литературных тем, вновь обретают свою сущность и ценность. Мудрый человек, способный давать дельные советы, получает высокое признание.

Философии Сократа и Конфуция — тех полулегендарных мыслителей, которые, будучи практически современниками, проживали на противоположных концах огромного континента, — удивительно схожи. Они оба проживали в кровавый период лихолетия и создали метод преодоления зла, в особенности касательно восприятия жизненных законов и знаний о природе человека. Они искали критерии нравственных ценностей внутри человеческой природы, считая добродетелью знания и понимание. Тем не менее оба мыслителя слышали один и тот же невыразимый словами внутренний голос, остерегавший их заниматься моральными вопросами: «Сократ, не делай этого». Именно поэтому их усилия и жертвы оказывают постоянную помощь в борьбе со злом.

Сложные и напряжённые времена порождают ценности, способные в конечном счёте одолеть зло и положить начало лучшим временам. Сжатый и точный анализ феноменов, возможный благодаря преодолению ненужных эмоций и эготизма, характерных для самодовольных людей, открывает путь для причинного поведения, особенно в сфере философских, психологических и нравственных рефлексий; это склоняет чашу весов в сторону добра. Если бы эти ценности были полностью закреплены в культурном наследии человечества, они могли бы в достаточной мере защищать нации от следующей эпохи ошибок и искажений. Тем не менее коллективная па-

мять мимолётна и особенно предрасположена к вырыванию философа и его работы из контекста, а именно: из его времени, места проживания и преследовавшихся им целей.

Всякий раз, когда после сложной и кропотливой работы наученный опытом человек находит момент относительного покоя, его ум — необременённый лишними эмоциями и устаревшими установками прошлого, но при содействии опыта прошедших лет — свободен размышлять над определённой ситуацией. Тем самым он приближается к объективному пониманию феноменов, а также аспекта причинных связей, включая тех, которые невозможно понять в рамках нашего обыденного языка. Таким образом, он глубоко задумывается над постоянно расширяющимся кругом общих закономерностей, одновременно размышляя над смыслом событий прошлого, разделявших собой исторические эпохи. Мы прибегаем к античным принципам, потому что лучше понимаем их; они облегчают нам понимание как возникновения, так и созидательного смысла несчастливых времён.

Период счастливых, мирных времён способствует сужению мировоззрения и росту эготизма. Общества становятся подверженными прогрессирующей истерии — вплоть до той конечной стадии, хорошо известной историкам из исторических документов и дающей начало периодам отчаяния и смуты. Это происходит уже на протяжении тысячелетий и будет также иметь место в будущем. Деградация ума и личности, характерная для якобы счастливых времён, разнится от нации к нации, поэтому некоторым странам удаётся пережить последствия таких кризисов лишь с небольшими потерями, в то время как другие государства и империи полностью стираются с лица земли. Геополитические факторы также играют в этом решающую роль.

Психологические характеристики таких кризисов без сомнения несли на себе отпечаток времени и конкретной цивилизации; тем не менее их общим знаменателем должно было быть усиление истерического состояния общества. Это отклонение, или, ещё лучше, выраженный недостаток характера, является извечной болезнью обществ, в особенности привилегированных элит. Существование экстремальных отдельных случаев, особенно тех, которые можно охарактеризовать как клинические, является лишь боковой ветвью размаха социальной истерии и довольно часто корре-

лирует с некоторыми дополнительными причинами, как, например, незначительными повреждениями головного мозга. Как с количественной, так и с качественной точки зрения, эти индивидуумы могут быть полезными для обнаружения и оценки таких времён, как это описывается в повести *Легенда о Сан-Микеле*.[7] С точки зрения исторического времени, было бы сложнее изучать обратное развитие способности к правильному мышлению или интенсивность «австрийской речи», несмотря на то, что они подходят к сути проблемы лучшим и более прямым образом.

Несмотря на вышеупомянутые качественные различия, эти циклы имеют схожую продолжительность. Если мы предположим, что пик истерии в Европе пришёлся на начало 20-го века и повторяется примерно каждые два столетия, то обнаружим схожую ситуацию. Такая циклическая изохронность может охватить целую цивилизацию и перекинуться на соседние страны. Тем не менее она не может пересекать океаны или проникать в отдалённые и сильно отличающиеся цивилизации.

Когда разразилась Первая мировая война, молодые офицеры танцевали и распевали на улицах Вены: «Война, война, война! Это будет хорошая война».[8] Во время моего визита в Австрию в 1978 году я посетил местного священника, которому тогда было примерно 70 лет. Рассказывая ему о себе, я вдруг понял, что он, возможно, считает меня лжецом, рассказывающим выдуманные истории. Он подверг мои утверждения психологическому анализу, основанному на этом неоспоримом предположении, и попытался убедить меня в возвышенности своей морали. Позже я пожаловался об этом моему другу. Это развеселило его: «Тебе как психологу необычно повезло найти человека, пережившего аутентичную австрийскую речь. В то время, будучи молодыми психологами, нам так никогда и не удалось

[7] Аксель Мунте (1857–1949), врач, психиатр, писатель. Родился в городе Оскарсхамн, Швеция. Изучал медицину в Уппсале, Монпелье и Париже. Во время учёбы в Париже на него произвели сильное впечатление работы французского нейролога Жана Мартена Шарко. С 1908 года был придворным врачом шведской королевы Виктории. Благодаря своему финансированию приютов для птиц стал известен как «Франциск Ассизский наших дней». Как писатель Мунте излагал свой собственный опыт в роли врача и психиатра. Он стал широко известен благодаря своей автобиографической работе *Легенда о Сан-Микеле*, опубликованной в 1929 г. (*eSSORTMENT*, http://nmnm.essortment.com/axelmunthebiog_rzsh.htm) [Прим. ред.]

[8] «Krieg, Krieg, Krieg! Es wird ein schöner Krieg…» [Прим. ред.]

продемонстрировать это на практике, даже когда мы пытались её симулировать».

В европейских языках «австрийская речь» стала общим описательным выражением паралогического[9] дискурса. Многие, кто сегодня используют этот термин, не догадываются о его происхождении. В контексте максимальной интенсивности истерии, господствовавшей в то время в Европе, это аутентичное высказывание представляет собой типичный продукт конверсивного мышления: неосознанный отбор и подмену данных, ведущих к хроническому уклонению от сути проблемы. Подобным образом автоматическое предположение о лживости каждого — это симптом истерической антикультуры лицемерия, в которой говорить правду становится «аморальным».

Эта эра истерической деградации породила Первую мировую войну и большую революцию, результатом которых стало возникновение фашизма, гитлеризма, а также трагедия Второй мировой войны. Она также привела к возникновению макросоциального феномена, анормальный характер которого наложился на этот цикл, заблокировав и уничтожив его сущность. Современная Европа держит курс на противоположный экстремум этой исторической синусоиды. Таким образом, мы можем предположить, что начало следующего столетия ознаменует собой эру оптимальной способности и корректности здравого рассудка. Это приведёт к появлению многих новых ценностей во всех сферах открытий человечества и его творческого потенциала. Мы также можем ожидать, что реалистичное психологическое понимание и духовное обогащение станут характерными чертами этой эпохи.

В то же время Америка — главным образом США — впервые в своей недолгой истории достигла своей низшей точки. Седые европейцы, проживающие в настоящее время в США, поражены сходством между феноменами, наблюдающимися там сегодня, и феноменами, господствовавшими в Европе в период их юности. Эмоционализм, доминирующий в личной, коллективной и политической жизни, а также в неосознанном отборе и подмене данных в процессе мышления обедняет развитие психоло-

[9] «Паралогизм»: нелогичное или ложное заключение; «паралогический»; «приводить паралогизмы»: быть нелогичным, делать ложные умозаключения; «паралогист». [Прим. ред.]

гического мировоззрения и приводит к индивидуальному и национальному эготизму. Мания по малейшему поводу чувствовать себя оскорблённым постоянно провоцирует ответные меры и использует в своих интересах сверхраздражительность и сверхкритичность в ущерб другим людям.[10] Это можно считать аналогичным с помешательством на дуэлях, господствовавшим в то время в Европе. Те, кому посчастливилось занять более высокую социальную позицию, обращаются со своими «подчинёнными» с презрением, сильно напоминающим обычаи царской России. Фрейдистская психология рубежа столетий находит благодатную почву в этой стране ввиду схожести социальных и психологических условий обеих эпох.

Психологическая деградация Америки влечёт за собой ухудшение социопрофессиональной адаптации американцев, что, в свою очередь, приводит к растрате человеческих талантов и обратному развитию общественной структуры. Если бы мы рассчитали для Америки коэффициент корреляции адаптации, как было указано в предыдущей главе, то он, вероятно, оказался бы ниже в сравнении с большинством свободных и цивилизованных стран и, возможно, даже ниже, чем в некоторых странах, потерявших свою независимость.

Высокоталантливому индивидууму, проживающему в США, сегодня становится всё сложнее пробивать себе путь к самореализации и социально созидательной позиции. Передовые позиции в университетах, политике и экономике всё чаще занимаются относительно бездарными и даже некомпетентными людьми. Термин «чрезмерно образованный» можно слышать всё чаще и чаще. Эти «чрезмерно образованные» индивидуумы в конечном счёте пропадают в лабораториях, где им дозволяется работать над получением Нобелевской премии — до тех пор, пока они не делают ничего действительно полезного. Между тем страна в целом страдает от нехватки вдохновляющей роли высокоодарённых людей.

В итоге Америка удушает прогресс во всех сферах жизни — от культуры до технологии и экономики, не исключая политическую некомпетентность. В сочетании с другими недостатками неспособность эготиста понимать других людей и другие культуры приводит к политическим ошибкам и поиску козлов отпущения среди аутсайдеров. С полной остановкой эво-

[10] Одержимость американцев вести судебные разбирательства широко известна. [Прим. ред.]

люции политических структур и социальных институтов растёт как административная бездеятельность, так и недовольство со стороны её жертв.

Нам необходимо осознать, что самые драматические социальные трудности и напряжения происходят не ранее, чем через десять лет после первых видимых симптомов, возникших из психологического кризиса. Будучи результирующим явлением, они представляют собой отсроченную реакцию на определённую причину или стимулируются одним и тем же психологическим процессом активации. Поэтому временной интервал для эффективных контрмер довольно короток.

Имеет ли Европа право смотреть свысока на США за то, что они страдают от одной и той же болезни, жертвой которой первая неоднократно была сама в прошлом? Обусловлено ли чувство превосходства Америки по отношению к Европе этими событиями прошлого и их бесчеловечными и трагическими результатами? И если это так, то является ли такое отношение чем-то большим, нежели просто безобидным анахронизмом? Было бы наиболее целесообразно, если бы европейские страны сделали выводы из своего исторического опыта и новейших открытий в области психологии, чтобы оказать Америке эффективную помощь.

Центрально-Восточная Европа, находящаяся сегодня под властью Советов,[11] также является частью европейского цикла, хотя и несколько запоздалой; это также применимо и к Советскому союзу, особенно к его европейской части. Однако если мы захотим проследить там эти изменения и изолировать их от более драматических феноменов, у нас не будет достаточно возможностей для наблюдения, даже если это всего лишь вопрос методологии. Тем не менее даже там имеет место постепенный рост сопротивления среди широких слоёв населения, вызванный возрождающей силой здравого смысла. С каждым годом господствующая система становится всё слабее в отношении этих органических преобразований. Добавим к этому феномен, который, будучи совершенно непостижимым для Запада, заслуживает отдельного внимания. Речь идёт о растущих специфических и практических знаниях о господствующей реальности в странах со схожим государственным строем. Это облегчает индивидуальное сопротивление и восстановление социальных связей. В конечном счёте подобные процессы приведут к переломному моменту, хотя, возможно, это и не бу-

[11] На момент написания данной книги (1984 г.)

дет кровавой контрреволюцией.

Напрашивается следующий вопрос: наступит ли когда-либо время, когда этот извечный цикл, против которого государства практически бессильны, сможет быть преодолён? Способны ли страны непрерывно поддерживать свою созидательную и критическую деятельность на стабильно высоком уровне? Наша эпоха содержит множество исключительных моментов; наш современный котёл макбетовских ведьм содержит не только ядовитые ингредиенты, но также прогресс и понимание, которые человечество не видело уже тысячелетия.

Оптимистичные экономисты придерживаются мнения, что человечество заполучило крепкого раба в форме электрической энергии, и что войны, завоевания и покорение других стран становятся со временем всё менее прибыльными. К сожалению, как мы в дальнейшем увидим в данной работе, посредством стимулов, имеющих метаэкономическую природу, страны могут быть втянуты в экономически иррациональные желания и действия. Именно поэтому преодоление этих причин и феноменов, порождающих зло, является сложной, хотя и, по меньшей мере теоретически, достижимой задачей. Тем не менее для её решения нам необходимо понять природу и динамику упомянутых феноменов. Речь идёт о старом принципе медицины, который я буду повторять снова и снова: **«Ignoti nulla curatio morbi»**.

Одно из достижений современной науки, способствующее разрушению этих извечных циклов, — это развитие систем коммуникации, связавших части нашего мира в одну огромную глобальную «деревню». Раньше описанные временные циклы развивались практически независимо друг от друга в различных цивилизациях, раскиданных по всему свету. Их фазы никогда не были и не являются синхронными. Мы можем предположить, что американская фаза отстаёт от европейской на 80 лет. Когда мир, с точки зрения передачи как информации, так и новостей, превращается во взаимосвязанную структуру, различные социальные содержания и мнения, вызванные рассинхронными фазами вышеупомянутых циклов, помимо прочего, преодолевают все границы и системы обеспечения информационной безопасности. Это приводит к росту напряжений, способных изменить внутренние причинные зависимости. Из этого возникает более пластичная психологическая ситуация, увеличивающая возможности для це-

ленаправленных действий, основанных на понимании этого феномена.

Вместе с этим, несмотря на многие трудности научного, социального и политического характера, мы видим развитие новой совокупности факторов, способных в конечном итоге сделать свой вклад в освобождение человечества от воздействия непостижимых для него исторических причин. Развитие науки, конечной целью которой является лучшее понимание человека и законов социальной жизни, способно в долгосрочной перспективе заставить общественное мнение принять жизненно необходимые знания о человеческой природе и развитии человеческой личности, что позволит взять под контроль пагубные процессы. Для этого понадобятся определённые формы международного сотрудничества и надзора.

Развитие человеческой личности, а также её способности к правильному мышлению и точному пониманию действительности содержит определённую долю риска и требует преодоления комфортной ленивости и применения на практике научных результатов — в условиях, довольно сильно отличающихся от тех, в которых нас воспитали.

В таких условиях эготистичная личность, привыкшая к узкому, комфортному окружению, поверхностному мышлению и бесконтрольному эмоционализму, испытает чрезвычайно благоприятные изменения, которые иначе не могли бы быть вызваны ничем другим. В особенности изменённые условия вызовут дезинтеграцию такой личности, вызвав тем самым у неё умственные и когнитивные улучшения, а также процесс моральных размышлений.

Примером такого процесса получения опыта может служить Американский корпус мира. Молодёжь путешествует во многие бедные развивающиеся страны, чтобы там жить и работать, часто в примитивных условиях. Там они учатся понимать другие страны и обычаи, и их эготизм уменьшается. Их мировоззрение развивается и становится более реалистичным. Тем самым они избавляются от типичных недостатков современного американского характера.

Преодолевая нечто, происхождение которого покрыто завесой незапамятных времён, мы часто чувствуем, что боремся с извечными ветряными мельницами истории. Тем не менее конечной целью этих усилий является возможность того, что объективное понимание человеческой природы и её неизменных слабостей, а также результирующей трансформации со-

циальной психологии сможет позволить нам эффективно противодействовать, или даже воспрепятствовать, разрушительным и трагическим результатам в не слишком отдалённом будущем.

Мы живём в особые, исключительные времена, когда страдания приводят к лучшему пониманию вещей, чем несколько столетий назад. Это понимание и знание вписываются лучше в полную картину, потому что они основываются на объективных данных. По этой причине такая точка зрения становится реалистичной, а люди и проблемы достигают зрелости благодаря конкретным поступкам. Такие поступки не должны ограничиваться только теоретическими размышлениями, но должны обретать конкретную форму и структуру.

Для облегчения этого процесса давайте рассмотрим детальнее поставленные вопросы, а также эскиз новой научной дисциплины. Её предметом будет изучение зла, факторов его возникновения, его недостаточно понятых особенностей и слабых мест, что в конечном итоге позволит нам открыть новые возможности по противодействию источнику человеческих страданий.

4 Понерология

Начиная с древних времён философы и религиозные мыслители, представляющие разносторонние мировоззрения в различных культурах, искали истину касательно нравственных ценностей, а также критерии справедливости и дельных советов. Они подробно описывали положительные черты человеческого характера и рекомендовали развивать их. Они оставили после себя наследие многовекового опыта и размышлений. Несмотря на очевидные различия в культурах и взглядах и вопреки тому, что они жили в совершенно различные времена в отдалённых друг от друга уголках света, сходство или дополняющий характер умозаключений этих античных философов поражает воображение. Это показывает, что всё ценное обуславливается и вызывается законами природы, воздействующими как на отдельных людей, так и на общества в целом.

Также наводит на размышления то, как относительно немного было сказано об обратной стороне медали: природе, причинах и происхождении зла. Эти вопросы, как правило, скрыты *за* обобщёнными выше заключениями с некой долей секретности. Такое положение вещей можно отчасти приписать социальным условиям и историческим обстоятельствам, в которых жили эти мыслители; их образ действия мог, по меньшей мере, частично диктоваться личными жизненными обстоятельствами, унаследованными традициями или даже ханжеством. Не в последнюю очередь справедливость и добродетель являются противоположностью насилия и порочности; это же применимо и к правдивости в отличие от лживости, подобно тому как здоровье — это антоним болезни. Возможно также, что их мысли и слова об истинной природе зла позднее были уничтожены и скрыты теми самыми силами, которые они пытались разоблачить.

Тем самым природа и происхождение зла остались скрытыми под покровом молчания; эта тема была отдана на откуп авторам литературных произведений, принявшимся описывать её многокрасочным языком. Тем не менее каким бы выразительным ни был литературный язык, он так ни-

когда и не приблизился к источнику этого феномена. Всегда оставалось определённое когнитивное пространство — неисследованные дебри нравственных вопросов, не поддававшихся пониманию и философским обобщениям.

Современные философы, развивающие метаэтику, пытаются маневрировать через это эластичное пространство. Это приводит к анализу языка этики и шаг за шагом способствует устранению изъянов и привычек повседневного концептуального языка. Для учёного очень заманчиво докопаться до сущности этого загадочного вопроса.

В то же время активные участники социальной жизни и другие люди, находящиеся в поиске своего пути, в значительной степени обусловлены своим доверием к некоторым авторитетам. Такие извечные устремления, как, например, опошление недостаточно доказанных моральных ценностей или предательское злоупотребление уважением к ним наивных людей, не находят адекватного противовеса в рациональном понимании реальности.

Если бы врачи поступали подобно этикам, т. е. были бы отосланы к тени своего личного опыта касательно относительно неэстетических болезненных феноменов, так как их основной интерес состоял в изучении вопросов телесной и умственной гигиены, то у нас не было бы, например, современной медицины. Даже самые зачатки этой поддерживающей здоровье науки были бы скрыты в схожих тенях. Несмотря на тот факт, что теория гигиены имела непосредственное отношение к медицине с самых её начал, врачи были правы в том, что делали упор прежде всего на изучение болезней. Они подвергали риску своё собственное здоровье и шли на многие жертвы во имя раскрытия причин и биологических характеристик болезней, чтобы понять патологическую динамику течения этих болезней. Понимание природы болезни и хода её протекания в конечном итоге позволяет разработать соответствующие лечебные средства.

Изучая способности организма бороться с болезнями, учёные создали вакцины, позволяющие ему развивать к ним устойчивость без необходимости переживать в полной мере их симптомы. Благодаря такому подходу медицина способна преодолевать и предотвращать феномены, которые, учитывая их последствия, можно рассматривать как некоего рода зло.

Тем самым встаёт следующий вопрос: возможно ли применить анало-

гичный образ действия для изучения причин и происхождения других форм проявления зла, преследующих людей, их семьи и целые общества и это несмотря на тот факт, что они причиняют нашим моральным чувствам намного больший ущерб, чем болезни? Опыт научил автора, что зло по своей природе напоминает болезни, хотя, возможно, и является более сложным и неуловимым для понимания. Его происхождение раскрывает многие факторы, в особенности психопатологические, сущность которых либо уже изучалась медициной и психологией, либо требует дальнейшего изучения.

Наряду с традиционным подходом, проблемы, обычно считающиеся моральными, также могут решаться на основе данных биологии, медицины и психологии, так как такие факторы одновременно присутствуют в постановке вопроса в целом. Мы знаем из опыта, что понимание сущности и происхождения зла, как правило, использует данные этих областей науки. Одних лишь философских размышлений для этого недостаточно. Философская мысль, возможно, и положила начало всем научным дисциплинам, однако все они достигали зрелости лишь тогда, когда становились независимыми и начинали полагаться на детальные данные и связи с прочими дисциплинами, также предоставлявшими дополнительную информацию.

Обнадёженный такими, зачастую «случайными», открытиями этих жизненных аспектов зла, автор имитировал методологию медицины; будучи клиническим психологом и профессиональным коллегой врачей, он и без того имел к этому определённую тенденцию. Как и в случае с врачами и болезнями, он брал на себя риск близкого контакта со злом и страдал от последствий этого. Его цель состояла в выяснении возможностей понимания природы зла, его причинных факторов, а также в прослеживании его патологической динамики.

Достижения биологии, медицины и психологии открыли столь много новых перспектив, что вышеупомянутый подход оказался не только осуществимым, но и исключительно плодотворным. Личный опыт и усовершенствованные методы клинической психологии сделали возможными более точные умозаключения.

Тем не менее основная трудность заключалась в нехватке данных, особенно в области науки, изучающей психопатии. Эта проблема должна бы-

ла быть преодолена с помощью моих собственных исследований. Эта нехватка была вызвана небрежной работой в упомянутых областях, теоретическими трудностями, перед которыми предстали исследователи, и непопулярностью этих проблем. Эта работа в целом и данная глава в частности содержат ссылки на результаты исследований, которые автор либо не сумел, либо не захотел опубликовать из соображений личной безопасности. К сожалению, все подлинники были утеряны, и мой возраст больше не позволяет мне восстановить их по памяти. Я надеюсь, что мои описания, наблюдения и опыт, которые я привожу здесь в сжатой форме по памяти, сформируют основу для будущих усилий по подготовке данных, необходимых для повторного подтверждения моих выводов.

Как бы то ни было, на основе работы, проводившейся в те трагические времена как мной, так и другими, возникла новая дисциплина, ставшая нашей путеводной звездой. Два греческих филолога/монаха окрестили её *Понерологией*, от греческого *poneros*, «зло». Процесс возникновения зла был назван соответственно *понерогенезом*. Я надеюсь, что эти скромные начала будут расти, позволив нам со временем преодолеть зло с помощью понимания его природы, причин и развития.

Из пяти тысяч психотических, невротических и здоровых пациентов автор выбрал 384 взрослых, поведение которых травмировало других людей. Они происходили из всевозможных социальных слоёв польского общества, но главным образом из крупного индустриального центра, для которого были характерны плохие условия труда и сильное загрязнение воздуха. Они представляли различные моральные, социальные и политические взгляды. Примерно 30 из них были подвержены уголовному наказанию, которое зачастую было слишком суровым. После освобождения из тюрьмы или окончания иных уголовно-исправительных мер эти люди попытались вновь интегрироваться в социальную жизнь; во время разговора со мной как с психологом они, как правило, старались быть искренними. Другие избежали наказания; остальные причинили вред своим товарищам таким способом, который не подпадал под уголовное наказание ни с теоретической, ни с практической точки зрения. Некоторые были защищены политической системой, которая сама по себе уже была понерогенным дериватом. Автор также имел преимущество говорить с людьми, страдавших

от неврозов, вызванных жестоким обращением.

Все вышеупомянутые люди прошли через психологические тесты; для них также был составлен детальный анамнез[1] с целью определить их общие психологические навыки и тем самым исключить возможные повреждения мозговой ткани либо установить между ними связь. В соответствии с нуждами пациентов также были применены и другие методы с целью получения достаточно точной картины их психологического состояния. В большинстве случаев автор имел доступ к результатам медицинских обследований и лабораторных тестов, проведённых в медицинских учреждениях.

Психолог способен делать множество ценных наблюдений (как, например, наблюдения, изложенные в данной книге) — даже если он сам подвергается жестокому обращению — до тех пор, пока его познавательный интерес перевешивает естественные эмоциональные реакции, присущие людям. Если это не удаётся, ему необходимо использовать свои профессиональные навыки, чтобы в первую очередь спасти себя самого. Автору никогда недоставало таких возможностей, так как его несчастная страна изобиловала примерами человеческой несправедливости, которую он неоднократно испытывал на себе.

Анализ личностей этих людей и происхождения их поведения показал, что лишь у 14–16% из 384 человек, травмировавших тем или иным способом других людей, *отсутствовали* какие-либо психопатологические факторы, которые могли бы повлиять на их поведение. Что касается этой статистики, следует указать, что неспособность психолога распознать эти факторы не доказывает их отсутствие. Для значительной части этой группы отсутствие каких-либо доказательств было скорее результатом недостаточных возможностей проведения интервью, несовершенства методов тестирования и неудовлетворительных навыков испытателей. По этой причине естественная реальность принципиально отличалась от обыденных взглядов, интерпретирующих зло нравоучительным образом, а также от юридических практик, в которых приговор выносился лишь в небольшой части случаев с учётом патологических характеристик преступника.

Мы часто можем делать выводы посредством исключающих гипотез, когда мы, например, обдумываем, что произошло бы, если бы некое отдель-

[1] История болезни словами пациента. [Прим. ред.]

ное преступление *не* содержало бы в себе определённых патологических элементов. В таких случаях мы, как правило, приходим к выводу, что преступление действительно имело место, потому что патологический фактор либо сделал его неизбежным, либо стал его решающей причиной.

Таким образом, эта гипотеза предполагает, что подобные факторы играют, как правило, активную роль в возникновении зла. Убеждение в том, что патологические факторы в целом содействуют понерогенным процессам, представляется ещё более вероятным, если мы также примем во внимание этические воззрения многих учёных, согласно которым зло представляет собой некоего рода сеть, или континуум, *взаимного обусловливания*. Внутри этой взаимосвязанной структуры одна форма зла питает другие и открывает им путь независимо от каких-либо личных или догматических побуждений. Зло не признаёт ни личных границ, ни социальных групп, ни наций. Так как патологические факторы являются частью синтеза большинства форм зла, они также присутствуют и в этом континууме.

Во время дальнейших наблюдений рассматривалась лишь *часть* вышеупомянутых разносторонних случаев, в особенности тех, касательно которых не оставалось никаких сомнений, так как они противоречили естественным нравственным взглядам, а также случаев, не представлявших практических трудностей для дальнейшего анализа (как, например, отсутствие контакта с пациентом). Статистический подход позволил выявить лишь общие тенденции. Интуитивное проникновение в каждую отдельную проблему и схожий процесс сведения в единое целое оказались наиболее продуктивным методом в этой области.

Роль патологических факторов в процессе возникновения зла может играть любой известный или ещё недостаточно изученный психопатологический феномен, так же как и некоторые патологические явления, которые медицинская практика пока не относит к психопатологическим. Тем не менее их активность в понерогенном процессе зависит от других особенностей, *отличных от очевидности или интенсивности состояния*. Как раз наоборот, самая высокая понерогенная активность достигается именно благодаря патологическим факторам с интенсивностью, в целом позволяющей их обнаружение с помощью клинических методов, и это несмотря на то, что *в глазах социального окружения они пока ещё не считаются патологическими*. Такой фактор способен затем скрытно ограничить

способность его носителя контролировать своё поведение. Или же он может оказывать воздействие на других людей, травмируя их психику, очаровывая их, вызывая неправильное развитие их личности либо вызывая у них злопамятство или жажду наказания. Моралистическая интерпретация таких патологических факторов и их наследия означает противодействие способности человечества распознавать причины зла и использование здравого рассудка для борьбы с ним. По этой причине распознавание этих факторов и разоблачение их деятельности часто способно задушить на корню их понерогенные функции.

В процессе возникновения зла патологические факторы могут действовать изнутри человека, совершившего пагубный поступок; подобные деяния относительно легко распознаются общественным мнением и судебными органами. Намного реже во внимание принимается, как внешние влияния, оказываемые их носителями, воздействуют на отдельных людей или их группы. Тем не менее такие влияния играют существенную роль в общем процессе возникновения зла. Активация этих влияний вызывается тем, что рассматриваемый патологический признак интерпретируется с точки зрения морали, то есть отлично от его истинной природы. Для такой деятельности существует множество возможностей. Пока что давайте рассмотрим виды деятельности, наносящие наибольший урон.

Каждый человек на протяжении всей своей жизни — и особенно в детском и юношеском периоде — ассимилирует психологический материал других людей. Это происходит посредством психического резонанса, идентификации, имитации и прочих средств коммуникации, вследствие чего происходит формирование его собственной личности и мировоззрения. Если этот материал заражён патологическими факторами и нарушениями, то личность также будет развиваться с отклонениями. Результатом этого будет индивидуум, неспособный понимать себя или других людей, нормальные человеческие отношения и этические нормы; он превратится в человека, совершающего злые поступки практически без угрызений совести. Действительно ли это его вина?

Извечные, всем нам знакомые моральные слабости человека — недостаточность умственных способностей, логического мышления, а также низкий уровень знаний — комбинируются с деятельностью различных патологических факторов и создают сложную сеть причинных зависимостей,

которая зачастую состоит из отношений обратной связи или закрытых причинных структур. Фактически это означает, что причина и следствие часто широко разделены во времени, что значительно усложняет прослеживание связей между ними. Когда наша область наблюдения достаточно широка, понерогенные процессы напоминают сложный химический синтез, в котором изменение одного единственного фактора вызывает модификацию всего процесса. Ботаникам известен закон минимума, согласно которому рост растения ограничен количественным содержанием элемента с недостаточной концентрацией в почве. Сходным образом устранение (или по меньшей мере ограничение) активности одного из вышеупомянутых факторов или недостаточности способно вызвать соответствующее ослабление всего процесса возникновения зла.

На протяжении столетий моралисты советовали нам развивать этику и человеческие ценности; они искали подходящие интеллектуальные критерии. Для них также была важна правильность мышления, ценность которого неоспорима в данной области. Но, несмотря на все усилия, им *не удалось преодолеть многие формы зла, которые преследовали человечество на протяжении столетий* и сегодня принимают невиданные масштабы.

Понеролог никоим образом не желает занижать роль моральных ценностей и знаний в этой области; напротив, он желает подкрепить их доселе недооценёнными научными знаниями для создания более полной картины и её лучшего приспособления к реальности, тем самым делая возможными более эффективные действия в моральной, психологической, социальной и политической практике.

Основным объектом интереса этой новой научной дисциплины является прежде всего роль патологических факторов в возникновении зла, особенно потому, что сознательный контроль и наблюдение за ними на научном, социальном и индивидуальном уровнях могли бы эффективно сдерживать или обезвреживать эти процессы. Нечто, столетиями не представлявшееся возможным, теперь становится осуществимым на практике — благодаря прогрессу естественного познания. Методологические усовершенствования зависят от дальнейших успехов в сборе подробных данных, а также от убеждения в ценности такого подхода.

Например, в ходе психотерапии мы можем информировать пациента о том, что обнаружили в процессе развития его личности и поведения след-

ствия влияния других людей с признаками психопатологии. Тем самым мы проводим вмешательство, болезненное для пациента и требующее от нас поступать тактично и профессионально. В результате этого взаимодействия пациент развивает своего рода самоанализ, освобождающий его от последствий этих влияний и позволяющий ему занять критическую дистанцию по отношению к другим факторам аналогичного характера. Его реабилитация будет зависеть от того, сможет ли он улучшить свою способность понимать себя и других. Благодаря этому пониманию он сможет с большей лёгкостью преодолевать свои внутренние и межличностные трудности и избегать ошибок, приносящих страдания ему и его непосредственному окружению.

4.1. Патологические факторы

Давайте теперь попытаемся дать краткое описание некоторых примеров патологических факторов, проявивших наибольшую активность в понерогенных процессах. Выборка этих примеров основывается на собственном опыте автора, а не на всесторонних статистических данных, и поэтому может отличаться от оценок других специалистов. Многое зависит от конкретной ситуации. Небольшое количество статистических данных касательно этого феномена было заимствовано из других работ или представляет собой приблизительные оценки, сделанные в условиях, не позволивших провести полноценные исследования. Прошу читателя не забывать, где, в каких условиях и в какой период автору приходилось работать.

Также следует упомянуть некоторые исторические личности, чьи патологические качества внесли свой вклад в процесс возникновения зла и оставили свой след на судьбе целых наций. Дать диагноз людям, чьи психические отклонения и заболевания ушли вместе с ними в могилу, — это нелёгкая задача. Результаты этих клинических анализов могут быть поставлены под сомнение даже теми, кто не обладает достаточными знаниями или опытом в этой области — хотя бы по той причине, что признание существования таких душевных состояний противоречит их историческому или литературному образу мышления. В то время как это обычно происходит на основе наследия обыденного и зачастую нравоучительного языка, я могу лишь ещё раз уверить читателя в том, что мои заключения

всегда основывались на данных, полученных в результате многочисленных наблюдений, которые я сделал во время исследования многих схожих пациентов с помощью объективных методов современной клинической психологии. Я использовал критический подход к этой теме, насколько это было возможно. Тем не менее мнения специалистов, сформированные схожим образом, не утратили своей ценности.

4.2. Приобретённые отклонения

Мозговая ткань имеет очень ограниченную регенерационную способность. После повреждения процесс восстановления может проходить таким образом, что смежные области мозга перенимают функции его повреждённой части. Однако это замещение никогда не проходит безупречно, поэтому практически во всех случаях — даже при очень незначительных повреждениях — с помощью соответствующих тестов может диагностироваться дефицит некоторых навыков и правильных психологических процессов. Специалисты осведомлены о многосторонних причинах возникновения таких повреждений, включая травмы и инфекции. Следует подчеркнуть, что психологические последствия таких изменений, прослеживаемые ещё много лет спустя, в большой степени зависят от *местоположения* повреждения в мозговой ткани, будь то внутри или на поверхности, чем от вызвавшей их причины. Серьёзность этих последствий также зависит от того, *когда* они произошли в жизни человека. Что касается патологических факторов понерогенных процессов, повреждения, произошедшие в перинатальном или раннем младенческом периоде, влекут за собой более активные последствия, чем травмы, случившиеся позднее.

В обществах с высокоразвитым здравоохранением в первых классах начальной школы после проведения соответствующих тестов мы обнаружим, что от 5 до 7 процентов детей страдают от повреждений мозговой ткани, вызывающих определённые проблемы с успеваемостью и поведением. Это процентное отношение растёт с возрастом. Современное здравоохранение способствовало снижению количества подобных феноменов, однако, в прошлом, а также в наши дни в некоторых относительно нецивилизованных странах сложности, вызванные такими изменениями, были и остаются более частым явлением.

Эпилепсия, наряду со многими её разновидностями, — самый известный результат таких поражений мозговой ткани. Тем не менее она наблюдается лишь в относительно небольшой группе людей, страдающих от подобных повреждений. Исследователи в этой области практически единодушны в том, что Юлий Цезарь и Наполеон Бонапарт страдали от эпилептических приступов. В их случае речь шла вероятно о вегетативной эпилепсии, вызванной поражениями ткани в глубине мозга около вегетативных центров. Эта разновидность эпилепсии не влечёт за собой развитие слабоумия. Степень негативного влияния этих скрытых заболеваний на личности Цезаря и Бонапарта, их исторические решения, а также то, играли ли они определённую понерогенную роль, — это предмет другого исследования. Его результаты действительно были бы интересными. Как бы то ни было, в большинстве случаев эпилепсия представляет собой *очевидное* заболевание, что ограничивает её роль как понерогенного фактора.

В другой, намного более крупной группе носителей повреждений мозговой ткани *негативная деформация их личностей* усиливается со временем. Это принимает различные психические формы и зависит от характеристик и локализации этих изменений в головном мозге, времени их возникновения, а также от условий жизни отдельного индивидуума в посттравматическом периоде. Мы будем называть такие расстройства характера *характеропатиями*. Некоторые характеропатии играют значительную роль в процессах возникновения зла как патологические агенты. Давайте опишем их наиболее активные формы.

Характеропатии проявляют определённые сходства, если клиническая картина не замутнена сосуществованием прочих психических аномалий (обычно унаследованных), что иногда происходит на практике. Неповреждённая мозговая ткань имеет естественные психологические свойства, присущие человеческому виду. Это проявляется особенно наглядно в инстинктивных и эмоциональных реакциях, которые, несмотря на свою естественность, часто контролируются в недостаточной мере. Опыт индивидуумов с такими аномалиями накапливается в условиях мира нормальных людей, к которому они принадлежат от природы. Тем самым их отличающиеся способы мышления, эмоциональная жестокость и эготизм получают относительно лёгкий доступ к психике других людей и воспринимаются в категориях повседневной жизни. Такое поведение со стороны

индивидуумов с расстройствами характера травмирует умы и чувства нормальных людей, постепенно снижая их способность использовать здравый смысл. Несмотря на своё сопротивление жертвы характеропатов привыкают к стойким чертам патологического мышления и его применению на практике. Личность молодых людей, ставших их жертвами, подвергается ненормальному развитию, приводящему к её мальформации. Таким образом, характеропаты и их жертвы представляют патологические, понерогенные факторы, которые своей скрытой активностью с лёгкостью создают новые фазы в извечном процессе возникновения зла, открывая путь к активации других факторов в будущем, перенимающих, в свою очередь, главную роль.

Относительно хорошо задокументированный пример такого влияния характеропатической личности на макросоциальном уровне — последний немецкий император Вильгельм II.[2] Во время своего рождения он получил травму мозга. Во время и после его правления его физические и психические недостатки скрывались от общественности. Двигательная способность его левой руки была ограничена. В детском возрасте он испытывал трудности в изучении грамматики, геометрии и рисования — типичные последствия лёгких повреждений головного мозга. Он развил в себе инфантильную личность с недостаточным контролем над эмоциями и несколько параноидным образом мышления, с помощью которого он с лёгкостью обходил некоторые важные вопросы, избегая тем самым проблем.

Воинственные позы и генеральская форма компенсировали с избытком

[2] «Будучи самым старшим внуком Королевы Виктории, Вильгельм символизировал свою эру и нуворишский аспект Германской империи. Кайзер страдал от врождённого дефекта: его левая рука была парализованной и нетрудоспособной. Утверждалось, что он преодолел это увечье, однако приложенные для этого усилия оставили на нём свой след. Несмотря на усилия его родителей дать ему либеральное воспитание, принц проникся религиозным мистицизмом, милитаризмом, антисемитизмом и восхвалением силовой политики. Некоторые утверждали, что его личность проявляла элементы нарциссического расстройства личности. Его помпезный, тщеславный, равнодушный характер, одержимый напыщенными идеями о данном ему божественном праве на власть, соответствовал характеру новой Германии: сильный, но неуравновешенный; тщеславный, но неуверенный в себе; интеллигентный, но твёрдолобый; самовлюблённый, но в то же время ищущий признания.» (*Biographical Dictionary*, http://net.lib.byu.edu/estu/wwi/bio/w/willyii.html) [Прим. ред.]

его чувство неполноценности и эффективно скрывали его недостатки. В политике он проявлял недостаточный контроль над эмоциями и личную злобу. Бисмарку пришлось покинуть свой пост. Этот старый железный канцлер, искусный и неуступчивый политик, бывший лояльным к монархии и создавший прусское могущество. Ведь он был хорошо осведомлён об инвалидности принца, а также был против его коронации. Похожая судьба постигла и других сверхкритичных людей. Их заменяли другими особами с более низким интеллектом, более выраженным раболепием, а иногда и с некоторыми психическими отклонениями. *Происходил негативный отбор*.

Так как обычные люди имели склонность идентифицировать себя с императором, последний — с помощью своей правительственной системы — принимал характеропатические решения, в результате которых многие немцы постепенно потеряли свою способность использовать здравый смысл. Целое поколение выросло с психологическими дефектами касательно своих чувств, а также нравственного, психологического, социального и политического понимания действительности. Чрезвычайно характерным было наличие во многих немецких семьях по меньшей мере одного человека, который с психологической точки зрения был не совсем нормальным. Сокрытие этого факта от общественности и даже от близких друзей и родственников стало вопросом чести (прощалось даже гнусное поведение). Большая часть немецкого общества впитала в себя этот психопатологический материал наряду с оторванным от действительности образом мышления, в котором лозунги переняли силу аргументов, а реальные данные подверглись неосознанному отбору.

Это произошло в то время, когда волна истерии — в том числе и тенденция преобладания эмоций над человеческим поведением, проявлявшим некую наигранность — катилась по всей Европе. То, как личные трезвые мысли могли терроризироваться поведением, окрашенным таким психопатологическим материалом, проявлялось особенно у женщин. Постепенно это распространилось на три империи, а затем и на другие страны континента.

В какой степени этому способствовали Вильгельм II, а также два других императора, которые также были неспособны понимать исторические факты и править страной? Насколько они сами находились под влиянием

этой усиливавшейся истерии в период их правления? Это могло бы быть интересной темой для обсуждения среди историков и понерологов.

Международная напряжённость росла; эрцгерцог Фердинанд был убит в Сараево. К сожалению, как Кайзер, так и другие органы государственной власти в стране лишились своего рассудка. Последовавшие за этим события доминировались эмоциональным поведением Вильгельма и стереотипами мышления и действий, бывшими наследием прошлого. Разразилась война. Имевшиеся планы военных действий, разработанные в былые времена и потерявшие свою значимость в новых условиях, воплощались скорее подобно военным манёврам. Даже историки, знакомые с процессом формирования прусского государства — в том числе с его идеологическим подчинением людей авторитету короля и императора, а также с его традиционным кровавым экспансионизмом — интуитивно понимали, что эта ситуация содержала элемент *непостижимой обречённости*, исторические причины которой ускользали от анализа.

Многие думающие люди продолжают задавать один и тот же вопрос: как случилось, что немецкая нация выбрала лидером своей страны шутовского психопата, не делавшего никакого секрета из своей патологической мечты о господстве расы сверхлюдей? Под его руководством Германия развязала вторую преступную и политически абсурдную войну. Во время второй половины этой войны хорошо обученные армейские офицеры отдавали бесчеловечные приказы, бессмысленные с политической и военной точки зрения; приказы, отданные человеком, психологическое состояние которого соответствовало общепринятым критериям принудительного заключения в психиатрическую клинику.

Любая попытка объяснить события первой половины 20-го века с помощью общепринятых исторических взглядов оставляет после себя щемящее чувство неадекватности. Лишь понерологический подход способен скомпенсировать этот дефицит нашего понимания, а также должным образом оценить роль различных понерологических факторов в процессе возникновения зла на каждом социальном уровне.

Немецкая нация, которую кормили патологическим и психологически искажённым материалом на протяжении целого поколения, впала в состояние, сравнимое с состоянием людей, воспитанных индивидуумами, проявляющими как характеропатические, так и истерические признаки. Пси-

хологи знают по опыту, как часто такие люди позволяют себе совершать действия, серьёзно травмирующие других. Для того чтобы позволить таким людям вновь обрести способность понимать психологические проблемы с помощью естественнонаучного реализма и использовать свои здоровые навыки критического мышления применимо к собственному поведению, психотерапевту необходимы упорная работа, талант и благоразумие.

Во время Первой мировой войны немцы причинили огромный ущерб и страдания — как другим людям, так и себе. Однако они не чувствовали себя основными виновниками и даже считали себя пострадавшими. Это неудивительно, ведь они поступали в соответствии со своим привычным поведением, не осознавая его патологические причины. Потребность скрыть после войны это патологическое состояние под геройским одеянием, во избежание болезненной дезинтеграции, стала слишком распространённой. Возникла загадочная, непреодолимая потребность, как будто социальный организм пристрастился к какому-то наркотику. Это была тяга к ещё большему количеству патологически изменённого психологического материала — феномен, известный из практики психотерапии. Этот голод мог быть утолён лишь такой же патологической личностью или системой правления. Характеропатическая личность проложила путь к власти психопатическому Гитлеру. Позже мы вернёмся к нашим размышлениям об этой очерёдности патологических типов личностей, поскольку она, как представляется, является общей закономерностью в понерогенных процессах.

Понерогенный подход облегчает нам понимание людей, подвергающихся влиянию характеропатических личностей, а также осмысление макросоциальных феноменов, вызванных действием таких факторов. К сожалению, психотерапия может помочь лишь немногим из этих людей. Такое поведения нельзя приписывать нациям, гордо защищающим свою суверенность, не проявляя при этом экстремальных реакций. Тем не менее мы можем сделать решение таких проблем (посредством соответствующих знаний) нашим видением будущего.

Параноидальные расстройства характера: для людей с параноидальным поведением типична способность к более или менее рациональному мышлению и участию в дискуссиях, вызывающих лишь небольшие разногласия. Всё внезапно меняется, как только аргументы их оппонентов

начинают подтачивать их собственные переоценённые идеи, разрушать их устоявшиеся стереотипы мышления или заставляют их принимать умозаключения, которые они уже подсознательно отвергли. Это вызывает у них побуждение выпалить на оппонента тираду псевдологических, по большей части параморалистических и зачастую оскорбляющих высказываний, всегда содержащих некую долю внушения.

Подобные высказывания вызывают отвращение среди образованных и рациональных людей, стремящихся после этого избегать параноидальных людей. Как бы то ни было, сила параноиков состоит в том, что они с лёгкостью способны порабощать менее критические умы, то есть людей с прочими психологическими недостатками (в частности, большую часть молодёжи), уже ставших жертвами эготистического влияния индивидуумов с расстройствами характера.

Пролетарий, возможно, воспринимает эту силу порабощения как своего рода победу над людьми, принадлежащими к более высокому классу, и поэтому становится на сторону параноика. Тем не менее это ненормальная реакция для большинства людей, воспринимающих психологическую реальность в такой же мере, как и интеллектуалы.

Подводя итог вышесказанному, принятие параноидной аргументации в качественном отношении происходит чаще в обратной зависимости от цивилизованности данного общества, хотя и никогда не распространяется на большинство людей. Как бы то ни было, параноики со временем осознают своё порабощающее влияние на других людей — через собственный опыт и попытки злоупотребления им патологически эготистичным образом.

Сегодня мы знаем, что психологический механизм параноидных феноменов носит двоякий характер: с одной стороны, он вызывается повреждениями головного мозга, а с другой — является функциональным или поведенческим. Во время вышеупомянутого процесса реабилитации любое поражение мозговой ткани вызывает определённое притупление мышления и, как следствие, личностной структуры. Наиболее типичными являются случаи, вызванные агрессией в диэнцефалоне (промежуточном мозге)[3] под влиянием различных патологических факторов, что приводит к необратимому снижению тональных способностей, а также торможению

[3] Задний отдел переднего мозга; связывает полушария головного мозга со средним мозгом; включает в себя эпиталамус, таламус и гипоталамус. [Прим. ред.]

тонуса в мозговой коре. Особенно во время бессонных ночей неконтролируемые мысли вызывают параноидное изменение взглядов на человеческую реальность, а также различные идеи — либо немного наивные, либо очень революционные. Назовём этот тип расстройства *параноидной характеропатией*.

У людей, не страдающих от повреждений мозговой ткани, такие феномены наиболее часто возникают в результате воспитания параноидными характеропатами наряду с психологическим ужасом, перенесённым в детском периоде. Такой психологический материал, в свою очередь, ассимилируется и создаёт жёсткие стереотипы анормального опыта. Это осложняет нормальное развитие мышления и мировоззрения, и заблокированная пережитым ужасом информация трансформируется в постоянные, функциональные и застойные центры.

Иван Павлов рассматривал всевозможные параноидные состояния по аналогии с этой функциональной моделью, хотя и не вполне осознавал их основные причины. Тем не менее он предоставил яркие описания параноидных характеров, а также вышеупомянутой лёгкости, с которой параноики внезапно расставались с объективностью и правильными мыслительными процессами. Читатели, знакомые с его работой на эту тему, а также с условиями, господствовавшими тогда в Советском союзе, осознают историческое значение информации, изложенной в его небольшой книге. Его замысел был очевидным. Павлов посвятил свою работу — разумеется, без всяких намёков — типичному представителю параноидных личностей: вождю революции Ленину, с которым он был хорошо знаком. Будучи опытным психологом, Павлов предвидел, что не станет целью его мести, так как он знал, что ум параноика блокирует эгоцентрические ассоциации. Так он смог умереть естественной смертью.

Тем не менее мы можем отнести Ленина к первому и наиболее типичному типу параноидных личностей ввиду высокой вероятности того, что он перенёс диэнцефальную травму мозга. Василий Гроссман[4] описывает Ле-

[4]Василий Гроссман был советским гражданином и украинским евреем; родился в 1905 году. Будучи коммунистом, он стал военным корреспондентом армейской газеты *Красная звезда* — профессия, отправившая его на линию фронта в Сталинград и в конечном счёте в Берлин. Он был одним из первых, кто своими глазами увидел последствия концлагерей и опубликовал статью о концлагере Треблинка, впоследствии переведён-

нина следующим образом (опознанные симптомы приводятся в скобках):

> Ленин всегда был тактичным, мягким и дружелюбным, [*астенизация*[5]] и в то же время чрезмерно резким, безжалостным и грубым по отношению к своим политическим оппонентам [*фиксация и стереотипия*]. Он никогда не допускал возможности, что они хоть в чём-то были правы, или что он сам, возможно, в чём-то ошибался [*патологический эготизм*]. Он часто называл своих оппонентов барышниками, лакеями, прислужниками, наёмниками, агентами или Иудами, купленными за 30 сребренников [*парамoрализмы*]. Во время диспутов он никогда не пытался в чём-то убедить своих оппонентов. Он общался не с ними, а скорее с теми, кто наблюдал за спором, чтобы высмеять и скомпрометировать своих противников в глазах других людей [*захватывающий оратор, полностью осознающий воздействие своих слов на других*]. Иногда этих наблюдателей было всего пара человек, в другой раз их количество исчислялось тысячами делегатами конгресса, а временами их число доходило до нескольких миллионов человек — регулярных читателей газет [*низкая самокритичность*].

Лобная характеропатия: Лобные доли коры головного мозга (10А и В по Бродману) отсутствуют у всех живых существ, кроме человека.

ную на все языки.

После войны он, по-видимому, утратил свою веру. В 50-х годах он написал свой обширный роман *Жизнь и судьба*; в 1960 году (в период Хрущёвской оттепели, когда Александру Солженицыну было разрешено опубликовать *Один день Ивана Денисовича*) он отправил свой манускрипт в литературный журнал для публикации. Одно дело — Солженицын, но совсем другое — Гроссман: его манускрипт, листы копировальной бумаги и ленты для пишущей машинки были конфискованы. Суслов, член Политбюро, заведовавший идеологическими вопросами, якобы сказал, что его книга будет опубликована не раньше, чем через 200 лет. *Жизнь и судьба*, записанная на микрофильме, была вывезена контрабандой на Запад писателем Владимиром Войновичем, где и была опубликована: сначала в 1980 году во Франции, а в 1985 году — на английском языке.

Почему 200-летний запрет? Потому что в книге признавалось то, что в «либеральном» окружении всё ещё было немыслимым грехом: нравственное отождествление нацизма и советского коммунизма.» (Джон Ллойд о *Жизне и судьбе* Василия Гроссмана, *normblog*). [Прим. ред.]

[5] Астения: нервная или умственная утомлённость, характеризуемая низким порогом чувствительности и изменчивым настроением. [Прим. ред.]

С точки зрения филогенетики, они состоят из самой молодой нервной ткани. Их клеточная архитектура схожа с намного более древними областями зрительной проекции, находящимися на противоположной стороне мозга. Это говорит об их возможном функциональном сходстве. Автор обнаружил относительно лёгкий способ тестирования этой психологической функции, позволяющей нам быстро воспринимать определённое количество воображаемых элементов в нашем поле сознания и подвергать их внутреннему анализу. Способность к этому акту мысленного представления сильно отличается у разных людей и представляет собой статистическую взаимозависимость со схожим анатомическим многообразием в этих областях головного мозга. Корреляция между этой способностью и общим интеллектом намного ниже. По мнению исследователей (Лурия и др.), функции этих областей — ускорение мыслительных процессов и их координация — по всей видимости, обусловлены этой базовой функцией [мысленного представления].

Повреждения этой области головного мозга случаются довольно часто: во время родов, незадолго до или после них (особенно во время преждевременных родов), а также в более поздних жизненных периодах по различным причинам. Количество таких перинатальных повреждений мозговой ткани значительно снизилось благодаря улучшенному медицинскому обеспечению беременных женщин и новорождённых. Впечатляющая понерогенная роль, являющаяся результатом расстройств характера, вызванных подобными травмами мозга, характерна для прошлых поколений и примитивных культур.

Повреждения коры головного мозга в этих областях избирательно нарушают вышеупомянутые функции, не затрагивая при этом память и ассоциативную способность. В частности такие инстинктивные чувства и функции, как, например, способность интуитивно оценивать психологические ситуации, остаются ненарушенными. Таким образом, общий интеллект человека практически не снижается. Дети с таким недостатком не особо отличаются от обычных школьников. Сложности внезапно возникают в старших классах и затрагивают в основном лишь те части учебного плана, которые предъявляют высокие требования к упомянутой функции.

Патологический характер таких людей, обычно содержащий элемент истерии, развивается на протяжении многих лет. Для компенсации этого

дефекта ненарушенные психологические функции становятся сверхразвитыми, что означает преобладание инстинктивных и аффективных реакций. Относительно энергичные люди становятся агрессивными, склонными к риску и бесчувственными как в своей речи, так и в поступках.

Люди с прирождённым талантом к интуитивной оценке психологических ситуаций склонны злоупотреблять этим даром эготистичным и циничным образом. В процессе мышления таких людей развивается своего рода короткий путь, обходящий эту нарушенную функцию и проходящий от ассоциаций непосредственно к словам, действиям и решениям, не подвергающимся никакой критической оценке. Такие индивидуумы интерпретируют свой талант интуитивно оценивать ситуации, а также принимать молниеносные и сверхупрощённые решения как признак своего превосходства над нормальными людьми, которые, как правило, обдумывают дольше, испытывая неуверенность в себе и конфликтующие мотивы. Судьба таких созданий не заслуживает дальнейшего рассмотрения.

Такие «сталинские личности» травмируют и активно *завораживают* других, причём их влияние с лёгкостью ускользает из-под контроля здравого рассудка. Многие люди имеют склонность приписывать таким индивидуумам особые способности и становятся тем самым жертвами их эготистических убеждений. Когда такой дефект присутствует у одного из родителей, каким бы минимальным он ни был, соответствующая аномалия проявляется в личностном развитии всех детей семьи.

Автор изучал целое поколение образованных людей пожилого возраста, когда источником такого [патологического] влияния была самая старшая сестра, перенёсшая перинатальную травму лобных областей мозга. Четверо её младших братьев были подвержены её влиянию с раннего детства, ассимилировав патологически изменённый психологический материал, в том числе её растущую истерию. Деформация их личностей и мировоззрений, а также вызванные ею истерические качества, выраженность которых снижалась с возрастом, наблюдались вплоть до 60-летнего возраста.

Неосознанный отбор информации сделал для этих братьев невозможным прислушиваться к каким-либо критическим замечаниям касательно характера их сестры. Более того, любые подобные замечания рассматривались как нападки на честь семьи.

Братья принимали на веру патологические иллюзии их сестры, а так-

же её жалобы о «злом» муже (в действительности он был порядочным человеком) и о собственном сыне, бывшим для неё козлом отпущения, на котором она вымещала злобу после своих неудач. Тем самым они разделяли мир мстительных эмоций, считая при этом свою сестру абсолютно нормальной. Даже если она проявляла признаки ненормальности, в случае необходимости они были готовы её защищать самым отвратительным способом. Они считали большинство женщин пустыми и наивными, пригодными лишь для сексуальных завоеваний. Ни одному из них не удалось основать здоровую семью или развить в себе маломальскую жизненную мудрость.

Развитие характера в этой семье включало также и многие другие факторы, обусловленные временем и местом их воспитания: на рубеже столетий, с патриотическим отцом-поляком и матерью-немкой, следовавшей традиции того времени формально признавать национальность мужа и в то же время оставаться сторонницей милитаризма и всеобщего принятия усилившейся истерии, господствовавшей в то время в Европе. Это была Европа трёх императоров: величавость трёх человек с ограниченным интеллектом, двое из которых проявляли патологические черты характера. Концепция «чести» окружала ореолом их триумф. Пристальный взгляд в глаза был достаточным поводом для вызова на дуэль. Таким образом, эти братья были воспитаны как отважные дуэлянты, покрытые шрамами от сабель, однако, раны, наносимые ими своим оппонентам, были более частыми и намного более опасными для жизни.

Когда люди с гуманитарным образованием размышляли о личностях членов этой семьи, они приходили к выводу, что причины такого их развития необходимо было искать в духе того времени и его традициях. Тем не менее, если бы их сестра не перенесла мозговую травму, и этот патологический фактор отсутствовал (исключающая гипотеза), развитие их личностей произошло бы в нормальном русле, даже с учётом того времени. Они стали бы более критичными и открытыми к ценностям здравого мышления и гуманизма. Они смогли бы основать счастливые семьи и получать более ценные советы от мудрее выбранных жён. Что касается зла, обильно сеявшегося ими на протяжении всей жизни, то его либо не существовало бы вообще, либо его объём был бы снижен до уровня, обусловленного более отдалёнными патологическими факторами.

Сравнительные исследования привели автора к выводу, что Иосиф Виссарионович Джугашвили, больше известный как Сталин, также должен быть включён в список носителей этой специфической понерогенной характеропатии, развившейся у него в результате перинатального повреждения префронтальной коры головного мозга. Литература и новости о нём изобилуют соответствующими признаками: жестокий, харизматичный, завораживающий как змея; принятие безвозвратных решений; нечеловеческая жестокость, патологическая мстительность, направленная на каждого, кто вставал у него на пути; эготистическое убеждение в своей гениальности вопреки его среднестатистическому интеллекту. Это состояние также объясняет его психологическую зависимость от такого психопата, как Берия.[6] На некоторых фотографиях Сталина однозначно видна характерная деформация лба, встречающаяся у людей, перенёсших в раннем возрасте травму вышеупомянутых областей мозга. Его дочь описывает характерные для него бесповоротные решения следующим образом:

> Если он выбрасывал кого-либо, давно знакомого ему, из своего сердца, если он уже переводил в своей душе этого человека в разряд «врагов», то невозможно было заводить с ним разговор об этом человеке. Сделать «обратный перевод» его из врагов, из мнимых врагов, назад — он не был в состоянии, и только бесился от подобных попыток. Ни Реденс, ни дядя Павлуша, ни А. С. Сванидзе не могли тут ничего поделать, и единственно, чего они добились, это полной потери контакта с отцом, утраты его доверия. Он расставался с каждым из них, повидав их в последний раз, как с потенциальными собственными недругами, то есть как с «врагами»...[7]

[6] Лаврентий Павлович Берия (1899–1953). Советский коммунистический лидер, родился в Грузии. Он обрёл популярность в ЧК (тайной полиции) в Грузии и Закавказье, позднее стал секретарём партии в этих областях, а в 1938 году — главой тайной политической полиции. Будучи комиссаром (позднее министром) внутренних дел, Берия обладал большой властью и был первым, кто в этой должности стал членом политбюро (1946). После смерти Сталина (в марте 1953 года) Берия был назначен Маленковым первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, однако их альянс был непрочным; в последовавшей за этим политической борьбе за власть Берия был арестован по обвинению в сговоре (июль 1953 г.). Он и шесть его предполагаемых сообщников были расстреляны в декабре 1953 года. (*The Columbia Encyclopedia*, Sixth Edition. Columbia University Press, 2006: encyclopedia.com) [Прим. ред.]

[7] Светлана Аллилуева, *Двадцать писем к другу*.

Мы знаем, что означает «быть выброшенным из его сердца», так как это задокументировано историей того периода.

Размышляя о масштабе зла, созданного при участии Сталина, мы всегда должны принимать во внимание эту в высшей степени понерогенную характеропатию и приписывать ей должную ответственность. К сожалению, эта область психопатологии ещё недостаточно изучена. При этом нам также необходимо учитывать многие другие патологические отклонения, так как они играют важную роль в этом макросоциальном феномене. Игнорирование патологических аспектов этих эпизодов и ограничение их интерпретации посредством историографических и моральных суждений открывает путь для деятельности других понерогенных факторов, поэтому такое мышление должно рассматриваться не только как неудовлетворительное с научной точки зрения, но и как безнравственное.

Медикаментозные характеропатии: В течение нескольких последних десятилетий в медицинской практике началось использование ряда медикаментов с серьёзными побочными эффектами. Они поражают нервную систему, нанося ей непоправимый ущерб. Эти, как правило, незаметные повреждения иногда вызывают изменения личности, часто имеющие пагубные последствия для общества. Например, стрептомицин[8] оказался очень опасным медикаментом; как следствие, многие страны ограничили его использование, тогда как другие вычеркнули его из списка разрешённых медицинских препаратов.

Цитостатики,[9] используемые при лечении опухолевых заболеваний, часто поражают филогенетически древнейшую область мозга, являющуюся основным носителем инстинктивного субстрата и наших фундаментальных чувств.[10] У пациентов, принимающих такие медикаменты, наблюда-

[8] Антибиотик, используемый для лечения туберкулёза и других бактериальных инфекций; ингибирует синтез белка и повреждает клеточные мембраны в чувствительных микроорганизмах. Возможные побочные эффекты включают повреждение почек и нервных волокон, что может вызывать головокружения и глухоту. [Прим. ред.]

[9] Большинство видов противоопухолевой терапии *цитотоксичны* (то есть они разрушают клетки, как, например, во время химиотерапии); другие виды терапии *цитостатичны*. Принцип действия последних заключается в остановке размножения раковых клеток (как, например, гормонотерапия для лечения рака груди). [Прим. ред.]

[10] «Химиомозгом» называют долговременный побочный эффект химиотерапии, симптомы которого напоминают симптомы синдрома дефицита внимания. Для него характер-

ется прогрессивная потеря эмоциональной окраски и их способности интуитивно оценивать психологические ситуации. Они сохраняют свои умственные способности, но становятся эгоцентриками, жаждущими похвалы и легко управляемыми людьми, знающими, как использовать это в своих интересах. Они становятся безразличными к чувствам других людей и ущербу, который они им причиняют; на любую критику в их адрес они отвечают местью. Такое изменение характера у человека, который ещё совсем недавно пользовался уважением своего окружения или друзей — что запоминается надолго — становится патологическим феноменом, имеющим зачастую трагические последствия.

Было ли это одним из факторов в случае с шахом Ирана? Постановка диагноза умершим проблематична и в этом случае, и автор не располагает достаточным объёмом данных. Тем не менее эту возможность также нельзя исключать. Процесс возникновения трагедии, разыгрывающейся сегодня в этой стране, несомненно содержит в себе патологические факторы, активно играющие понерогенную роль.[11]

Результаты, схожие с этой психологической картиной, могут вызываться эндогенными токсинами или вирусами. Когда свинка сопровождается реакцией мозга, она оставляет после себя своеобразное чувство вялости или отупения и вызывает небольшое снижение умственных способностей. Нечто похожее наблюдается и после перенесённой тяжёлой дифтерии. В довершение всего, полиомиелит также поражает головной мозг, хотя чаще всего болезнь повреждает передний рог спинного мозга. У людей с неполным параличом ног редко наблюдаются такие симптомы, однако, больные, страдающие от паралича шеи и/или плеч могут считать себя счастливчиками, если не обнаруживают их у себя. В дополнение к эмоциональной вялости у больных также наблюдается чрезмерная наивность и неспособность понимать суть тех или иных проблем.

Мы сомневаемся, что президент Франклин Делано Рузвельт имел схожие симптомы, так как вирус полиомиелита, которым он заразился в возрасте 40 лет, вызвал лишь паралич его ног. За тяжёлым периодом болезни последовали многие годы творческой активности. Как бы то ни было, не

но замедление умственной деятельности (проблемы с концентрацией внимания, неспособность ясно думать, проблемы с памятью). [Прим. ред.]

[11] Издатель напоминает, что эта книга была написана в 1984 году.

исключено, что его наивное отношение к политике Советского союза под конец срока его полномочий содержало патологический элемент, связанный с ухудшавшимся здоровьем.

Аномалии характера, развивающиеся в результате поражения коры головного мозга, являются скрытыми понерогенными факторами. Благодаря вышеописанным особенностям (главным образом чрезмерной наивности и неспособности схватывать суть проблем) их влияние с лёгкостью закрепляется в человеческом уме, травмирует психику, обедняет и искажает наши мысли и чувства, а также ограничивает способности как отдельных людей, так и обществ использовать здравый рассудок и правильно оценивать психологические или моральные ситуации. Это открывает путь влиянию других патологических личностей, часто являющихся носителями *унаследованных* психических отклонений; они, в свою очередь, затеняют собой характеропатов и приступают к своей понерогенной деятельности. Именно поэтому в ранних периодах процесса возникновения зла (как на макросоциальном, так и на индивидуальном уровне в семейных отношениях) принимают участие различные типы характеропатии.

Поэтому улучшенная социальная система будущего должна защищать как отдельных людей, так и общества путём предотвращения участия индивидуумов с вышеупомянутыми отклонениями и определёнными чертами (о них мы поговорим ниже) в каких бы то ни было общественных функциях, в которых судьба других людей зависит от поведения их исполнителей. Конечно, это касается в первую очередь высших правительственных должностей. Подобные вопросы должны решаться соответствующими институтами, состоящими из людей, известных своей мудростью и обладающих должной медицинской и психологической подготовкой.

Характерные признаки поражения мозговой ткани и вытекающие из них расстройства характера намного легче обнаружить, чем определённые унаследованные аномалии. Поэтому подавление понерогенных процессов путём удаления этих факторов из процесса синтеза зла является эффективным лишь на ранних его фазах и намного более лёгким в практическом применении.

4.3. Наследственные отклонения

Наука уже даёт некую защиту обществам от последствий некоторых психологических аномалий, сопровождающихся определёнными психологическими слабостями. Трагическая роль передаваемой по наследству гемофилии, распространённой в европейских королевских семьях, хорошо известна. В странах, в которых всё ещё существует монархия, ответственные люди заботятся о том, чтобы не позволить носителям таких генов взойти на королевский престол. Любое общество, настолько обеспокоенное недостаточной свёртываемостью крови или другими серьёзными и опасными для жизни заболеваниями нескольких людей, воспротивится их назначению на высокие и ответственные должности. Эта поведенческая модель должна распространяться и на многие другие заболевания, в том числе и на унаследованные психические аномалии.

Дальтоникам, людям с нарушенной способностью различать красный и зелёный цвета от серого, уже не позволено заниматься профессиями, в которых этот недостаток может привести к катастрофе. Нам также известно, что это отклонение часто сопровождается снижением интенсивности эстетического восприятия, эмоций и чувства связанности с людьми, способными различать цвета. По этой причине промышленные психологи осмотрительны в предоставлении таким людям рабочего места, требующего автономного чувства ответственности, так как от этого зависит безопасность других работников.

Уже давно было обнаружено, что эти упомянутые аномалии — гемофилия и дальтонизм — передаются по наследству с помощью гена, расположенного в X-хромосоме, причём его передачу можно легко проследить на протяжении многих поколений. Подобным образом генетики изучали наследственность многих других функций человеческого организма, однако интересующим нас аномалиям они практически не уделяли никакого внимания. Многие черты человеческого характера имеют наследственную основу в генах, расположенных в одной и той же X-хромосоме, хотя и не всегда. Нечто похожее может распространяться и на большинство психологических аномалий, которые мы обсудим ниже.

В последнее время был достигнут значительный прогресс в распознавании ряда хромосомных аномалий, вызываемых нарушенным делением

репродуктивных клеток и их фенотипическими психологическими симптомами. Эта ситуация позволяет нам приступить к изучению их понерогенетической роли и сделать теоретически ценные заключения. Фактически это уже делается. Тем не менее на практике *большинство* хромосомных аномалий *не* передаются следующему поколению. Более того, их носители составляют лишь очень небольшую долю населения в целом, причём уровень их общего интеллекта ниже среднего, и поэтому их понерогенная роль даже ниже их статистического распределения. Большинство проблем вызываются XYY-кариотипом[12], делающим людей высокими, сильными, эмоционально жестокими и склонными к нарушениям закона. Этот факт положил начало различным экспериментам и дискуссиям, однако их роль в изучаемом в данной книге комплексе проблем довольно незначительна.

Намного более многочисленными являются психические отклонения, играющие соответственно более значимую роль (в качестве патологических факторов) в понерогенных процессах; очень вероятно, что они передаются с помощью обычного механизма наследственности. Тем не менее когда речь заходит о распознавании этих феноменов, именно эта область генетики сталкивается с разнообразными биологическими и психологическими трудностями. Люди, изучающие психопатологию, испытывают недостаток критериев биологической классификации результатов своей работы. Биологам, напротив, необходимо ясное психологическое разграничение таких феноменов, которое позволило бы им исследовать их наследственные механизмы и прочие характеристики.

Во второй половине 1960-х годов, когда была сделана большая часть наблюдений, на которых основывается эта книга, работы многих исследователей, проливших с тех пор свет на многие аспекты обсуждаемой нами тематики, либо ещё не существовали, либо были для нас недоступны. Учёные, изучавшие описанные ниже феномены пробивали себе путь через дебри симптомов, опираясь как на предыдущие работы других исследователей, так и на свои собственные силы. Понимание природы некоторых из этих наследственных аномалий и их понерогенной роли зарекомендовало себя как неотъемлемое предусловие достижения первоочередной цели. Были достигнуты результаты, которые положили основу для дальнейших

[12] Sandberg, A. A.; Koepf, G. F.; Ishihara, T.; Hauschka, T. S. (26 августа 1961) «An XYY human male». *Lancet* 2, 488-489.

размышлений. Ради общей картины, а также потому, что такой метод работы привносит определённые теоретические ценности, я решил сохранить методологию описания таких аномалий, сформировавшуюся в результате как моих собственных исследований, так и трудов моих современников.

Многочисленные учёные, работавшие в вышеупомянутый продуктивный период, а также некоторые их преемники (Р. Дженкинс, Х. Клекли, С. К. Эрлих, К. С. Грей, Х. С. Хатчисон, Ф. Краупль Тейлор и другие) дали более полное представление об этой тематике. Это были практикующие врачи, фокусировавшие своё внимание на *более показательных случаях, игравших менее важную роль в процессе возникновения зла* согласно вышеупомянутому общему правилу понерологии. Вследствие этого нам необходимо различать те аналогичные состояния, которые менее интенсивны по своей природе или содержат меньше психологических дефицитов. Столь же значимыми для понерологии являются исследования природы обсуждаемых нами феноменов, облегчающие разграничение их сущности и анализ их роли как патологических факторов в возникновении зла.

Шизоидность: Шизоидность, или шизоидная психопатия, была изолирована самым первым из известных основателей современной психиатрии. С самого начала она считалась более лёгкой формой одного и того же наследственного дефицита[13], являющегося причиной предрасположения к

[13]Эмиль Крепелин (1856–1926), немецкий психиатр, пытавшийся свести в единое целое несколько сотен психических расстройств и сгруппировать болезни на основе классификации общих шаблонов симптомов — в отличие от его предшественников, группировавших лишь на основе схожести основных симптомов. Именно по причине продемонстрированной им недостаточности прежних методов Крепелин развил свою новую систему диагностики. Крепелин показал специфические шаблоны в генетике этих расстройств, а также в их протекании и последствиях. В целом можно сказать, что среди родственников шизофренических пациентов имеется больше шизофреников, чем в общей совокупности населения, в то время как маниакальная депрессия встречается чаще среди родственников маниакально-депрессивных пациентов. Согласно *Encyclopedia of Psychology* известного психолога Г. Ю. Айзенка Крепелин должен быть признан основателем современной научной психиатрии, психофармакологии и психиатрической генетики. Крепелин постулировал, что психиатрические болезни вызываются преимущественно биологическими и генетическими расстройствами. Его психиатрические теории преобладали в области психиатрии в начале 20-го века. Он решительно выступал против подхода Фрейда, считавшего, что психиатрические расстройства вызываются исключительно психологическими факторами, и соответственно лечившего своих пациентов. (*Wikipedia*, Emil Kraepelin,

шизофрении. Как бы то ни было, без помощи статистического анализа такой диагноз нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Также не было найдено никаких возможностей биологического тестирования, которые могли бы разрешить эту дилемму. По практическим соображениям в дальнейшем мы будем рассматривать шизоидность без учёта этой общепринятой связи.

Литература предоставляет нам описания нескольких разновидностей этой аномалии, существование которых может быть приписано либо генетическим изменениям, либо различиям в других индивидуальных характеристиках непатологической природы. Давайте теперь обрисуем общие особенности этих разновидностей.

Носители этой аномалии сверхчувствительны и недоверчивы. В то же время их мало интересуют чувства других людей. Они имеют склонность занимать экстремальные позиции и с готовностью мстят за малейшие обиды. Иногда они эксцентричны и причудливы. Их низкая способность оценивать психологические ситуации и действительность приводит к ошибочным, уничижительным интерпретациям намерений других людей. Они с лёгкостью занимаются деятельностью, которая, на первый взгляд, кажется нормальной в нравственном отношении, но в действительности приносит вред как им самим, так и другим людям. Их скудное психологическое мировоззрение делает их типичными пессимистами в отношении человеческой природы. В их высказываниях и письменных документах мы часто встречаем выражение характерных для них взглядов: «Человеческая природа настолько плоха, что порядок в обществе может поддерживаться лишь с помощью сильной власти, созданной высококвалифицированными индивидуумами во имя высокой идеи». Давайте назовём это характерное для них выражение *шизоидной декларацией*.

Человеческая природа действительно имеет склонность к непослушанию, особенно когда шизоиды отравляют жизнь другим людям. Однако когда такие люди оказываются в ситуациях, вызывающих сильный стресс, они быстро падают духом из-за своих шизоидных слабостей. Вслед за этим снижается их способность думать, и зачастую шизоиды впадают в реактивные психотические состояния, напоминающие шизофрению, что приводит к постановке неверных диагнозов.

https://en.wikipedia.org/wiki/Emil_Kraepelin) [Прим. ред.]

Общий фактор для многих разновидностей этой аномалии — это скудность эмоций и отсутствие восприятия психологических реальностей, представляющих собой неотъемлемую частью базисного интеллекта. Это можно объяснить неким дефектным качеством инстинктивного субстрата, функционирующим так, как будто его фундамент построен на зыбучем песке. Низкое эмоциональное давление позволяет им развить правильное спекулятивное мышление, полезное в сферах деятельности, не связанных с людьми. Тем не менее по причине своей односторонности они склонны считать себя умственно превосходящими «обычных» людей.

Частотность возникновения этой аномалии зависит от расы и национальности: реже всего она встречается у чернокожих, чаще всего — у евреев. По некоторым оценкам эта частотность варьирует от ничтожного количества до 3% населения отдельно взятой страны. В Польше этот показатель оценивается в 0,7% населения. Согласно моим наблюдениям это аутосомально наследственная аномалия.[14]

Понерогенную активность шизоидов необходимо рассматривать с двух сторон. В небольшом масштабе такие люди создают трудности для своих семей; они с лёгкостью становятся инструментами интриг и обмана в руках хитрых и бессовестных индивидуумов. К тому же они, как правило, плохо воспитывают своих детей. Их тенденция рассматривать человеческую реальность наставническим и чрезмерно упрощённым способом, который они считают единственно правильным («чёрно-белое» мышление), трансформирует их зачастую благие намерения в плохие результаты. Тем не менее их понерогенная роль может иметь и макросоциальные последствия, если их отношение к человеческой реальности, а также их тенденция создавать влиятельные догмы попадают на бумагу и распечатываются большими тиражами.

Несмотря на их типичные дефициты или даже открыто шизоидную декларацию, читатели этих «трудов» не осознают истинный характер их авторов. Неосведомлённые об истинном состоянии автора, несведущие читатели склонны интерпретировать такие работы согласно своей собственной

[14] Ссылается на одну из 22 пар хромосом, не являющихся половыми хромосомами. Оба пола могут быть носителями этой ошибки. Если эта ошибка находится в половой хромосоме, говорят, что её наследственная передача является сцепленной с полом. [Прим. ред.]

природе. Ум нормальных людей склонен к корректирующей интерпретации, так как этому способствует их собственное более богатое психологическое мировоззрение.

В то же время многие другие читатели критически отвергают такие работы, испытывая моральное отвращение, но не осознавая при этом его настоящую причину.

Анализ роли трудов Карла Маркса легко обнаруживает все вышеупомянутые типы апперцепции, а также социальные реакции, породившие враждебность между большими группами людей.

Читая любые из этих работ, подозрительно сеющих распри, нам необходимо тщательно исследовать их на предмет упомянутых характерных дефицитов или даже открыто сформулированной шизоидной декларации. Такой подход позволит нам занять соответствующую критическую дистанцию по отношению к их содержанию и облегчит нам отсеивание потенциально ценных элементов от догматичного материала. Когда это делается как минимум двумя людьми с сильно расходящимися интерпретациями, их методы восприятия приблизятся друг к другу, и причины разногласий со временем исчезнут. Такой проект мог бы быть осуществлён в форме психологического эксперимента с целью тренировки правильной психической гигиены.

Первичная психопатия: Позвольте мне описать в контексте вышеприведённых допущений другую передаваемую по наследству аномалию, роль которой в понерогенных процессах на *любом* уровне социальной лестницы представляется *чрезвычайно большой*. Следует также подчеркнуть, что необходимость изоляции и детального изучения этого феномена была быстро и глубоко осознана всеми исследователями, включая автором данной книги, имевшими интерес к теме процесса возникновения зла в макросоциальном масштабе, так как они испытали его на своей собственной шкуре. Я должен отдать должное Казимиру Домбровскому[15], обозначая эту аномалию *первичной психопатией*.

С биологической точки зрения этот феномен напоминает цветовую сле-

[15]Казимир Домбровский (1902–1980) был польским психологом, психиатром, врачом и поэтом. Он развил теорию личностного развития, основанную на позитивной дезинтеграции — психологическое состояние напряжения, который он считал необходимым для личностного роста. [Прим. ред.]

поту, за исключением того, что он встречается в 10 раз реже (немного выше 0,5%)[16], а также у представителей обоеего пола. *Диапазон интенсивности [этого феномена] варьируется от едва заметного для опытных наблюдателей до очевидного патологического дефицита*.

Подобно цветовой слепоте эта аномалия, по-видимому, также является результатом недостаточной передачи стимулов, хотя она встречается не на сенсорном, а на инстинктивном уровне.[17] Психиатры старой школы характеризовали таких индивидуумов как «‘цветнослепых’ по отношению к человеческим чувствам и соционравственным ценностям».

Психологическая картина показывает однозначный дефицит лишь у мужчин; у женщин он, как правило, смягчён благодаря действию второго нормального аллельного гена. Это говорит о том, что эта аномалия также наследуется через X-хромосому, но посредством полудоминантного гена. Тем не менее автору не удалось найти тому подтверждение, так как он рассматривал обособленно наследственную передачу от отца к сыну.

Анализ различных экспериментальных моделей поведения, демонстрируемых такими индивидуумами, позволил нам прийти к выводу, что их *инстинктивный субстрат также дефектен*, что он содержит определённые пробелы и испытывает недостаток естественных синтонических реакций, характерных для большинства представителей вида *Homo sapiens*.[18] Инстинкт нашего вида — это наш первый учитель; он остаётся с нами на протяжении всей нашей жизни. На этом дефектном инстинктивном субстрате в соответствии с упомянутыми пробелами развивается недостаток

---

[16]Недавние исследования Роберта Хаэра, Марты Стаут, Салекина, Тробста и Криоковой показали, что этот показатель в любой данной популяции людей вероятно выше. Эти исследователи предположили в «Construct Validity of Psychopathy in a Community Sample: A Nomological Net Approach», Salekin, Trobst, Krioukova, *Journal of Personality Disorders* 15(5): 425-441 (2001), что распространённость психопатии составляет как минимум 5%, причём большая часть её носителей являются представителями мужского пола (1 из 10 мужчин, примерно 1 из 100 женщин). [Прим. ред.]

[17]Согласно текущим исследованиям многие характеристики психопатов тесно связаны с их абсолютной неспособностью создавать эмпатическую ментальную и эмоциональную картину других людей. Как представляется, они совершенно неспособны ставить себя на место других людей, кроме как в исключительно интеллектуальном смысле. [Прим. ред.]

[18]У психопатов отсутствуют качества, необходимые для жизни в социальной гармонии. [Прим. ред.]

более высоких чувств, а также деформация и обеднение психологических, нравственных и социальных концепций.

Наш повседневный мир концепций — основанный на инстинкте нашего вида, как было описано в одной из предыдущих глав, — поражает психопата как практически непостижимая условность, не имеющая каких-либо обоснований в его психологическом опыте. Он считает, что обычаи и принципы добропорядочности — это всего лишь чуждая договорённость, глупая, обременительная, а иногда даже смехотворная, которая была кем-то придумана («вероятно, священниками») и теперь повсеместно навязывается. В то же время он с лёгкостью воспринимает недостатки и слабости нашего обыденного языка психологических и моральных концепций, причём делает он это образом, несколько напоминающим поведение современных психологов — только в карикатуре.

Средние умственные способности психопата (особенно когда они измеряются с помощью общепринятых тестов) несколько ниже, чем у нормальных людей, хотя их диапазон так же широк. Несмотря на широкий спектр уровня интеллекта и интересов, эта группа не содержит примеров высокоразвитого ума; её представители также не одарены техническими или рукодельническими талантами. По этой причине самые одарённые из этой группы могут достигнуть успеха лишь в тех науках, которые не требуют корректного гуманистического мировоззрения или практических навыков. (Академическая благопристойность — это отдельный вопрос.) Каждый раз, когда мы пытаемся конструировать специальные тесты для измерения нашей «жизненной мудрости» или «соционравственного воображения», люди этого типа (даже с учётом сложностей психометрической оценки) показывают дефицит, несоразмерный с их коэффициентом умственного развития.

Несмотря на неполноценность их психологических и моральных знаний, они развивают и пользуются своими собственными знаниями, отсутствующими у людей с обыденным мировоззрением. *Уже с раннего детства они учатся распознавать друг друга в толпе людей и развивают осознанность существования схожих с ними индивидуумов.* Они также осознают, что отличаются от большинства других людей. Они смотрят на нас с определённого расстояния — как на параспецифическую разновидность человека. Естественные человеческие реакции, редко вызывающие

интерес у нормальных людей ввиду своей самоочевидности, кажутся психопату странными, интересными и даже смехотворными. Поэтому они наблюдают за нами, делая для себя выводы и формируя свои различные концептуальные миры. Они становятся экспертами в наших слабостях и иногда проводят над нами бессердечные эксперименты. Порождаемые ими страдания и несправедливость не вызывают у них никаких угрызений совести, потому что для них реакции других людей являются результатом их чужеродности и распространяются лишь на «тех других», которых они не считают принадлежащими к их роду. Нормальные люди с их обыденным мировоззрением не способны полностью понять или правильно оценить существование этого мира таких чуждых им концепций.

Исследователь, упорно и продолжительно занимающийся изучением этого феномена, способен получить некоторое представление о девиантных знаниях психопатов и использовать их с некоторыми трудностями как иностранный язык. Как мы увидим далее, такие практические навыки широко распространены в странах, поражённых этим макросоциальным патологическим феноменом, в котором эта аномалия играет ведущую роль.

Нормальный человек вполне может научиться умело говорить на концептуальном языке [психопатов], однако психопат никогда не сможет принять мировоззрение нормального человека, несмотря на то, что он часто пытается это делать на протяжении всей своей жизни. Результат их усилий — это всего лишь спектакль и маска, под которой они скрывают свою анормальную реальность.

Ещё один миф, а также играемая ими роль — это их блестящий ум или психологическая одарённость (в этом действительно может быть доля правды, если учесть «особые психологические знания», которые психопаты приобретают, наблюдая за нормальными людьми). Некоторые из них действительно верят в это и пытаются внушать это убеждение другим.

Говоря о маске психологической нормальности, носимой такими индивидуумами (и в меньшей мере прочими психически больными), необходимо упомянуть книгу *The Mask of Sanity*, написанную Херви Клекли, сделавшим этот феномен основной темой своих размышлений. Отрывок:

> Давайте помнить, что его типичное поведение сводит на нет то, что, судя по всему, является его собственными целями. Разве это не психопат, кто глубоко обманывается своей кажущейся нормально-

> стью? Несмотря на то, что психопат умышленно обманывает других людей, полностью осознавая свою ложь, он, по всей видимости, неспособен различать между своими собственными ложными намерениями, поддельным раскаянием, фальшивой любовью и т. д. и искренними реакциями нормальных людей. Полное отсутствие у него проницательности говорит о том, насколько мало его интересует природа своего расстройства. Когда другие люди отказываются немедленно принимать на веру его «джентльменское слово чести», его удивление, как мне окажется, зачастую носит искренний характер. Его субъективный опыт настолько лишён глубоких эмоций, что ему абсолютно неведом смысл жизни других людей.
>
> Его понимание противоположности лживости настолько теоретически необоснованно, что возникает вопрос, можно ли вообще приписывать психопату то, что мы понимаем под лицемерием. Учитывая, что психопат не имеет никаких действительных ценностей, можно ли ему приписывать адекватное понимание природы и качества его гнусных поступков по отношению к другим людям? Маленькому ребёнку, ещё не имеющему ярких воспоминаний о сильной боли, мать может сказать, что отрезать собаке хвост — это неправильно. Зная, что это неправильно, он может всё равно продолжить делать это. Мы не обязаны полностью освобождать его от ответственности, даже если предположить, что он — в сравнении со взрослым человеком, полностью осознающим, что своими действиями он приносит физические страдания — обладает меньшим пониманием своего поступка. Способен ли человек испытать более глубокую печаль, не зная при этом, что означает счастье? Способен ли он с полным осознанием совершить злой поступок в отсутствие понимания противоположности зла? На эти вопросы у меня нет окончательных ответов.[19]

Все исследователи психопатии выделяют три качества, связанные прежде всего с самой типичной формой проявления этого феномена: отсутствием угрызений совести после антисоциальных поступков, неспособностью любить по-настоящему, а также склонностью к болтливости, легко отвлекающей от действительности.[20]

[19] Херви Клекли *The Mask of Sanity* (C.V. Mosby Co., 1976), стр. 386.

[20] Салекин, Тробст и Криокова пишут следующее в своей статье «Construct Validity of Psychopathy in a Community Sample: A Nomological Net Approach»: «Психопатия, изначально определённая Клекли (1941 г.), не ограничивается незаконной деятельностью,

Невротический пациент, как правило, молчалив и с трудом может объяснить, что причиняет ему наибольшую боль. Психолог должен знать, как преодолеть эти трудности с помощью безболезненных взаимодействий. Невротики также имеют тенденцию к чрезмерному чувству вины касательно поступков, которые обычно быстро прощаются всеми пострадавшими. Такие пациенты способны к честной и продолжительной любви, хотя они испытывают трудности в её выражении или в достижении своих заветных желаний. Поведение психопатов представляет собой полную противоположность таких феноменов и сложностей.

Наш первый контакт с психопатом характеризуется потоком слов, текущим легко и с такой же лёгкостью избегающим по-настоящему важных вопросов, когда они вызывают неловкость у говорящего. Его ход мыслей также избегает абстрактных вопросов человеческих чувств и ценностей, отсутствующих в психопатическом мировоззрении, конечно, кроме тех случаев, когда он умышленно вводит в заблуждение, используя множество слов, выражающих чувства. Тщательная проверка показывает, что он понимает эти слова совсем по-другому, чем нормальные люди. Мы чувству-

---

но охватывает такие особенности личности, как манипулятивность, лживость, эгоцентризм и отсутствие чувства вины — черты, встречающиеся не только у преступников, но и у семейных пар, родителей, начальников, адвокатов, политиков, исполнительных директоров, а также у многих других. (Bursten, 1973; Stewart, 1991) <…>» Психопатию как таковую можно охарактеризовать <…> как склонность к доминированию и холодности. Виггинс (1995) подытожил несколько предыдущих результатов научных исследований <…> Он пришёл к выводу, что психопаты предрасположены к проявлению ярости и раздражения, а также охотно используют других людей в своих интересах. Они высокомерны, манипулятивны, циничны, мстительны, склонны к самолюбованию, ищут острых ощущений, не испытывают угрызений совести, а также ищут во всём свою собственную выгоду. Что касается шаблонов их социального поведения (Foa & Foa, 1974), то они считают любовь и самосознание своими неизменными атрибутами и видят себя как высокоуважаемых и важных людей; в то же время другим людям они не приписывают ни любовь, ни статус, считая их недостойными и ничтожными. Эта характеристика безусловно соответствует сущности психопатии в общем понимании. … «Результаты наших исследований ясно показывают, что: (а) измерения психопатии сходятся на прототипе психопата, характеризуемого комбинацией доминантных и холодных межличностных характеристик; (б) психопатия действительно встречается в нашем обществе и является, возможно, более распространённой, чем предполагалось; (в) психопатия, как представляется, перекрывается лишь незначительно с другими расстройствами личности, за исключением антисоциального расстройства личности». [Прим. ред.]

ем, что имеем дело с имитацией образов мышления нормальных людей, у которых в действительности «нормальным» является нечто другое. С логической точки зрения поток мыслей, на первый взгляд, корректен, даже если он иногда протекает за рамками общепринятых критериев. Тем не менее более детальный формальный анализ подтверждает использование психопатом большого количества суггестивных паралогизмов.[21]

Людям с такой первичной психопатией практически неведомы продолжительные чувства любви к другим людям, в особенности к своим супругам. Для них это всего лишь сказка из этого «другого» мира людей. В глазах психопата любовь — это мимолётное явление, целью которого является сексуальное приключение. Многие психопатические Дон Жуаны способны настолько хорошо играть роль «любящего» человека, что их любовные партнёры принимают её на веру. После свадьбы чувства, которые в действительности никогда не существовали, заменяются эгоизмом,[22] эготизмом и гедонизмом.[23] Для них религия, учащая любви к ближнему, это такая же сказка, которая хороша лишь для детей и тех «других».

Можно было бы ожидать, что они испытывают угрызения совести как следствие многих антисоциальных поступков, однако отсутствие чувства вины — это и есть результат всех их дефицитов, которые мы осуждали ранее.[24] Для них мир нормальных людей, которым они приносят боль, непо-

---

[21]Неумышленно ложный аргумент. [Прим. ред.]

[22]Корыстолюбие; эгоист руководствуется лишь собственными интересами. [Прим. ред.]

[23]Теория, согласно которой удовольствие или счастье — это высшее благо. [Прим. ред.]

[24]Кэтрин Рамслэнд цитирует Роберта Хаэра в своей книге *All About Dr. Hare – Expert on the Psychopath*: «Самым интересным для меня было то, что мы впервые (насколько мне известно) обнаружили отсутствие активности в областях головного мозга, отвечающих за эмоциональное возбуждение. Вместо этого мы наблюдали сверхактивность других областей [мозга], в том числе языковых регионов. <…> То есть они [психопаты], по-видимому, анализируют эмоциональную информацию на предмет её лингвистического или смыслового значения. Процесс обработки информации психопатами имеет определённые аномалии. Она обрабатывается более общим, а не исключительно эмоциональным, способом. В другом исследовании с помощью магнитно-резонансной томографии мы рассматривали области мозга, используемые для обработки конкретных и абстрактных слов. Нормальные люди показывали повышенную активность в правой передней височной доле. У психопатов эта реакция не наблюдалась». После этого Хаэр и его коллеги провели исследование с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии. В этот раз испытуемым показывались изображения нейтральных сцен, а также отвратительные сцены убийств. «Непсихопатические правонарушители показы-

стижим и враждебен, в то время как жизнь — это погоня за спешными развлечениями, моментами удовольствия и временным чувством власти [над другими]. На своём пути они часто терпят неудачи, испытывают давление и моральное осуждение общества тех других непонятных им людей.

Авторы книги *Psychopathy and Delinquency*, В. и Дж. Маккорд, пишут о них следующее:

> Психопат не чувствует ни капли вины. Он может совершать самые отвратительные поступки, не испытывая никаких угрызений совести. Психопат обладает искажённым восприятием любви. Его эмоциональные отношения бессодержательны, мимолётны и нацелены лишь на удовлетворение своих собственных желаний. Эти две последние черты характера — отсутствие чувства вины и неспособность любить — значительно отличают психопата от других людей.

Таким образом, проблема моральной и правовой ответственности психопата остаётся открытой; для её решения применяются различные подходы, которые зачастую являются чрезмерно обобщёнными или эмоциональными, а также варьируются в зависимости от конкретной страны и обстоятельств. Она остаётся предметом дискуссий, и её решение не представляется возможным в рамках общепринятых принципов правовой теории.

Прочие виды психопатии: Случаи первичной психопатии достаточно схожи между собой, так что мы можем их классифицировать как качественно однородные. Тем не менее мы также должны включить в психопатические категории неопределённое число аномалий в наследственном субстрате, симптомы которых сходны с этим наиболее типичным феноменом.

Мы также встречаем сложных людей, имеющих тенденцию причинять своим поведением боль другим людям. Проведённое на них тестирование

вали повышенную активность в миндалине [в ответ на неприятные сцены], в сравнении с нейтральными сценами», — говорит Хаэр. «У психопатов полностью отсутствовала какая-либо реакция. Никакой разницы [между нейтральными и отвратительными сценами]. Тем не менее мы наблюдали сверхактивацию в тех же регионах мозга, которые показывали повышенную активность во время теста с использованием эмоциональных слов. Как будто они анализировали эмоциональную информацию за пределами лимбической системы. [Прим. ред.]

не показывает каких-либо повреждений коры головного мозга, и в их анамнезе также отсутствуют сведения о плохом обращении в детстве, которые могли бы объяснить их состояние. Тот факт, что такие случаи происходят повторно в определённых семьях, показывает наличие наследственной нагрузки. Тем не менее мы также должны принимать во внимание, что в таких случаях вредные факторы активны уже в период внутриутробного развития. Это область медицины и психологии, требующая более глубокого изучения, так как наши знания в этой сфере пока ещё слишком скудны.

Такие люди также пытаются скрывать от других свой внутренний мир и в разной степени играть роль нормальных людей, хотя эта форма «маскировки» больше не является типичной «маской» в терминах Клекли. Чужеродность некоторых из них весьма примечательна. Эти люди участвуют в процессе возникновении зла самыми различными способами, участвуя в нём либо открыто, либо после адаптации к правильному образу жизни, что случается реже. Такие психопатические и родственные с ними феномены с количественной точки зрения могут составлять двух-трёхкратное количество случаев первичной психопатии, то есть в сумме менее чем два процента населения.

Такой тип людей не испытывает трудностей в адаптации к социальной жизни. В более редких случаях они приспосабливаются к требованиям общества нормальных людей, используя в своих интересах общественное понимание искусства и прочих сфер деятельности со схожими традициями. Их литературные творческие способности — когда они рассматриваются с исключительно идейной точки зрения — часто вызывают беспокойство. Своим читателям они внушают исподволь самоочевидность своего концептуального мира и опыта; их работы также содержат характерные изъяны.

Наиболее часто встречаемая и давно известная форма этих изъянов — это *астеническая психопатия, интенсивность которой имеет широкий разброс: от едва заметной до очевидной патологии.*

Эти люди, астенические и сверхчувствительные, не показывают вопиющей недостаточности нравственных чувств и способности оценивать психологическую ситуацию в той мере, как это делают первичные психопаты. Они слегка идеалистичны и имеют тенденцию испытывать лишь поверхностные угрызения совести как результат своего порочного поведения.

Их интеллект в среднем ниже, чем у нормальных людей, и их мышлению недостаёт логичности и точности. Их психологическое мировоззрение, без всякого сомнения, искажено, поэтому никогда нельзя доверять их мнениям о других людях. Нечто вроде маски скрывает мир их личных желаний, находящихся в противоречии с тем, на что они действительно способны. Они вежливы и даже дружелюбны по отношению к людям, не замечающим их дефициты, однако ко всем тем, кто талантлив или сведущ в области психологии, они проявляют упреждающую враждебность и агрессивность.

Астенические психопаты ведут относительно спокойную половую жизнь и поэтому открыты к принятию безбрачия; вот почему некоторые католические монахи и священники часто проявляют мягкие формы этой аномалии. Такие индивидуумы с большой вероятностью имеют антипсихологические мнения, традиционные для церковного мышления.

С ростом серьёзности этого отклонения также растёт антипсихологическое и презрительное отношение его носителей к нормальным людям. У них развивается тенденция к активному участию в процессах возникновения зла в более широком масштабе. Их мечты состоят из определённого идеализма, схожего с мыслями нормальных людей. Они были бы рады изменить мир на свой вкус, однако неспособны предвидеть далеко идущие последствия и результаты. Их мечты, приправленные психическими отклонениями, могут оказать влияние на наивных мятежников или людей, испытавших на себе несправедливость. Существующая социальная несправедливость может выглядеть как оправдание их радикализированному мировоззрению, а также как право на ассимиляцию таких идей.

Вот пример образа мышления человека, представляющего типичный и тяжёлый случай астенической психопатии (опознанные симптомы приведены в скобках):

> «Если бы у меня была возможность начать жизнь заново, я бы провёл её точно также: это биологическая необходимость, а не веление долга [*чувство быть не таким, как все*]. Во мне есть нечто, что придаёт мне силы и безмятежность, даже когда всё вокруг такое унылое: непоколебимая вера в людей [*поверхностная ностальгия, характерная для этого типа психопатии*]. Обстоятельства изменятся, засилье зла прекратится, и люди будут относиться друг другу как

> братья, а не как волки, как мы видим сегодня [*видение нового мира*]. Моё терпение — это плод не моего воображения, а скорее моего ясного представления о причинах порождения зла [*другие психологические знания*].»

Эти слова были написаны 15 декабря 1913 г. Феликсом Дзержинским, потомком польского мелкопоместного дворянства, во время его пребывания в тюрьме. Вскоре после этого он основал в Советском Союзе «Чрезвычайку»[25] и стал величайшим идеалистом среди тогдашних небезызвестных убийц. Психопатов можно найти во всех странах.[26]

Если когда-либо и наступит время, когда «ситуация изменится», и «засилье зла прекратится», то это произойдёт лишь благодаря успехам в изучении патологических феноменов и их понерогенной роли, что позволит обществам спокойно принять существование подобных феноменов и осознать их как категории природы. Видение новой, справедливой структуры общества сможет быть претворено в жизнь в этих рамках и под контролем *нормальных* людей. Смирившись с тем фактом, что такие люди отличаются от нас и имеют ограниченную способность к социальной адаптации, нам необходимо создать систему, которая предоставила бы им постоянную защиту в рамках здравомыслия и правильных знаний и позволила бы хотя бы частично претворить их мечты в жизнь.

Для этой цели нам также необходимо акцентировать внимание на людях с отклонениями от нормы; они были выделены относительно давно Эдвардом Бжежицким[27] и приняты Эрнстом Кречмером[28] как особенно

[25] ЧК была первой тайной полицией, сформированной в период правления большевиков. Дзержинский был её первым комиссаром. [Прим. ред.]

[26] Дзержинский — это интересный случай. Говорят, что благодаря своему честному и неподкупному характеру в сочетании с полной преданностью делу, он быстро завоевал признание и получил прозвище Железный Феликс. Памятник ему в центре Варшавы на площади Дзержинского был ненавидим жителями польской столицы как символ советского угнетения. В 1989 году, как только Польская объединённая рабочая партия начала терять свою власть, памятник был снесён, а площадь сразу же получила своё прежнее название «Plac Bankowy» (Банковская площадь). Согласно популярной в то время шутке Дзержинскому был поставлен памятник лишь потому, что он был поляком, убившим больше всего коммунистов.

[27] Мой профессор психиатрии — Ягеллонский университет, Краков (друг Кречмера).

[28] Эрнст Кречмер (1888–1964), немецкий психиатр, исследовавший взаимозависимость

характерные для Восточной Европы. *Скиртоиды*[29] — полные жизни, эготистичные и толстокожие люди, из которых получаются хорошие солдаты благодаря их выносливости и психологической устойчивости. В мирное время, однако, они неспособны к пониманию более тонких жизненных вопросов или благоразумному воспитанию молодого поколения. Они счастливы в примитивном окружении; лишённая напряжённости окружающая среда легко вызывает у них истеризацию. Они строго консервативны во всех сферах жизни и поддерживают тиранические правительства.

Кречмер полагал, что эта аномалия была биодинамическим явлением, вызванным скрещиванием двух отдалённых друг от друга этнических групп, что часто происходило в том европейском регионе. Если это действительно так, то Северная Америка должна быть полной скиртоидов — гипотеза, заслуживающая более детального рассмотрения. Мы можем предположить, что скиртоидизм наследуется обычным путём и не сцеплен с полом. Эту аномалию необходимо принимать во внимание, если мы хотим понять историю России и в меньшей степени Польши.

Напрашивается другой интересный вопрос: к какому типу людей принадлежат так называемые «шакалы», которые нанимаются различными группами в роли профессиональных и безжалостных убийц и на скорую руку берутся за оружие как средство политической борьбы? Они предлагают себя в роли специалистов, берущихся за любую работу; никакие человеческие чувства не встают на пути их гнусных планов. Вне всякого сомнения, их нельзя отнести к нормальным людям, *однако к ним не применимо ни одно из вышеописанных отклонений*. Первичные психопаты, как правило, разговорчивы и неспособны на подобную тщательно спланированную деятельность.

Возможно, нам следует предположить, что этот тип является результа-

---

между строением тела, а также физической формой, особенностями личности и психическими заболеваниями. В 1933 году Кречмер отказался от своей должности президента Немецкого общества психотерапии в знак протеста против захвата нацистами правительства. Однако в отличие от других известных немецких психологов во время Второй мировой войны он остался в Германии. Кречмер развил новые методы психотерапии и гипноза, а также изучал преступления, совершённые по принуждению с целью выработки рекомендаций по адекватному психиатрическому лечению заключённых. [Прим. ред.]

[29] Греческий корень *skirtaô*: «бунтовать», «прыгать». [Прим. ред.]

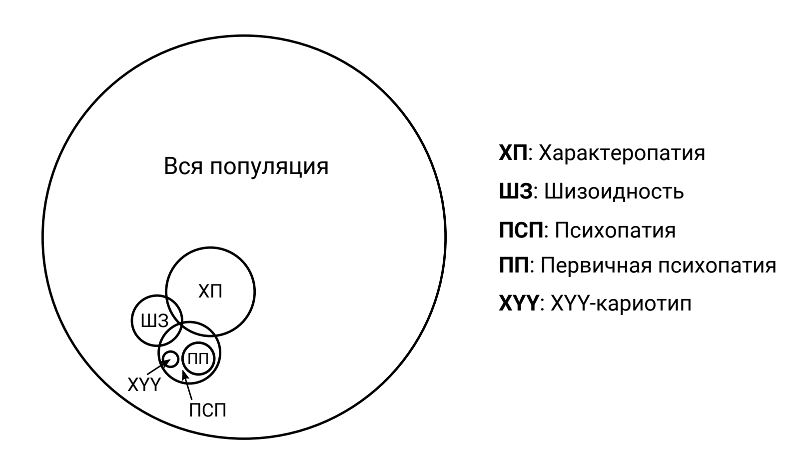
том скрещивания между слабовыраженными формами различных отклонений. Даже если мы допустим статистическую вероятность появления таких гибридов с учётом имеющихся количественных данных, то они должны представлять собой чрезвычайно редкий феномен. Тем не менее выбор партнёра создаёт пары, которые с психологической точки зрения билатерально представляют собой различные аномалии. Поэтому носители двух или даже трёх слабовыраженных отклонений должны встречаться более часто. В этом случае «шакала» можно представить как носителя шизоидных признаков в комбинации с другими формами психопатии, как, например, первичной психопатии или скиртоидизма. Такие более распространённые гибриды составляют большую часть социального фонда наследуемых патологических понерогенных факторов.

Вышеупомянутые характеристики — это отобранные примеры патологических факторов, участвующих в понерогенных процессах. Постоянно растущий объём литературы на эту тему предоставляет читателю широкий спектр информации и порой ярких описаний таких феноменов. Как бы то ни было, текущего уровня знаний в этой области всё ещё недостаточно для практического решения многих человеческих проблем, особенно проблем личностного и семейного характера. Для этого необходимы дальнейшие исследования биологической природы этих феноменов.

Я хотел бы предостеречь читателей, не обладающих знаниями и опытом в этой области, от того, чтобы не стать жертвой впечатления, что окружающий их мир полон индивидуумов с патологическими отклонениями, независимо от того, были ли они описаны здесь или нет. Это не так. На следующем графике показано приблизительное соотношение индивидуумов с различными психологическими аномалиями в отдельно взятом обществе.

Приблизительное пропорциональное соотношение патологических феноменов:

Существования теорий об исключительно созидательной роли ненормальных людей — и даже отождествления человеческого гения с психологией патологических отклонений — даёт тем больше оснований подчёркивать тот факт, что индивидуумы с отклонениями от нормы являются меньшинством. Тем не менее односторонность этих теорий, по всей видимости, проистекает от людей, искавших утверждение своих собственных

ПСП: Психопаты, ХАП: Характеропаты, ПП: Первичные психопаты, ШИЗ: Шизоиды, XYY: XYY-кариотипы.

личностей посредством такого мировоззрения. Ведь нам известны выдающиеся мыслители, первооткрыватели, а также художники, которые в качественном отношении были психологически абсолютно нормальными.

В конечном итоге психологически нормальные люди составляют как статистическое большинство, так и саму основу социальной жизни в каждом сообществе. По законам природы именно они должны задавать темп; из их сущности проистекает мораль. Поэтому власть должна находиться в руках нормальных людей. Понеролог просит лишь об одном: такие органы власти должны быть наделены надлежащим пониманием этих менее нормальных людей, на основе которого должны издаваться все законы.

Количественный и качественный состав этой биопсихологически дефектной доли населения варьируется на нашей планете в зависимости от времени и места. В одних странах его можно выразить однозначным процентным значением, в других — двузначным. Эта количественная и качественная структура оказывает влияние на психологический и моральный климат в целом в отдельно взятой стране. Именно поэтому этой проблеме должно уделяться пристальное внимание. Тем не менее также следует отметить, что согласно имеющимся фактам мечты о власти, так часто присутствующие в таких фазах, не всегда и не обязательно проявляются

в странах, в которых это процентное отношение [людей с психическими отклонениями] было и остаётся очень высоким. Решающую роль в этих процессах играли также и исторические обстоятельства.

В любом обществе нашей планеты психопатические индивидуумы, а также некоторые другие девиантные личности создают активную сеть тайных сговоров, частично отчуждённую от сообщества нормальных людей. Вдохновляющая роль первичной психопатии в этой сети является, по всей видимости, распространённым явлением. Первичные психопаты осознают свою инаковость от других людей по мере того, как накапливают жизненный опыт и знакомятся с различными способами достижения своих целей. Их мир всегда разделён на «мы» и «они» — на их маленький мир с его собственными законами и обычаями и тот другой чуждый им мир нормальных людей, полный в глазах психопатов высокомерных идей и привычек, на основе которых они морально осуждаются. Их восприятие понятия чести побуждает их при каждой возможности обманывать и оскорблять этот другой мир людей. В противоположность обычаям нормальных людей психопаты считают нарушение обещаний подобающим поведением.

У нормальных людей особенно вызывает беспокойство тот факт, с которым им сложно примириться, что психопаты очень рано учатся тому, что их личности могут иметь травмирующий эффект на личности умственно здоровых людей, и как они используют этот террор для достижения своих целей. Эта дихотомия миров носит постоянный характер и не исчезает даже тогда, когда им удаётся воплотить свои юношеские мечты о власти над миром нормальных людей. Это явно свидетельствует о том, что это разделение обусловлено биологически.

У психопатов возникает утопическая мечта о «счастливом» мире и социальной системе, которая не отвергала бы их и не заставляла подчиняться законам и обычаям с *непостижимым* для них смыслом. Они мечтают о мире, в котором их незамысловатый и радикальный способ познания и восприятия реальности занимал бы доминирующую позицию;[30] о мире, в котором, конечно же, им были бы гарантированы безопасность и процветание. В этой утопической мечте психопаты представляют себе, как эти «другие» — отличные от них, но в то же время более технически одарённые люди — работают на них и им подобных для достижения их целей.

[30]то есть лгать, обманывать, разрушать, использовать других людей и т. д. [Прим.ред.]

«Мы, — говорят психопаты, — в конечном итоге создадим новую, справедливую систему правления».[31] Они готовы бороться и страдать ради этого дивного нового мира и также готовы причинять ради него страдания другим людям. Такое видение оправдывает убийства людей, страдания которых не вызывают у них никакого сочувствия, ведь «они» не принадлежат к их виду. Они не осознают, что рано или поздно столкнутся с противостоянием, которое может продолжаться на протяжении многих поколений.[32]

Подчинение нормальных людей индивидуумам с психическими отклонениями будет иметь серьёзные и пагубные последствия для их личностей, травмируя их и вызывая невроз. Это происходит в порядке, который, как правило, ускользает от сознательного контроля. Такая ситуация лишает человека его естественных прав, а именно: практики психической гигиены, развития достаточно независимой личности и использования здравого рассудка. С точки зрения законов природы, это своего рода преступление — способное произойти на любом социальном уровне и в любом контексте, — хотя оно и не упоминается ни в каком своде законов.

Мы уже обсудили природу некоторых патологических людей, имеющих, например, фронтальную характеропатию, а также то, как они способны деформировать личности людей, с которыми взаимодействуют. В этом смысле первичная психопатия имеет *исключительно серьёзные последствия*. Нечто таинственное вгрызается в личность человека, оказавшегося во власти психопата; с этим ему затем приходится бороться как с демоном. Его эмоции охлаждаются, а чувство психологической реальности заглушается. Это приводит к бессвязному мышлению и чувству беспомощности, кульминацией которого становятся депрессивные реакции, способные быть настолько сильными, что ошибочно принимаются психиатрами за маниакально-депрессивный психоз. Многие люди начинают противиться психопатическому доминированию задолго до такого кризиса и начинают искать пути выхода из-под такого влияния.

Многие жизненные ситуации включают намного менее загадочные последствия других психологических аномалий для нормальных людей (ко-

[31] Справедливость лишь для психопатов; несправедливость для всех остальных. [Прим. ред.]

[32] «Убейте их всех, Бог своих узнает» — подход, по-видимому, рекомендуемый психопатами. [Прим. ред.]

торые в любом случае неприятны и носят разрушительный характер), а также беспринципной тяги их носителей к доминированию и использованию других в своих целях. Поэтому общества, руководствуясь неприятным опытом и неприятными чувствами, а также естественным эгоизмом, имеют все основания отвергать таких людей, включая бедняков и преступников, и выталкивать их на задворки социальной жизни.

К сожалению, уже стало почти нормой, когда такое поведение подвергается моральному оправданию в категориях нашего обыденного мировоззрения. Большинство членов общества чувствуют себя в праве защищать свою персону и свою собственность и используют с этой целью существующее законодательство. Основываясь на естественном восприятии феноменов и на эмоциональных побуждениях, а не на объективном понимании этих проблем, такие законы никоим образом не являются мерами поддержания порядка и безопасности, как бы нам хотелось; психопаты и прочие душевнобольные воспринимают эти законы всего лишь как принуждение, с которым нужно бороться.

Индивидуумам с различными психическими отклонениями социальная структура, в которой преобладают нормальные люди, а также их концептуальный мир представляются как «система принуждения и угнетения». Психопаты практически всегда приходят к такому умозаключению. Если в то же время в данном обществе распространена несправедливость, то патологические чувства несправедливости и суггестивные высказывания, исходящие от психически ненормальных людей, способны найти отклик у тех, кто действительно испытал на себе несправедливость. В таком случае революционные догмы могут с лёгкостью распространяться в обеих группах, несмотря на то, что каждая из них имеет совершенно различные причины для одобрения таких идей.

Существование патогенных бактерий в нашей окружающей среде — это общепризнанное явление, которое, однако, не является единственным решающим фактором, определяющим, заболеет ли человек или общество, так как естественный и искусственный иммунитет наряду с медицинской помощью также могут играть в этом свою роль. Аналогичным образом психопатологические факторы являются не единственными факторами распространения зла. Другие факторы не менее важны: социоэкономические

условия, а также моральные и умственные дефициты.

Люди и нации, способные терпеть несправедливость во имя моральных ценностей, легче могут найти выход из таких трудностей, не прибегая при этом к насилию. В этом отношении богатая нравственная традиция содержит в себе вековой опыт и размышления наших предков. Данная книга описывает роль этих дополнительных факторов в процессе возникновения зла, понимание которых было и остаётся недостаточным уже на протяжении нескольких столетий. Такое объяснение жизненно необходимо для завершения общей картины и позволяет нам выработать более эффективные практические меры.

Таким образом, выделение роли патологических факторов в возникновении зла не снижает ответственность социальных и моральных неудач, а также умственных дефицитов, которые также вносят свой вклад в эту ситуацию. Настоящие моральные дефициты и чрезвычайно неадекватное понимание человеческой реальности, а также психологических и моральных ситуаций часто вызываются либо более ранней, либо текущей активностью патологических факторов.

Тем не менее нам также необходимо признать постоянное, биологически определённое присутствие этого небольшого меньшинства индивидуумов в каждом человеческом обществе, являющихся носителями этих качественно многообразных и, в то же время понерологически активных, патологических факторов. Тем самым любая дискуссия о первоисточнике в процессе возникновения зла — моральные неудачи или деятельность патологических факторов — должна рассматриваться как академическое умозрительное размышление. С другой стороны, повторное прочтение Библии глазами понеролога может оказаться весьма занятным.

Подробный анализ личности среднестатистического нормального человека практически всегда раскрывает обстоятельства и сложности, вызванные влиянием того или иного патологического фактора. Если такая активность была приостановлена уже давно, или её место находится теперь далеко, или причинный фактор является относительно очевидным, здравого рассудка, как правило, достаточно для исправления последствий. Если патологический фактор остаётся необъяснимым, человеку сложно понять причину своих проблем; иногда он производит впечатление пожизненного раба представлений и шаблонов поведенческих реакций, возникших

под влиянием патологических индивидуумов. Это то, что произошло в вышеупомянутой семье, в которой источником патологического влияния была самая старшая сестра, перенёсшая перинатальную травму префронтальной коры головного мозга. Даже когда было очевидно, что она плохо обращалась со своим первым ребёнком, её братья попытались объяснить это параморалистическим образом: жертва, принесённая во имя «чести семьи».

Такие вещи должны преподаваться для всех с целью облегчения педагогического самоконтроля. Некоторые выдающиеся психопатологи убедились со временем в верности теории о том, что развитие здоровых функциональных взглядов на человеческую реальность невозможно без учёта психопатологических познаний. Это умозаключение, которое сложно принять людям, убеждённым в том, что они достигли зрелого мировоззрения без подобных обременительных самоисследований. Прошлые эготистические защитники обыденного мировоззрения заручились поддержкой традиции, беллетристики и даже философии. Они не осознают, что в настоящее время их способ понимания жизненных вопросов делает борьбу со злом ещё более проблематичной. Однако юное поколение более знакомо с биологией и психологией и тем самым более склонно к объективному пониманию роли патологических феноменов в процессах возникновения зла.

Между человеческой и социальной реальностью часто возникает параллакс[33] (и иногда даже большой разрыв), имеющий биологическую природу и возникающий из-за вышеупомянутого отказа учитывать психопатологические элементы, а также благодаря традиционным восприятиям реальности, как тому учат философия, этика, светское и церковное право. Этот разрыв легко распознаётся людьми, психологическое мировоззрение которых было сформировано образом, отличным от естественного развития нормальных людей. Многие из них (как сознательно, так и неосознанно) используют эту слабость с целью втиснуть себя и свою недальновидную деятельность, характеризуемую эгоистичными концепциями корыстолюбия, в эту брешь. Тем не менее некоторые индивидуумы — независимо от того, безразличны ли они к боли других людей или наций, либо испыты-

[33] Разница во внешнем виде и месторасположении объекта при рассмотрении его с двух различных точек. [Прим. ред.]

вают недостаток знаний о человечности и благопристойности — находят открытые врата, через которые они навязывают непокорному населению свой иной образ жизни.

Сможем ли мы когда-либо разрешить эту вековую проблему человечества? Когда-нибудь, в неопределённом будущем, с помощью биологических и психологических наук, добившихся успехов в изучении различных патологических факторов, участвующих в понерогенных процессах? Это будет зависеть от поддержки со стороны обсуждаемых обществ. Научная и общественная осознанность роли, играемой вышеупомянутыми факторами в процессе возникновения зла, поможет общественному мнению занять соответствующую позицию по отношению к злу, которое в результате этого потеряет свою захватывающую таинственность. Законы, модифицированные на основе понимания природы этих феноменов, сделают возможными профилактические контрмеры против зарождения зла.

На протяжении столетий каждое общество было подвержено естественным евгеническим процессам, исключавшим индивидуумов с отклонениями (в том числе и с вышеупомянутыми признаками) из репродуктивной конкуренции или искусственно снижавшим их рождаемость. Эти процессы редко распознаются как таковые, так как они часто блокируются сопровождающим их злом или отодвигаются на второй план некими другими обстоятельствами. Сознательное понимание этих вопросов, основанное на соответствующих знаниях и приблизительных моральных критериях, могло бы придать этим процессам менее бурную форму, не настолько наполненную горьким опытом. Если человеческое сознание и совесть сформированы должным образом, и дельные советы по этим вопросам принимаются во внимание, то баланс этих процессов может быть склонён в верном направлении. После многих поколений социальное бремя наследственных патологических факторов понизилось бы до определённого критического уровня, и их участие в понерогенных процессах начало бы угасать. [34]

[34] Лобачевский, по-видимому, ссылается на войны и другие физические конфликты и намекает, что если бы нормальные люди отказались в них участвовать, и борьба велась бы лишь между девиантными индивидуумами, то со временем они бы взаимно истребили друг друга. [Прим. ред.]

4.4. Понерогенные феномены и процессы

Отслеживание реальной пространственно-временной сети качественно сложных причинных связей, имеющих место в понерогенных процессах, требует надлежащего подхода и опыта. Тот факт, что психологи повседневно сталкиваются с многочисленными случаями, в которых им приходится иметь дело с психически больными людьми и их жертвами, означает, что они постепенно приобретают навыки понимания и описания многих компонентов психологической причинности. Они наблюдают обратную связь в закрытых причинных структурах. Тем не менее эти навыки иногда оказываются недостаточными для преодоления человеческой склонности к фокусированию на одних фактах и игнорированию других, вызывая неприятное чувство недостаточности способности нашего разума к пониманию окружающей нас действительности. Это объясняет соблазн использовать обыденное мировоззрение для упрощения сложности и её последствий — феномен, встречающийся так же часто, как «старые мудрецы» в философской психологии Индии. Такое чрезмерное упрощение причинной картины возникновения зла, зачастую сводящейся к одной, простой для понимания причине или к одному виновному, становится само по себе одной из причин этого процесса.

При всем глубоком уважении к слабостям человеческого разума давайте сознательно выберем золотую середину и воспользуемся процессом абстракции. Сначала мы опишем отобранные феномены, а затем — причинные цепочки, характерные для понерогенных процессов. После этого мы можем связать такие цепочки с более сложными структурами для получения более полного представления о действительной причинной сети. Поначалу дыры в нашей сети будут настолько большими, что целый косяк кильки сможет выплывать из неё незамеченным, хотя большие рыбины смогут оставаться в ней. Как бы то ни было, зло в нашем мире представляет собой своего рода континуум, в котором незначительные формы человеческого зла вносят свой вклад в процесс возникновения масштабного зла. Сужение и уплотнение этой сети и наполнение её деталями полной картины кажется тогда более лёгким, так как законы понерологии работают одинаково независимо от масштаба их проявлений. Тем самым наш здравый рассудок совершает всё более мелкие ошибки во всё более незна-

чительных вопросах.

В попытке более детального рассмотрения этих психологических процессов и феноменов, приводящих к тому, что отдельные люди или целые нации приносят страдания другим, давайте отберём наиболее характерные феномены. Мы увидим, что участие различных патологических факторов в этих процессах — *это норма*; ситуация, в которой такое участие неразличимо, является, как правило, исключением.

Во второй главе мы обрисовали роль человеческого инстинктивного субстрата в развитии наших личностей, формирование обыденного мировоззрения, а также социальных связей и структур. Мы также показали, что наши социальные, психологические и моральные концепции, а также наши естественные формы реакций не являются адекватными в каждой жизненной ситуации. Ситуации, якобы соответствующие нашим представлениям (что в действительности не так), в которых мы поступаем согласно нашим обыденным концепциям, обычно заканчиваются тем, что мы раним других. Такие различные ситуации, как правило, вызывают параадекватные реакции, потому что некие трудные для понимания патологические факторы уже вступили в действие. *Таким образом, практическая ценность нашего обыденного мировоззрения, как правило, заканчивается там, где начинается психопатология.*

Знание этого распространённого слабого места человеческой природы и «наивности» нормальных людей является *частью специфических знаний, которыми обладают многие психопаты*, а также некоторые характеропаты. Искусные ораторы различных школ всегда пытались вызывать параадекватные реакции у других людей во имя своих особых целей или своих господствующих идеологий. Этот труднопонимаемый патологический фактор находится внутри самого оратора.

Эготизм: Мы называем эготизмом психологическую установку, подсознательно представляемую нормой, приписывать повышенную значимость нашим инстинктивным рефлексам, приобретённым в раннем возрасте представлениям и привычкам, а также нашему личному мировоззрению. Эготизм препятствует нормальному развитию личности, так как он способствует преобладанию подсознательной жизни и осложняет принятие дезинтегративных состояний, способных быть очень полезными для роста и

развития. Этот эготизм и неприятие дезинтеграции[35], в свою очередь, способствуют возникновению параадекватных реакций, как было отмечено ранее. Эготист мерит других людей по себе и считает *свои* идеи и экспериментальные образы действий *объективными* критериями. Он норовит принуждать других людей чувствовать и думать, как он сам. Поэтому эготистические нации имеют подсознательную цель наставлять или принуждать другие страны думать в их категориях, что лишает их способности понимать других людей и другие государства или приобщаться к ценностям других культур.

Поэтому правильное воспитание и самовоспитание всегда имеют своей целью деэготизацию молодого человека или взрослого и создают условия для развития его разума и характера. Однако практикующие психологи всё ещё придерживаются мнения о полезности определённой доли эготизма — как фактора, стабилизирующего личность, оберегающего её от слишком быстрой невротической дезинтеграции и позволяющего тем самым преодолевать жизненные трудности. Однако есть и довольно исключительные люди, имеющие очень хорошо интегрированные личности несмотря на практически полное отсутствие эготизма. Это позволяет им с лёгкостью понимать других людей.

Этот тип чрезмерного эготизма, препятствующий развитию человеческих ценностей и приводящий к неверным суждениям и терроризированию других людей, вполне заслуженно называют «королём человеческих недостатков». Трудности, разногласия, серьёзные проблемы и невротические реакции прорастают — как грибы после обильного дождя — в каждом, кто находится в окружении такого эготиста. Эготистические нации растрачивают деньги и усилия на достижение целей, обусловленных их ошибочным мышлением и сверхэмоциональными реакциями. Их неспособность признать ценности и различия других наций, обусловленные дру-

[35] Домбровский развил теорию положительной дезинтеграции, согласно которой индивидуумы с высоким потенциалом развития имеют тенденцию часто испытывать периоды интенсивного кризиса (положительной дезинтеграции), создающего возможности для развития автономной, самостоятельной личности. Домбровский наблюдал, что одарённые и творческие народности, как правило, проявляют повышенный потенциал развития и поэтому более предрасположены к испытанию положительной дезинтеграции. (William Tillier, «A Brief Overview Dabrowski's Theory of Positive Disintegration») [Прим. ред.]

гими культурными традициями, приводит к конфликтам и войнам.

Нам необходимо разграничивать *первичный* и *вторичный* эготизм. Первичный эготизм проистекает от более естественного процесса, а именно от естественного эготизма ребёнка и ошибок в воспитании, имеющих тенденцию поддерживать этот детский эготизм. Вторичный эготизм наблюдается тогда, когда личность, уже преодолевшая детский эготизм, регрессирует к этой стадии в стрессовых ситуациях, что приводит к искусственной установке, для которой характерны агрессивность и социальная зловредность. Чрезмерный эготизм — это постоянное качество истеричной личности[36] независимо от того, первична эта истерия или вторична. Вот почему рост эготизма той или иной нации необходимо связывать в первую очередь с вышеописанным истероидным циклом.

Анализируя развитие чрезмерно эготистических личностей, мы часто находим определённые непатологические причины, как, например: воспитание в ограниченном и чересчур рутинном окружении или воспитание родителями с более низким интеллектом, чем их дети. Основная же причина развития сверхэготистической личности в нормальном человеке состоит в [психической] контаминации (посредством психологической индукции) от чрезмерно эготистических или истерических людей, развивших эти качества под влиянием различных *патологических* причин. Большинство из вышеописанных генетических отклонений *обуславливают, среди прочего, развитие патологически эготистических личностей*.

Многие люди с различными наследственными отклонениями и приобретёнными дефицитами развивают патологический эготизм. Для таких людей принуждение их окружения, целых социальных групп и по возможности целых наций чувствовать и думать, как они сами, становится внутренней необходимостью — преобладающей концепцией. Некая игра, которую нормальный человек никогда не стал бы воспринимать всерьёз, может стать их жизненной целью, объектом усилий, жертв и искусной психологической стратегии.

Патологический эготизм — вытеснение из сознания любых неприят-

[36] Расстройство личности, для которого характерны незрелость, зависимость, эгоистичность, тщеславие, жажда внимания, а также нестабильное или манипулятивное поведение. (*The American Heritage Stedman's Medical Dictionary*, 2nd Edition; Houghton Mifflin Company, 2004.) [Прим. ред.]

ных, самокритических ассоциаций, связанных с собственной природой или нормальностью того или иного индивидуума. Драматичные вопросы, как, например, «кто здесь ненормальный, я или мир людей, чувствующих и думающих по-другому?», получают ответ не в пользу других людей. Такая форма эготизма всегда связана с определённой скрытой установкой, «маской Клекли», прячущей как от своего собственного сознания, так и сознания других людей некое патологическое качество. Максимальную интенсивность такого эготизма можно найти в *префронтальной характеропатии*, описанной выше.

Таким образом, значение содействия этой формы эготизма процессу возникновения зла вряд ли требует дальнейшего рассмотрения. Люди травмируются и становятся более эгоистичными в первую очередь под воздействием социального влияния, что, в свою очередь, приводит к дальнейшим сложностям. Патологический эготизм — непременный составной элемент разнообразных состояний, в которых некто, кажущийся нормальным (что на самом деле не так), руководствуется мотивами или целями, представляющимися для нормальных людей нереалистичными или маловероятными. Обычный человек мог бы задаться вопросом: «Какую выгоду он ожидает получить от этого?» Тем не менее распространённое мнение часто интерпретирует подобную ситуацию согласно «здравому смыслу» и поэтому предрасположено к принятию «более вероятной» версии событий. Такие интерпретации часто оборачиваются человеческими трагедиями. Поэтому нам всегда необходимо помнить, что правовая норма *cui prodest*[37] становится иллюзорной каждый раз, когда в действие вступают патологические факторы.

Нравоучительные интерпретации: Тенденция делать нравоучительные интерпретации касательно в высшей степени патологических феноменов — это аспект человеческой природы, различимый субстрат которого закодирован в нашем специфическом инстинкте, а именно: людям, как правило, не удаётся делать различие между моральным и биологическим злом. Морализирование проявляется — хотя и в разной степени — всегда в рамках обыденного психологического и морального мировоззрения; вот почему нам необходимо рассматривать эту тенденцию как ошибку общественного мнения. Мы можем ограничить последствия этой ошибки по-

[37] Ищи, кому выгодно. Кому на пользу? Найди мотив.

средством возросшего знания о себе, однако её преодоление требует особых знаний в области психопатологии. Молодые люди и менее образованные слои населения всегда тяготеют к подобным интерпретациям (хотя это также характерно и для традиционных эстетов); эта тенденция усиливается каждый раз, когда наши природные рефлексы берут верх над нашим здравомыслием, то есть в истерических состояниях и прямо пропорционально интенсивности эготизма.

Всякий раз, когда мы отвечаем нравоучительной интерпретацией на ошибки и недостатки других людей, мы отрезаем путь причинному пониманию феноменов и открываем его мстительным эмоциям и психологическим ошибкам. Эти ошибки человеческого поведения возникают в значительной степени под влиянием различных патологических факторов (как упомянутых в данной книге, так и оставленных без внимания), зачастую скрытых от умов людей, не имеющих опыта в данной области. Тем самым мы также позволяем этим факторам продолжать их понерогенную деятельность — как в нас, так и в других. Ничто так не отравляет человеческую душу и не лишает нас нашей способности более объективно понимать нашу реальность, как эта зависимость от всеобщей человеческой склонности занимать по отношению к поведению других людей нравоучительную позицию.

С практической точки зрения, любое поведение, серьёзно ранящее другого человека, формируется под влиянием определённых патологических факторов — конечно, наряду с прочими влияниями. По этой причине любая интерпретация причин зла, ограничивающаяся лишь моральными категориями, представляет собой неадекватное восприятие реальности. В целом, это может привести к ошибочному поведению, ограничивающему нашу способность противодействовать причинным факторам зла и разжигающему в нас желание мести. Это часто разжигает новый огонь в понерогенных процессах. Поэтому нам необходимо рассматривать одностороннюю моральную интерпретацию истоков зла как неизменно ошибочную и безнравственную. Идею преодоления этой распространённой человеческой склонности и её последствий можно считать нравственным мотивом, тесно переплетающимся со всей понерологией.

Если мы проанализируем причины, по которым некоторые люди часто злоупотребляют такими эмоционально окрашенными интерпретациями,

нередко отвергая с возмущением более правильную трактовку, то мы наверняка найдём и здесь действующие в них патологические факторы. В таких случаях интенсификация этой тенденции вызывается вытеснением из сознания всех самокритических концепций касательно собственного поведения и лежащих в его основе мотивов. Влияние таких людей усиливает эту тенденцию в других людях.

Параморализмы: Убеждение в существовании моральных ценностей, а также в том, что определённые действия нарушают нравственные законы, это настолько общепринятое и древнее явление, что оно, по-видимому, укоренено в человеческом инстинкте (хотя этого, конечно же, нельзя в полной мере сказать о моральной истине) и тем самым воплощает столетия опыта, культуры, религии и социализации. Поэтому любые намёки, сформулированные в форме моральных лозунгов, всегда имеют суггестивный характер, даже если использованные «моральные» критерии являются лишь «спонтанным» изобретением. Любое деяние тем самым может быть обосновано как нравственное или безнравственное посредством таких параморализмов, используемых как активное внушение, причём всегда найдутся люди, разум которых будет поддаваться такой аргументации.

В качестве примера злонамеренному деянию, негативная ценность которого не вызывает сомнений ни в какой ситуации, этики часто упоминают плохое обращение с детьми. Тем не менее в своей практике психологи часто встречают параморальное одобрение такого поведения, как, например, в случае с вышеупомянутой семьёй, в которой самая старшая сестра перенесла травму лобных долей головного мозга. Её младшие братья решительно настаивали на том, что садистское обращение их сестры с её сыном было обусловлено её исключительно высокими моральными ценностями. Они верили в это благодаря самовнушению. Каким-то образом параморализмы ускользают из-под контроля нашего здравого смысла, что порой приводит к принятию или признанию откровенно патологического поведения.[38]

[38] В последние годы было много примеров, когда родители избивали своих детей до смерти по «религиозным причинам». Эти родители затем часто утверждали, что их ребёнок был одержим демоном или вёл себя настолько распущено, что лишь взбучка могла его «исправить». Другой пример — обрезание мальчиков и девочек, практикуемое определёнными этническими группами; сати — индийский обычай публичного самосожжения вдовы вместе с телом мужа; в мусульманских культурах, когда женщина подверга-

Параморалистические утверждения и внушения настолько часто сопутствуют различным формам зла, что кажутся практически неразделимыми от них. К сожалению, изобретение себе на пользу всё новых моральных критериев стало частым явлением среди отдельных людей, тиранических групп или патополитических систем. Зачастую такие внушения частично лишают людей их морального мышления и деформируют его развитие у подростков. Параморалистические фабрики [мысли] были основаны во всём мире, и понерологу сложно поверить в то, что они управляются психически нормальными людьми.

Конверсивные свойства в процессе возникновения параморализмов, по-видимому, доказывают, что их истоки лежат главным образом в подсознательном неприятии (и вытеснении из сознания) чего-то совершенно иного — того, что мы называем *голосом совести*.

Невзирая на это, понеролог может проводить множество наблюдений, поддерживающих мнение, что в этой тенденции использования параморализмов участвует множество различных патологических факторов. Это имело место в случае с вышеупомянутой семьёй. При сопутствующей морализирующей интерпретации эта тенденция усиливается в эготистах и истеричных людях. Причины этого аналогичны. Как и все конверсивные феномены, эта склонность к использованию параморализмов психически заразительна. Это объясняет, почему мы можем наблюдать их [параморализмы] среди людей, воспитанных индивидуумами, в которых развитие параморализмов сопровождалось патологическими факторами.

Теперь, возможно, настало время поразмыслить над тем, что истинные законы морали рождаются и существуют независимо от наших суждений и даже независимо от нашей способности распознавать это. Таким образом, необходимая для такого понимания позиция имеет научный, а не творческий характер: мы должны смиренно подчинить наш разум воспринимаемой действительности. Лишь тогда мы откроем правду о человечестве, как о его слабостях, так и о его ценностях, которые нам покажут, что является порядочным и подобающим применительно к другим людям и обществам.

Реверсивная блокада: Категорическое настаивание на чём-то, что яв-

ется изнасилованию, её члены семьи мужского пола обязаны её убить, чтобы стереть позор, который пал на семью. Все эти якобы «моральные» деяния являются на самом деле патологическими и преступными. [Прим. ред.]

ляется противоположностью истины, блокирует ум среднего человека от её восприятия. В соответствии с велением здравого рассудка ведущий себя таким образом человек начинает искать смысл в «золотой середине» между истиной и её противоположностью, что порождает более или менее удовлетворительные, но в то же время ложные ответы. Думающие подобным образом люди не осознают, что этот результат и являлся конечной целью человека, побудившего их к такому образу мышления. Если поддельная истина представляет собой противоположность истины моральной, то она одновременно олицетворяет собой экстремальный параморализм и является носителем его особой внушаемости.

Мы редко видим использование этого метода обычными людьми, даже если они были воспитаны кем-то, кто плохо обращался с ними; обычно они показывают лишь последствия этого [метода] в характерных для них трудностях осознавать реальность должным способом. Использование этого метода можно приписать уже упомянутым особым психологическим знаниям психопатов о слабых местах человеческой природы, а также их способности искусно вводить других в заблуждение. Там, где правят психопаты, этот метод используется с виртуозностью в рамках их власти.

Отбор и подмена информации: Здесь следует повторить психологические феномены, с которыми были знакомы ещё студенты философии дофрейдистского периода, занимавшиеся изучением подсознательного. *Бессознательные психологические процессы перекрывают собой — как по времени, так и по масштабу — сознательное мышление, что даёт начало многим психологическим феноменам*, в том числе и тем, которые обычно описываются как конверсивные, как, например: подсознательное блокирование умозаключений, а также отбор и подмена предпосылок, вызывающих дискомфорт.

Мы имеем в виду *блокировку* умозаключений в случаях, когда дедуктивный процесс был в принципе корректным и уже практически подошёл к выводу и окончательному пониманию (в рамках акта внутренней проекции), но был прерван предыдущей директивой подсознательного, посчитавшей его нецелесообразным или тревожным. Это примитивная защита от дезинтеграции личности, которая, на первый взгляд, может показаться полезной. Тем не менее она также сводит на нет все те преимущества, которые могли бы быть получены от сознательно продуманного умозаклю-

чения и его реинтеграции. Умозаключение, отвергнутое таким образом, остаётся в нашем подсознании, вызывая ещё более бессознательным образом следующую блокаду и отбор [информации] подобного рода. Это может причинить огромный вред и постепенно превратить человека в раба своего собственного подсознательного. Этот процесс часто сопровождается чувством напряжения и горечи.

Отбор [логических] посылок имеет место всякий раз, когда обратная связь воздействует всё глубже на результирующее мышление, удаляя тем самым из базы данных и выталкивая в подсознательное лишь ту часть информации, которая была ответственна за результат дискомфортного умозаключения. После этого наше подсознательное разрешает дальнейшие логические процессы мышления, однако их результат будет неверным, причём эта ошибочность будет прямо пропорциональна фактической важности вытесненной [в подсознание] информации. В нашей подсознательной памяти тем самым будет накапливаться всё больше вытесненной информации. В конечном итоге определённый шаблон поведения возьмёт верх над человеком: схожая информация будет обрабатываться одним и тем же способом, даже если его логическое мышление пришло бы к довольно полезному для него выводу.

Самый сложный процесс этого типа — это подмена [логических] посылок, которые устраняются другой информацией, обеспечивая тем самым якобы более комфортное умозаключение. Наша ассоциативная способность быстро заменяет устранённую информацию новыми данными, которые, однако, приводят к более *комфортному* умозаключению. Этот процесс длится дольше всего и вряд ли является исключительно подсознательным. Такие подмены часто происходят посредством речевого общения на коллективном уровне, в определённых группах людей. Именно поэтому эти люди заслуживают больше всего (из всех вышеупомянутых процессов) морализирующее прозвище «лицемеры».

Приведённые примеры конверсивных феноменов содержат, однако, одну проблему, малоизвестную в практике психоанализа. Несмотря на то, что наше подсознание, возможно, содержит в себе источник человеческого гения, его функционирование несовершенно; иногда оно напоминает глупый компьютер, особенно тогда, когда мы допускаем его замусоривание тревожно отвергнутой информацией. Это объясняет, почему созна-

тельное наблюдение — даже ценой отважного принятия дезинтегративных состояний — так необходимо для нашей природы, не говоря уже о личном и социальном благополучии.

Не существует ни одного человека, чьё хорошее знание себя позволило бы ему устранить все склонности к конверсивному мышлению. Тем не менее некоторые люди находятся близко к этому состоянию, в то время как другие остаются невольниками этих процессов. Люди, использующие конверсивное мышление с целью нахождения комфортных умозаключений или конструирования определённых лукавых паралогических или параморалистических высказываний, со временем начинают вести себя подобным образом по всё более тривиальным причинам, полностью теряя при этом свою способность к сознательному контролю над мыслительными процессами. Это неизбежно приводит к поведенческим ошибкам, за которые потом приходится расплачиваться как другим людям, так и им самим.

Люди, утратившие на этом пути свою психологическую гигиену и способность к разумному мышлению, также лишаются своих естественных способностей к критическому мышлению касательно высказываний и поведения индивидуумов, чьи ненормальные мыслительные процессы сформировались на субстрате патологических аномалий, унаследованных или приобретённых. Лицемеры прекращают проводить различие между патологическими и нормальными индивидуумами, открывая тем самым вход для «инфекции», вызванной понерогенной ролью патологических факторов.

В каждом сообществе, как правило, присутствуют люди, у которых в значительной мере были развиты схожие методы мышления — с различными отклонениями, играющими роль кулисы. Мы находим их как в характеропатических, так и в психопатических личностях. На некоторых было даже оказано влияние другими людьми с целью роста их привыкания к такой «аргументации», так как конверсивное мышление крайне заразительно и может распространяться во всём обществе. Особенно в «счастливые времена» склонность к конверсивному мышлению, как правило, усиливается. В подобном обществе она, по-видимому, сопровождается растущей волной истерии. Те, кто пытается сохранить здравый смысл и способность к корректному мышлению, в конечном итоге оказываются в меньшинстве

и чувствуют, что с ними обходятся несправедливо, потому что их человеческое право поддерживать психологическую гигиену нарушается давлением со всех сторон. Это означает, что несчастливые времена уже не за горами.

Необходимо отметить, что описанные здесь ошибочные мыслительные процессы также, как правило, нарушают законы логики с характерной для них вероломностью. Поэтому обучение искусству правильного мышления может быть полезным в противодействии таким тенденциям; это имеет священную, древнюю традицию, которая, кажется, была недостаточно эффективной на протяжении столетий. Для примера: согласно законам логики вопрос, содержащий ошибочное или неподтверждённое предположение, не имеет ответа. Как бы то ни было, среди людей со склонностью к конверсивному мышлению масштабы эпидемии приобрело не только использование таких вопросов и превращение их в источник террора, когда ответы на них давали психопаты, но это также имело место среди тех, кто мыслил нормально или даже сам изучал логику.

Необходимо противодействовать этой снижающейся способности общества к корректному мышлению, так как эта тенденция также снижает его иммунитет против понерогенных процессов. Эффективной мерой могло бы быть обучение как правильному мышлению, так и умелому выявлению когнитивных ошибок. Основа такого образования должна быть расширена и включать в себя психологию, психопатологию, а также другие науки, описанные в данной книге, чтобы воспитать людей, способных с лёгкостью распознавать любые формы неправильных суждений.

4.5. Искусные ораторы

Для понимания понерогенных путей заражения — особенно когда они действуют в более широком социальном контексте — давайте рассмотрим роли и личности индивидуумов, которых мы будем называть «искусными ораторами», проявляющими высокую активность в этой сфере несмотря на своё статистически незначительное количество.

Искусные ораторы, как правило, являются носителями различных патологических факторов, включая характеропатию и определённые унаследованные аномалии. Индивидуумы с неправильно развитыми личностями

часто играют схожие роли, хотя масштаб их влияния на общество остаётся незначительным (ограничиваясь семьёй или соседями) и не переходит границы порядочности.

Для искусных ораторов характерен патологический эготизм. Такая личность принуждается определёнными внутренними причинами делать преждевременный выбор между двумя возможностями. Первая возможность заключается в принуждении других людей думать и воспринимать вещи подобно им самим. Вторая состоит в переживании чувства одиночества, а также чувства быть не таким, как все, то есть патологическим аутсайдером в социальной жизни. Иногда этот выбор состоит в том, чтобы либо стать «заклинателем змей», либо совершить самоубийство.

Успешное вытеснение из сознания самокритичных или неприятных концепций постепенно становится источником феноменов конверсивного мышления, паралогизмов, параморализмов, а также использования реверсивных блокад. Они настолько обильно струятся из разума и рта искусного оратора, что наводняют собой психику среднестатистического человека. Всё становится зависимым от сверхкомпенсаторной убеждённости искусного оратора в своей исключительности или порой даже в своей особой миссии. На основе этой убеждённости возникает отчасти верная идеология с якобы более совершенными ценностями. Тем не менее тщательно проанализировав функции такой идеологии в личности искусного оратора, мы осознаем, что она представляет собой не что иное, как средство *самодовольства*, хорошо подходящее для вытеснения в подсознание мучительных самокритичных мыслей. Инструментальная роль этой идеологии в оказании влияния на других людей также служит потребностям искусного оратора.

Искусный оратор верит, что всегда найдёт людей, которых он сможет убедить в своей идеологии, и чаще всего он оказывается прав. Тем не менее он испытывает шок (или даже параморалистическое негодование), когда видит, что его влияние распространяется лишь на небольшое меньшинство, в то время как отношение большинства других людей к его деятельности остаётся критичным, тревожным и возмущённым. Таким образом, искусный оратор стоит перед выбором: ретироваться в свой уголок или усилить свою позицию путём *усиления эффективности* своей деятельности.

Он ставит каждого, кто поддался его влиянию и принял его эмпирические методы, на высокий моральный подиум. По возможности он щедро наделяет таких людей вниманием и имуществом. На критику он реагирует с «моральным» негодованием. Мы можем даже утверждать, что покладистое меньшинство является на самом деле моральным большинством, так как оно открыто признаёт наилучшую идеологию и почитает лидера с качествами выше среднего.

Для такой деятельности неизбежно характерна *неспособность предвидеть её конечные результаты*, что очевидно с психологической точки зрения, так как её субстрат содержит патологические феномены, причём как их захватывающее ораторство, так и самодовольство делают невозможным воспринимать действительность с точностью, достаточной для логического предвидения результатов. Искусные ораторы тем не менее питают большой оптимизм и лелеют мечты о будущих триумфах, похожих на те, которыми наслаждаются их чахлые души. *Оптимизм также может быть патологическим симптомом.*

В здоровом обществе деятельность искусных ораторов подвергается критике, достаточно эффективной для их быстрого утихомиривания. Однако когда им предшествовали условия, имевшие разрушительный эффект на здравый рассудок и социальный порядок, как, например: социальная несправедливость, культурная отсталость или умственно ограниченные правители, проявляющие иногда патологические черты характера, деятельность искусных ораторов приводила целые общества к крупномасштабным человеческим трагедиям.

Такие индивидуумы выискивают определённое окружение или прослойку общества, представители которой поддаются их влиянию и усиливают тем самым свои психологические слабости, пока в конечном итоге не объединятся в понерогенный союз. С другой стороны, люди, которым удалось сохранить неповреждённой свою здоровую критичность, основанную на их здравом рассудке и моральных критериях, пытаются противодействовать деятельности этих ораторов и её результатам. В результирующей *поляризации* социальных форм поведения каждая сторона оправдывает себя с помощью моральных категорий. По этой причине такое основанное на здравом рассудке сопротивление всегда сопровождается чувством беспомощности и недостатком аргументов.

Осознание того, что искусный оратор всегда является патологическим индивидуумом, должно защитить нас от известных результатов морализирующей интерпретации патологических феноменов и обеспечить нас *объективным критерием оценки* с целью более эффективных мер противодействия. Объяснение того, какой тип патологического субстрата скрыт за какой бы то ни было деятельностью искусного оратора, должно позволить нам найти современное решение в подобных ситуациях.

Характерно, что высокий коэффициент умственного развития обычно повышает иммунитет человека против деятельности искусных ораторов *лишь в ограниченной степени*. Фактические различия в формировании человеческого поведения касательно влияния подобной деятельности [искусных ораторов] необходимо приписывать другим свойствам человеческой природы. Самый решающий фактор в занятии критической позиции — это достаточно высокий базисный интеллект, обуславливающий наше восприятие психологической реальности. Также можно наблюдать, как деятельность искусных ораторов с удивительной регулярностью «выявляет» восприимчивых к ней индивидуумов.

Позже мы вернёмся к теме особых связей, встречающихся в личности искусных ораторов, в представляемых ими идеологиях, а также в выборах, совершаемых людьми, с лёгкостью становящимися их жертвами. Более исчерпывающее прояснение этой темы потребует дальнейшего изучения в рамках общей понерологии — работа, рассчитанная на специалистов — с целью объяснения некоторых из этих интересных феноменов, по сей день остающихся не до конца понятыми.

4.6. Понерогенные объединения

«Понерогенным объединением» мы обозначим любую группу людей, характеризующуюся понерогенными процессами с социальной интенсивностью выше среднего, в которых носители различных патологических факторов играют роль вдохновителей, искусных ораторов и лидеров, и в которых формируется соответствующая патологическая социальная структура. Более малочисленные и менее постоянные объединения мы назовём «группами» или «союзами».

Такое объединение порождает зло, причиняющее вред как другим лю-

дям, так и его собственным членам. Опираясь на языковую традицию, мы можем дать этим организациям различные имена: банды, преступные подполья, мафия, клики и закрытые общества; они умело избегают конфликтов с законом, одновременно изыскивая возможности для собственной наживы. Такие объединения часто стремятся к политической власти с целью навязать, во имя соответствующим образом подготовленной идеологии, выгодное им законодательство, извлекая для себя выгоду в форме несоразмерного богатства и удовлетворения своей жажды власти.

Описание и классификация таких объединений наряду с перечнем их количества, целей, официально провозглашённых идеологий и внутренней структуры имели бы, конечно же, определённую научную ценность. Такое описание, сделанное проницательным наблюдателем, могло бы помочь понерологу определить некоторые характеристики таких объединений, которые невозможно выразить средствами обыденного концептуального языка.

Тем не менее подобное описание не должно скрывать более фактические феномены и психологические зависимости, имеющие место внутри таких объединений. Игнорирование этого предостережения легко может сделать возможным социологическое описание, называющее лишь второстепенные свойства, или сделанное лишь «для показухи», чтобы произвести впечатление на непосвящённых. Тем самым оно оставит незамеченными непосредственно сами феномены, определяющие качество, роль и судьбу объединения. Особенно если такое описание принимает форму колоритной литературы, оно способно породить иллюзорные или суррогатные знания, усложняя тем самым натуралистическое восприятие и причинное понимание более сложных феноменов.

Феномен, характерный для всех понерогенных групп и объединений, заключается в том, что их участники теряют (или уже потеряли) *способность различать патологических индивидуумов как таковых*, интерпретируя их поведение захватывающим, героическим или мелодраматическим образом. Мнения, идеи и суждения людей с различными психологическими дефицитами наделяются важностью, не меньшей чем у выдающихся индивидуумов среди нормальных людей.

Атрофия естественной критичности касательно патологических индивидуумов открывает путь для их деятельности, одновременно стано-

вясь критерием для обозначения такого объединения как понерогенного. Назовём это первым критерием понерогенеза.

Другой феномен, присущий всем понерогенным объединениям, это статистически высокая доля индивидуумов с различными психологическими аномалиями. Их качественный состав имеет решающее значение в формировании характера, деятельности, развития или исчезновения того или иного объединения.

В группах, в которых преобладают различные *характеропатические* индивидуумы, формируются относительно примитивные виды активности, относительно легко пресекаемые в обществе нормальных людей. Тем не менее всё обстоит совсем иначе, когда такие объединения вдохновляются психопатами. Рассмотрим следующий пример, иллюстрирующий роль двух различных аномалий и выбранный автором из изучавшихся им в то время событий.

В преступных молодёжных бандах юноши (а иногда и девушки), проявляющие характерный дефицит, иногда являющийся результатом воспаления околоушной железы (свинка), играют особую роль. Эта болезнь иногда влечёт за собой изменения в головном мозге и оставляет после себя субтильное, но постоянное ослабление эмоциональной окраски чувств, а также небольшое снижение умственных способностей в целом. Схожие результаты также иногда наблюдаются после перенесённой дифтерии. Как следствие этого такие люди легко становятся восприимчивыми к внушениям и манипуляциям более смышлёных индивидуумов.

Будучи втянутыми в преступные группы, эти конституционно ослабленные индивидуумы становятся некритичными помощниками и исполнителями намерений их лидеров — инструментами в руках более коварных и, как правило, психопатических главарей. Оказавшись за решёткой, они подчиняются внушённым объяснениям их заправил, что более высокий (парамoралистический) идеал их группы требует от них стать козлами отпущения, взяв большую часть вины на себя. Во время судебного процесса те же самые главари, которые подстрекали их к преступлению, безжалостно возлагают всю ответственность на своих более слабых коллег. И иногда судьи действительно им верят.

Люди с вышеупомянутыми осложнениями, вызванными свинкой и дифтерией, составляют менее 1% от населения в целом, однако их доля среди

молодых правонарушителей составляет 25%. Это соответствует 30-кратной инсписсации[39] и не требует дальнейшего статистического анализа. Умело изучая состав понерогенных объединений, мы часто наблюдаем инсписсацию других психологических аномалий, говорящих сами за себя.

Необходимо различать два основных типа вышеупомянутых объединений: *первичные понерогенные и вторичные понерогенные*. Обозначим первично понерогенными те объединения, ненормальные участники которых активны с самого начала и выполняют функцию кристаллизирующих катализаторов с самого момента основания группы. Вторичными понерогенными объединениями мы назовём группы, созданные во имя некой идеи с независимой социальной целью, которую, как правило, можно осмыслить в рамках категорий обыденного мировоззрения, но которая со временем стала жертвой определённой моральной дегенерации. Это, в свою очередь, открывает путь для инфекции и активации внутренних патологических факторов, что в дальнейшем приводит к понеризации всей группы или какой-либо её части.

С самого начала своего возникновения первичное понерогенное объединение является инородным телом в организме общества. Его характер вступает в конфликт с моральными ценностями, разделяемыми или уважаемыми большинством людей. Деятельность таких групп вызывает противостояние и отвращение и считается безнравственной, поэтому такие группы, как правило, не получают широкого распространения и не перерастают в многочисленные объединения; в конечном итоге они проигрывают свою битву против общества.

Для получения шанса развиться до крупного понерогенного объединения, достаточно того, что некая организация, характеризуемая социальными, политическими или идеологическими целями, имеющими некоторую созидательную ценность, принимается большой группой людей, *прежде чем* поддаться процессу понерогенной злокачественности. Тем самым первичная традиция и идеологические ценности такого общества будут способствовать защите объединения, ставшего жертвой процесса понеризации, от осведомлённости общества, в особенности от его менее критичных

[39] Сгущение посредством либо обезвоживания, либо впитывания жидкости. Концентрация. [Прим. ред.]

членов. Когда понерогенный процесс затрагивает такую человеческую организацию, изначально возникшую и действовавшую во имя политических или социальных целей, и истоки которой были обусловлены исторической и социальной ситуацией, первичные основные ценности исходной группы будут поддерживать и защищать такое объединение. Несмотря на тот факт, что те самые ценности подвергаются характерной дегенерации, практическая функция [объединения] становится *диаметрально противоположной* её первоначальной функции, так как изначальные имена и символы были сохранены. В такой ситуации раскрываются слабости индивидуального и социального «здравого рассудка».[40]

Это напоминает ситуацию, хорошо известную психопатологам: человек, пользовавшийся доверием и уважением, начинает вести себя с абсурдной заносчивостью и ранить других людей, якобы во имя своих всем известных благопристойных и общепринятых убеждений, которые между тем потеряли свою ценность по причине определённых психологических процессов и стали примитивными, но в то же время эмоционально динамическими. Тем не менее его старые друзья, давно знавшие его таким, какой он был, отказываются верить пострадавшим сторонам, жалующимся на его новое или даже скрытое поведение, и с готовностью принижают их и выставляют лжецами. Это лишь усугубляет ситуацию и поощряет людей, личность которых также подвержена деградации, совершать дальнейшие пагубные деяния. Как правило, такая ситуация продолжается до тех пор, пока сумасшествие человека не становится очевидным.

Первичные понерогенные объединения занимают прежде всего криминологов; наш основной интерес касается объединений, подверженных вторичному процессу понерической злокачественности. Сначала давайте опишем в общих чертах несколько характеристик таких объединений, уже поддавшихся этому процессу.

Внутри каждого понерогенного объединения формируется психологическая структура, которую можно рассматривать как копию или карикатуру нормальной социальной структуры или общественной организации.

[40]Использование группой идеологических терминов (например, «коммунист», «социалист», «демократ», «консерватор» или «республиканец») не обязательно означает, что на практике у их функций есть что-то общее с первоначальной идеологией. [Прим. ред.]

При нормальной социальной организации индивидуумы с различными психологическими сильными и слабыми сторонами взаимно дополняют свои таланты и качества. Эта структура подвержена диахронической[41] модификации в плане изменений в характере объединения в целом. То же самое можно сказать и о понерогенном союзе. При нормальной социальной организации индивидуумы с различными психологическими сильными и слабыми сторонами взаимно дополняют свои таланты и качества.

Ранняя фаза активности понерогенного союза обычно доминируется характеропатическими, в особенности параноидными, индивидуумами, часто играющими вдохновляющую или захватывающую роль в процессе понеризации. Вспомним, что сила параноидных характеропатов состоит в том, что они с лёгкостью способны порабощать менее критические умы, то есть людей с другими психологическими недостатками, людей, уже ставших жертвами индивидуумов с расстройствами характера, и в особенности — большую часть молодёжи.

На этот момент объединение всё ещё проявляет определённые романтические черты, и ему пока не свойственно чрезмерно грубое поведение.[42] Однако вскоре его более нормальные члены вытесняются в периферийные функции и отстраняются от тайн организации; вслед за этим некоторые из них покидают такое объединение.

Впоследствии индивидуумы с унаследованными отклонениями шаг за шагом перенимают вдохновляющие и руководящие позиции. Роль первичных психопатов постепенно возрастает, хотя обычно они предпочитают оставаться в тени (например, управляя небольшими группами) и задавать темп как «серые кардиналы».[43] В понерогенных объединениях в максимально широком социальном масштабе руководящая роль обычно достаётся другому типу людей, более удобоваримым и представительным. Та-

[41] Со временем; изучение феномена с хронологической точки зрения. [Прим. ред.]

[42] Примером тому мог бы быть параноидный человек, считающий себя Робином Гудом с миссией «грабить богатых и давать бедным», которая легко может трансформироваться в «грабить всех и оставлять всё себе» под предлогом «социальная несправедливость против нас оправдывает этот образ действий». [Прим. ред.]

[43] Влиятельный советник или лицо, принимающее решение, действующее втайне или неофициально. Происходит от монаха Ордена капуцинов Франсуа Леклера дю Трамбле, носившего рясу серого цвета и бывшего поверенным кардинала Ришельё. [Прим. ред.]

кие личности проявляют, например, лобную характеропатию или некоторые другие, менее бросающиеся в глаза нарушения поведения.

На первых порах искусный оратор может также выполнять функцию руководителя понерогенной группы. Позднее на сцене появляется другая форма «таланта руководителя», более энергичный индивидуум, зачастую вступающий в организацию позднее, когда она уже подверглась понеризации. Искусный оратор, будучи более слабым, вынужден либо смириться со своим вытеснением на второй план и признать «гений» нового лидера, либо признать своё полное поражение. Роли распределяются заново. Искусному оратору необходима поддержка примитивного, но решительного лидера, который, в свою очередь, нуждается в искусном ораторе для поддержания идеологии объединения, жизненно важной для сохранения правильного настроя рядовых членов, склонных к критике и сомнениям касательно моральной стороны порядка действий.

Задача искусного оратора теперь состоит в том, чтобы придать идеологии более привлекательный вид, а прежним названиям — новое содержание, чтобы они и дальше продолжали выполнять свою пропагандистскую функцию в постоянно меняющихся условиях. Он также должен держать на высоком уровне *ореол таинственности* руководителя внутри объединения и за его пределами. Полное доверие невозможно между этими двумя людьми, так как предводитель втайне презирает искусного оратора и его идеологию, тогда как последний презирает предводителя из-за его грубости. В такой ситуации всегда можно ожидать решающую пробу сил, причём более слабый оказывается в проигрыше.

Структура такого объединения подвергается дальнейшим смещениям и специализации. Между более нормальными людьми и посвящёнными элитами, как правило, проявляющими патологические черты характера, открывается пропасть. В посвящённой элите преобладают наследственные патологические факторы, в то время как нормальные члены объединения страдают от последствий, вызванных различными болезнями и отрицательно сказывающихся на головном мозге; эта подгруппа состоит, как правило, не из психопатов, а из людей, чьи личности сформировались в результате перенесённых лишений в раннем детском возрасте или в результате грубых методов воспитания патологических индивидуумов. Вскоре становится очевидным, что для нормальных людей в группе остаётся всё меньше

пространства. Тайны и намерения руководителя хранятся в секрете от рядовых членов объединения; результатов работы искусных ораторов должно быть достаточно для этого сегмента.

Человек, наблюдающий со стороны деятельность такого объединения через призму обыденного психологического мировоззрения, всегда будет склонен к переоценке роли предводителя и его якобы самовластной функции. Аппарат искусных ораторов и пропаганды приводится в действие для поддержания этого ошибочного стороннего мнения. Предводитель, однако, *зависит от интересов объединения, особенно от интересов посвящённой элиты*, причём в большей степени, чем он сам полагает. Он начинает непрекращающуюся борьбу за позиции [в организации]. Он актёр, работающий на одного режиссёра. В макросоциальных объединениях эту позицию обычно занимает более представительный индивидуум, не лишённый определённой критичности, поэтому посвящение его во *все* планы и преступные схемы было бы контрпродуктивным. Закулисная *группа* психопатов вместе с частью посвящённой элиты управляет руководителем, так же как Борман и его клика направляли Гитлера. Когда руководитель не выполняет назначенную ему роль, он, как правило, осознаёт, что элита объединения способна убить его или устранить каким-либо другим способом.

Мы обрисовали характеристики объединений, в которых понерогенный процесс трансформировал их первоначальную благонамеренную сущность в её патологическую противоположность, изменив также их структуру и дальнейшие преобразования в порядке, достаточном для как можно широкого охвата спектра подобных феноменов — от низшей до самой высокой степени социального размаха. Общие закономерности, которым подчиняются такие феномены, представляются — по меньшей мере в смысловом аспекте — независимыми от их количественного, социального и исторического масштаба.

4.7. Идеологии

Это обычное явление, когда понерогенные объединения или группы имеют *собственную идеологию*, которая всегда оправдывает их деятельность и является причиной мотивационной пропаганды. Даже небольшая бан-

да шпаны обладает своей собственной мелодраматической идеологией и патологической романтикой. Человеческая природа требует, чтобы отвратительные вещи окружались сверхкомпенсаторным ореолом мистики для успокоения совести и обмана сознания и критичности, будь то своих собственных или других людей.

Если бы было возможным лишить такое понерогенное объединение его идеологии, то от него не осталось бы ничего, кроме психологической и моральной патологии, обнажённой и непривлекательной. Такое обнажение, конечно же, вызвало бы «моральное негодование», причём не только среди членов объединения. Факт в том, что даже нормальные люди, осуждающие такие объединения и их идеологии, чувствуют себя уязвлёнными и лишёнными некой части своего собственного романтизма — их способ восприятия реальности, когда широко идеализированная группа разоблачается как банда преступников. Возможно даже, что некоторые читатели данной книги придут в негодование от такого бесцеремонного лишения зла всего его литературного орнамента. Таким образом, проведение такого «стриптиза» может оказаться намного более сложной и опасной задачей, чем предполагалось.

Первичное понерогенное объединение формируется одновременно с его идеологией, возможно, даже несколько раньше. Нормальный человек воспринимает такую идеологию как отличную от мира человеческих концепций, открыто суггестивную и в некоторой степени комично примитивную.

Идеология вторичного понерогенного объединения создаётся путём постепенной адаптации первичной идеологии к функциям и целям, отличающимся от первоначально сформированных. Во время процесса понеризации имеет место своего рода наслаивание или шизофрения. Самый внешний слой, наиболее близкий к первоначальному содержанию, используется с целью пропаганды, предназначенной главным образом для внешнего мира, хотя отчасти она также применяться внутри организации к её сомневающимся членам низшего звена. Второй слой формируется элитой, не имеющей никаких проблем с изменённым пониманием; он более герметичен и образуется путём подмены значений прежних понятий. Ввиду идентичности понятий, имеющих различные содержания (в зависимости от того, идёт ли речь о первичном или вторичном слое), для понимания этой «двусмысленной речи» необходимо свободное владение обоими язы-

ками.

Обыкновенные люди становятся жертвой суггестивных инсинуаций первого слоя задолго до того, как они научаются понимать второй слой. Любой человек с определёнными психическими отклонениями — особенно когда он носит маску нормальности, о которой мы уже говорили — незамедлительно воспринимает второй слой как привлекательный и многозначительный. Ведь в конце концов он был создан людьми подобных ему. Поэтому понимание этой двусмысленной речи — это обременительная задача, вызывающая вполне понятное психологическое сопротивление; тем не менее именно эта двойственность языка является патогномоническим[44] симптомом, указывающим на то, что данное объединение людей было затронуто понерогенным процессом уже в значительной мере.

Идеология объединений, затронутых такой дегенерацией, имеет определённые неизменные факторы, независимо от их качества, количества или размаха деятельности, а именно: *побуждения обманутой группы, радикальное оправдание зла, а также более высокие ценности людей, вступивших в организацию*. Такие побуждения облегчают сублимацию чувств ущемлённого достоинства и своей особенности, вызванных своими собственными психологическими слабостями, и, как кажется, освобождают индивидуума от необходимости соблюдения дискомфортных моральных принципов.

В мире полном реальной несправедливости и унижения людей и благоприятном для формирования идеологии, содержащей вышеупомянутые элементы, объединение неофитов [этой идеологии] может легко подвергнуться дегенерации. Когда это происходит, люди, имеющие тенденцию принимать более подходящую версию идеологии, будут склоняться к оправданию такой идеологической двойственности.

Идеология пролетариата,[45] имевшая своей целью революционную перестройку мира, уже была заражена шизоидной нехваткой понимания человеческой природы и доверия к ней. Неудивительно, что она с лёгкостью

[44] Специфическая характеристика болезни. [Прим. ред.]

[45] Из *Манифеста Коммунистической партии*: «Под пролетариатом понимается класс современных наёмных рабочих, которые, будучи лишёнными своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу». [Прим. ред.]

поддалась процессу типичной дегенерации с целью сокрытия и подпитки макросоциального феномена, фундаментальная сущность которого была совершенно иной.[46]

Запомним на будущее: идеологиям не нужны искусные ораторы. Это искусные ораторы нуждаются в идеологиях, чтобы использовать их в своих девиантных целях.

С другой стороны, тот факт, что некая идеология — наряду с сопровождающим её социальным движением, позже ставшим жертвой этой шизофрении и своекорыстных целей, которые презирались бы её основателями — подверглась дегенерации, не является доказательством тому, что она с самого начала была негодной, неверной и обманчивой. Как раз наоборот: скорее представляется, что при определённых исторических условиях идеология любого социального движения, даже если она представляет

[46] На первый взгляд, фашизм представляется диаметральной противоположностью коммунизма и марксизма, как в философском, так и в политическом смысле, а также противоположностью демократической капиталистической экономики и либеральной демократии. Он рассматривает государство в положительном свете как органичный комплекс, а не как институт, созданный для защиты коллективных и индивидуальных прав. Фашизм воплощает в себе тоталитарную попытку наложить государственный контроль на все аспекты жизни: политику, социальное обеспечение, культуру и экономику. Это описывает именно то, что также произошло во имя коммунизма. Фашистское государство регулирует и контролирует (в отличие от национализации) средства производства. Фашизм восхваляет нацию, государство или расу как стоящие над индивидуумами, институтами и группами, из которых он/она состоит. Фашизм использует открытую популистскую риторику, призывает к героическим массовым усилиям по восстановлению прежнего величия и требует лояльности к одному единственному лидеру вплоть до культа личности. И снова мы видим, что фашизм мало отличается от коммунизма. С коммунизмом произошло собственно следующее: первоначальные идеи пролетариата были ловко подчинены государственному корпоратизму. Благодаря западной антикоммунистической пропаганде большинство людей не осознают этот факт. После оглушительного поражения фашистских держав во Второй мировой войне слово «фашист» стало ругательным во всём мире. В сегодняшней политике приверженцы некоторых политических идеологий склонны приписывать своим противникам черты фашизма или определять фашизм как противоположность своих собственных взглядов. В мире не существует ни одной крупной партии или организации, которая называла бы себя фашистской. Тем не менее в настоящее время система правления в США является скорее фашистской, чем демократической, что, возможно, может объяснить многолетнюю антикоммунистическую пропаганду. Это показывает раннюю фазу процесса понеризации западной демократии, которая в настоящее время почти завершила трансформацию в полноценную фашистскую систему. [Прим. ред.]

собой сакральную правду, способна внести свой вклад в процесс понеризации.

Любая данная идеология может иметь слабые места, возникшие из-за ошибок человеческого мышления и эмоций; также возможно, что на протяжении своей истории она была инфильтрирована более примитивными и чуждыми мыслями, которые могли содержать понерологические факторы. Такой материал разрушает внутреннюю гомогенность идеологии. Источником подобной инфекции чуждым идеологическим материалом может быть господствующая социальная система с её законами и обычаями, основанными на более примитивной традиции, либо империалистическая система правления. Конечно, также возможно, что причина лежит в другом философском движении, зачастую заражённом эксцентричностью своего основателя, критикующего факты за то, что они не соответствуют его диалектической концепции.

Римская империя, включая её законодательство и скудность психологических концепций, схожим образом отравила первоначальную гомогенную идею христианства. Христианству пришлось смириться с сосуществованием с социальной системой, в которой судьбу людей решал принцип *dura lex sed lex*,[47], а не их понимание. В дальнейшем это привело к неправильным попыткам достижения целей «Царства Небесного» с помощью римских империалистических методов.

Чем возвышеннее и истиннее первоначальная идеология, тем дольше она способна подпитывать и скрывать от общественной критики феномен, являющийся продуктом определённых дегенеративных процессов. В возвышенной и ценной идеологии скрыта опасность того, что ограниченные умы могут стать факторами такой предварительной дегенерации, которая впоследствии откроет путь вторжению патологических факторов.

Таким образом, если мы пытаемся понять процесс вторичной понеризации, а также типы объединений людей, становящихся его жертвами, тогда нам необходимо быть особо осмотрительными при отделении первоначальной идеологии от её противоположности или скорее карикатуры, созданной понерогенным процессом. Абстрагируясь от идеологии, нам необходимо понять с помощью метода аналогии сущность самого процесса, имеющего свои собственные этиологические причины, потенциально

[47] «Суров закон, но закон», т. е. каким бы ни был суровым закон, его следует соблюдать.

присутствующие в каждом обществе, а также характерную эволюционную патологическую динамику.

4.8. **Процесс понеризации**

Наблюдение за процессом понеризации, протекающим на протяжении истории человечества в различных объединениях людей, легко позволяет сделать вывод о том, что его первый шаг состоит в *моральном искажении идейного содержания той или иной группы*. Анализируя заражение групповой идеологии, мы отметим прежде всего инфильтрацию чуждыми, незамысловатыми и догматическими концепциями, в результате чего объединение лишается здоровой поддержки в понимании человеческой природы, а также доверия к ней. Это прокладывает путь вторжению патологических факторов и понерогенных функций их носителей.

Римское законодательство в сравнении с ранним христианством — это типичный тому пример, как было упомянуто выше. Имперская и правовая римская цивилизация была чрезмерно привязана к материи и закону, создав систему права, являвшейся слишком жёсткой для вмещения в себя каких-либо реальных аспектов психологической и духовной жизни. Этот чуждый «низменный» элемент проник в христианство, что привело к созданию католической церкви, перенявшей имперские стратегии для насильственного навязывания другим своей системы.

Этот факт мог бы оправдать убеждение моралистов о том, что поддержание этической дисциплины и идейной чистоты объединения предоставляет достаточную защиту от соскальзывания в недостаточно понятый мир ошибок. Такое убеждение поражает понеролога как одностороннее и чрезмерное упрощение вечной реальности, которая намного сложнее. В конечном счёте ослабление этического и интеллектуального контроля является порой результатом прямого или косвенного влияния вездесущих факторов существования девиантных личностей в любой социальной группе наряду с некоторыми другими человеческими слабостями непатологического характера.

В какой-то момент своей жизни организм каждого человека проходит через периоды, в которых происходит снижение физиологической и психологической сопротивляемости, что способствует развитию бактериоло-

гической инфекции. Аналогичным образом объединения людей или социальные движения проходят через фазы кризиса, во время которых происходит ослабление их идейной и нравственной сплочённости. Это может вызываться давлением со стороны других групп, общим духовным кризисом или из-за усиления состояния истерии. Как и более строгие санитарные меры являются очевидным медицинским показанием при ослаблении организма, так и развитие сознательного контроля над деятельностью патологических факторов является понерологическим показанием. Это решающий фактор для предотвращения трагедий в периоды морального кризиса общества.

Уже несколько столетий индивидуумы, проявляющие различные психические аномалии, имеют тенденцию участвовать в деятельности объединений людей. С одной стороны, это стало возможным, благодаря слабостям таких групп (то есть из-за недостатка адекватных психологических знаний); с другой стороны, это усугубляет моральные недостатки и подавляет возможности использования здравого смысла, а также объективного понимания вещей. Несмотря на вытекающие из этого трагедии и несчастья, человечество показало определённый прогресс, особенно в когнитивной сфере, поэтому понеролог может быть осторожно оптимистичным в этом аспекте. В конечном счёте, выявляя и описывая эти аспекты процесса понеризации человеческих групп, остававшиеся непонятыми до недавних пор, мы сможем быстрее и эффективнее противодействовать таким процессам. Стоит вновь подчеркнуть, что обширные знания о различиях человеческой психологии имеют решающее значение.

Любая группа людей, затронутая описанным здесь процессом, характеризуется растущей деградацией здравого смысла и способности воспринимать психологическую реальность. Некто, рассматривающий это в рамках традиционных категорий, мог бы представить это как пример «превращения в недоумков» или как развитие умственных недостатков и моральных дефектов. Однако понерологический анализ этого процесса показывает, что давление оказывается патологическими факторами на более нормальную часть объединения; факторами, присутствующими в определённых индивидуумах, которые не были исключены из группы по причине отсутствия хороших психологических знаний.

Таким образом, всякий раз, когда мы наблюдаем некритичное отноше-

ние к некоторым членам группы несмотря на проявление ими, по крайней мере, одной знакомой нам психической аномалии, а также тот факт, что их мнения ставятся на одну ступеньку со взглядами нормальных людей несмотря на то, что они основываются на типично другом понимании человеческих вопросов, нам необходимо делать вывод, что эта человеческая группа была затронута понерогенным процессом, который при отсутствии надлежащих мер будет продолжен до своего логического завершения. Нам необходимо рассматривать это в соответствии с вышеописанным первым критерием понерогенеза, сохраняющим свою силу независимо от качественных и количественных характеристик такого объединения: *атрофия естественной критичности по отношению к патологическим индивидуумам открывает путь для их деятельности, одновременно становясь критерием для обозначения такого объединения как понерогенного.*

Такое положение дел одновременно состоит из едва различимых переломных моментов, после которых нанесение дальнейшего урона человеческому здравому смыслу и моральной критичности осуществляется со всё большей лёгкостью. Вобрав в себя достаточную дозу патологического материала и сформировав убеждение, что эти не совсем нормальные индивидуумы являются уникальными гениями, группа начинает оказывать давление на своих более нормальных членов, для которого характерны соответствующие паралогические и параморалистические элементы.

Для многих людей такое давление коллективного мнения принимает формы моральных критериев; для других оно представляет собой своего рода психологический террор, переносить который становится всё труднее. Поэтому этот феномен негативного отбора происходит именно в этой фазе понеризации: в результате конфликта с недавно изменившейся группой индивидуумы с более нормальным чувством психологической реальности покидают её. В то же время в группу вступают индивидуумы с различными психологическими аномалиями, с лёгкостью устраиваясь в ней. Первые чувствуют себя «загнанными в контрреволюционные позиции», в то время как последние могут всё чаще себе позволить снимать свои маски нормальности.

Люди, изгнанные из понерогенного объединения из-за своей *чрезмерной нормальности*, переживают мучительные страдания; они не способны

понять своё необычное состояние. Их идеал — причина, по которой они вступили в группу, являвшийся для них неотъемлемой частью смысла их жизни — был попран несмотря на то, что они не смогли найти никакого рационального объяснения этому факту. Они чувствуют, что с ними обошлись несправедливо; они «сражаются с демонами», которых они не способны опознать. Но факт в том, что их личности в определённой степени уже *претерпели изменения* по причине впитывания в себя ненормального психологического и в первую очередь психопатического материала. В таких случаях они легко впадают в другие крайности, так как их решения контролируются нездоровыми эмоциями. Что им необходимо, так это качественная психологическая информация, чтобы вновь найти путь благоразумия и умеренности. Психотерапия, основанная на понерологическом понимании их состояния, могла бы быстро дать положительные результаты. Однако если покинутое ими объединение было подвержено глубокой понеризации, им угрожает опасность: они могут стать объектами мести из-за того, что «предали» величественную идеологию.[48]

Это бурный период групповой понеризации, за которым следует определённая стабилизация содержания, структуры и обычаев группы. Новые члены группы подвергаются тщательному отбору, имеющему несомненно психологическую природу. Для исключения возможности отвлечения отступниками кандидаты подвергаются наблюдению и тестированию с целью отсеивания индивидуумов с чрезмерной умственной независимостью или психологической нормальностью. Эта новая внутренняя функция действует подобно «психологу» и без сомнения извлекает выгоду из вышеописанных психологических знаний, собранных психопатами.

Следует отметить, что некоторые из этих исключающих мероприятий, проводимых группой в рамках процесса понеризации, *должны были быть с самого начала предприняты идеологической группой по отношению к девиантным личностям*. Такой тщательный отбор психологического характера, предпринимаемый группой, не обязательно является признаком её

[48]Также следует упомянуть, что этот же самой процесс происходит, когда психологически девиантный индивидуум исключается из группы нормальных людей. Разница состоит лишь в том, что группа нормальных людей, исключившая из своих рядов девиантную личность, не будет ему мстить, в то время исключённый из группы будет пытаться ей отомстить. [Прим. ред.]

понерогенности. Скорее необходимо тщательно изучать, на чём основывается этот психологический отбор. Группа, пытающаяся избегнуть понеризации, захочет исключить из своих рядов индивидуумов, проявляющих какие-либо зависимости от субъективных убеждений, обрядов, ритуалов или наркотиков и, конечно же, от индивидуумов, неспособных к объективному анализу своего собственного внутреннего содержания или тех, кто отвергает процесс позитивной дезинтеграции.

В группе, находящейся в процессе понеризации, искусные ораторы оберегают «идеологическую чистоту». Позиция лидера [группы] является относительно защищённой. Индивидуумы, проявляющие сомнения или высказывающие критику, подвергаются параморалистическому осуждению. С крайним достоинством и изяществом руководство обсуждает мнения и намерения, являющиеся патологическими с психологической и нравственной точек зрения. Любые умственные связи, способные изобличить их как таковые, подвергаются устранению благодаря подмене предпосылок, действовавших в соответствующем подсознательном процессе на основе прежних обусловленных рефлексов. Объективный наблюдатель мог бы сравнить эту ситуацию с захватом психбольницы её обитателями. В конечном итоге объединение оказывается в состоянии, в котором оно как единое целое спряталось за маской мнимой нормальности. В следующей подглаве применимо к макросоциальным понерогенным феноменам мы будем называть такое состояние «фазой сокрытия».

Наблюдение состояния, соответствующего первому критерию понерогенеза — *атрофия естественной критичности по отношению к патологическим индивидуумам* — требует профессиональной психологии и специфических фактических знаний. Вторая, более стабильная фаза может восприниматься как человеком со средними умственными способностями, так и общественным мнением в большинстве стран. Тем не менее основанная на этом интерпретация является односторонне моралистической или социологической и одновременно испытывает характерное чувство недостаточности касательно как понимания феномена, так и противодействия распространению описанного зла.

Следует отметить, что в этой фазе определённое меньшинство в составе социальных групп имеет тенденцию рассматривать такое понерогенное объединение в рамках категорий своего собственного мировоззрения,

а внешний слой расплывчатой идеологии — как приемлемую доктрину. Чем примитивнее рассматриваемое общество, и чем дальше оно удалено от прямого контакта с объединением, поражённым этим патологическим состоянием, тем многочисленнее будут эти меньшинства. Именно в этот период, во время которого активность объединения немного смягчается, происходит наиболее интенсивная экспансия.

Этот период может длиться долго, но не бесконечно. Внутри группа постепенно становится все более патологической и в конечном итоге показывает своё истинное лицо, в то время как её деятельность становится всё более неуклюжей. На этой стадии общество нормальных людей легко может представлять угрозу понерогенным объединениям, даже на макросоциальном уровне.

4.9. Макросоциальные феномены

Когда понерогенный процесс охватывает весь правящий класс общества или нации, либо когда подавляется оппозиция нормальных людей — как результат массового характера феномена, либо когда используются методы искусных ораторов и физического насилия, в том числе цензура, мы имеем дел с макросоциальным понерологическим феноменом. В таком случае трагедия общества, часто сопровождаемая страданиями исследователя этого феномена, раскрывается перед ним как учебник по понерологии, где он может прочитать всё о законах, которым подчиняется такой процесс, если только ему удастся своевременно ознакомиться с его натуралистическим языком и особенной грамматикой.

Исследования процесса возникновения зла, основанные на наблюдении *небольших* групп людей, могут поведать нам детали этих законов. Кто-то может подумать, что такие исследования предлагают искажённую картину, зависящую от различных внешних обстоятельств, обусловленных, в свою очередь, рассматриваемым историческим периодом — фоном, на котором разворачиваются наблюдаемые феномены. Несмотря на это такие наблюдения могут позволить нам осмелиться на гипотезу о том, что общие законы понерогенеза по меньшей мере протекают схожим образом — независимо от размера и размаха этого феномена как во времени, так и в пространстве. Тем не менее они не позволяют нам подтвердить такую

гипотезу.

При изучении макросоциального феномена мы можем получать как количественные, так и качественные данные, статистические показатели корреляции и прочие наблюдения, точность которых зависит от современного состояния науки, методологии исследования и, конечно же, очень сложной ситуации наблюдателя.[49] После этого, применив классический научный метод, мы можем сформулировать гипотезу и затем заняться активным поиском фактов, которые могли бы её опровергнуть. Широко распространённая причинная закономерность понерогенных процессов была бы тогда подтверждена в рамках вышеупомянутых возможностей. Это именно то, что было предпринято автором и его коллегами. Удивительно, насколько обстоятельно причинная закономерность понерогенных процессов, наблюдаемая в небольших группах, управляет этим макросоциальным феноменом. Приобретённое таким образом понимание этого феномена может использоваться как основа для прогнозирования его будущего развития. Тем самым оно пройдёт проверку временем. Посредством близких и тщательных наблюдений — и лишь по прошествии времени — мы начинаем осознавать, что этот колосс всё же имеет ахиллесову пяту.

Изучение макросоциальных понерогенных феноменов наталкивается на очевидные проблемы: период их возникновения, развития и распада в несколько раз продолжительнее периода научной деятельности исследователя. Одновременно с этим происходят преобразования в истории, обычаях, экономике и технологии. Тем не менее трудности, с которыми мы сталкиваемся при абстрагировании от соответствующих симптомов, преодолимы, так как наши критерии основаны на извечных феноменах, подверженных лишь относительно ограниченным изменениям во времени.

Традиционная интерпретация этих крупных исторических болезней уже научила историков различать две фазы. Первая фаза представляет собой период духовного кризиса в обществе,[50] который историография связы-

---

[49] При условии, что кому-то удастся собрать эту информацию и при этом выжить! [Прим. ред.]

[50] Питирим Сорокин (1941), *Social and Cultural Dynamics, Volume Four: Basic Problems, Principles and Methods*, New York: American Book Company. Питирим Сорокин (1957), *Социокультурная динамика*. Boston: Porter Sargent. Дин Кит Симонтон (1976). «Does Sorokin's data support his theory?: A study of generational fluctuations in philosophical beliefs.» *Journal for the Scientific Study of Religion* 15: 187-198.

вает с деградацией идейных, моральных и религиозных ценностей, доселе поддерживавших его. Эгоизм растёт на индивидуальном и групповом уровнях, моральные обязательства и социальные сети заметно ослабляются. Вслед за этим тривиальные вещи захватывают человеческие умы до такой степени, что в них больше не остаётся места для мыслей о вопросах, представляющих общественный интерес, или для чувства долга перед будущим. Следствием этого является атрофия иерархии ценностей в мышлении индивидуумов и обществ; это уже было описано как в историографических монографиях, так и в психиатрических публикациях. В конечном итоге правительство страны становится беспомощным и парализованным перед лицом проблем, которые при других обстоятельствах могли бы решаться без особых сложностей. Давайте отнесём такие кризисные периоды к уже известной нам фазе *социальной истеризации*.

Следующая фаза ознаменована кровавыми трагедиями, революциями, войнами и падением империй. Размышления историков или моралистов о таких событиях всегда оставляют после себя некое чувство недостаточности по отношению к возможности восприятия определённых психологических факторов, различимых в сущности феноменов; квинтэссенция таких факторов остаётся за пределами границ их научного опыта.

Историк, наблюдающий эти крупные исторические болезни, прежде всего поражён *их сходствами*, легко забывая, что все болезни, будучи состояниями отсутствующего здоровья, имеют множество общих симптомов. Понеролог, размышляющий в натуралистических терминах, склонен сомневаться в том, что мы имеем дело всего лишь с одним типом социальной болезни, что позволяет ему проводить определённое разграничение её форм в контексте этнологических и исторических условий. Дифференциация сущности этих состояний более подходит для схем рассуждений, с которыми мы знакомы из естественных наук. Тем не менее сложные условия социальной жизни препятствуют использованию метода дифференциации, что напоминает этиологический критерий в медицине: в качественном отношении феномены со временем наслаиваются друг на друга, взаимно обуславливая и постоянно изменяя друг друга. Поэтому нам необходимо скорее использовать определённые абстрактные модели, аналогичные тем, которые используются при анализе невротических состояний людей.

Руководствуясь таким мышлением, давайте попытаемся провести различие между двумя патологическими состояниями обществ; их сущность и содержание кажутся достаточно различными, однако они могут действовать последовательно, причём таким образом, что первое [состояние] открывает путь для второго. Первое из этих состояний уже было обрисовано в главе об истероидном цикле; далее мы приведём некоторые дополнительные психологические детали. Следующая глава будет посвящена второму патологическому состоянию, которое я назвал *патократией*.

4.10. Состояния общественной истеризации

У неспециалиста, изучающего научные или литературные описания истерических феноменов — как, например, последнее крупное нарастание истерии в Европе за четверть столетия до Первой мировой войны — может сложиться впечатление, что в отдельных случаях, особенно среди женщин, это явление носило эндемический характер. Однако заразительная природа истерических состояний была открыта и описана ещё Жаном Мартеном Шарко.[51]

Проявление истерии в роли чисто индивидуального феномена практически невозможно, так как она способна передаваться посредством психологического резонанса, идентификации и имитации. Каждый человек предрасположен к этой мальформации личности, хотя и в разной степени

[51] Жан Мартен Шарко (1825–1893), французский невролог. Его работа оказала большое влияние на развивавшиеся тогда неврологию и психологию. Шарко проявлял интерес к болезни, позже названной истерией. Судя по всему, она была психическим расстройством с физическими последствиями и поэтому представляла особый интерес для невролога. Он полагал, что истерия была следствием слабой нервной системы и передавалась по наследству. Она могла быть активирована в результате травмирующего события (например, после несчастного случая), что впоследствии вызывало всё более сильные неизлечимые проявления. Для исследования истериков он научился технике гипноза и вскоре стал специалистом в этой относительно новой «науке». Шарко полагал, что состояние гипноза сильно напоминало состояние истерии, поэтому он гипнотизировал своих пациентов, чтобы вызвать у них определённые симптомы, которые он затем мог бы изучать. Он был единолично ответственен за смену парадигм французского медицинского сообщества в отношении признания гипноза, бывшего прежде отвергнутым как месмеризм. (*Wikipedia*, Jean-Martin Charcot, https://en.wikipedia.org/wiki/Jean-Martin_Charcot) [Прим. ред.]

и несмотря на то, что она обычно преодолевается с помощью воспитания и самоанализа, способствующих развитию правильного мышления и эмоциональной дисциплины.

В «счастливые времена» мира дети привилегированных слоёв общества учатся — в зависимости от уровня социальной несправедливости — вытеснять из сознания дискомфортные представления, наводящие на мысль, что они и их родители извлекают выгоду из несправедливости по отношению к другим людям. Эти молодые люди учатся дисквалифицировать и принижать моральные и интеллектуальные ценности каждого человека, чей труд они используют для своей несоразмерной выгоды. Тем самым молодые умы впитывают в себя привычку проводить неосознанный отбор и подмену данных, что приводит к истерически конверсивной организации мышления. Они вырастают и становятся истерическими взрослыми, передающими — посредством вышеупомянутых методов — свою истерию следующему поколению, которое развивает такие качества в ещё большей мере. Истерические шаблоны опыта и поведения разрастаются и распространяются из привилегированных классов вниз, пока не достигнут границ первого критерия понерогенеза: *атрофии естественной критичности в отношении патологических индивидуумов*.

Когда привычка подсознательного отбора и замещения мыслей распространяется до макросоциального уровня, общество стремится выработать презрение к основанной на фактах критике и унизить любого, кто бьёт тревогу. Выказываются презрения также и в адрес других стран, которые сохранили нормальное мышление и собственное мнение. Эготистический мысле-террор осуществляется самим обществом и присущими ему процессами конверсивного [т. е. «истерического»] мышления. *Это избавляет от необходимости цензуры печати, театра или вещания, поскольку патологически сверхчувствительный цензор живёт внутри самих граждан.*

Когда правят три «эго» — эгоизм, эготизм и эгоцентризм[52], исчезает чувство социальных связей и ответственности по отношению к другим людям, и общество раскалывается на группы, становящиеся всё более враждебными друг к другу. Когда истерическая среда перестаёт различать мнения ограниченных, не совсем нормальных индивидуумов от взглядов нор-

[52] Рассмотрение себя, своих мнений и интересов как центра всех вещей. [Прим. ред.]

мальных, благоразумных людей, это открывает путь для активации различных патологических факторов.

Индивидуумы, которые, как было описано выше, руководствуются патологической картиной реальности и ненормальными целями, обусловленными их инородной природой, способны развить свою деятельность в таких условиях. Если обществу, в его этнологических и политических обстоятельствах, не удастся преодолеть это состояние истеризации, это может повлечь за собой кровавую трагедию.

Одной из вариаций такой трагедии может быть патократия. По этой причине незначительные политические провалы или военные поражения могут служить предупреждением в такой ситуации и стать неприятностью, оказавшейся благом, если они будут правильно поняты, и им будет позволено стать фактором восстановления нормальных моделей мышления и обычаев общества. Самый ценный совет, который понеролог может предложить обществу в таких обстоятельствах, это *заручиться поддержкой современной науки* и сделать соответствующие выводы из имеющейся информацией о последнем крупном нарастании истерии в Европе.

Для социальных групп, прикладывающих ежедневные усилия, чтобы заработать на хлеб насущный (причём практические аспекты жизни заставляют их думать трезво и размышлять над общими принципами), характерна более высокая сопротивляемость истеризации. В качестве примера: крестьяне рассматривают истерию более зажиточных классов через призму своего собственного житейского восприятия психологической реальности, а также своего чувства юмора. Похожие обычаи буржуазии побуждают рабочий класс к острой критике и революционной ярости. Будучи выраженными в экономических, идеологических или политических терминах, критика и требования этих [нижних] социальных групп всегда содержат компонент психологической, нравственной и антиистерической мотивации. По этой причине эти требования необходимо рассматривать с максимальным вниманием, и учитывать мнение этих классов. С другой стороны, легкомысленные действия могут привести к трагическим результатам, давая возможность ораторам услышать самих себя.

4.11. Понерология

Понерология использует научный прогресс последних десятилетий и лет, особенно в области биологии, психопатологии и клинической психологии. Она проливает свет на неизвестные причинные связи и анализирует процессы возникновения зла с учётом факторов, которые прежде недооценивались. При создании этой новой дисциплины автор использовал свой профессиональный опыт в этой сфере, а также результаты своих недавних исследований.

Понерологический подход облегчает понимание некоторых наиболее существенных трудностей, испытываемых человечеством на обоих уровнях: макросоциальном и индивидуальном. Эта новая дисциплина позволит достичь сначала теоретических, а затем и практических решений проблем, которые мы до сих пор пытались решить с помощью неэффективных традиционных подходов, что приводило к чувству беспомощности перед лицом исторических перемен. Такие традиционные подходы основывались на историографических концепциях и чересчур нравоучительных взглядах, что приводило к *переоценке ими силовых методов как средства противодействия злу*. Посредством современного естественнонаучного мышления понерология способна помочь компенсировать такую односторонность и оснастить наше понимание причин и происхождения зла необходимыми фактами с целью создания более стабильной основы для практического сдерживания процессов понерогенеза и противодействия их результатам.

Синергия различных мер, нацеленных на одну и ту же ценную цель — как, например, лечение больного человека — обычно даёт лучший эффект, нежели просто сумма участвующих факторов. Понерология, как вторая опора сегодняшних моралистических усилий, также позволит достичь более высоких результатов, нежели сумма их полезных эффектов. Усиление доверия к привычным моральным ценностям сделает возможным ответить на многие вопросы, до сих пор остававшиеся без ответа, и использовать не применявшиеся прежде средства, особенно на более высоком социальном уровне.

Общества имеют право на самозащиту от любого вида зла, беспокоящего их или угрожающего им. Национальные правительства обязаны ис-

пользовать для этой цели эффективные меры, причём настолько умело, насколько это только возможно.[53] Очевидно, что для выполнения этой важнейшей функции страны должны использовать доступную для них информацию, касающуюся природы и процесса становления зла, а также прибегать к любым другим мерам, которые они сочтут нужными. Выживание общества должно быть гарантировано, однако злоупотребление властью и садистическая дегенерация происходят слишком легко.

Иногда у нас появляются рациональные и моральные сомнения о том, как предыдущие поколения понимали зло и противодействовали ему. Простое наблюдение истории оправдывает эти сомнения. Общая, формирующаяся в свободных обществах позиция требует гуманизации и ограничения мероприятий по обузданию зла для проведения ясной разграничительной линии между ними и возможным злоупотреблением. Это происходит, по-видимому, потому, что морально чувствительные индивидуумы хотят оберегать свои личности, а также личности своих детей от разрушительного влияния осознания того, что суровые наказания — особенно смертная казнь — всё ещё назначаются.

Вот так это и происходит: методы противодействия злу смягчаются в своей строгости, в то время как не наблюдаются эффективные меры по защите населения от зарождения зла и насилия. Это создаёт постоянно растущую брешь между необходимостью контрмер и средствами, имеющимися в нашем распоряжении; вследствие этого на каждом социальном уровне могут развиваться различные виды зла. При таких обстоятельствах можно понять протесты некоторых людей, требующих возвращения к старомодным методам «железного кулака», таких неблагоприятных для развития богатства человеческих идей.

Понерология изучает природу зла и сложные процессы его становления, открывая тем самым новые пути для противодействия ему. Она показывает, что зло имеет определённые слабые места в своей структуре и процессе возникновения, которые могут быть использованы для подавления его развития и быстрого устранения его плодов. Когда понерогенная активность патологических факторов — девиантных индивидуумов и их деятельности — подчинена сознательному контролю научного, индивидуального и

[53] За исключением тех случаев, разумеется, когда само правительство становится злом, угрожающим людям и изводящим их. [Прим. ред.]

социального характера, мы способны противодействовать злу настолько эффективно, насколько это позволяют настойчивые призывы к уважению моральных ценностей. Таким образом, комбинация этого древнего метода и данного совершенно нового подхода позволит достичь более благоприятных результатов, нежели их арифметическая сумма. Понерология также открывает возможности *профилактического поведения* по отношению ко злу на индивидуальном, социальном и макросоциальном уровнях. Этот новый подход должен помочь обществам вновь почувствовать себя в безопасности — как на внутреннем уровне, так и на уровне международных угроз.

Методы противодействия злу, основанные на причинных связях (что подтверждается постоянно растущим научным прогрессом), конечно же, очень сложны — так же, как и природа и процесс возникновения зла. Любая, якобы справедливая, взаимосвязь между преступлением человека и вынесенным ему наказанием — это пережиток устаревшего мышления и в наше время становится всё более сложной для понимания. Именно по этой причине время, в котором мы живём, требует, чтобы мы и дальше развивали в себе представленную здесь дисциплину и предпринимали углублённые исследования, особенно по части природы многих патологических факторов, вносящих свой вклад в процесс понерогенеза. Надлежащее чтение истории через призму понерологии — это важнейшая предпосылка для понимания макросоциальных понерогенных феноменов, продолжительность которых превышает наблюдательные способности одного человека. Автор использовал этот метод в следующей главе при реконструкции той фазы, в которой характеропатические факторы преобладали на начальном этапе формирования патократии.

Обучая нас причинам и происхождению зла, понерология едва ли винит кого-либо в нём. Тем самым она не решает извечную проблему человеческой ответственности, хотя и проливает дополнительный свет на этот вопрос с точки зрения причинности. Мы начинаем осознавать, насколько мало мы разбираемся в этой области, и как много ещё предстоит исследовать, одновременно пытаясь скорректировать наше понимание сложной причинности этих феноменов и признавая нашу сильную зависимость от действия внешних факторов. На этой стадии мы можем рассматривать любое моральное осуждение другого человека или его вину как основанные

прежде всего на эмоциональных реакциях и многовековой традиции.

Мы имеем право и обязанность критически рассматривать наше собственное поведение и моральную ценность наших побуждений. Это обусловлено нашей совестью — феноменом, таким же вездесущим, как и непонятым в рамках обыденного мышления. Даже вооружившись всеми сегодняшними и будущими достижениями в понерологии, сможем ли мы когда-либо абстрагировать и оценить личную вину другого человека? С теоретической точки зрения это представляется всё более сомнительным, а с практической — всё более излишним.

Когда мы последовательно воздерживаемся от моральных осуждений других людей, мы переносим фокус нашего внимания на причинные процессы, ответственные за обусловливание поведения других людей или общества. Это увеличивает наши шансы на правильную психическую гигиену и способность воспринимать психологическую реальность. Такая сдержанность также позволяет нам избегать ошибку, сверх меры отравляющую наши мысли и души, а именно: наложение нравоучительной интерпретации на деятельность *патологических* факторов. Тем самым мы избегаем эмоциональной вовлечённости и способны лучше контролировать наш эготизм и эгоцентризм, что облегчает нам объективный анализ феноменов.

Если такое отношение покажется некоторым читателям морально безразличным, то нам необходимо вновь повторить, что приведённый в данной книге метод анализа зла и его происхождения даёт начало новой форме благоразумной дистанции от его соблазнов, а также активирует дополнительные теоретические и практические способности противодействовать ему. Нам также необходимо задуматься над удивительным и очевидным совпадением умозаключений, сделанных в результате анализа этих феноменов, и определённых идей античных философов. Как сказано в Библии: «Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, [таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить.» (Евангелие от Матфея 7:1-2)

К сожалению, эти ценности часто отодвигаются на задний план неотложными потребностями правительства, а также деятельностью наших инстинктивных и эмоциональных рефлексов, побуждающих нас к мести и наказанию других людей. Эти ценности находят по меньшей мере частичное

рациональное обоснование в этой новой научной дисциплине. Практика такого строгого понимания и поведения может подтвердить эти ценности лишь с помощью более доказательного и научного метода.

Эта новая дисциплина может быть применима в любой жизненной ситуации. Воспользовавшись её достижениями, автор испытал их практическую ценность в ходе индивидуальной психотерапии со своими пациентами. Благодаря этому их личности и будущее были трансформированы более благоприятным для них образом, чем если бы они продолжили жить со своими прежними навыками. С учётом исключительного характера нашего времени, когда должна быть достигнута всесторонняя мобилизация моральных и ментальных ценностей с целью противодействия злу, угрожающему нашему миру, в последующих главах автор предложит позицию, конечным результатом которой должен стать акт прощения, беспрецедентный в истории. Также не следует забывать, что понимание и прощение не исключают корректировку обстоятельств и принятие профилактических мер.

Распутывание гордиева узла нашего времени, состоящего из макросоциальных патологических феноменов, угрожающих нашему будущему, может показаться невозможным без развития и использования этой новой научной дисциплины. Этот узел больше не может быть разрублен. Психолог не может позволить себе нетерпеливость Александра Македонского. Именно поэтому мы описали здесь этот узел в пределах необходимого диапазона, адаптации и выборки информации, чтобы пролить свет на проблемы, обсуждение которых нам ещё предстоит. Возможно, что будущее позволит создать теоретическую работу общего характера.

5 Патократия

5.1. Происхождение феномена

Временной цикл, описанный в 3-й главе, мы назвали истероидным, так как его основной характеристикой является усиление или ослабление истерического состояния общества. Конечно же, это не единственный качественный показатель, подверженный изменениям в рамках определённой периодичности. В данной главе мы рассмотрим феномен, который может возникнуть после фазы максимального усиления истерии. Этот феномен, по-видимому, не является следствием неких относительно постоянных законов истории. Совсем наоборот: некоторые дополнительные обстоятельства и факторы должны иметь место в такой период общего духовного кризиса общества, вызывая дегенерацию мыслительных способностей людей и социальной структуры и приводя тем самым к возникновению наихудшей болезни общества. Назовём эту социальную болезнь *патократией*; это не первый раз, когда она появляется на исторической сцене нашей планеты.

Представляется, что этот феномен, причины которого потенциально могут встречаться в любом обществе, имеет характерный процесс возникновения, лишь частично обусловленный максимальной интенсивностью истерии в вышеупомянутом цикле, а также скрытый в нём. В результате этой болезни так называемые плохие времена становятся особенно жестокими и продолжительными, а их причины — невозможными для понимания в рамках категорий житейских человеческих концепций. Поэтому давайте сначала рассмотрим поближе процесс зарождения патократии и изолируем его от прочих феноменов, которые обуславливаются им или даже сопровождают его.

Психологически нормальный, высокоинтеллигентный человек, которому предлагают высокую должность, как правило, испытывает сомнения о том, сможет ли он оправдать возложенные на него ожидания. Он будет

спрашивать совета у других людей, чьи мнения ему небезразличны. В то же время он чувствует ностальгию по своей прежней жизни, более свободной и менее тягостной, и к которой он хотел бы вернуться после выполнения своих социальных обязательств.

Как мы уже обсуждали, в любом обществе по всему миру можно найти индивидуумов, чьи мечты о власти возникают уже в раннем возрасте. Обычно они подвергаются той или иной дискриминации со стороны общества, основанной на нравоучительной интерпретации их неудач и трудностей, несмотря на то, что их редко можно в этом винить, если придерживаться точного определения морали. Они хотят преобразовать этот недружелюбный мир в нечто иное. Мечты о власти также представляют собой сверхкомпенсацию чувства унижения — второго угла ромба Адлера.[1] Значительная и активная часть этой группы состоит из индивидуумов с различными отклонениями, имеющих, как нам уже известно, своё собственное представление об этом улучшенном мире.

В предыдущей главе читатель уже ознакомился с примерами таких отклонений, отобранными таким образом, чтобы позволить нам дать представление о понерогенезе патократии, а также о важнейших факторах этого исторического и настолько сложного для понимания феномена. Патократия несомненно многократно появлялась на исторической сцене в различных странах и социальных иерархиях. Тем не менее никто так и не смог объективно её идентифицировать, потому что *она была скрыта в идеологии*, господствовавшей в той или иной культуре/эпохе. Она развивалась в самом сердце различных социальных движений. Её идентификация была

[1] Альфред Адлер (1870–1937), австрийский психиатр, отвергший особое значение, которое Зигмунд Фрейд придавал сексуальности. Он выдвинул теорию о том, что невротическое поведение является сверхкомпенсацией чувства неполноценности. Он утверждал, что человеческую личность можно объяснить телеологически; что различные линии поведения доминируются направленностью бессознательного Я-идеала индивидуума с целью трансформирования чувства неполноценности в чувство превосходства (или скорее целостности). Этой тяге к идеальному образу себя противопоставляют социальные и этические требования. Если корректирующие факторы не принимаются во внимание и индивидуум компенсирует с избытком, то возникает комплекс неполноценности, и человек становится в лучшем случае эгоцентричным, властолюбивым и агрессивным. Адлер полагал, что личность можно подразделить на четыре типа (ромб): берущий, избегающий, управляющий и социально-полезный. (*Wikipedia*, Alfred Adler, http://en.wikipedia.org/wiki/Alfred_Adler) [Прим. ред.]

такой сложной потому, что важные естественнонаучные знания, необходимые для правильной классификации феноменов в этой области, до недавних пор оставались неразвитыми. Таким образом, историки и социологи могут различать многие сходства, однако не имеют при этом в своём распоряжении критерии идентификации, так как последние принадлежат к другой научной дисциплине.

Кто играет первую, важнейшую роль в этом процессе зарождения патократии? Шизоиды или характеропаты? Как представляется, это шизоиды, поэтому давайте сначала обрисуем их роль.

В стабильные и якобы счастливые времена (несмотря на то, что в основе этого «счастья» лежит несправедливость по отношению к другим людям и нациям) доктринёрские[2] люди верят, что нашли простое решение для исправления мира. Для такого исторического периода всегда характерно обеднённое психологическое мировоззрение, поэтому в такие времена шизоидно обеднённое психологическое мировоззрение не выделяется на фоне других как необычное, но принимается как законный принцип. Эти доктринёрские индивидуумы проявляют характерным для них образом некое презрение по отношению к моралистам и проповедуют необходимость переоткрытия утерянных человеческих ценностей, а также развития более богатого и адекватного психологического мировоззрения.

Шизоидные личности стремятся навязывать свой концептуальный мир другим людям или социальным группам путём использования относительно контролируемого патологического эготизма и присущего им исключительного упорства. По этой причине они в конечном итоге способны пересилить личность другого человека и тем самым сделать его поведение отчаянно нелогичным. Схожее влияние они также могут оказывать на группу людей, к которой они присоединились. Они — *психологические* одиночки, которые начинают чувствовать себя лучше после вступления в ту или иную организацию. Там они становятся фанатичными приверженцами некой идеологии, религиозными фанатиками, материалистами или сатанинскими адептами. Если их деятельность заключается лишь в прямом контакте с небольшими социальными группами, то их окружение считает их лишь эксцентриками, что ограничивает их понерогенную роль. Тем не

[2] Упрямый человек со своевольными или высокомерными взглядами, настаивающий на теориях без учёта их практичности или пригодности; догматик. [Прим. ред.]

менее если им удастся спрятать свою личность за письменным словом, их влияние может отравить умы общества в широких масштабах и надолго.

Лучшим примером, подтверждающим это, является Карл Маркс, наиболее известная фигура такого типа. Фростиг,[3] психиатр старой школы относил Энгельса и других к этой категории, которую он обозначил как «бородатые шизоидные фанатики». Знаменитые документы, приписываемые «сионским мудрецам» и датируемые началом 20-го века, начинаются с типичной *шизоидной декларации*.[4] 19-й век, особенно его вторая половина, был, по-видимому, периодом исключительной активности шизоидных индивидуумов, имевших зачастую (но не во всех случаях) еврейское происхождение. Однако мы не должны забывать, что 97% всех евреев не проявляют эту аномалию, и *она также встречается среди представителей всех европейских национальностей*, хотя и в значительно меньшей степени. Наше наследие этого периода включает в себя мировые образы, научные традиции и правовые концепции, приправленные дешёвыми специями шизоидного понимания реальности.

Гуманисты готовы понимать этот период и его наследие в рамках категорий, характеризуемых их собственными традициями. Они ищут социальные, идейные и моральные причины известных феноменов. Тем не менее такое объяснение никогда не сможет содержать в себе всю правду, так как оно *игнорирует биологические факторы*, участвующие в возникновении этих феноменов. При этом шизоидность — это самый частый фактор, хотя

[3]Питер Джейкоб Фростиг (1896–1959), профессор Львовского национального университета имени Яна Казимира (Львов в то время был частью Польши). Я использовал его пособие *Psychiatria*. В то время Польша находилась под патократическим правлением, и его работы были изъяты из общественных библиотек как «идеологически неуместные».

[4]Сегодня хорошо известно, что авторство «Протоколов сионских мудрецов» ложно приписывалось евреям. Тем не менее содержание этих Протоколов явно не является «выдуманными идеями», так как они представляют собой обоснованную оценку событий, произошедших в США за последние 50 лет, и тем самым содержат убедительные доказательства их применения в наши дни. Каждому, кто желает понять, что действительно происходит в США, лишь нужно прочитать эти Протоколы. После этого ему станет понятно, что группа девиантных индивидуумов приняла их с полной серьёзностью. Созданный неоконсерваторами документ «Проект Нового Американского Столетия» читается так, как будто он был вдохновлён таким же шизоидным мировоззрением. [Прим. ред.]

и не единственный.

Несмотря на тот факт, что письменные документы шизоидных авторов содержат в себе вышеупомянутые дефициты (или даже открыто сформулированную шизоидную декларацию), что само по себе уже является достаточным предупреждением для специалистов, средний читатель принимает их не как картину реальности, искажённую этой аномалией, но скорее как идею, стоящую принятия во внимание исходя из его убеждений и здравого смысла. Это первая ошибка.

Сверхупрощённые образцы идей, лишённые психологического многообразия и основанные на легкодоступной информации, имеют тенденцию оказывать сильное притягивающее влияние на индивидуумов, обладающих недостаточной критичностью, часто испытывающих раздражение в результате нисходящей социальной направленности, культурно неграмотных или имеющих психологические дефициты. Для истеризированного общества такие тексты обладают особой привлекательностью. У других людей прочтение таких текстов будет немедленно вызывать критику, основанную на их здравом рассудке, однако им также не удастся распознать собственную причину заблуждений, присущих таким текстам, а именно то, что его автор обладает биологически девиантным мышлением.

Социальные интерпретации таких текстов и доктринёрских деклараций разделяются на три различных точки зрения и порождают раздоры и конфликты. Первая точка зрения состоит в отвращении к тексту, основанном на неприятии его содержания по причине личных побуждений, отличающихся убеждений или моральной антипатии. Такие реакции содержат в себе элемент моралистической интерпретации патологических феноменов.

Вторая и третья точка зрения связаны с принципиально различными типами восприятия среди людей, *принимающих* содержание подобных работ: *критично корректирующее* и *патологическое*.

Критично корректирующую точку зрения занимают люди с нормальным чувством психологической реальности, имеющие склонность включать в свои рассуждения более ценные элементы таких трудов. Затем они умаляют значение очевидных заблуждений и заполняют недостающие элементы шизоидных дефицитов своим собственным, более богатым мировоззрением. Это приводит к возникновению более чувствительных, более сдержанных и тем самым более творческих толкований, которые, одна-

ко, не могут быть полностью свободными от влияния вышеупомянутых заблуждений.

Патологическое принятие проявляется у людей, имеющих разнообразные унаследованные или приобретённые психологические дефекты, а также у многих индивидуумов с мальформациями личности или у тех, кто испытал на себе социальную несправедливость. Это объясняет, почему этот диапазон шире окружности, начерченной непосредственным воздействием патологических факторов. Патологическое одобрение шизоидных текстов или деклараций девиантными индивидуумами часто ожесточает концепции автора и способствует возникновению насильственных и революционных идей.

К сожалению, течение времени и горький опыт не смогли предотвратить влияние этого характерного неправильного толкования, рождённого из шизоидного творчества 19-го века (с работами Маркса на первом плане), на людей, лишившего их здравого рассудка.

Прочёсывание работ Карла Маркса в поиске различных утверждений, имеющих характерные дефициты, было бы полезным упражнением для развития осознания этого патологического фактора — пусть лишь с целью проведения вышеупомянутого психологического эксперимента. Если такое исследование будет проводиться несколькими людьми с различными мировоззрениями, то эксперимент покажет, как можно легче восстановить ясную картину реальности и легче найти общий язык.

Таким образом, шизоидность, будучи одним из факторов возникновения зла, угрожающего сегодня нашему миру, сыграла в этом основополагающую роль. Поэтому практикование психотерапии с нашим миром потребует как можно более умелого устранения последствий такого зла.

Первым исследователям — автору и его коллегам, — привлечённым идеей объективно понять этот феномен, поначалу не удалось должным образом воспринять роль *характеропатических личностей* в процессе возникновения патократии. Тем не менее когда мы попытались реконструировать раннюю фазу упомянутого понерогенеза, нам пришлось признать, что характеропаты играли важную роль в этом процессе.

Из предыдущей главы мы уже знаем, как их дефектные модели опыта и мышления закрепляются в человеческих умах, коварно разрушая их образ мышления и способность использовать здравый рассудок. Эта роль

оказалась существенной также и потому, что деятельность этих людей как *фанатичных лидеров* или *искусных ораторов* в различных идеологиях открывает путь для психопатов и их мировоззрения, которое они хотят навязать другим.

В понерогенном процессе патократического феномена характеропатические индивидуумы перенимают идеологии, созданные доктринёрскими и зачастую шизоидными людьми, придают им активную форму пропаганды и распространяют их с присущим им патологическим эготизмом и параноидной нетерпимостью по отношению к любой другой философии, отличной от их собственной. Они также способствуют дальнейшей трансформации этой идеологии в её *патологическую противоположность*. Нечто, имевшее доктринёрский характер и курсировавшее лишь в небольшом количестве групп, теперь устанавливается — благодаря их ораторским способностям — на уровне общества.

Также представляется, что этот процесс усиливается со временем; первоначальная деятельность теперь осуществляется лицами с менее выраженными характеропатическими качествами, способными с лёгкостью скрывать свои отклонения от других людей. В этот период активными становятся прежде всего параноидные индивидуумы. Под конец этого процесса некто с *лобной характеропатией* и максимально выраженным патологическим эготизмом с лёгкостью способен захватить лидерство.

До тех пор, пока характеропаты играют доминантную роль в социальном движении, поражённом понерогенным процессом, идеология — независимо от того, была ли она доктринёрской с самого начала или была вульгаризирована и извращена этими людьми лишь позднее — продолжает сохранять связь со своим первоначальным содержанием. Эта идеология непрерывно оказывает влияние на деятельность социального движения и остаётся для большинства его участников существенным и оправдывающим движущим фактором. Поэтому в этой фазе такое объединение не движется в направлении криминальной деятельности в массовом порядке. В некоторой степени на данном этапе такое движение или объединение всё ещё можно определить как представляющее первоначальную идеологию.

Тем временем носители других (в основном наследственных) патологических факторов присоединились к этому уже заражённому социальному движению, приступив к окончательной трансформации его содержания:

как идеологического, так и человеческого. В результате этого движение становится патологической карикатурой на свою первоначальную идеологию. Этот процесс проходит под растущим влиянием *психопатических* личностей различных типов. Здесь необходимо особо подчеркнуть вдохновляющую роль первичной психопатии.

В конечном итоге такая ситуация приводит к открытому противоборству: приверженцы первоначальной идеологии выталкиваются на задний план или ликвидируются. (Такая группа содержит множество характеропатов, особенно с менее выраженной параноидностью.) Созданные ими идеологические мотивы и двусмысленный язык начинают использоваться для сокрытия фактически нового содержания феномена. Начиная с этого момента использование идеологического названия движения для понимания его сущности становится основной причиной ошибок.

Психопатические индивидуумы, как правило, избегают общественных организаций, характеризуемых здравомыслием и этической дисциплиной. Ведь такие организации созданы теми другими нормальными и такими чуждыми для них людьми. Они презирают различные социальные идеологии, но в то же время способны с лёгкостью распознавать все их недостатки. Однако как только процесс понерогенной трансформации некоего объединения людей в его пока ещё неопределённую карикатурную противоположность был запущен и уже продвинулся достаточно далеко, они воспринимают этот факт с почти безошибочной чувствительностью: был создан круг людей, в котором они могут скрывать свои недостатки и психологические различия путём нахождения своего собственного *modus vivendi* и, возможно, даже воплощения в жизнь своей юношеской утопической мечты о мире, в котором они — властители, а все те другие «нормальные люди» — их подневольные. Вслед за этим они начинают просачиваться в основу этого движения; им не представляет труда притворяться искренними приверженцами, потому что играть некую роль и прятаться за маской нормальных людей — это их вторая натура.

Интерес психопатов в таких движениях не является исключительно результатом их эгоизма и отсутствия угрызений совести. Эти люди были действительно ранены природой и обществом,[5] поэтому идеология, освобож-

[5]Важно отметить, что здесь не подразумевается, что психопат был «эмоционально» ранен, или что такое «ранение» отразилось на его состоянии. Автор имеет в виду сле-

дающая социальный класс или страну от несправедливости, может представляться для них доброжелательной; к сожалению, она также порождает несбыточные надежды о том, что они также получат свободу. Патологические побуждения, присутствовавшие в некоем объединении в начальной фазе понерогенного процесса, хорошо им знакомы и вызывают у них надежду. По этой причине они внедряются в подобные социальные движения, призывающие к революции и войне с этим несправедливым миром, таким чуждым для них.

Поначалу они выполняют там второстепенные функции и выполняют распоряжения лидера [движения], особенно когда требуется исполнение работы, вызывающей отвращение у других людей.[6] У более благоразум-

---

дующее, как он объяснил мне в личной переписке: «Для них ты их злейший враг. Ты действительно причиняешь им сильную боль. Для психопата разоблачение его истинной природы, срывание «маски Клекли» означает конец его самолюбованию. Ты угрожаешь им разрушением их тайного мира и перечёркиваешь их мечты о господстве и введении [социальной системы под их правлением, в которой им бы все прислуживали]. Психопат чувствует себя как раненый зверь, когда публично разоблачается его истинная сущность. <…>

«Ты отчасти права, когда указываешь на сходство между первичным психопатом и мыслительными процессами крокодила. В некоторой степени они механичны. Но виноваты ли они в том, что унаследовали аномальные гены, и что их инстинктивный субстрат отличается от инстинктивного субстрата большинства людей? Такой индивидуум не может чувствовать себя как нормальный человек. Он также не способен понять, что означает иметь нормальные инстинкты. [Важно] попытаться понять психопата и испытывать к ним немного сострадания [так же, как ты бы испытывала сострадание к крокодилу и его праву на существование в природе]. Истинная цель заключается в снижении количества психопатов и ограничении их роли в понерогенезе, особенно в тех случаях, когда причиняется боль женщинам. <…>

«Тебе также необходимо принять во внимание, что среди всех существующих патологических факторов, участвующих в понерогенезе, все вместе взятые психопатии составляют меньше половины. Прочие патологические состояния, как правило, не являющиеся наследственными, составляют больше половины. Сталин не был психопатом. Он представлял собой случай лобной характеропатии, обусловленной травмой лобных центров (10A и 10B), возникшей в результате болезни, перенесённой им в младенческом периоде. Это порождает чрезвычайно опасные личности.» [Прим. ред.]

[6] Здесь поневоле вспоминаются Карл Роув, Дик Чейни и Дональд Рамсфельд — протеже неоконсервативного философа Лео Штрауса. Штраус демонстрировал типичные шизоидные и доктринёрские черты характера. Дэнни Постел пишет в «Noble lies and perpetual War: Leo Strauss, the neo-cons and Iraq», интервью с Шадия Драри, профессоршей политической теории при Регинском университете, Саскачеван, Канада:

ных членов объединениях их неприкрытый фанатизм и цинизм вызывают критику, а у более экстремальных и революционно настроенных участников — уважение. Они находят защиту у людей, уже внёсших прежде свой

«Как и Платон, Штраус верил в правление мудрецов как высочайший политический идеал. Однако правление мудрецов недостижимо в реальном мире. Согласно общепринятому мнению Платон осознал это и согласился на меньшее: верховенство закона. Но Штраус не поддерживал это решение в полной мере. Он также полагал, что это не было действительным решением Платона. Для иллюстрации этого он сослался на «ночное собрание», описанное в Законах Платона. <…>

«С точки зрения Штрауса, действительное решение Платона заключалось в скрытом правлении мудрецов. Этому скрытому правлению способствовала непомерная глупость людей. Чем более они доверчивы и невнимательны, тем легче мудрецам контролировать и манипулировать ими. …

«Для Штрауса правление мудрецов не основывалось на классических консервативных ценностях, как, например: порядке, стабильности, справедливости или уважении. Оно было скорее призвано служить противоядием от современности. Современность — это эпоха триумфа вульгарных масс. Это эпоха, в которой массы максимально приблизились к осуществлению своих сердечных желаний: благосостояния, удовольствия и бесконечных развлечений. Однако получив желаемое, они невольно деградировали в животных. <…>

«Нигде в мире такое положение вещей не получило такого сильного развития, как в Америке. И глобальное распространение американской культуры угрожает опошлить жизнь и превратить её в сплошное развлечение. Для Штрауса… это было ужасающей перспективой. <…>

«[Штраус был] убеждён, что либеральная экономика превратит жизнь в развлечение и разрушит политику. <…> Он полагал, что человечность зависит от готовности людей без оглядки ринуться в битву и бороться до последней капли крови. Лишь нескончаемая война могла бы остановить этот проект современности с его упором на самосохранение и «комфорт». Тем самым жизнь могла бы вновь стать политизированной, и человечность была бы восстановлена. <…>

«Эта ужасающая перспектива идеально согласуется со стремлением неоконсерваторов к благородству и славе. Она также в полной мере согласуется с религиозными чувствами этих господ. Сочетание религии и национализма — это эликсир, который Штраус рекомендовал как способ превращения естественных, расслабленных и гедонистических людей в фанатичных националистов, готовых сражаться и умереть за своего бога и свою страну. <…>

«Когда я писал мою первую книгу о Штраусе, я не мог себе представить, что та беспринципная элита, которую он так хвалил, когда-либо сможет настолько близко приблизиться к власти; также я не мог себе вообразить, что зловещая тирания мудрецов когда-либо окажется настолько близко от своего воплощения в политической жизни такой великой нации, как США. Однако страх — это величайший союзник тирании.» [informationclearinghouse.info] [Прим. ред.]

вклад в понеризацию движения, и отплачивают им за эту благосклонность своими комплиментами, а также тем, что облегчают им жизнь. Таким образом, они поднимаются по карьерной лестнице организации, приобретают влияние и почти непреднамеренно искажают идеи всей группы на свой лад переживания действительности и направляют их на цели, проистекающие из их девиантной натуры. Загадочная болезнь уже свирепствует внутри объединения. Приверженцы первоначальной идеологии чувствуют себя всё более стеснёнными силами, которые они не понимают; они начинают бороться с «демонами» и совершать ошибки.

Когда такое движение одерживает победу с помощью революционных средств и во имя свободы, благосостояния людей и социальной справедливости, это приводит к дальнейшему преобразованию системы правления в макросоциальный патологический феномен. В такой системе нормальный человек упрекается в том, что он *не* был рождён психопатом. Он считается негодным ни на что, кроме тяжёлой работы, и от него ожидают борьбы до смерти для защиты системы, которую он не понимает и никогда не считал своей.

Разрастающаяся сеть психопатов и им подобных, постепенно начинает доминировать, затеняя собой других. Характеропаты, игравшие важную роль в процессе понеризации движения и при подготовке революции, также подвергаются устранению. Приверженцы революционной идеологии беззастенчиво «выталкиваются на контрреволюционные позиции». Теперь они презираются по «моральным» причинам — с точки зрения новых критериев, парамoралистическую сущность которых они не способны понять. За этим следует жестокий *негативный отбор* первоначальной группы. Также закрепляется и вдохновляющая роль *первичной психопатии*; *начиная с этого момента она останется отличительным признаком этого макросоциального патологического феномена.*

Несмотря на эти преобразования патологический блок революционного движения остаётся в меньшинстве — факт, который не может быть изменён пропагандистскими заявлениями о *моральном большинстве*, придерживающимся этой новой, более восхваляемой версии идеологии. Отверженное большинство и те самые силы, по наивности создавшие такую силу, начинает мобилизацию на борьбу против блока психопатов, захвативших власть. В глазах психопатов беспощадное противостояние этим силам —

это единственный метод обеспечения выживания патологической власти в долгосрочной перспективе. По этой причине нам необходимо рассматривать кровавую победу патологического меньшинства над большинством [социального] движения как *переходный* период, во время которого происходит закрепление нового содержания феномена.

Таким образом, социальная жизнь во всех её аспектах приводится в подчинение девиантным мысленным критериям (в особенности тем, которые были описаны в подразделе, посвящённом первичной психопатии) и охватывается их специфической эмпирической формой. К этому моменту использование названия первоначальной идеологии для обозначения этого феномена становится бессмысленным и ошибочным, что делает его понимание ещё более сложным.

Я приму *патократию* как обозначение системы правления, в которой небольшое патологическое меньшинство захватывает контроль над обществом нормальных людей. Выбранное по этой причине обозначение подчёркивает прежде всего основное качество макросоциального психопатологического феномена и отличает его от многих возможных социальных систем, в которых преобладают структура, обычаи и законы нормальных людей.

Я пытался найти термин, с помощью которого можно было бы ещё яснее обозначить психопатологическое — и даже психопатическое — качество такого правительства, однако мне пришлось оставить эту затею по причине определённых наблюдавшихся мной феноменов (о них мы погорим ниже), а также из практических соображений (во избежание слишком длинного названия). Это обозначение в достаточной мере характеризует основное качество данного феномена, а также подчёркивает то, что идеологическая маска (или любая другая идеология, маскировавшая схожие феномены в прошлом) *не составляет его сущность*. Когда я узнал, что некий неизвестный мне венгерский учёный также воспользовался этим термином, моё решение стало окончательным. Я думаю, что это обозначение соответствует требованиям семантики, так как никакой другой термин не смог бы адекватно передать характер такого сложного феномена. Поэтому впредь я буду обозначать социальные системы, в которых связи нормальных людей преобладают во всех сферах, как *системы нормальных людей*.

5.2. Дополнительная информация о содержании феномена

Абсолютное господство патократов в правительстве некой страны не может быть долговременным, так как большая часть общества будет недовольна таким правлением и в конечном итоге найдёт возможности для его свержения. Это часть исторического цикла, которую легко можно распознать, если рассматривать историю с точки зрения понерологии. Патократия верхушки правительственной организации, однако, не составляет полную картину этого феномена в стадии его «зрелости». *Такой государственный строй обречён на провал.*

В патократии все руководящие должности (вплоть до мэров, начальников отделов в общинах, руководителей отделов полиции и отрядов спецназа, а также активистов патократических партий) должны заниматься лицами с соответствующими психологическими и, как правило, наследственными отклонениями. Однако такие люди составляют лишь очень небольшую долю населения, что делает их ещё более ценными для патократов. Их умственные и профессиональные способности не могут приниматься во внимание, так как людей с превосходящими способностями найти ещё труднее. После нескольких лет существования такой системы 100% всех случаев первичной психопатии уже вовлечены в патократическую деятельность; они считаются самыми лояльными, несмотря на то, что некоторые из них сотрудничали с противоположной стороной в прошлом.

В таких условиях никакая сфера социальной жизни не может развиваться нормально, будь то экономика, культура, наука, технология, управление и т. д. *Шаг за шагом патократия парализует всё.* Нормальным людям приходится развивать уровень терпимости, находящийся далеко за пределами понимания любого человека, живущего в системе нормальных людей, — лишь для того, чтобы объяснить себе, как поступать в такой ситуации и как реагировать на бестолковую посредственность психологически девиантного индивидуума, назначенного ответственным за некий проект, который он даже не способен понять, не говоря уже о том, чтобы руководить им. Этот особый вид педагогики — наставлять девиантные личности, избегая при этом их гнева — требует много времени и усилий, однако иначе было бы невозможно поддерживать сносные условия жиз-

ни и достижения, необходимые для экономической и интеллектуальной жизни общества. Как бы то ни было, даже если прилагать усилия в этом направлении, патократия постепенно проникнет во все сферы жизни и со временем заглушит их.

Тот, кто поначалу считал привлекательной исходную идеологию, в конечном итоге осознает, что теперь имеет дело с чем-то иным, занявшим её место под старым названием. Это крушение иллюзий прежних идеологических приверженцев представляет собой невообразимо горький опыт. По этой причине попытки патологического меньшинства сохранить свою власть будут испытывать всё большую угрозу со стороны общества нормальных людей, критика которых будет продолжать расти.

Для смягчения угрозы своей власти патократы будут использовать всевозможные методы террора и уничтожения против лиц, известных своим патриотизмом и военной подготовкой; также будут применяться и другие специфические методы «индоктринации», о которых мы уже говорили. Индивидуумы, не имеющие естественного чувства связи с нормальным обществом, становятся незаменимыми в такой деятельности. Стоит вновь подчеркнуть, что на переднем плане таких видов деятельности заняты первичные психопаты, за которыми следуют индивидуумы со схожими аномалиями и в заключение — людьми, отстранившимися от общества по причине расовых или национальных разногласий.

Феномен патократии зреет в этот период: формируется обширная и активная система индоктринации с соответствующе отполированной идеологией, напоминающей троянского коня, целью которого является патологизирование мыслительных процессов отдельных индивидуумов и общества в целом. Собственно цель — заставить человеческий разум принять патологические эмпирические методы и шаблоны мышления — никогда не признаётся открыто. Эта цель обусловлена патологическим эготизмом, причём возможность достижения этого для патократа не только обязательна, но и практически осуществима. Поэтому ему необходимы тысячи активистов, готовых участвовать в этой работе. Тем не менее время и опыт подтверждают то, что психолог, возможно, уже давно предвидел: все эти усилия дают настолько ограниченные результаты, что напоминают сизифов труд. Это лишь влечёт за собой всеобщее сдерживание интеллектуального развития и глубоко укоренённый протест против данного оскор-

бительного «лицемерия». *Авторы и исполнители этой программы неспособны понять, что решающий фактор, осложняющий их работу, — это фундаментальная природа нормальных человеческих существ, то есть большинства людей.*

Тем самым вся система, основанная на насилии, терроре и принудительной индоктринации, или скорее патологизации, оказывается фактически бесполезной, что вызывает превеликое изумление у патократов. Действительность ставит под вопрос их убеждение в том, что такие методы способны настолько фундаментально изменить людей, что в конечном итоге они признают этот патократический тип правления как «нормальное положение вещей».

Вместе с первым шоком у нормальных людей исчезает чувство взаимных социальных связей. Пережив это, подавляющее большинство людей начинает, однако, показывать признаки своего собственного феномена психологической иммунизации. Одновременно общество как единое целое начинает собирать практические знания об этой новой действительности и её психологических свойствах.

Нормальные люди медленно учатся различать слабые места такой системы и использовать возможности более целесообразного жизнеустройства. Они начинают помогать друг другу советом в этих вопросах, медленно восстанавливая чувство социальных связей и взаимного доверия. Возникает новый феномен: *разделение между патократами и обществом нормальных людей*, преимуществами которого являются талант, профессиональные навыки и здравый смысл. То есть нормальные люди имеют на руках несколько сильных козырей. В конечном счёте патократия осознаёт, что должна найти определённый *modus vivendi* или компромиссные отношения с общественным большинством: «В конце концов кто-то же должен делать работу за нас».

Патократы испытывают также другие потребности и давление, особенно извне. Патологическое лицо *должно* быть тем или иным образом скрыто от внешнего мира, так как распознание общественностью девиантного стиля правления было бы равносильно катастрофе. Одна лишь идеологическая пропаганда была бы в данном случае недостаточным прикрытием. Патократическое государство должно — прежде всего в интересах новой элиты и её экспансионистских планов — поддерживать экономические

связи со странами нормальных людей. Патократическое государство стремится достичь международного признания как политической структуры *определённого рода*, но опасается разоблачения с точки зрения настоящего клинического диагноза.

Всё это заставляет патократов смягчать свою опирающуюся на террор власть, подвергать свою пропаганду и методы индоктринации определённым косметическим процедурам и предоставлять контролируемому ими обществу определённую автономию, особенно в культурной жизни. Более либеральные патократы не имели бы ничего против предоставления такому обществу определённого минимума экономического процветания с целью снижения уровня раздражения [среди населения], однако их собственная продажность и неспособность управлять экономикой сдерживают их от принятия действий в этом направлении.

Когда вышеупомянутые наблюдения оказываются в центре внимания патократов, эта крупномасштабная социальная болезнь переходит в новую фазу: их методы смягчаются, и устанавливается сосуществование со странами, имеющими структуру нормальных людей.

Каждый психопатолог, изучающий этот феномен, обратит внимание на фазу сознательного сокрытия, когда пациент пытается играть роль нормального человека, чтобы скрыть свою патологическую реальность, продолжая при этом оставаться больным или [психически] ненормальным. Поэтому давайте обозначим фазу, в которой патократическая система всё искуснее имитирует посредством «различных» доктринальных институтов нормальную социополитическую систему, как *фазу сокрытия патократии*.

В этой фазе нормальные люди, живущие в стране, подконтрольной патократам, становятся более резистентными и приспосабливаются к новой ситуации. Однако внешне эта фаза ознаменована *чрезвычайно сильной понерогенной активностью*. Патологический материал этой системы способен теперь легко проникать в другие общества, особенно если они более примитивны, чем патократическая система. По причине снижения критичности, основанной на здравом рассудке, возможности расширения патократического влияния облегчаются в странах, находящихся в сфере этого экспансионизма.

Между тем в патократической стране активная структура правления

остаётся в руках психопатов — первичная психопатия играет главную роль, особенно во время фазы сокрытия. Несмотря на это индивидуумы с очевидными патологическими чертами характера должны быть отстранены от определённых сфер деятельности, а именно от политических должностей, связанных с международными отношениями, занимая которые они могли бы выдать патологическое содержание этого феномена. Индивидуумы с очевидными патологическими чертами также ограничены в своей способности исполнять дипломатические функции или в полной мере понимать политические ситуации в странах нормальных людей. По этой причине на такие должности выбираются люди, мыслительные процессы которых более схожи с мышлением нормальных людей. Однако в целом они всё ещё в достаточной мере связаны с патологической системой для предоставления гарантии лояльности.[7] Тем не менее эксперт в различных психологических аномалиях способен различать скрытые отклонения, лежащие в основе таких связей. Другой фактор, который следует отметить, это крупные личные преимущества, предоставляемые патократией подобным полунормальным индивидуумам. Неудивительно, что такая лояльность порой обманчива. Это применимо в особенности к сыновьям типичных патократов, которые, конечно, пользуются доверием, так как с самого детства воспитывались быть преданными. Если по некоему счастливому стечению генетических обстоятельств патологические качества не были ими унаследованы, их истинная природа приобретает первостепенное значение перед воспитанием.

Схожие потребности также применимы и к другим областям. Начальник строительства новой фабрики редко связан напрямую с патократической системой, однако его навыки имеют решающее значение для проекта. С введением фабрики в эксплуатацию её управление переходит к патократам, что зачастую приводит к техническому или финансовому краху.

Аналогичным образом армия также нуждается в проницательном и квалифицированном персонале, особенно в сфере современного вооружения и ведения войны. В критические моменты здравый рассудок способен перевесить результаты патократической муштровки. В таких ситуациях многие люди вынуждены принимать правящую систему как статус-кво и приспосабливаться к ней, одновременно высказывая критику в её адрес. Они

[7] Как, например, Кондолиза Райс и Колин Пауэлл. [Прим. ред.]

выполняют свои обязанности с сомнениями и угрызениями совести. Они всегда ищут более благоразумный выход, обсуждая его с людьми, которым доверяют. Эти люди фактически находятся в подвешенном состоянии между патократией и миром нормальных людей. Недостаточно преданные люди были и остаются фактором внутренних слабостей патократической системы.

Поэтому следующие вопросы напрашиваются сами по себе: что происходит, когда сеть взаимопонимания психопатов получает руководящие должности, связанные с международными отношениями? Это может произойти особенно во время более поздних фаз этого феномена. Движимые своим характером, такие девиантные личности жаждут именно этой цели, даже если она в конечном счёте противоречит их собственным жизненным интересам, поэтому они снова снимаются с таких постов менее патологическим или более рациональным крылом правящего аппарата. Эти девиантные индивидуумы не осознают, что в противном случае результатом была бы катастрофа. Микробы также не осознают, что будут сожжены заживо или погребены с телом человека, смерть которого они вызвали.

Когда многие административные должности занимаются индивидуумами, лишёнными способностей в достаточной мере понимать большинство других людей, а также проявляющими недостаточную силу технического воображения и практических навыков (качества, неотъемлемые для решения экономических и политических вопросов), это влечёт за собой исключительно серьёзный кризис во всех сферах, как внутри страны, так и в международных отношениях. Внутри страны ситуация становится невыносимой даже для тех граждан, которые были способны вести относительно комфортный образ жизни. Другие общества начинают отчётливо различать патологические свойства феномена. Такое положение дел не может быть продолжительным. Люди чувствуют необходимость готовиться к ещё более быстрым изменениям и вести себя с большой осмотрительностью.

Патократия — это болезнь крупных социальных движений, которая затем перекидывается на целые общества, страны и империи. В ходе человеческой истории она затронула социальные, политические и религиозные движения, а также сопутствующие им идеологии, характерные для того времени и этнологических условий, превратив их в карикатуры на самих себя. Это произошло в результате активности схожих причинных факто-

ров данного феномена, а именно при участии патологических агентов в патодинамически схожем процессе. Это объясняет, почему все патократии мира были и остаются настолько похожими друг на друга в своих основных свойствах. Поэтому [патократические] современники той или иной эпохи легко находят общий язык, даже несмотря на широкие различия идеологий, подпитывающих патократии и защищающих их патологическое содержание от огласки.

Идентификация этих явлений в истории и их правильная классификация согласно их истинной сущности и содержанию (а не на основании идеологии, подвергшейся типичному процессу карикатуризации) — это задача историков. Как бы то ни было, необходимо понимать, что первоначальная идеология была без всякого сомнения социально-динамической и содержала творческие элементы. В противном случае ей бы не удалось подпитывать патократический феномен и оберегать его от разоблачения и критики на протяжении очень долгого периода. Ей также не удалось бы снабдить патологическую карикатуру инструментами, которые бы позволили реализовать её внешние экспансионистские цели.

Момент трансформации [социального] движения в нечто, что мы называем патократией (в результате понерогенного процесса), это всего лишь вопрос условности. Этот процесс является временно кумулятивным и в конечном итоге достигает критической точки, пройдя которую возврат больше невозможен. Однако со временем происходит внутренняя конфронтация с приверженцами первоначальной идеологии, которая окончательно закрепляет патократический характер этого феномена. Нацизм вне всякого сомнения прошёл эту точку невозврата, однако тотальная конфронтация с *приверженцами* исходной идеологии не состоялась, потому что армии союзных держав успели сокрушить военную мощь национал-социалистов.

5.3. Патократия и её идеология

Следует отметить, что крупная идеология, обладающая зачаровывающими ценностями, также может легко лишить людей способности к самокритичному контролю собственного поведения. Приверженцы такой идеологии склонны упускать из виду тот факт, что используемые методы — не

только их цели — имеют решающее значение для результата их деятельности. Каждый раз, когда они прибегают к излишне радикальным методам — всё ещё убеждённые в том, что служат своей идее, — они не осознают, что их цель уже претерпела изменения. Принцип «цель оправдывает средства» открывает путь другому типу людей, для которого великая идея полезна лишь для освобождения себя от неудобного давления со стороны нормальных человеческих традиций. Поэтому каждая крупная идеология несёт в себе опасность, особенно для ограниченных умов. По этой причине любое крупное социальное движение и его идеология могут стать организмом, в котором патократия может начать свою паразитическую жизнь.

Такая идеология, возможно, была с самого начала отмечена дефицитами в отношении правды и морали или результатов деятельности патологических факторов. Также возможно, что первоначальная высокоблагородная идея была подвержена ранней контаминации, типичной для того или иного периода и социальных условий. Когда такая идеология подвергается инфильтрации чуждым, локально-культурным материалом, разрушающим по причине своей гетерогенности первоначально гармоничную структуру идеи, её реальная ценность ослабляется настолько, что она частично теряет свою привлекательность для благоразумных людей. Однажды ослабленная, социологическая структура может подвергнуться дальнейшей дегенерации, в том числе активации патологических факторов, пока в конечном итоге не превратится в карикатуру на саму себя — с прежним названием, но другим содержанием.

Поэтому дифференциация сущности патологического феномена от заражённого им идеологического «организма» является фундаментальной и необходимой задачей как для научно-теоретических целей, так и для нахождения практических решений проблем, возникших в результате существования вышеупомянутого макросоциального феномена.

Когда мы с целью обозначения патологического феномена используем название идеологии некоего социального движения, подвергшейся процессу дегенерации, мы теряем всякую способность понимать или оценивать эту идеологию и её изначальное содержание, а также правильно классифицировать этот феномен. Это не семантическая ошибка, а ключ к пониманию всех других ошибок касательно таких феноменов, делающих нас умственно беспомощными и лишающих нас способности принимать целе-

направленные и практические меры.

Эта ошибка основана на совместимых элементах пропаганды несовместимых социальных систем. К сожалению, это заблуждение получило слишком широкое распространение и является пережитком самых первых неуклюжих попыток классификации психических заболеваний в соответствии с бредовыми представлениями пациентов. Даже сегодня люди, не прошедшие подготовку в этой области, будут причислять каждого с бредовыми сексуальными фантазиями к помешавшимся на этой теме, а кого-то с религиозной манией считать «религиозным безумцем». У автора даже была возможность встретиться с пациентом, настаивавшим на том, что он был объектом холодного и горячего облучения (парестезия), которому он подвергался в результате соглашения, заключённого между США и СССР.

Уже в конце 19-го века выдающиеся пионеры современной психиатрии могли проводить различие между болезнями как таковыми и маниями пациентов. Болезнь имеет собственные этиологические причины, диагностированные или неопределённые, а также патологическую динамику и симптоматику, которые вместе определяют её сущность. В ходе протекания некой болезни могут проявляться различные системы маний, и схожие системы маний могут возникать в различных болезнях. Бредовые представления, ставшие порой настолько системными, что создают впечатление действительно произошедших событий, берут своё начало в сущности и интеллекте пациента, особенно в представлениях, сформировавшихся в детском периоде. Это могут быть вызванные болезнью карикатуризации его прежних политических и социальных убеждений. В конце концов, каждое психическое заболевание имеет особую манеру деформирования человеческого разума. Оно создаёт свои собственные нюансированные и в то же время типичные различия, давно известные психиатрам и помогающие им в постановке диагноза.

Подвергшийся такой деформации мир прежних фантазий работает теперь с другой целью: как можно дольше скрывать драматическое состояние болезни от своего собственного сознания и от общественного мнения. В подобных случаях опытный психиатр не пытается преждевременно освобождать пациента от иллюзий такой системы маний, так как это могло бы спровоцировать у него возникновение суицидальных наклонностей. Основным объектом интереса врача остаётся болезнь, которую он

пытается излечить. Обычно у врачей нет достаточно времени для обсуждения маний пациента *лично с ним*, разве что это становится необходимым по соображениям безопасности данного пациента или других людей. Тем не менее после излечения пациенту определённо должна быть предписана психотерапевтическая помощь в его реинтеграции в мир нормального мышления.

Тщательно проанализировав феномен патократии и связи с её идеологией, мы сможем однозначно распознать аналогию с вышеупомянутой связью, теперь хорошо известной всем психиатрам. В некоторых деталях и статистических данных позднее обнаружатся определённые различия, которые могут быть истолкованы как функция вышеупомянутой типичной манеры карикатуризации идеологии, эффектов патократии, а также, как следствие, макросоциального характера этого феномена.

Подобно болезни патократия имеет собственные причинные факторы, делающие её потенциально присутствующей в любом обществе независимо от того, насколько оно здорово. Патократия также имеет собственные патодинамические процессы, которые мы можем разграничить с помощью следующего вопроса: возникла ли патократия в данной стране (первичная патократия) либо была внедрена в неё или навязана силой некой другой похожей системой?

Мы уже обрисовали понерогенез и протекание такого макросоциального феномена в его первоначальной форме, намеренно воздержавшись от упоминания конкретных идеологий. Вскоре мы рассмотрим обе вышеупомянутые темы.

Идеология патократии создаётся путём карикатуризации первоначальной идеологии социального движения. Это происходит в порядке, типичном для конкретного патологического феномена. Вышеупомянутые истероидные состояния обществ также деформируют идеологии рассматриваемых периодов типичным для них образом. Подобно тому, как врачей интересуют болезни, так же и автор заинтересован главным образом в феномене патократии и его анализе. Аналогичным образом первоочередной задачей людей, взявших на себя ответственность за судьбу наций, должно быть излечение мира от этой остававшейся до недавнего времени загадочной болезни. Придёт время, когда люди будут занимать критические и аналитические позиции по отношению к идеологиям, игравших в прошлом

роль «системы маний» таких феноменов. Поэтому давайте сосредоточим наше внимание на самой сущности макросоциальных патологических феноменов.

Понимание природы болезни имеет первоочередную важность для поиска эффективных методов её лечения. По аналогии это применимо и к рассматриваемому нами макросоциальному патологическому феномену, особенно потому, что *одного лишь понимания природы этой болезни достаточно для начала процесса излечения человеческих умов и душ*. На протяжении всего процесса такой подход, применяемый в медицине, является подходящим методом, приводящим к распутыванию современного гордиева узла.

Идеология патократии меняет свою функцию, точно так же, как это происходит с системой маний психически больных людей. Она прекращает быть человеческим убеждением, предписывающим методы деятельности, и начинает брать на себя неопределённые задачи. Она становится *маской*, скрывающей эту новую реальность от критического сознания людей, как внутри нации, так и вне её. Её первая функция — убеждение, предписывающее методы деятельности — вскоре теряет свою эффективность. Это происходит по двум причинам: с одной стороны, реальность показывает непригодность новых методов деятельности; с другой стороны, большинство нормальных людей замечает презрительное отношение самих патократов к идеологии. По этой причине основная сцена идеологии состоит из наций, остающихся за пределами непосредственной сферы влияния патократии, так как этот мир, как правило, продолжает верить идеологиям. Таким образом, идеология становится инструментом внешней деятельности, причём даже в большей степени, чем вышеупомянутая связь между психическим заболеванием и его системой маний.

Психопаты осознают, что отличаются от нормальных людей. Именно поэтому вдохновлённая ими «политическая система» способна скрывать это осознание инородности. Они носят личную маску нормальности и знают, как создавать макросоциальную маску такого же утаивающего характера. Когда мы наблюдаем роль идеологии в этом макросоциальном феномене, вполне осознавая существование особых знаний, которыми обладают психопаты, мы можем понять, почему идеологии низводятся в разряд инструментов: они становятся чем-то полезным в отношениях с теми другими

наивными людьми и нациями. Как бы то ни было, патократы вынуждены принимать во внимание важность функции идеологии в любой понерогенной группе, особенно в макросоциальном феномене, являющимся **их** «родиной». Этот фактор осознания одновременно составляет определённое качественное различие между обеими вышеупомянутыми связями. Патократы знают, что их *настоящая* идеология проистекает из их девиантной сущности, и поэтому относятся к «другой» маскирующей идеологии с едва скрываемым презрением. И, как уже было отмечено, нормальные люди со временем начинают это осознавать.

Тем самым хорошо развитая патократическая система теряет ясную и прямую связь со своей первоначальной идеологией, которую она сохраняет лишь как основной традиционный инструмент для маскировки своей деятельности. Для практических целей патократической экспансии могут быть полезны и другие идеологии, даже если они противоречат основной идеологии и морально порицают её. Однако эти другие идеологии должны использоваться осмотрительно, с воздержанием от официального признания в среде, в которой первоначальная идеология могла бы показаться слишком чуждой, несостоятельной и бесполезной.

Основная идеология становится жертвой симптоматической деформации, сохраняя при этом типичный характер болезни, а также уже описанные отличительные черты. Названия и *официальное* содержание сохраняются, в то время как им подсовывается совсем другой смысл. Это порождает хорошо известный феномен двусмысленного языка, в котором одни и те же понятия имеют два различных значения: одно — для посвящённых, а второе — для всех остальных. Последнее [значение] имеет своим источником изначальную идеологию, а первое обладает особым патократическим содержанием, которое порой известно не только самим патократам, но становится понятным и людям, достаточно долго прожившим под властью первых.

Двусмысленная речь — это лишь один из многих симптомов. Другая характерная черта заключается в особой лёгкости, с которой изобретаются новые обозначения, обладающие эффектом внушения и принимаемые почти без всякой критики, особенно за пределами непосредственной сферы влияния такой системы.[8] По этой причине необходимо подчеркнуть

[8]Например, «чрезвычайная передача» (англ. *extraordinary rendition*); означает незакон-

парамораличтический характер и параноидные свойства, часто присущие таким обозначениям. Функция паралогизмов и параморализмов в такой деформированной идеологии становится понятной для нас, если учесть информацию, представленную в 4-й главе. *Всё, что представляет угрозу для патократического правления, становится глубоко аморальным.*[9] Это также применимо к концепции прощения самих психопатов; это чрезвычайно опасно, и потому «аморально».

Поэтому мы имеем право изобретать подходящие обозначения, которые могли бы как можно более точно описывать сущность этого феномена, в соответствии с нашим признанием и уважением к научной методологии и семантике. Такие точные термины также защитят нашу психику от эффекта внушения, производимого теми другими обозначениями и паралогизмами, в том числе содержащимся в них патологическим материалом.

5.4. Экспансия патократии

Преобладающая в нашем мире тенденция с восхищением смотреть на его правителей имеет долгую традицию, уходящую корнями в период, когда монархи могли практически полностью игнорировать мнения свои подданных. Тем не менее правители всегда были зависимы от социальной и экономической ситуации в своей стране (даже в далёком прошлом и в патократических системах), и влияния различных социальных групп настигли их трон под различными именами.

Широко распространено заблуждение, что предполагаемые автократические правители стран, оказавшихся под влиянием патократии, обладают полномочиями принимать решения во всех сферах жизни. Миллионы людей, включая министров и членов парламента, размышляют над дилеммой о том, смог бы такой правитель — при определённых обстоятельствах — изменить свои убеждения и отказаться от мечты о покорении мира; они продолжают лелеять надежду, что это, возможно, произойдёт.[10] Люди с

ную перевозку заключённых в страны, в которых пытки в порядке вещей. [Прим. ред.]

[9]Например, как сказал Джордж Буш: «Вы либо с нами, либо против нас». В данном случае быть «против нас» означает, что вы «террорист» и потому аморальны. [Прим. ред.]

[10]Это особенно верно в наши дни, когда главы и парламенты многих других государств, недовольные неоконсерваторской администрацией Джорджа Буша, считают, что ди-

личным опытом в такой системе могут попытаться убедить их в том, что эти надежды — несмотря на их порядочность — не имеют под собой реальной основы, хотя в то же время они чувствуют нехватку доводов, которые могли бы предъявить в пользу этого. Такое объяснение фактически невозможно в рамках обыденного языка психологических концепций; лишь объективное понимание этого исторического феномена и его в высшей степени девиантной сущности позволяет пролить свет на причины *извечной обманчивости* этого макросоциального патологического феномена.

Действия этого феномена затрагивают общество целиком, начиная с его лидеров и со временем проникая в каждую деревню, город, фабрику, предприятие или ферму. Патологическая социальная структура постепенно охватывает всю страну, создавая «новый класс» внутри нации. Этот привилегированный класс девиантных личностей чувствует, что ему постоянно угрожают «другие», то есть большинство нормальных людей. *Патократы не питают никаких иллюзий о своей личной судьбе в случае возвращения системы нормальных людей.*

Нормальный человек, лишённый своих привилегий или высокого поста, всегда найдёт работу, которая позволит ему зарабатывать на жизнь; но патократы никогда не обладали какими-либо солидными и практическими талантами, и временные рамки их правления исключают всяческие остаточные возможности адаптации к требованиям нормальной работы. Если бы законы нормальных людей вновь возымели силу, они и им подобные были бы подвержены осуждению, которое включало бы в себя нравоучительную интерпретацию их психических отклонений; им угрожала бы не просто потеря своего положения и привилегий, но также свободы и жизни. Так как они неспособны на такого рода жертву, выживание наиболее подходящей для них системы *становится моральной необходимостью*. С такой угрозой они вынуждены бороться с помощью всевозможных психологических и политических методов, которые они коварно и без всяких зазрений совести используют против тех других «низкосортных» людей.

пломатия или новые выборы в США «всё расставят по своим местам». Они не понимают в полной мере сущность патократии, и что психопаты, стоящие в тени этого феномена, никогда не откажутся от контроля без кровопролития. [Прим. ред.]

Эта борьба может быть шокирующей в своей безнравственности.[11]

В целом этот новый класс готов избавиться от своих лидеров, в случае если их поведение представляет угрозу существованию такой системы. Это может произойти особенно тогда, когда они идут на большие компромиссы с обществом нормальных людей, квалификация которых делает их незаменимыми из соображений производительности. Последнее — это прямая угроза скорее нижним эшелонам патократической элиты, нежели её лидерам.

Патократия выживает благодаря чувству угрозы со стороны общества нормальных людей, а также других стран, в которых устояли различные системы [правления] нормальных людей. Тем самым для правителей оставаться на верхушке власти — это классическая проблема «быть или не быть».

Поэтому мы можем осторожно сформулировать следующий вопрос: может ли такая система распространиться территориально и политически на другие страны, сохранив при этом своё нынешнее господство? Что произойдёт, если такое положение дел обеспечит внутренний мир, порядок и относительное процветание в стране? В таком случае подавляющее большинство населения стало бы ловко использовать все возникшие возможности, извлекая выгоду из своей превосходящей квалификации для достижения всё большей свободы действий; благодаря более высокой рождаемости их власть будет расти. К этому большинству присоединятся некоторые сыновья привилегированного класса, не унаследовавшие патологические гены. Господство патократии будет ослабляться, почти неощутимо, но неизменно, что в конечном счёте приведёт к тому, что общество нормальных людей вновь придёт к власти. Это было бы настоящим кошмаром для психопатов.

Таким образом, биологическое, моральное и экономическое разрушение большинства нормальных людей становится для патократов «биологической» необходимостью. Этой цели служат многие средства: от концлагерей до войн с упрямыми, хорошо вооружёнными врагами, разрушающими и ослабляющими человеческую силу, бросаемую на них, то есть ту самую силу, которая угрожает правлению патократов — сыновей нормальных лю-

[11] Об этом следует помнить всем тем, кто считает, что после Джорджа Буша и его неоконсерваторов что-либо изменится. [Прим. ред.]

дей, посланных на борьбу во имя иллюзорного «благого дела».Как только смерть солдат позволит патократам чувствовать себя в безопасности, они будут возведены в ранг героев, и их будут восхвалять в победных песнях, что придётся очень кстати для воспитания нового поколения, преданного патократии и готового защищать её до последней капли крови.

Любая война, ведущаяся патократической нацией, имеет два фронта: внутренний и внешний. Внутренний фронт более важен для предводителей и правящей элиты, он также выступает решающим фактором для развязывания войны. Поэтому размышляя над вопросом о начале войны против патократической страны, другие страны должны прежде всего учесть, что такая война может использоваться как палач против населения, чья растущая сила представляет собой надвигающуюся опасность для патократии. В конечном итоге патократы быстро расправляются с людьми, которых они не считают своими сородичами, игнорируя их страдания. Короли могли страдать из-за смерти своих рыцарей, но патократы никогда не испытывают такого чувства: «Бабы новых нарожают». Когда ситуация назрела, каждый, кто помогает стране, будет благословлён [её патократическим правителем], а тот, кто воздерживается от предоставления помощи, — проклят.

Патократия имеет и другие внутренние причины продолжения экспансии всеми возможными средствами. Пока существует тот «другой» мир, управляемый системами нормальных людей, он даёт непатологическому большинству определённое чувство направления. Это непатологическое большинство населения страны никогда не прекратит мечтать о восстановлении системы нормальных людей в любой возможной форме. Это большинство никогда не прекратит наблюдать за другими странами в ожидании подходящего момента, поэтому его внимание должно быть отвлечено от этой цели, «обучено» и перенаправлено в русло империалистических стремлений. Эта цель должна упорно преследоваться, чтобы каждому стало ясно, с какой целью осуществляется борьба, и во имя чего необходимо терпеть строгую дисциплину и бедность. Последний фактор — создание условий бедности и лишений — эффективно ограничивает возможность «подрывной» деятельности со стороны общества нормальных людей.

Эта идеология, конечно же, должна предоставить оправдание своему мнимому праву на завоевание мира и поэтому должна быть продумана

самым тщательным образом. Экспансионизм проистекает из самой сущности патократии, а не из идеологии, однако этот факт должен быть замаскирован идеологией.[12] Каждый раз, когда этот феномен наблюдался в истории, империализм всегда показывал себя в наиболее выраженной форме.

С другой стороны, есть страны с правительствами, состоящими из нормальных людей, в которых подавляющее большинство обществ приходит в трепет при мысли о том, что схожая система могла быть навязана и им. В связи с этим правительства таких стран предпринимают всё возможное — в рамках их понимания этого феномена — для сдерживания экспансии патократии. Граждане этих стран вздохнули бы с облегчением, если бы удалось заменить такую злостную и малопонятную систему более человеческими, легче понимаемыми методами правления, с которыми было бы возможно мирное сосуществование.

С этой целью такие страны предпринимают различные меры, *качество которых зависит от того, как они понимают эту другую реальность*. Такие усилия находят отклик у населения, и военная мощь стран нормальных людей ограничивает возможности патократии в проведении вооружённых нападений. Поэтому для патократии ослабление стран, способных оказать ей сопротивление (особенно с использованием реакции, вызываемой ею в некоторых девиантных гражданах), становится жизненно важным вопросом.

Экономические факторы составляют значительную часть мотивации к этой экспансионистской тенденции. Так как управленческие функции были переняты индивидуумами со средним интеллектом и патологическими чертами характера, патократия становится совершенно неспособной одновременно выполнять все задачи. Наиболее страдающими от этого сферами общества всегда являются те, которые нуждаются в людях, способных действовать самостоятельно, не растрачивая попусту время в поиске подходящего способа поведения. Сельское хозяйство зависит от меняющихся климатических условий, вредителей и болезней растений. По этой причине личностные качества крестьянина на протяжении столетий были и остаются важнейшим фактором успеха сельскохозяйственного пред-

[12] Например, события 11 сентября 2001 г., которые вне всякого сомнения были организованы патократией. [Прим. ред.]

приятия. Поэтому патократия неизбежно приводит к нехватке продуктов питания.

Тем не менее многие страны с системами нормальных людей, изобилующими промышленными продуктами, также испытывают проблемы с продовольственными ресурсами и временными экономическими спадами, хотя их граждан никоим образом нельзя назвать переутомлёнными от работы. Таким образом, искушение контролировать такую страну и её благосостояние — извечное империалистическое побуждение — становится ещё сильнее в патократической системе. Накопленное благосостояние завоёванной страны может эксплуатироваться некоторое время, а её граждане — принудительно работать больше за ничтожную плату. На тот момент никто не задумается о том, что введение патократической системы в такой стране в конечном итоге приведёт в схожим непродуктивным условиям, ведь психическое отклонение по определению указывает на отсутствие самопознания в этой области. К сожалению, идея завоевания богатых стран также мотивирует многих бедных непатологических людей, страдающих под гнётом патократии и желающих использовать такую возможность, чтобы ухватить что-либо для себя и набить своё брюхо хорошей едой, вместо того чтобы прийти к пониманию, почему это происходит.

На протяжении столетий военная сила была и остаётся основным средством для достижения таких целей. Испокон веков — каждый раз, когда в истории регистрировалось появление феномена патократии (независимо от скрывавшей его идеологической маски) — в определённой степени также проявлялись различные влияния: нечто наподобие тайной полиции, стоявшей на службе международных интриг и облегчавшей завоевания. Это качество проистекает из уже обсуждавшихся личностных характеристик, вдохновляющих в целом этот феномен; это должно предоставить историкам соответствующие данные, с помощью которых они могли бы распознать феномен такого типа в ходе истории.

Во всём мире есть люди с особо восприимчивыми девиантными личностями, у которых даже отдалённая патократия вызывает соответствующий резонанс, действующий на их ощущение о том, что «там есть место и для людей подобно нам». Некритичных, раздражённых людей, а также тех, кто испытал на себе жестокое обращение, также можно найти повсюду, и их можно склонить на свою сторону с помощью изощрённой пропаганды.

Будущее нации во многом зависит от доли таких людей в ней. Благодаря своим особым психологическим знаниям и убеждённости в наивности нормальных людей, патократия способна улучшить свои «антипсихотерапевтические» методы и патологически эготистическим образом (как обычно) внушить свой мир концепций жителям других стран, тем самым делая их более восприимчивыми к завоеванию и господству.

К наиболее часто используемым приёмам относятся паралогические и конверсивные методы, как, например, проекция своих собственных качеств и намерений на других людей, социальные группы или нации, а также параморалистическое негодование и блокирование аргументов. Этот последний метод особенно излюблен патократами; он используется в массовом порядке и загоняет в тупик умы среднестатистических людей, так как вследствие этого они ищут правду в «золотой середине» между реальностью и её противоположностью.[13]

Поэтому необходимо особенно подчеркнуть, что хотя различные труды в области психопатологии и содержат описания большей части этих почти лицемерных методов, полная сводка, которая могла бы заполнить наблюдаемые пробелы, всё ещё отсутствует и крайне необходима. Насколько было бы лучше, если бы граждане и правительства стран с системами [правления] нормальных людей смогли извлечь уроки из такой работы и стали бы вести себя как опытные психологи, распознавая упрёки, сыплющиеся на них в процессе проекции и перекручивания утверждений, характер которых указывает на блокирование аргументов. С помощью лёгкой аналитической косметики можно было бы тогда составить малозатратный список намерений патократической империи.[14]

В странах с нормальными человеческими системами закон стал мерилом справедливости. Однако мы часто забываем, насколько в действитель-

[13] В наши дни это применяется с большой эффективностью под видом «войны против терроризма», полностью сфабрикованным механизмом, использующим «операции под ложным флагом», чтобы империалистские замыслы США получили поддержку населения. [Прим. ред.]

[14] В настоящее время это делается — причём довольно успешно — альтернативными новостными ресурсами в интернете, блогерами и многими «обычными» людьми, способными легко видеть, что происходит на самом деле. К сожалению, на сегодняшний день это не пришло в голову ни одной правящей партии какой-либо крупной страны, способной воспротивиться патократии США. [Прим. ред.]

ности несовершенно творение человеческих умов, насколько оно зависимо от формулировок, основанных на информации, как её понимают законодатели. В теории права мы принимаем регулятивный характер законов как некую данность и поэтому соглашаемся с тем, что в определённых случаях они не совсем согласовываются с человеческой реальностью. Понятые таким образом *законы предоставляют нам недостаточную поддержку в противодействии феномену, характер которого находится за пределами возможностей воображения законодателей*. Как раз наоборот: патократия знает, как использовать в своих интересах слабости такого легалистического образа мышления.

Тем не менее внутренняя активность и внешняя экспансия этого феномена *основаны на психологических данных*. Независимо от того, как эти данные деформированы в личностях патократов, *это явление как таковое намного превосходит в своей изощрённости системы права нормальных людей*. Это делает патократию социальной системой будущего, пусть даже лишь карикатурой на неё.

Таким образом, для нормальных людей будущее принадлежит социальным системам, основанным на улучшенном понимании человека во всех его психологических вариациях; развитие в этом направлении может среди прочего обеспечить более крупное сопротивление экспансионистским методам этого макросоциального феномена, используемым им в попытке достижения мирового господства.

5.5. Навязанная силой патократия

Становление патократии в любой стране — это настолько продолжительный процесс, что сложно точно определить момент его начала. Принимая во внимание подходящие исторические примеры, мы часто обнаруживаем фигуру авторитарного правителя, чья умственная посредственность и инфантильная личность в конечном счёте открыли путь для понерогенеза этого феномена. Повсюду, где здравый смысл общества обладает достаточным влиянием, его инстинкт самосохранения способен преодолеть этот понерогенный процесс уже на его ранней стадии. *Если активное ядро этой болезни уже существует и способно доминировать посредством заражения или навязывания силы, дела обстоят по-другому*.

Каждый раз, когда нация переживает на себе внутренний «системный кризис» или сверхактивность понерогенных процессов, она становится целью *патократического вторжения, цель которого — прибрать страну к рукам*. После этого становится легче использовать внутренние слабости страны и её революционные движения с целью введения системы правления на основе ограниченного использования силы. Такие условия, как, например, масштабная война или временное ослабление страны иногда могут привести к тому, что она покорится (против своей воли) насилию со стороны одной из своих соседних патократических стран, система которой не проявляла прежде настолько значительных слабостей. После насильственного навязывания такой системы изменяется протекание патологизации жизни; такая патократия становится менее стабильной, и само её существование становится зависимым от непрекращающегося внешнего насилия.

Давайте теперь рассмотрим последнюю ситуацию: сначала с помощью грубой силы должно быть подавлено сопротивление истощённой нации; люди, обладающие военными или лидерскими навыками, должны быть устранены, а каждый, кто взывает к моральным ценностям и правовым принципам — утихомирен. Эти новые принципы никогда не провозглашаются в прямой форме. Людям приходится учиться неписаному закону через болезненный опыт. Парализующее влияние этого девиантного мира концепций доводит дело до конца, и здравый рассудок теперь нуждается в осмотрительности и стойкости.

За этим следует шок, воспринимаемый трагично и с не меньшим ужасом. Некоторые люди из каждой социальной группы, будь то униженные бедняки, аристократы, чиновники, писатели, студенты, учёные, священники, атеисты и бог ещё знает кто, неожиданно начинают менять свою личность и мировоззрение. Люди, ещё вчера известные как порядочные христиане и патриоты, поддерживают теперь новую идеологию и относятся с презрением к каждому, кто придерживается прежних ценностей. Лишь позднее становится очевидным, что этот явно лавинообразный процесс имеет свои естественные границы. Со временем общество расслаивается на основании факторов, совершенно отличных от прежних политических убеждений и социальных связей. Причины тому нам уже известны.

Посредством прямого контакта с патократией общество одновременно

начинает осознавать, что её настоящее содержание отличается от идеологий, распространявшихся ранее, когда страна всё ещё была независимой. Это расхождение является травмирующим фактором, потому что вследствие этого ставятся под вопрос общепринятые убеждения. Пройдут годы, прежде чем рассудок приспособится к новым концепциям. Тем, кто пережил это и отправился затем в Западную Европу или в США, люди, всё ещё верившие в первоначальные идеологии, то есть маску, представленную патократией, казались полными идиотами.

Насильно навязанная патократия прибывает в своём законченном — и даже можно сказать зрелом — виде. Люди, наблюдавшие это своими глазами, были неспособны распознать ранние фазы её развития, когда у власти ещё находились шизоиды и характеропаты. Необходимость существования таких фаз и их отличительные признаки пришлось восстановить в данной работе на основе исторических данных.

В навязанной системе психопатический материал уже играл главенствующую роль; он воспринимался как противоположность человеческой природе, практически лишённый идеологической маски, становившейся всё менее необходимой в завоёванной стране; несмотря на это он по-прежнему оставался закамуфлированным в своей непостижимости для людей, всё ещё пытавшихся мыслить категориями обыденного мировоззрения.

Сначала мы воспринимали старую систему категорий и договорённостей как болезненно неадекватную для понимания потрясшей нас реальности. Важнейшие объективные категории, в которых мы нуждались для классификации наших наблюдений, смогли быть созданы лишь после многолетней усердной работы. Люди с девиантным характером, рассеянные по всему обществу, тем не менее безошибочно чувствовали, что пришло время для осуществления *их* грёз, время отмщения тем «другим» людям, которые их позорили и унижали. Этот ожесточённый процесс формирования патократии продолжался всего примерно 8 лет, после чего он совершил схожую обострённую трансформацию и перешёл в фазу сокрытия.

Системные функции, психологические механизмы и таинственные причинные связи некой страны, которой была навязана якобы политическая структура, в своей основе аналогичны их эквивалентам в стране, бывшей отправной точкой этого феномена. Эта система распространяется сверху вниз, пока не достигнет каждой деревни и каждого человека. К тому

же действительное содержание и внутренние причины этого феномена не проявляют никаких существенных различий, независимо от того, где мы их наблюдаем: в столице или в некоем отдалённом городке. Когда весь организм болен, на нём можно в диагностических целях провести биопсию ткани, выбрав для этого наиболее подходящее место. Люди, проживающие в странах с нормальными человеческими системами и пытающиеся понять эту другую систему с помощью своего воображения или путём проникновения через стены Кремля, где, как они полагают, скрыты самые секретные планы высших органов власти, не осознают, что это очень затруднительный метод для цели, которую можно достигнуть более эффективным путём. Для распознания сущности этого феномена нам необходимо лишь направиться в небольшой городок, где намного легче наблюдать ситуацию из-за кулис и анализировать сущность такой системы.

Тем не менее некоторые различия в сущности патократического феномена между страной его происхождения и страной, которой он был насильно навязан, оказываются постоянными. Эта система всегда будет относиться к захваченному обществу как к чему-то чужеродному, не потерявшему связи со своими корнями. Исторические традиции и культура общества представляют собой связующее звено со стремлениями восстановить нормальные человеческие структуры. Чем выше культурное развитие [общества], тем выше его сопротивляемость разрушительной деятельности системы. Порабощённая нация находит поддержку и вдохновение к психологическому и моральному сопротивлению в своих собственных культурных, религиозных и нравственных традициях. Патократии не так легко разрушить или привлечь на свою сторону эти ценности, развивавшиеся на протяжении столетий; совсем наоборот: они способствуют ещё даже более интенсивному образу жизни в новом обществе. Эти ценности постепенно очищаются от патриотической буффонады, и их основные содержания становятся более реальными в их извечном смысле. В случае необходимости культура страны скрывается в частной сфере или распространяется втайне; тем не менее она выживает и продолжает развиваться, создавая ценности, которые никогда не смогли бы сформироваться в счастливые времена.

Вследствие этого сопротивление общества становится всё сильнее и искуснее. Со временем становится ясно, что тот, кто верил в возможность на-

вязывания такой системы какой-либо стране, полагаясь на автономные механизмы патократии, был слишком оптимистичным. Навязанная патократия всегда останется чуждой системой. Даже если она падёт в стране своего происхождения, то продолжительность её жизни в покорённой стране будет вопросом лишь нескольких недель.

5.6. Искусственно внедрённая патократия и психологическая война

Если ядро этого макросоциального патологического феномена уже существует в мире, всегда скрывая свои истинные качества за идеологической маской той или иной политической системы, оно облучает собой другие страны посредством закодированных сообщений, сложных для понимания с точки зрения нормальных людей, но легко расшифровываемых психопатами. «Это наше место, теперь у нас есть родина, где наши мечты о власти над «другими» могут претвориться в жизнь. Наконец-то мы можем жить в безопасности и процветании». Чем сильнее это ядро и патократическая нация, тем шире диапазон этого влекущего зова сирен, слышимого индивидуумами с соответствующей девиантной сущностью, словно они сверхчувствительные радиоприёмники, настроенные на одну и ту же волновую частоту. К сожалению, с этой целью сегодня используются настоящие радиопередатчики с мощностью в сотни киловатт, а также лояльные тайные агенты патократических сетей на нашей планете.

Прямо или косвенно (то есть через девиантных «агентов»), этот зов патократии, будучи «приукрашенным» соответствующим образом, достигает значительно более широкого круга людей, состоящего как из индивидуумов с различными психическими отклонениями, так и из тех, кто чувствует себя раздражённым, лишён возможности получения образования и применения своих талантов, психически или морально ранен либо просто примитивен. Диапазон реагирования на этот зов довольно широк, но ни в одной стране он не будет представлять большинство населения. Несмотря на это появляющиеся на сцене доморощенные искусные ораторы никогда не принимают во внимание тот факт, что они никогда не смогут увлечь за

собой большинство.[15]

Для различных стран были характерны разные уровни сопротивления этой деятельности. Они зависели от многих факторов, как, например: благосостояния и его равномерного распределения, уровня образования в обществе (особенно в его бедных слоях), количества примитивных людей или индивидуумов с различными [психическими] отклонениями, а также от текущей фазы истероидного цикла. Вследствие более прямого контакта с этим феноменом некоторые страны развили иммунитет. Мы обсудим это в следующей главе.

В молодых странах с недостаточным политическим опытом искусно продуманная революционная доктрина достигает автономного субстрата общества и находит тем самым людей, рассматривающих её как идейную реальность. Это также происходит в странах, в которых сверхэгоистичный правящий класс защищает свои позиции с помощью наивных нравоучительных догм, где несправедливость приобретает угрожающие масштабы, или усиление истерии препятствует деятельности здравого рассудка. Люди, привыкшие к революционным лозунгам, больше не проверяют, действительно ли проповедники такой идеологии являются её искренними приверженцами, а не просто кем-то, кто использует эту идеологию как маску с целью сокрытия других мотивов, происходящих из его девиантной личности.

В дополнение к этим искусным ораторам мы также обнаружим другой тип проповедников революционных идей, статус которых связан в основном с деньгами, получаемыми ими за свою деятельность. Тем не менее маловероятно, что среди них найдутся люди, которых на основе вышеупомянутых критериев можно было охарактеризовать как психологически

[15]Это заметно в любой стране. В настоящее время, когда США уверенно движутся по пути к превращению в полную патократию и тем самым в источник заражения, искусные ораторы девиантной реальности продвигают «американскую мечту» об экономике и «культуре», и даже в глазах своих соотечественников выглядят как «американофилы». Большинство людей не осознаёт, что первый шаг на пути к присоединению к глобальной патократии, которую США пытаются навязать всему миру, состоит в том, чтобы стать частью экономической системы, установленной США. Примером страны, поначалу отвергшей этот замысел, может послужить Франция, отклонившая Конституцию ЕС — документ, основной идеей которого была неолиберальная трансформация европейской экономики в соответствии с американской моделью. [Прим. ред.]

нормальных. Их равнодушие к человеческим страданиям, вызванным их же собственной деятельностью, происходит от недостатков их восприятия ценности социальных связей или их способности предвидеть последствия своих деяний.

В понерогенных процессах моральные недостатки, умственные слабости и патологические факторы переплетаются в причинной пространственно-временной сети, порождающей страдания как на индивидуальном, так и на национальном уровнях.

Затраты на любую войну, ведущуюся с помощью психологического оружия, составляют лишь небольшую долю расходов на классическую войну. Тем не менее такая война всё же имеет свою цену, особенно если она ведётся одновременно во многих странах по всем миру.

Люди, действующие в интересах патократии, могут совершать это параллельно под флагом некой традиционной или прочей идеологии либо даже с помощью противоречащих друг другу идеологий, борющихся с традиционной идеологией. В последнем случае это должно быть осуществлено индивидуумами, проявившими достаточно сильную реакцию на зов патократии, чтобы предотвратить ослабление самовнушаемой деятельностью другой используемой ими идеологии связей с их настоящей жаждой власти.

В обществе с серьёзными социальными проблемами всегда найдётся группа благоразумных людей, стремящихся к улучшению социальной ситуации посредством активных реформ с целью устранения причины социальной напряжённости. Другие люди, напротив, считают своим долгом достигнуть морального омоложения общества. Устранение социальной несправедливости и восстановление морали и культуры страны способны лишить патократию всяческих шансов на её захват. *Поэтому такие реформаторы и моралисты должны последовательно обезвреживаться посредством либеральных или консервативных идей и соответствующих суггестивных лозунгов и параморализмов; лучшие из них при необходимости должны быть ликвидированы патократией физически.*

Стратеги психологической войны должны достаточно рано принимать решение о том, какая идеология будет наиболее эффективной в той или иной стране с точки зрения адаптируемости к её местным традициям. В конечном счёте соответствующим образом приспособленная идеология

должна выполнять функцию троянского коня, транспортирующего патократию в данную страну. Затем эти различные идеологии постепенно приводятся в соответствие с первоначальным генеральным планом. И под конец маска спадает.

В нужный момент местные партизаны, собрав рекрутов из недовольных слоёв общества, организованы и вооружены; руководство ими берут на себя обученные офицеры, знакомые с секретной идеей, а также с оперативным планом по распространению в стране. Затем предоставляется поддержка группам заговорщиков, придерживающимся сфабрикованной идеологии и способным совершить государственный переворот, после чего устанавливается жестокое правительство. Как только это произошло, отвлекающая деятельность партизан прекращается (они превращаются в козлов отпущения), так чтобы новые власти могли поставить себе в заслугу восстановление мира в стране. Любой бандит, неспособный или нежелающий подчиняться новым постановлениям, будет «вежливо» приглашён к своему бывшему главарю и застрелен в затылок. Это новая реальность.

Вот как рождаются подобные правительственные системы. К этому моменту сеть патологических понерогенных факторов уже активна, так же как и вдохновляющая роль первичной психопатии. Тем не менее это ещё не полная картина патократии. Многие местные лидеры и их сторонники не отступают от своих первоначальных убеждений, которые, как они полагают, служат — несмотря на свою радикальность — благу многих ранее униженных людей, а не просто нескольким процентам патократов, заинтересованных в создании всемирной империи.

Местные лидеры продолжают мыслить в рамках социальной революции, представляющейся им подходящей для целей, в которые они искренне верят. Они требуют от новой «дружеской власти» не только обещанной поддержки, но и предоставления им определённой степени автономии, имеющей для них особую важность. Они недостаточно знакомы с загадочной дихотомией «мы и они». В то же время им даётся указание подчиниться предписаниям сомнительных послов, значение и цель которых им сложно понять. Тем самым растёт идеологическая, националистическая и практическая неудовлетворённость.

Конфликт постепенно усиливается, особенно когда широкие круги общества начинают сомневаться в том, что люди, якобы действующие от

имени некой крупной идеологии, искренне верят в неё. Благодаря своему опыту и контакту с патократической нацией такие же широкие слои населения одновременно увеличивают свои практические знания о реальности и образе действий этой системы. Тем самым в случае, если такая полуколония станет слишком независимой или даже мятежной, эти знания могут впоследствии попасть в поле зрения стран нормальных людей. Для патократии это серьёзная угроза.

Таким образом, необходим постоянно растущий контроль — до тех пор, пока не будет достигнута полная патократия. Руководители, которых центральные органы власти считают временным решением, подвергаются устранению, если только они не показывают достаточный уровень покорности. Геополитические условия играют, как правило, решающую роль в этой сфере. Это объясняет, почему таким лидерам легче выжить на отдалённом острове, чем в странах, граничащих с империей. Если им удастся сохранить большую часть автономии путём *сокрытия* своих сомнений, они, возможно, сумеют извлечь преимущества из своего геополитического положения, если позволят обстоятельства.

Во время такой фазы кризиса доверия продуманная политика стран нормальных людей всё ещё способна склонить чашу весов в пользу структуры революционного или левого направления, но ни в коем случае патократического. Однако это не единственный недостающий фактор; другой важнейший фактор заключается в нехватке объективных знаний об этом феномене, которые могли бы сделать возможным такой политический курс. *Эмоциональные факторы, в сочетании с нравоучительной интерпретацией патологических феноменов, часто играют слишком важную роль в принятии политических решений.*

Никакая патократия не сможет развиться в полной мере, *пока не произойдёт второй переворот и чистка переходного руководства*, бывшего недостаточно лояльным. Это подобно решающему противостоянию с истинными приверженцами идеологии в рамках становления первичной патократии, которая впоследствии может продолжить своё развитие благодаря как грамотно поставленным лидерам, так и деятельности автономных понерогенных механизмов.

После начального периода правления — жестокого, кровавого и психологически наивного — такая патократия начинает свою трансформацию и

переход в фазу сокрытия, уже описанную нами во время обсуждения становления этого феномена и насильно навязанной патократии. *Во время этого периода даже самая искусная политика соседних стран не способна подорвать существование такой системы.* Однако период слабости ещё впереди: он наступит с окончанием формирования мощной сети в обществе нормальных людей.

Приведённое выше краткое описание инфекционного навязывания патократии показывает, что этот процесс повторяет все фазы независимого понерогенеза, но с одним лишь различием: *он сжат по времени и содержанию*. Под правлением её некомпетентных административных предшественников мы можем даже распознать период сверхактивности шизоидных индивидуумов, заворожённых мечтой о своём правлении, в основе которого лежит презрение к человеческой природе, в особенности если таких индивидуумов в данной стране достаточно много. Они не осознают, что патократия никогда не даст осуществиться их мечтам; скорее она затенит их собой, так как ко власти придут уже знакомые нам индивидуумы.

Созданная таким образом патократия наложит более сильный отпечаток на подчинённую страну, чем патократия, навязанная силой. Однако в то же время она сохранит определённые характеристики своего дивергентного содержания, иногда называемого «идеологическим», хотя в действительности оно представляет собой дериват различных этнологических субстратов, на которых был высажен их отводок. Поэтому, если такие условия, как, например, численность населения, географическая протяжённость или изоляция некой страны позволят сохранить ей свою независимость от первичной патократической нации, то более взвешенные факторы и общество нормальных людей найдут способ влияния на правительственную систему, пользуясь преимуществами, ставшими возможными благодаря фазе сокрытия. С учётом благоприятных обстоятельств и умелой помощи извне это могло бы привести к постепенной депатологизации системы.

5.7. Общие соображения

Путь к пониманию действительного содержания этого феномена и его внутренних причин может быть открыт лишь путём преодоления естественных рефлексов и эмоций, а также склонности к нравоучительным интерпрета-

циям. За этим должен последовать сбор данных, полученных в сложной повседневной клинической работе, и в конечном итоге — обобщения в форме теоретической понерологии. Достигнутое понимание будет естественным образом включать и тех, кто способен создать такую нечеловеческую систему.

Таким образом, необходимо обратить особое внимание на проблему биологической детерминации поведения девиантных людей. Прежде всего, мы обнаружим характерную для них — в отличие от нормальных людей — ограниченность как способности к моральным суждениям, так и их моделей поведения. Достижение внутренней психологической установки, которая позволила бы нам понять даже наших собственных врагов, — это неимоверно сложная задача для людей. Моральное осуждение оказывается большим препятствием на пути к излечению мира от этой болезни.

Следствие характера феномена, описываемого в данной главе, состоит в том, что всякая попытка понять его сущность или проследить его внутренние причинные связи и диахроничные трансформации будет обречена на провал, если в нашем распоряжении будет лишь обыденный язык психологических, социальных и моральных концепций, даже в случае использования социальными науками его частично усовершенствованной формы. Было бы также невозможно предвидеть дальнейшие фазы развития этого феномена или установить его периоды слабости и уязвимые места с целью противодействия ему.

Именно поэтому развитие подходящего и достаточно всестороннего концептуального языка является первостепенной задачей, требующей больше времени и усилий, нежели изучение самого феномена. Для этого и понадобилось такое утомительное для читателей введение в этот концептуальный язык, причём это должно было быть сделано в краткой и подходящей форме, которая в то же время была бы понятной для читателей, не имеющих опыта в области психопатологии.

Каждый, кто хочет отремонтировать телевизор, не сломав его окончательно, должен сначала ознакомиться с электроникой, что также находится за пределами области понимания нашего обыденного концептуального языка. Однако учёный, достигнувший понимания этого макросоциального феномена в соответствующей системе отсчёта, будет оставаться некоторое время в изумлении — как перед открытым саркофагом Тутанхамона,

— прежде чем он сможет понять действующие законы этого феномена. С этого момента он будет совершенствовать это понимание — всё быстрее и искуснее — посредством огромного массива детальной информации.

Первый вывод, напросившийся сам собой вскоре после встречи с «профессором» (как было описано в первой главе), состоял в том, что развитие этого феномена ограничено самой природой по причине содействия восприимчивых к нему индивидуумов в любом данном обществе. Первоначальная оценка (примерно 6% подверженных индивидуумов) оказалась реалистичной. Далее накопленные подробные статистические данные не смогли её опровергнуть. Этот показатель различается между странами в пределах примерно одного процента. Это означает, что существует примерно 0,6% первичных психопатов, то есть одна десятая от этих 6%. Тем не менее эта аномалия играет несоразмерную роль, если сравнить степень проникновения этого феномена в целом с её моделями мышления и опыта.

Прочие психопатии, как, например, астеническая, шизоидная, ананкастная и др. определённо играют лишь вторую скрипку, хотя в общей сложности они намного более многочисленны. Относительно примитивные скиртоидные индивидуумы становятся «попутчиками», подгоняемыми жаждой жизни, деятельность которых, однако, ограничена соображениями о своей собственной выгоде. В несемитических нациях шизоидность более распространена, нежели первичная психопатия; несмотря на высокую активность шизоидных людей в ранних фазах становления этого феномена, они проявляют неприязнь к патократии, а также придерживаются разумной дистанции эффективного мышления. Тем самым они разрываются между подобной системой и обществом нормальных людей.

К людям, менее расположенным к патократии, относятся также индивидуумы, находящиеся в состояниях, вызванных токсическим воздействием определённых веществ, как, например: эфира, окиси углерода и, возможно, некоторых эндотоксинов — при условии, что контакт с ними состоялся в детском периоде.

Среди людей с прочими повреждениями мозговой ткани лишь два выше описанных типа в той или иной степени предрасположены к патократии, а именно лобные и параноидные характеропаты. В случае лобной характеропатии это в первую очередь является результатом неспособности к само-

критичному размышлению и неумения выходить из тупиковых ситуаций, в которые люди попадают по неосмотрительности. Параноики ожидают слепую поддержку от такой системы. Однако в целом носители различных типов повреждения коры головного мозга однозначно более расположены к обществу нормальных людей. Как следствие их психологических проблем, в конечном счёте они страдают от патократии даже больше, чем здоровые люди.

Также оказалось, что носители некоторых *физиологических аномалий*, известных врачам, а иногда и психологам, а также имеющих главным образом наследственную природу, проявляют склонности к раздвоению личности подобно шизофреникам. Аналогичным образом люди, прожившие, к сожалению, короткую жизнь из-за ранней смерти от рака, часто проявляли типичное и иррациональное влечение к этому феномену. Эти последние наблюдения сыграли решающую роль в моём согласии дать феномену это название, которое поначалу казалось мне семантически слишком неточным. Сниженная сопротивляемость индивидуума к эффектам патократии и его влечение к этому феномену представляет собой, по всей видимости, *целостную реакцию человеческого организма*, а не одной лишь его психологической структуры.

Активная структура новой формы правления состоит примерно из 6% населения, обладающих своим взглядом на её цели. Вдвое больше людей составляют вторую группу: все те, кто умудрился исказить свою личность таким образом, чтобы она удовлетворяла требованиям новой реальности. Это приводит к установкам, которые уже могут быть интерпретированы в рамках категорий обыденного психологического мировоззрения, что означает снижение количества совершаемых нами ошибок. Конечно, невозможно точно разграничить эти две группы; приведённое разделение имеет лишь наглядный характер.

Эта вторая группа состоит из индивидуумов, в среднем более слабых, чаще болеющих и менее жизнестойких. Известные психические расстройства встречаются в этой группе в два раза чаще, чем в среднем по стране. Поэтому мы можем предположить, что в формировании их раболепного отношения к режиму, их более высокой восприимчивости к патологическому влиянию и их легкомысленного оппортунизма принимают участие относительно незаметные аномалии. Мы можем наблюдать здесь не толь-

ко физиологические, но также и вышеописанные аномалии, проявляющие минимальную интенсивность и не включающие первичную психопатию.

Эти 6% образуют новую знать. Вторая группа (12% населения), имеющая наиболее благоприятное экономическое положение, постепенно формирует новую буржуазию. Приспособление этой группы к новым условиям — не без угрызений совести — превращает её представителей как в прохиндеев, так и в посредников между оппозиционным обществом и активной понерологической группой, с которой они могут разговаривать на её языке. Они играют настолько решающую роль в такой системе, что обе стороны должны принимать их во внимание. Благодаря тому, что их технические навыки выше, чем в активной патократической группе, они занимают различные административные должности. Нормальные люди видят в них тех, к которым они, как правило, могут обратиться, не подвергая себя при этом патологической заносчивости.

Таким образом, новая правительственная система проявляет благосклонность лишь к 18% населения. Что касается этой прослойки буржуазии, мы можем даже усомниться в искренности её представителей. Такой была ситуация на родине автора. Это количественное соотношение может разниться от страны к стране, от 15% в Венгрии до 21% в Болгарии, однако всегда будет оставаться не более, чем относительно небольшим меньшинством.

Подавляющее большинство населения формирует общество нормальных людей и постепенно создаёт неформальную коммуникационную сеть. Можно удивиться тому, почему эти люди отвергают преимущества, предлагаемые этой системой, и сознательно выбирают противоположную роль: бедность, притеснения и ограничение личной свободы. Какими идеалами они руководствуются? Является ли это всего лишь своего рода романтизмом, связанным с религией и традициями? Однако очень многие люди с религиозным воспитанием довольно быстро заменяют своё жизнепонимание мировоззрением патократов. Этому вопросу будет посвящена следующая глава.

Пока что давайте ограничимся утверждением, что человеку с нормальным инстинктивным субстратом, хорошим базисным интеллектом и способностями к критическому мышлению было бы очень сложно пойти на такой компромисс. Это опустошило бы его личность и вызвало бы у него

невроз. В то же время такая система легко находит и отделяет его от ему подобных несмотря на его спорадические колебания. *Никакой метод пропаганды не способен изменить сущность этого макросоциального феномена или нормального человека. Они навсегда останутся чуждыми друг другу.*

Вышеописанное разделение на три группы не следует путать с членством в какой-либо партии, что официально преподносится как нечто идеологическое, хотя на самом деле носит патократический характер. В подобной системе есть множество людей, принуждаемых вступать в такую партию в силу всевозможных обстоятельств и вынужденных затем всячески притворяться, чтобы походить на благоразумных единомышленников. После одного-двух лет отупляющего выполнения предписаний они начинают становиться более независимыми и восстанавливают свои разорванные связи с обществом. Их прежние друзья начинают ухватывать суть этой двойной игры. В такой ситуации оказываются многие приверженцы прежней идеологии, имеющей теперь другую функцию. Также они одними из первых начинают выражать несогласие с тем, что эта новая система в действительности не разделяет их старые политические убеждения. Также необходимо помнить, что *особенно благонадёжные люди, чья лояльность к патократии является неизбежным результатом, обусловленным как их психологической природой, так и выполняемыми ими функциями, не испытывают необходимости принадлежать к партии; они стоят над ней.*

После формирования типичной патократической структуры начинается неуклонное разделение (поляризация) населения по совершенно различным критериям, которые трудно представить кому-то, кто вырос за пределами области влияния этого феномена. Это происходят в порядке, условия которого также непостижимы для тех, у кого отсутствует специальная подготовка. Тем не менее у большей части общества страны, затронутой этим феноменом, медленно начинается формирование интуитивного чутья о причинах происходящего. Человек, воспитанный в системе нормальных людей, приучен ставить на передний план экономические и идеологические проблемы, а также, возможно, результаты социальной несправедливости. Как оказалось, такие концепции иллюзорны и неэффективны самым трагическим образом: этот макросоциальный феномен имеет свои

собственные свойства и законы, которые можно изучать и понимать лишь в рамках соответствующих категорий.

Как бы то ни было, оставляя позади наши старые методы обыденного понимания и обучаясь отслеживать внутренние причины этого феномена, мы изумляемся удивительной точности, с которой он подчиняется своим собственным закономерностям. Применимо к индивидуумам можно сказать, что всегда имеет место более широкий диапазон индивидуализма и влияния окружающей среды. Эти переменные факторы исчезают в статистических анализах, и на поверхность всплывают существенные постоянные характеристики. Тем самым можно однозначно установить причины системы как единого целого. Это объясняет относительную лёгкость, с которой можно перейти от изучения причинных связей этого феномена до прогнозирования его будущих изменений. С течением времени пригодность накопленных знаний была подтверждена точностью этих прогнозов.

Давайте теперь рассмотрим конкретные случаи. Например: мы встречаем двух людей, поведение которых наводит нас на подозрения, что они психопаты. Их отношения к патократической системе совершенно различны: первый одобряет её, а второй крайне критичен к ней. Исследования на основе тестирования возможного поражения мозговой ткани показали патологические тенденции у второго человека, но не у первого; во втором случае мы имеем дело с поведением, сильно напоминающим психопатию, субстрат которого, однако, носит отличительный характер.

Если носитель генов первичной психопатии был до войны членом ярко выраженной антикоммунистической партии, то в период формирования патократии его считали «идеологическим врагом». Однако вскоре после этого он, как представляется, нашёл *modus vivendi* с новыми властями и рассчитывает на определённую степень толерантности с их стороны. Тем не менее момент, когда он станет приверженцем новой «идеологии» и вновь вступит в правящую партию, — это лишь вопрос времени и обстоятельств.

Сын, рождённый в семье типичного ретивого патократа и не унаследовавший — благодаря счастливому стечению биологических обстоятельств — соответствующие гены, (или его второй родитель был нормальным с биопсихологической точки зрения), будет расти в надлежащей молодёжной организации и оставаться преданным идеологии и партии, в которую

он вступит в раннем возрасте. Однако в зрелом возрасте он постепенно начнёт приписывать себя к обществу нормальных людей. Противоположная сторона, мир нормально чувствующих и думающих людей, станет ближе к нему; в нём он вновь найдёт себя и целый ряд доселе неизвестных ему, но таких знакомых, ценностей. В конечном счёте между ним и его семьёй, партией и окружением возникает конфликт, который в зависимости от обстоятельств может быть более или менее драматичным. Он начинается с критичных высказываний и подачи наивных жалоб с требованиями провести определённые изменения в партии; эти требования носят, конечно же, разумный характер. В конечном итоге такие люди начинают бороться на стороне общества, принося себя в жертву и испытывая страдания. Другие решают покинуть свою родину и скитаются на чужбине, в одиночестве среди людей, неспособных понять ни их, ни трудности, в которых они выросли.

Что касается феномена в целом, то можно спрогнозировать его основные характеристики, процессы изменений и время, когда они произойдут. Независимо от процесса становления феномена никакая патократическая активация населения страны, затронутой этим феноменом, не может перейти вышеупомянутые границы, установленные биологическими факторами.

Этот феномен будет развиваться согласно уже описанным нами принципам, въедаясь всё глубже в социальную структуру страны. Результирующая патократическая однопартийная система с самого начала разделится на две ветки: первая будет последовательно патологической и заслужит такие прозвища, как, например: «доктринёрская», «упёртая», «железобетонная» и так далее. Вторая будет считаться более либеральной; фактически она будет отголоском первоначальной идеологии, в котором она продолжит существовать дольше всего. Представители этого второго крыла будут пытаться — настолько усердно, как им только позволит их тающее влияние, — придать этой новой реальности направление, более доступное для человеческого понимания, благодаря чему они не потеряют полностью свои связи с обществом. Примерно через *10 лет* после возникновения такой системы возникнет первый внутренний кризис, в результате которого общество нормальных людей получит немного больше свободы. Во время этого периода умелое вмешательство извне уже может рассчи-

тывать на сотрудничество внутри страны.

Патократия разъедает весь социальный организм, вызывая атрофию его способностей и сил.

Действия более идейного крыла партии и его оживляющее влияние на функционирование всей страны постепенно ослабляются. В полностью разрушенной структуре страны управленческие функции берут на себя типичные патократы. Такое состояние не может длиться долго, так как никакая идеология не способна его оживить. Приходит время, когда широкие массы населения вновь хотят жить как нормальные люди, и система больше не в состоянии противиться этому. Не будет никаких контрреволюций; вместо них начнётся более или менее бурный процесс восстановления.

Патократия является в меньшей мере социоэкономической системой, чем социальная или политическая система. Это макросоциальный патологический процесс, поражающий целые страны и проявляющий характерные для него патодинамические свойства. Это феномен претерпевает настолько быстрые изменения, что мы не в состоянии понять его в рамках категорий, предполагающих определённую стабильность. Также нам нельзя исключать из рассмотрения эволюционные процессы, которым подвержены социальные системы. Тем самым любая попытка понять этот феномен, основанная на приписывании ему определённых постоянных качеств, быстро приведёт к тому, что мы потеряем из виду его текущее содержание. Динамика временной трансформации является частью сущности этого феномена, поэтому нам никогда не удастся достигнуть его понимания без учёта этих параметров.

До тех пор, пока мы продолжим применять методы понимания этого патологического феномена, использующие определённые политические доктрины, содержание которых неоднородно касательно его истинной сущности, мы не сможем идентифицировать причины и свойства этой болезни. Хорошо подготовленная идеология сможет скрыть её важнейшие качества от разума учёных, политиков и обычных людей. При таком положении дел мы никогда не сможем развить причинно-активные методы, которые могли бы сдержать патологическое самовоспроизводство этого феномена или его экспансионистское внешнее влияние. «Ignoti nulla curatio morbi»!

Тем не менее как только мы поймём этиологические факторы и деятельность некой болезни, а также патологическую динамику её изменений, мы

обнаружим, что поиск метода лечения в целом стал намного легче. Нечто подобное также применимо к макросоциальному патологическому феномену.

6 Нормальные люди под патократическим правлением

Как уже было сказано ранее, первичная психопатия в хорошо развитой патократии является основным порождающим фактором этого феномена. Для лучшего понимания мы можем воспользоваться аналогией с дальтонизмом — в данном случае неспособностью различать красный и зелёный цвета. Представим, в качестве мысленного эксперимента, что дальтоникам удалось захватить власть в некой стране и запретить её гражданам различать эти цвета, устранив тем самым различие между зелёными (неспелыми) и красными (спелыми) томатами. Специальные инспекторы по контролю огородов, вооружённые пистолетами и дубинками, патрулировали бы местность, чтобы удостовериться, что граждане не собирают только спелые томаты, что свидетельствовало бы о том, что они различают красный и зелёный цвета. Сами инспекторы, конечно же, не были бы полными дальтониками (иначе они не смогли бы выполнять эту чрезвычайно важную функцию). В крайнем случае они обладали бы лишь ограниченной способностью различать цвета. Тем не менее они принадлежали бы к группе людей, которых раздражает любая дискуссия на тему цветов.

Ввиду постоянного присутствия таких представителей власти граждане, возможно, были бы даже готовы есть зелёные томаты, убедительно заверяя, что они спелые. Но с уходом строгих инспекторов, направившихся к другому огороду, мы услышали бы поток высказываний, содержание которых неприлично воспроизвести в научной работе. Огородники принялись бы собирать самые спелые томаты и делать из них салат с соусом, добавив к нему несколько капель рома для вкуса.

Я осмелюсь утверждать, что для всех нормальных людей, которых судьба заставила жить под патократическим правлением, приготовление салата по этому рецепту стало бы символическим актом. Любой гость, распознавший этот символ по его цвету и вкусу, воздержался бы от всяких ком-

ментариев. Подобные символы способны ускорить восстановление системы нормальных людей.

Патологические представители власти убеждены в том, что соответствующая педагогическая и индоктринирующая пропаганда, а также методы террора способны привить человеку с нормальным инстинктивным субстратом определённый диапазон чувств и базисного интеллекта, чтобы он мог мыслить и чувствовать в соответствии с их собственной, [психологически] девиантной манерой. Это убеждение — с психологической точки зрения — лишь ненамного менее нереалистично, чем вера в то, что люди, нормально различающие все цвета, могут быть лишены этой способности.

На самом деле, нормальные люди не могут избавиться от базовых свойств вида *Homo sapiens*, которыми он был наделён своим филогенетическим прошлым. Люди никогда не перестанут чувствовать и воспринимать психологические и соционравственные феномены практически таким же образом, как это делали их предки на протяжении сотен поколений. Любая попытка подчинить общество вышеописанному феномену и «усвоить» этот иной эмпирический образ действий, навязанный патологическим эготизмом, в общем и целом обречена на провал — независимо от того, сколько поколений это может продлиться. Как бы то ни было, такой подход приводит к возникновению ложных психологических результатов, которые могут создать у патократов видимость успеха. Это также заставляет общество развивать точечные, хорошо продуманные меры по самозащите, основанные на его когнитивных и созидательных усилиях.

Патократическое руководство верит в свою способность достичь состояния, в котором рассудок тех «других» людей станет зависимым посредством влияния их личности, коварных педагогических методов, массовой дезинформации и психологического террора; вера в это имеет для патократов принципиальное значение. В своём концептуальном мире патократы считают практически самоочевидным то, что «другие» примут их якобы несомненный, реалистичный и простой способ понимания действительности. Но по какой-то загадочной причине эти «другие» изворачиваются, «отклоняются от курса» и рассказывают друг другу шутки о патократах. Кто-то должен нести за это ответственность: дореволюционное старшее поколение или некие заграничные радиостанции. Тем самым становится необходимым улучшить воздействие используемых методов и найти более

умелых «инженеров души», обладающих определённым литературным талантом, чтобы *изолировать общество от неподобающей литературы и всякого чуждого влияния*. Опыт и предчувствие того, что это сизифов труд, должны быть вытеснены из сознания патократа.

Тем самым этот конфликт драматичен для обеих сторон. Нормальный человек чувствует себя оскорблённым в своей человечности, изображается бестолковым и принуждается мыслить вопреки здравому смыслу. Патократ подавляет предчувствие того, что если эта цель не может быть достигнута, то рано или поздно всё вернётся под контроль нормальных людей, в том числе и их мстительное непонимание патократических личностей. Таким образом, если его план не работает, то он предпочитает не думать о будущем, а лишь поддерживать статус-кво посредством вышеупомянутых методов. В конце данной книги мы рассмотрим возможные способы развязать этот гордиев узел.

Тем не менее такая педагогическая система, изобилующая патологической эготизацией и ограничениями, влечёт за собой серьёзные негативные последствия, особенно у представителей поколений, незнакомых с другими условиями жизни. Тем самым обедняется их личностное развитие, особенно в отношении более тонких ценностей, имеющих широкое признание в обществах. Мы наблюдаем типичное отсутствие уважения к своему собственному организму, природе и инстинктам, что сопровождается ожесточением чувств и традиций, оправдываемым несправедливостью. Склонность к моральному осуждению при интерпретации поведения людей, которые сами несут ответственность за свои страдания, иногда приводит к возникновению *демонологического* мировоззрения. В то же время адаптация и изобретательность в рамках этих различных условий становятся предметом познания.

Человек, который на протяжении долгого периода времени был целью эготистического поведения патологических индивидуумов, насыщается характерным для них психологическим материалом до такой степени, что мы часто можем различить вид психологических аномалий, оказавших на него влияние. Личности бывших заключённых концентрационных лагерей были насыщены по большей части психопатическим материалом, перенятым от комендантов лагерей и их мучителей, что породило настолько распространённый феномен, что в дальнейшем он стал первичным мотивом

поиска психотерапии. Осознание этого помогло им сбросить эту ношу и восстановить контакт с миром нормальных людей. В частности, представление корректных статистических данных касательно наличия психопатии в той или иной популяции *облегчает* поиск понимания пережитого людьми многолетнего ужаса и восстановление их доверия к своим соотечественникам.

Такой вид психотерапии был бы чрезвычайно полезным для особо нуждающихся в ней людей, но, к сожалению, он оказался слишком рискованным для психотерапевтов. Пациенты с лёгкостью проецируют информацию, усваиваемую ими во время такой терапии (особенно из области психопатии), на окружающую их действительность под правлением так называемой «народной демократии». К сожалению, они часто оказываются правы. Бывшие заключённые лагерей, к сожалению, неспособны держать свои языки за зубами, что приводит к вмешательству политических властей.

Многие американские солдаты, вернувшиеся из лагерей для военнопленных в Северном Вьетнаме, как оказалось, были подвержены индоктринации и прочим методам влияния с помощью патологического материала. У многих наблюдалась определённая степень трансперсонификации. В США это называли «программированием», причём некоторым выдающимся психотерапевтам удалось разработать терапию для их депрограммирования. Но, как оказалось, они *столкнулись с противодействием и критическими замечаниями* со стороны солдат касательно их профессиональной пригодности. Услышав об этом, я глубоко вздохнул и подумал: «Боже мой, какой же интересной была бы эта работа для психотерапевта, хорошо подкованного в таких вопросах».

Патократический мир, мир патологического эготизма и террора, настолько труден для понимания людям, выросшим за пределами влияния этого феномена, что они часто проявляют детскую наивность, даже если сами изучали психопатологию и являются психологами по профессии. В их поведении, консультировании, порицании и психотерапии не содержится никакой полезной информации. Это объясняет, почему усилия психотерапевтов скучны, болезненны и часто сводятся к нулю. Их эготизм превращает их добрые намерения в плохие результаты.

Некто, лично переживший на себе такую кошмарную реальность, счи-

тает людей, недостаточно осознавших этот феномен, просто-напросто самонадеянными, а иногда и даже злонамеренными. В рамках своего опыта и контакта с этим макросоциальным феноменом он накопил определённое количество практических знаний о нём и его психологии, а также научился тому, как защитить от него свою личность. Этот опыт, бесцеремонно отвергаемый «людьми, не имеющими вообще никакого понятия», становится для него психологическим бременем, вынуждающим его вести жизнь в узком кругу людей, имевших схожий опыт. С таким человеком нужно обращаться скорее как с носителем ценной научной информации; понимание [этого феномена] означало бы для него по меньшей мере частичную психотерапию и одновременно позволило бы ему встать на путь к пониманию действительности.

Психологам среди читателей я хотел бы напомнить, что эти виды опыта и их разрушительное влияние на человеческую личность небезызвестны в научной практике. Мы часто сталкиваемся с пациентами, нуждающимися в надлежащей помощи: людьми, воспитанными под влиянием патологических и в особенности психопатических личностей, которые были вынуждены принять с патологическим эготизмом ненормальный образ мышления. Даже приблизительное определение типа патологических факторов, оказавших влияние на такого человека, позволит нам выбрать наиболее подходящие психотерапевтические меры. На практике наиболее распространёнными являются случаи, в которых такая патологическая ситуация воздействовала на личность пациента в раннем детском возрасте, поэтому мы должны проводить долгосрочные измерения, работать с большой осмотрительностью и использовать различные методы, если хотим помочь ему развить его настоящую личность.

Дети, воспитанные патократическими родителями, остаются «под защитой» до школьного возраста. Затем они вступают в контакт с порядочными, нормальными людьми, которые пытаются максимально ограничить это разрушительное влияние. Наиболее значительные последствия можно наблюдать в подростковом возрасте и в следующей за ней фазе умственного созревания, обусловленной влиянием порядочных людей. Это спасает общество нормальных людей от глубоких деформаций в личностном развитии и от распространения неврозов. Этот период остаётся в памяти людей и поэтому является важной опорной точкой для озарений, размыш-

лений и разрушения иллюзий. Проведённая с такими людьми психотерапия заключалась бы исключительно в применении достоверных знаний о сущности этого феномена.

Поэтому независимо от социального слоя, в котором люди насильно воспитывались патологическими личностями (на индивидуальном, групповом, общественном или макросоциальном уровнях), психотерапевтические принципы будут схожими и должны основываться на доступных данных и понимании конкретной психологической ситуации. Информирование пациента о повлиявших на него патологических факторах и совместное с ним достижение понимания результатов такого влияния лежат в основе такой терапии. Мы не используем этот метод, когда в том или ином конкретном случае имеются признаки того, что пациент *унаследовал* соответствующие гены. Тем не менее такие ограничения не должны распространяться на макросоциальные феномены, угрожающие благосостоянию целых наций.

6.1. С точки зрения времени

Если некто с нормальным инстинктивным субстратом и соответствующим базисным интеллектом уже слышал или читал о таких системах жестокого автократического правления, «основанных на некой фанатической идеологии», то у него уже имеется сформированное на эту тему мнение. Однако прямая конфронтация с этим феноменом будет неизбежно вызывать у него чувство интеллектуальной беспомощности. Все его прежние представления окажутся практически бесполезными; по сути они ничего не смогут объяснить. Это вызывает у него щемящее чувство, что он и общество, в котором он вырос, были очень наивными.

Каждый, кто способен смириться с этой горькой пустотой, осознав своё невежество (это наполнило бы гордостью философа), также сможет сориентироваться в этом ненормальном мире. Тем не менее защита своего собственного мировоззрения от дезинтегративного крушения иллюзий и попытка совместить свои взгляды с наблюдениями в этой дивергентной реальности неизбежно приводят к ментальному хаосу. Такой подход порождает ненужные конфликты и у некоторых людей — разочарование новой властью; другие, напротив, подчиняются патологической реальности. Од-

но из различий между нормальным, стойким человеком и кем-то, чья личность подверглась изменениям, состоит в том, что нормальный человек имеет больше шансов на выживание в этой распадающейся когнитивной пустоте, в то время как изменившийся человек заполняет эту пустоту патологическим пропагандистским материалом, не имея достаточного контроля над этим процессом.

Когда человеческий разум сталкивается с этой новой реальностью, настолько отличной от жизненного опыта людей, воспитанных в нормальном обществе, человеческий мозг проявляет психофизиологические симптомы шока, сопровождающиеся торможением его коры и притуплением эмоций, которые затем иногда изливаются в неконтролируемом потоке. Мышление затем начинает работать более медленно и с меньшей точностью, так как его ассоциативные механизмы потеряли свою эффективность. Особенно когда человек находится в прямом контакте с психопатическими представителями новой власти, использующими свой особый опыт и свои личности для травмирования разума «других» людей, его собственный разум подвергается своего рода временному ступору. Их унижающие и нахальные методы, грубые параморализмы и т. д. притупляют его мыслительные процессы и способность к самозащите. Их дивергентные экспериментальные методы закрепляются в его разуме. Таким образом, в присутствии подобного феномена любая нравоучительная оценка поведения человека в такой ситуации становится в лучшем случае неточной.

Лишь по прошествии этих чрезвычайно неприятных психологических состояний, благодаря отдыху в приятной компании, появляется возможность задуматься над этим — что всегда является сложным и болезненным процессом — или осознать, что собственный разум и здравый рассудок были одурачены *чем-то, что не вписывается в нормальные человеческие представления*.

Человек и общество стоят в начале долгого пути, полного неизвестного опыта, который после многих проб и ошибок в конечном счёте приведёт к определённому герметическому знанию о свойствах этого феномена и наиболее эффективных методах иммунизации от него. Это приходится очень кстати особенно во время фазы сокрытия, позволяя нам приспосабливаться к жизненным обстоятельствам в этом другом мире и тем самым создавать сносные условия жизни. Затем мы сможем наблюдать психоло-

гические феномены, осваивать знания, формировать иммунитет и адаптироваться [к новым условиям], что не было бы возможным в системах, в которых преобладают нормальные люди. Однако нормальный человек никогда не сможет полностью приспособиться к патологической системе, поэтому можно легко впасть в пессимизм касательно её конечных результатов.

Обмен подобными впечатлениями происходит во время вечерних дискуссий в кругу друзей. Благодаря этому в умах людей происходит своего рода когнитивная конгломерация, которая поначалу беспорядочна и содержит фактические дефициты. Доля моральных категорий в таком понимании этого макросоциального феномена, а также обусловленное ими поведение отдельных людей в подобном новом мировоззрении пропорционально намного выше, чем того требовали бы вышеупомянутые научные знания. Идеология, официально проповедуемая патократией, продолжает сохранять свою всё более снижающуюся силу внушения, пока человеческому разуму не удастся распознать в ней нечто второстепенное, неспособное описать сущность феномена.

Нравственные и религиозные ценности, а также многовековое культурное наследие нации оказывают большинству обществ поддержку, необходимую как на индивидуальном, так и на коллективном уровне для поиска выхода из этих джунглей странных феноменов. Такие апперцептивные способности людей, придерживающихся обыденного мировоззрения, содержат в себе недостаток, скрывающий ядро этого феномена на протяжении многих лет. В таких условиях инстинкт, чувства, а также результирующий базисный интеллект склоняют человека к подсознательному отбору данных.

Особенно в условиях, созданных навязанной патократией, в которых описанные психологические дефициты играют решающую роль в деятельности такой системы, наш природный инстинктивный субстрат является инструментальным фактором при принятии контрмер.

Аналогичным образом экологические, экономические и идеологические побуждения, оказавшие влияние на формирование личности (в том числе и на политические взгляды, принятые ранее), играют роль модифицирующих факторов, хотя и не являются продолжительными по времени. Активность этих факторов — несмотря на то, что они однозначно действуют на

индивидуальном уровне — исчезает при статистическом рассмотрении и ослабляется за многие годы патократического правления. Решения, принимаемые в пользу общества нормальных людей опять-таки обуславливаются факторами, которые, как правило, наследуются биологически и тем самым не являются результатом личного выбора. В подавляющем большинстве случаев это подсознательные процессы.

Общий интеллект человека, особенно его интеллектуальный уровень, играет относительно ограниченную роль в этом процессе выбора образа действия, что выражается статистически значимой, но низкой корреляцией (-0,16). Чем выше *талантливость* человека в целом, тем, как правило, сложнее ему смириться с этой другой реальностью и найти в ней *modus vivendi*.

В то же время есть одарённые и талантливые люди, присоединяющиеся к патократии, в то время как со стороны простых, необразованных людей можно слышать резкие слова презрения к этой системе. Лишь люди с *наиболее высоким* уровнем интеллекта, который, как мы уже упоминали, *не характерен* для психопатов, неспособны найти смысл жизни в такой системе.[1] Иногда они могут воспользоваться преимуществом своего высокого интеллекта, чтобы найти необычные способы быть полезными для других. Такая растрата лучших талантов в конечном итоге влечёт за собой катастрофу в любой социальной системе.

Так как эти факторы, подчинённые законам генетики, как оказалось, имеют решающее значение, общество разделяется по неизвестным ранее критериям на сторонников нового правительства (вышеупомянутый новый средний класс) и на оппозицию, составляющую *большинство*. Ввиду того, что качества, вызывающие это разделение, встречаются в более или менее равных пропорциях в любой социальной группе и на любой ступеньке социальной иерархии, это разделение отражается на традиционных слоях общества. Если мы обозначим прежнее расслоение, обусловленное фактором таланта, как горизонтальное, то новое подразделение должно рассматриваться как вертикальное. Самый полезный фактор при вертикальном разделении — это хороший базисный интеллект, который, как

[1] С исторической точки зрения, уничтожение интеллигенции является первоочередной задачей патократий. Как отмечает Лобачевский, эта растрата умов и талантов в конечном итоге приводит к катастрофе. [Прим. ред.]

мы уже знаем, широко распространён во всех социальных группах.

Даже те люди, которые испытали на себе несправедливость ещё в старой системе и затем обратились к новой, якобы предоставлявшей им защиту, постепенно становятся её критиками. Большинство бывших довоенных коммунистов на родине автора — даже если их заставили вступить в патократическую партию — позднее постепенно становились её критиками, выражавшими своё недовольство с особой настойчивостью. Они первыми стали опровергать, что правящая партия была коммунистической в своей сущности, и убедительно указывали на фактические различия между идеологией и реальностью. Они пытались информировать об этом своих товарищей во всё ещё независимых странах, рассылая им письма. Озабоченные этим «предательством», эти товарищи пересылали эти письма в свои местные партии, откуда они потом отсылались в тайную полицию патократической страны. Авторы этих писем расплачивались за них своими жизнями или многолетним тюремным заключением. В конечном итоге никакая другая социальная группа не подвергались такой строгой полицейской слежке, как они.

Какой бы ни была наша оценка коммунистической идеологии или её партий, мы, пожалуй, можем обоснованно предположить, что старые коммунисты довольно хорошо могли различать, что соответствовало их идеологии и убеждениям и что нет. Их резкие эмоциональные утверждения на эту тему, довольно популярные в старых коммунистических кругах Польши, были впечатляющими или даже убедительными. Тем не менее из-за использованного в них оперативного языка мы должны охарактеризовать их как чрезмерно нравоучительные интерпретации, не соответствующие характеру данной книги. Одновременно мы должны признать, что большинство довоенных коммунистов в Польше не были психопатами.

С точки зрения экономики и действительности, любая система, в которой большая часть собственности и рабочих мест находятся в государственной собственности, де-юре и де-факто является *государственным капитализмом*, а не коммунизмом. Такая система проявляет черты примитивного капиталистического эксплуататора 19-го века, имевшего недостаточное понимание своей роли в обществе, а также того, что его интересы были тесно связаны с благосостоянием его работников. Представители рабочего класса хорошо понимали эти черты, особенно если они уже накопи-

ли определённое количество знаний о своей политической деятельности.

Благоразумный социалист, целью которого является замена капитализма некой другой системой, соответствующей его идеям и основанной на участии работников в управлении *и прибыли*, отвергнет такую систему как «наихудшую разновидность капитализма». В итоге сосредоточение капитала и власти в одном месте *всегда* приводит к упадку. Капитал должен подлежать авторитету добросовестности. Таким образом, устранение такой деградированной формы капитализма должно быть первоочередной задачей для любого социалиста. Несмотря на это такое мышление социальными и экономическими категориями, очевидно, не затрагивает суть проблемы.

Исторический опыт учит нас тому, что любая попытка реализации коммунистической идеи революционными средствами (с применением силы или из-за кулис) приводила к перекосу этого процесса в сторону анахронических и патологических форм, сущность и содержание которых оставались недосягаемыми для умов, использовавших концепции обыденного мировоззрения. Эволюция строит и трансформирует быстрее, чем революция, и без таких трагических осложнений.

Одно из первых открытий, сделанных обществом нормальных людей, состоит в их превосходстве над новыми правителями в интеллекте и практических навыках, независимо от того, какими бы гениями они не выставляли себя напоказ. Узлы, парализовавшие рассудок, постепенно ослабляются, и увлечённость несуществующим тайным знанием новой власти и их планами начинает снижаться. После этого люди начинают знакомиться с точными знаниями об этой новой девиантной действительности.

Мир нормальных людей всегда превосходит мир девиантных людей всякий раз, когда возникает необходимость конструктивной деятельности, будь то восстановление разрушенной страны, сфера технологий, организация экономической жизни или научная и медицинская работа. «Они хотят строить, но без нас не управятся». Квалифицированные эксперты часто способны выдвигать определённые требования. К сожалению, зачастую они будут считаться компетентными лишь до тех пор, пока их работа не будет завершена, после чего от них избавляются. Как только фабрика начинает свою работу, эти эксперты могут идти на все четыре стороны; управление ею возьмут на себя другие, неспособные на её дальнейшее раз-

витие, и под руководством которых будет растрачена большая часть усилий.

Как подчёркивалось выше, любая психологическая аномалия является на самом деле своего рода дефицитом. Психопатии основаны прежде всего на *дефектах в инстинктивном субстрате*; тем не менее их влияние на умственное развитие других также приводит к дефицитам общего интеллекта, как обсуждалось выше. Этот дефицит интеллекта нормального человека, вызванный психопатией, *не* компенсируется особыми психологическими знаниями, которые мы можем наблюдать у некоторых психопатов. Такие знания теряют свою гипнотическую силу, когда нормальные люди также обучаются понимать эти феномены. Таким образом, у психопатолога не вызывает удивления то, что мир нормальных людей занимает доминантную позицию касательно навыков и талантов. Тем не менее для общества это представляет собой открытие, подающее надежду и вызывающее психологическое расслабление.

Так как наш интеллект превосходит их, мы *способны* распознавать их и понимать, как они мыслят и действуют. Это то, чему человек в такой системе учится по собственной инициативе под гнётом каждодневных обстоятельств. Он учится этому, когда работает в офисе, школе или на фабрике, когда вынужден иметь дело с начальством, а также когда сидит в тюрьме, чего немногим людям удаётся избежать. Автор и многие другие немало узнали о психологии этого феномена во время принудительного индоктринирующего инструктажа. Организаторы и преподаватели совсем не ожидали такого результата. Тем самым растут практические знания об этой новой реальности, благодаря которым общество становится более находчивым в своих действиях. Это позволяет ему всё лучше использовать слабые места системы правления и делает возможной постепенную реорганизацию общественных связей, что со временем приносит свои плоды.

Эта новая наука неисчислимо богата казуистическими[2] деталями; несмотря на это я всё равно обозначил бы её как чрезмерно литературную. Она содержит знания и описание явления в категориях обыденного мировоззрения, изменённые в соответствии с потребностью понимать вещи, кото-

[2]Определение правильной реакции (например, на моральную дилемму) на основе анализа известных случаев или парадигм. Казуистика — метод этического анализа конкретного случая. [Прим. ред.]

рые в действительности находятся за пределами области его применения. Это также открывает путь для создания определённых доктрин, которые заслуживают отдельного изучения, так как содержат частичную правду, как, например, демонологическую интерпретацию этого феномена.

Дальнейшее знакомство с этим явлением сопровождается развитием коммуникативного языка, посредством которого общество может оставаться информированным и предупреждать об опасности. Таким образом, наряду с идеологической двусмысленной речью появляется третий язык, частично заимствующий понятия, используемые официальной идеологией в их изменённом смысле. Отчасти этот язык использует слова, заимствованные из популярных шуток. Несмотря на свою странность этот язык становится полезным средством общения и играет важную роль в восстановлении социальных связей. И вдруг этот язык уже может быть переведён и применяться при общении с жителями других стран, имеющих схожие правительственные системы, даже если они имеют иную «официальную идеологию». Однако несмотря на усилия писателей и журналистов, этот язык остаётся коммуникабельным лишь внутри; за пределами влияния этого феномена он становится герметическим и непостижимым для людей, у которых отсутствует соответствующий личный опыт.

Следует отметить специфическую роль определённых индивидуумов в такие времена: они участвуют в открытии природы этой новой действительности и помогают другим найти правильный путь. Они имеют нормальный характер, но пережили несчастливое детство, будучи очень рано подвергнутыми доминированию людей с различными психическими отклонениями, включая патологический эготизм и методы запугивания. Новая система правления обрушивается на таких людей как огромное социальное умножение их прошлого опыта. С самого начала они видят эту действительность намного более прозаически. Они видят насквозь идеологию и её паралогические, хорошо известные им истории, цель которых состояла в сокрытии горькой реальности их юношеского опыта. Вскоре они находят правду, так как происхождение и природа зла аналогичны между собой независимо от социального масштаба, в котором оно проявляется.

Такие люди редко находят понимание в счастливых обществах, но в таких случаях они имеют высокую ценность; их объяснения и советы оказываются точными и передаются другим людям, присоединяющимся к сети

этого апперцептивного наследия. Но их страдания усиливаются вдвое; для одной жизни таких издевательств просто слишком много. Поэтому они лелеют мечты о побеге на свободу, всё ещё существующую во внешнем мире.

Наконец, общество замечает этих людей, достигших исключительного интуитивного восприятия и практических знаний о том, как мыслят патократы, и как функционирует такая система правления. Некоторые из них становятся настолько опытными в использовании девиантного языка и его идиоматики, что могут использовать его как иностранный язык, которым хорошо владеют. Благодаря своей способности «расшифровывать» намерения правителей такие люди часто консультируют других, имеющих проблемы с представителями власти. Эти защитники общества нормальных людей играют незаменимую роль в его жизни.

Патократы, однако, никогда не смогут научиться мыслить нормальными человеческими категориями. В то же самое время неспособность предвидеть реакции нормальных людей на действия такой власти также позволяет прийти к заключению, что эта система имеет сугубо причинно-следственный характер, и в ней отсутствует естественная свобода выбора.

Эта новая наука, сформулированная на языке, развившимся в девиантной действительности, является в некоторой степени чуждой людям, которые хотят понять это макросоциальное явление, но продолжают при этом мыслить категориями, распространёнными в странах нормальных людей. Любая попытка понять этот язык вызывает определённое чувство беспомощности, что порождает тенденцию к созданию собственных взглядов, состоящих из концепций своего собственного мира и определённого количества соответственно ассимилированного патократического пропагандистского материала. К таким взглядам можно, например, отнести американскую антикоммунистическую пропаганду. Подобные запутанные и искажённые концепции делают понимание этой иной реальности ещё более трудным. Надеюсь, что приведённое здесь объективное описание позволит людям найти выход из сложившегося безвыходного положения.

В странах, находящихся под патократическим правлением, эти знания, этот язык и в особенности человеческий опыт создают опосредующую взаимную связь, причём таким образом, что большинство людей способны без особого труда усвоить это объективное описание феномена при помощи активной апперцепции. Сложности могут возникнуть лишь у самого

старого поколения, а также у определённой доли молодых людей, воспитывавшихся с самого детства в такой системе. В обоих случаях это можно понять с психологической точки зрения.

Когда-то ко мне была направлена пациентка, бывшая в своё время заключённой в нацистском концентрационном лагере. Она вернулась из того ада в таком исключительно хорошем состоянии, что смогла выйти замуж и родить троих детей. Однако её методы воспитания были настолько тираническими, что они напомнили мне о жизни в концентрационных лагерях, за которую с таким упорством держались бывшие заключённые. Эти дети отвечали невротическим протестом и агрессией по отношению к другим детям.

Во время психотерапии мы воскресили её воспоминания об офицерах СС (мужского и женского пола), обращая её внимание на их психопатические черты (подобные люди были в основном добровольцами). Чтобы помочь ей удалить их патологический материал из своей личности, я проинформировал её о приблизительном статистическом количестве таких индивидуумов в общей численности населения. Это помогло ей достичь более объективного представления об этой реальности и восстановить доверие к обществу нормальных людей.

Во время следующего визита она показала мне небольшую карточку, на которой она написала имена местных патократических знаменитостей. К каждому имени она добавила поставленные ею диагнозы, которые в большинстве своём оказались верными. Я приложил палец к губам и напомнил ей, что мы работаем над решением лишь её проблем. Она поняла меня, и я уверен, что она не поделилась своими соображениями на эту тему с неправильными людьми.

Наряду с развитием практических знаний и языка общения между посвящёнными лицами, формируются и другие психологические феномены; они по-настоящему важны для трансформации социальной жизни под патократическим правлением. Умение различать их имеет решающее значение для понимания других людей и стран, которым не посчастливилось жить в таких условиях, а также для оценки политической ситуации. Они включают в себя психологическую иммунизацию людей и их адаптацию к жизни в таких ненормальных условиях.

Методы психологического террора (особое патократическое искусство),

приёмы патологического высокомерия и попирания человеческих душ поначалу настолько травмируют психику людей, что они лишаются своей способности к осознанным действиям. Я уже описал психофизиологические аспекты таких состояний. По прошествии десяти или двадцати лет аналогичное поведение уже признаётся шутовством и больше не лишает его жертв их способности мыслить и реагировать благоразумным образом. Ответы его жертв будут, как правило, хорошо продуманными стратегиями, вытекающими из позиции превосходства нормального человека и часто приправленными насмешками. Человек, способный смотреть в глаза страданиям и даже смерти с должным спокойствием, лишает правителя опасного оружия.

Мы должны понимать, что этот процесс иммунизации — это не просто результат описанного выше роста практических знаний об этом макросоциальном явлении. Он представляет собой результат многослойного, постепенного процесса роста знаний, знакомства с этим явлением, *создания надлежащих реактивных привычек* и *самообладания*, которые развиваются одновременно с общими представлениями и моральными принципами. После нескольких лет те же самые стимулы, прежде вызывавшие холодное духовное бессилие или умственный паралич, теперь вызывают желание прополоскать горло чем-то крепким, чтобы избавиться от этой грязи.

Было время, когда многие люди мечтали изобрести некую пилюлю, которая могла бы помочь выдержать контакт с властями или посещение принудительных сеансов по идеологической обработке, обычно проводившихся под председательством психопатических индивидуумов. Некоторые антидепрессанты, как оказалось, действительно имели желаемый эффект. Однако всего по прошествии двадцати лет об этом уже было полностью забыто.

В 1951 году, когда я был арестован в первый раз, насилие, высокомерие и психопатические методы принудительного признания почти полностью лишили меня моих способностей к самозащите. Мой мозг прекратил функционировать после всего нескольких дней без воды. Моё состояние ухудшилось настолько, что я даже не мог припомнить причину моего внезапного ареста. Я даже не осознавал, что это было спровоцировано преднамеренно, и что возможность самозащиты действительно существовала.

Они делали со мной почти всё, что хотели.

В 1968 году, когда я был арестован в последний раз, меня допрашивали пять свирепо выглядящих сотрудников органов госбезопасности. В определённый момент времени, продумав их предсказуемые реакции, я позволил себе пристально взглянуть в глаза каждого из них. Самый главный из них спросил меня: «Что у тебя на уме, негодяй, чего ты так на нас уставился?» Я ответил без всякого опасения последствий: «Я лишь задаюсь вопросом, почему так много ваших коллег заканчивают в психиатрической больнице». Некоторое время они были озадачены, после чего их начальник воскликнул: «Потому что это такая чертовски ужасная работа!» «Я думаю, что всё совсем наоборот», — спокойно ответил я. Меня сразу препроводили назад в мою камеру.

Три дня спустя у меня вновь появилась возможность поговорить с ним — на сей раз он был намного более почтителен. Он приказал увести меня, чтобы выпустить на свободу, как потом оказалось. Я поехал на трамвае домой мимо большого парка, всё ещё неспособный поверить своим глазам. Зайдя в свою комнату, я лёг в постель; окружающий мир был всё ещё не совсем реален, но измождённые люди засыпают быстро. Проснувшись, я сказал вслух: «Боже мой, не ты ли отвечаешь здесь за этот мир?!»

Уже тогда мне было не только известно, что до 20% всех служащих тайной полиции заканчивают в психиатрических больницах, но я также знал, что их «профессиональная болезнь» представляла собой *застойное слабоумие*, которое прежде наблюдалось лишь у старых проституток. Человек не может безнаказанно попирать свои естественные человеческие чувства, какой бы профессией он не обладал. С этой точки зрения товарищ «Начальник» был частично прав. В то же самое время, однако, мои реакции стали более стойкими, несравнимо сильнее тех, которые были у меня семнадцатью годами ранее.

Все эти трансформации человеческого сознания и бессознательного приводят к индивидуальной и коллективной адаптации к жизни в таких системах. При изменённых условиях материальных и моральных ограничений появляется экзистенциальная изобретательность, позволяющая преодолеть множество трудностей. С целью само- и взаимопомощи в обществе нормальных людей также создаётся новая сеть.

Это общество действует согласованно и знает об истинном положении дел; оно начинает развивать способы влияния на различные элементы власти, достигая тем самым социально полезные цели. Терпеливое инструктирование и убеждение посредственных представителей власти требует немало времени и педагогических навыков. Поэтому для такой работы выбираются наиболее уравновешенные люди; люди, обладающие достаточными знаниями об их психологии, а также особым талантом оказания влияния на патократов. Таким образом, мнение, что общество полностью лишено всякого влияния на правительство в такой стране, ошибочно. На самом деле общество действительно до некоторой степени соуправляет, иногда преуспевая и иногда терпя неудачу в попытке создать более сносные условия для жизни. Тем не менее это происходит совершенно иным образом, чем в демократических странах.

Эти когнитивные процессы, психологическая иммунизация и адаптация позволяют создавать новые межличностные и социальные связи, действующие в сфере влияния подавляющей части населения, которую мы уже обозначили как «общество нормальных людей.» Эти связи разрозненно простираются вплоть до среднего класса, к людям, которым до некоторой степени можно доверять. Со временем сформировавшиеся социальные связи станут *более* эффективными, чем связи в обществах с нормальными человеческими системами. Обмен информацией, предостережения и взаимопомощь охватывает всё общество. Тот, кто в состоянии, предлагает помощь каждому, кто оказывается в неприятном положении, часто таким способом, что человек, которому помогли, даже не знает, кто предоставил ему эту помощь. Если его невзгоды были вызваны собственной нехваткой осмотрительности по отношению к властям, его встречают с упрёком, но никогда не отказывают в помощи.

Создание таких связей возможно, потому что это новое разделение общества лишь отчасти учитывает такие факторы, как талант, образование или традиции, существовавшие в прежних социальных слоях. Даже различия в уровне материального благосостояния не в состоянии расторгнуть эти связи. Одна сторона этого разделения содержит представителей высочайшей интеллектуальной культуры, простых людей, интеллигенцию, мыслителей, фабричных рабочих и крестьян, объединённых общим протестом их человеческой природы против доминирования нечеловеческих

экспериментальных и правительственных методов. Эти связи порождают межличностное понимание и чувство дружбы среди людей и социальных групп, прежде разделённых *экономическими* различиями и социальными *традициями*. Мыслительные процессы, служащие этим связям, имеют скорее психологический характер и способны постигать побуждения других людей. В то же самое время простой народ сохраняет уважение к образованным людям, представляющим интеллектуальные ценности. Появляются также определённые социальные и моральные ценности, которые могут оказаться долговечными.

Тем не менее возникновение этой большой солидарности между людьми становится понятным лишь тогда, когда мы знаем природу патологического макросоциального феномена, вызвавшего раскрепощение таких взглядов, посредством которых мы в итоге признаём как свою собственную человечность, так и человечность других людей. Напрашивается ещё одно соображение, а именно: насколько отличается эта большая человеческая солидарность от американского «общества, основанного на конкуренции», для которого эти экономические и социальные различия представляют собой нечто функциональное, даже несмотря на то, что это выходит за рамки воображения.

Можно было бы предположить быстрое вырождение культурной и интеллектуальной жизни в случае её изоляции от культурных и научных связей с другими странами — посредством патократических ограничений собственных мыслей, цензуры, интеллектуального уровня власти на местах и всех прочих неотъемлемых признаков такой системы правления. Тем не менее действительность не подтверждает такие пессимистичные прогнозы.

Необходимость постоянных умственных усилий, настолько важная для нахождения сносного образа жизни, который не был бы полностью лишён нравственных чувств в такой ненормальной реальности, вызывает развитие *реалистичного восприятия*, особенно в сфере социопсихологических явлений. Защищая свою психику от эффектов паралогической пропаганды, а свою личность — от влияния параморализмов и прочих описанных ранее методов, мы *улучшаем подконтрольные процессы мышления* и способность различать эти феномены. Такую тренировку можно рассматривать как особый вид «высшего образования» у обычных людей.

В такие времена общество протягивает руку к историческим источникам в поиске древнейших причин своих несчастий, а также способов улучшения своей судьбы в будущем. Научные и социальные умы тщательно пересматривают национальную историю в поисках интерпретаций событий прошлого, имеющих глубокое значение с точки зрения психологического и нравственного реализма. Мы трезво распознаём события столетней давности и видим ошибки предыдущих поколений, а также последствия нетерпимости или эмоционально окрашенных решений. Такой масштабный пересмотр индивидуальных, социальных и исторических мировоззрений в этом поиске смысла жизни и истории — это продукт несчастливых времён, способный помочь на пути возвращения к счастливым временам.

Другим объектом нашего анализа были моральные проблемы в жизни отдельных людей, а также в истории и политике. Человеческий разум начинает всё глубже проникать в эту область и достигает всё более острого понимания этих вопросов, потому что именно в этой сфере прежние чрезмерные упрощения показали свою неудовлетворительность. Понимание других людей — в том числе и тех, кто совершил ошибки и преступления, — представляется решением этих проблем, которое раньше недооценивалось. Прощение — это лишь следующий шаг после понимания. Как писала Анна де Сталь: «*Tout comprendere, c'est tout pardoner*.»[3]

Религия общества подвержена аналогичным изменениям. Доля людей, поддерживающих свои религиозные верования, практически не изменяется, особенно в странах, которым была навязана патократия; тем не менее происходит изменение содержания и качества таких верований, причём таким образом, что религия становится всё более привлекательной для людей, воспитанных в нерелигиозной среде. Прежняя религия, в которой преобладали традиции, ритуалы и неискренность, теперь преобразуется в веру, обусловленную необходимым приобретением знаний, а также убеждениями, определяющими критерии поведения.

Каждый, кто читает Евангелие в такие времена, находит в нём нечто, что трудно понять другим христианам. Сходства между социальными отношениями — с одной стороны в период античного языческого Рима, а с другой — в период атеистической патократии — настолько реальны, что читатель может с большей лёгкостью представить описанные ситуации

[3] «Всё понять — всё простить».

и более живо прочувствовать реальность произошедших событий. Такое чтение наделяет их вдохновением и даёт им советы, которые они могут использовать в своих собственных жизненных ситуациях. По этой причине в жестокие времена противоборства со злом человеческие способности критически рассматривать эти явления становятся более острыми; развивается апперцептивная и моральная чувствительность. Эта критичность иногда граничит с цинизмом.

Как-то я сел в автобус, который направлялся в горы и был забит молодыми гимназистами и студентами. Во время поездки они громко распевали старые довоенные песни шутливого и фривольного содержания. В автобусе раздавались песни Болеслава Лесьмяна[4]: «Ной был храбрецом…» и другие. Однако текст этих песен был приправлен юмором и литературным талантом, причём из него было удалено всё, что раздражало этих молодых людей в те тяжёлые времена. Произошло ли это непредумышленно?

Благодаря всем этим трансформациям, в том числе деэготизации, связанных с этим мыслей и взглядов, у общества появляется возможность развивать интеллектуальную креативность, выходящую далеко за пределы творческой деятельности, которая могла бы развиться в обычных условиях. Такие усилия могли бы быть полезными в любой культурной, технической или экономической сфере при условии, что власти не воспротивятся такой деятельности из-за своего страха перед ней.

Человеческий гений не возникает на почве ленивого благосостояния или жеманного товарищества. Напротив, он находится в постоянном противоборстве с упрямой действительностью, отличной от обычных человеческих представлений. Как оказывается, в таких условиях широкомасштабные теоретические подходы имеют практическую и экзистенциальную ценность. Старая система взглядов, которая продолжает использоваться в свободных странах, начинает выглядеть отсталой, наивной и лишённой любых ценностей.

Если бы нации, достигнувшие такого состояния, вернули свою свободу, то в скором времени созрели бы многие ценные достижения человеческой мысли. В таком случае все раздутые страхи потеряли бы свою силу и

[4]Болеслав Лесьмян (1878–1937), очень влиятельный польский поэт; член Польской академии литературы. [Прим. ред.]

больше не смогли бы определять способность нации к созданию действенной социоэкономической системы. Совсем наоборот: отсутствие эгоистических групп, оказывающих давление, примирительная природа общества, имеющего за собой годы горького опыта, а также проницательные, глубоко моральные процессы мышления позволили бы относительно быстро найти выход из сложившейся ситуации. Опасность и сложности возникали бы тогда по причине давления извне со стороны наций, не обладающих адекватным пониманием условий в такой стране. Но, к сожалению, патократия не может отпускаться в дозированном количестве как горькое лекарство!

Старшее поколение, выросшее ещё в обществе нормальных людей, в целом реагирует на это развитием вышеупомянутых навыков, тем самым обогащая себя. Молодое поколение, однако, выросло под патократическим правлением и поэтому подвержено более сильному оскудению своего мировоззрения, бессознательному очерствению личности и доминированию привычных структур, являющихся типичным результатом деятельности патологических личностей. Паралогическая пропаганда и связанная с ней индоктринация сознательно отвергаются; этот процесс, однако, требует времени и усилий, которые могли бы с большей пользой использоваться для активной апперцепции ценного содержания. По причине ограничений и проблем восприятия, для достижения этого требуются большие усилия. При этом возникает чувство некой пустоты, которую тяжело заполнить. Несмотря на человеческую благожелательность, определённые паралогизмы и параморализмы, а также когнитивный материализм закрепляются и остаются в головах людей. Человеческий разум не способен опровергнуть все до единого внушённые ему лживые утверждения.

Эмоциональная жизнь людей, выросших в такой ненормальной психологической реальности, также чревата проблемами. Несмотря на критическое мышление, определённое насыщение личности молодого человека патологическим психологическим материалом неизбежно, так же как и примитивизация и ригидность его чувств. Когда человек постоянно предпринимает усилия для контроля своих эмоций, чтобы его бурные реакции не привлекли к нему внимание карательного и злопамятного режима, он подавляет свои чувства весьма проблематичным образом — как нечто, чему нельзя дать естественную отдушину. Подавленные эмоциональные ре-

акции всплывают лишь позднее на поверхность, когда человек может себе позволить выразить их; они запоздалы и неуместны в текущей ситуации. Опасения о будущем пробуждают эготизм у людей, привыкших к жизни в патологической социальной структуре.

Когда нормальный человек подвержен влиянию патологических людей, находящихся у власти, естественной реакцией его человеческой природы становится невроз. Это также применимо к обществу и его членам, подчинённым патологической системе власти. Таким образом, у каждого [психологически] нормального жителя патократического государства развивается определённое невротическое состояние, которое он пытается контролировать своими мысленными усилиями. Интенсивность этого состояния разнится между людьми и зависит от различных обстоятельств; как правило, она прямо пропорциональна уровню интеллекта отдельного человека. Психотерапия с такими людьми возможна и эффективна лишь тогда, когда мы можем положиться на достаточные знания о причинах этих состояний. Западные психологи показали себя совершенно неспособными помочь таким пациентам.

Психолог, практикующий в такой стране, должен владеть специальными приёмами, незнакомыми и даже непостижимыми для специалистов свободного мира. Целью этих приёмов является частичное высвобождение голоса инстинкта, избавление от чувства ненормального сверхконтроля, а также открытие заново голоса природной мудрости внутри себя. Тем не менее это должно быть сделано таким образом, чтобы не подвергнуть пациента досадным последствиям *чрезмерной* свободы реакций в условиях, в которых ему приходится жить. Психотерапевту необходимо работать осторожно, прибегая к помощи метафор, потому что лишь в очень редких случаях он может открыто информировать пациента о патологической сущности такой системы. Тем не менее даже при таких обстоятельствах мы можем приобрести больше эмпирической свободы, а также развить более подходящие процессы мышления и усилить нашу способность принимать решения. В результате всего этого в дальнейшем пациент ведёт себя с большей осторожностью и чувствует себя в большей безопасности.

Западные радиостанции, необременённые страхами психологов, отказавшись от своей незамысловатой контрпропаганды в пользу схожих психотерапевтических приёмов, смогли бы внести огромный вклад в будущее

стран, всё ещё находящихся сегодня под патократическим правлением. Ближе к концу данной книги я попытаюсь убедить читателя в том, что психологические вопросы так же важны для нашего будущего, как и большая политика или мощное оружие.

6.2. Понимание

Понимание тех нормальных людей, будь они выдающимися или средними, которым не посчастливилось жить под патократическим правлением, их человеческой природы и реакций на эту девиантную реальность, грёз, методов понимания такой реальности (в том числе и всех сопряжённых с этим сложностей), а также их потребности в адаптации и приобретении сопротивляемости (с учётом всех побочных эффектов) — это непременное условие для обучения поведению, которое эффективно поможет им в их усилиях по созданию системы нормальных людей. С точки зрения психологии, невозможно, чтобы политик из свободной страны воплотил в себе практические знания таких людей, которые накапливались в течение многих лет повседневного опыта. Эти знания не могут быть переданы; никакие журналистские или литературные усилия не помогут в достижении этого. Тем не менее аналогичная наука, сформулированная на объективном натуралистическом языке, может передаваться в обоих направлениях. Она может осваиваться людьми, не имевшими подобного опыта; она также может распространяться там, где существует острая необходимость в такой научной дисциплине, и быть передана людям, готовым её принять. Такая наука действительно повлияет на их разрушенные личности — подобно самым эффективным лекарствам. Одно лишь осознание подверженности влиянию психически нездоровых людей само по себе играет ключевую роль в процессе лечения.

Каждый, кто желает сохранить свободу своей страны и всего мира, которым вновь угрожает этот макросоциальный патологический феномен — каждый, кто желает излечить нашу планету, — должен не только понимать природу этой серьёзной болезни, но и осознавать существование целительных и потенциально восстанавливающих сил.

Каждая страна, находящаяся в пределах влияния этого макросоциального феномена, содержит значительное большинство нормальных людей,

испытывающих страдания, которые никогда не примут патократию. Их протест происходит из глубины души и человеческой природы; он обусловлен качествами, передающимися по наследству. Тем не менее формы этого протеста, а также идеологии, с помощью которых они желают исполнить свои естественные желания, могут быть подвержены изменениям.

Идеологическая или социальная структура, посредством которой они хотят восстановить их человеческое право жить в системе нормальных людей, имеет, однако, для них лишь второстепенную важность. Конечно же, на эту тему существуют различные мнения, однако маловероятно, что они приведут к чересчур насильственным конфликтам между людьми, имеющими перед собой цель, достойную самопожертвования.

Те, кто имеет более проницательные и сбалансированные взгляды, видят первоначальную идеологию такой, какой она была до своей карикатуризации посредством процесса понеризации, как наиболее практическую основу для достижения общественных целей. Определённые поправки могли бы придать этой идеологии более зрелую форму, чтобы идти в ногу с требованиями настоящего времени; после этого она могла бы выполнять функцию основы для процесса эволюции, или скорее трансформации, в социоэкономическую систему, способную функционировать должным образом.

Автор имеет несколько иные убеждения на этот счёт. Давление извне, нацеленное на введение экономической системы, потерявшей в данной стране свои исторически обусловленные корни, может привести к серьёзным трудностям.

Поэтому люди, которым пришлось долго жить в этом странном и противоречивом мире, сложны для понимания тем, кому посчастливилось избежать такой судьбы. Воздержимся от создания представлений о них — представлений, имеющих смысл лишь в мире нормальных людей. Не будем навешивать на них ярлыки каких-либо политических доктрин, которые зачастую совершенно не соответствуют знакомой им реальности. Давайте встретим их с чувством человеческой солидарности, взаимоуважения и большого доверия к их нормальной человеческой природе и здравому смыслу.

7 Психология и психиатрия под патократическим правлением

Если бы и существовала страна с коммунистической структурой, как это было предусмотрено Карлом Марксом, в которой левая идеология рабочего класса была бы основой для правительства — что, как я считаю, было бы жестоким, но не лишённым здоровой гуманистической мысли, — то современные социальные, биогуманистические и медицинские науки считались бы ценными, были бы соответственно развитыми и использовались бы во благо рабочего класса. Психологическая консультация молодёжи и людей с различными личными проблемами естественным образом была бы в интересах властей и общества в целом. Тяжелобольные пациенты имели бы преимущество получения компетентной помощи.

Однако в патократической структуре всё обстоит как раз наоборот.

Попав на Запад, я встречал людей с левыми взглядами, беспрекословно верившими в то, что коммунистические страны существовали более или менее в форме, изложенной американскими версиями коммунистических политических доктрин. Эти люди были почти уверены в том, что психология и психиатрия имели в этих странах должные свободы, так как это соответствовало бы коммунистическим принципам. То есть эти вопросы они также рассматривали с американской точки зрения. Когда я возражал им, они отказывались мне верить и продолжали задавать вопрос: «Почему, почему это не так?» *Какое отношение политика имеет к психиатрии?*[1]

---

[1] В 1950 году Российская академия наук пыталась собирать сведения на каждого гражданина, кто мог подпадать под теорию московского профессора Андрея Снежневского. Согласно его теории «каждый человек, возможно, страдал от 'медленно прогрессирующей шизофрении'. Люди могли и не догадываться о своей шизофрении, но как только Снежневский или некто из его последователей ставил кому-либо такой диагноз, этого человека сразу заключали в сумасшедший дом и пичкали успокаивающими средствами, так как в противном случае его болезнь продолжала бы 'прогрессировать'. …Диссидентов просто запирали в психиатрические учреждения и объявляли сумасшедшими.»

Мои попытки объяснить им, как выглядит эта другая действительность, наталкивались на те же сложности, с которыми мы уже знакомы, хотя некоторые люди уже слышали о злоупотреблениях, имевших место в психиатрии. Как бы то ни было, многие вопросы, возникавшие во время дискуссии, оставались без ответа.

Ситуацию в этих научных областях, в их социальной и целительной деятельности, а также положение людей, связанных с этими вопросами, можно понять лишь тогда, когда мы увидим истинную сущность патократии в рамках понерологического подхода.

Поэтому давайте представим нечто, что возможно лишь в теории, а именно: в стране под патократическим правлением было неумышленно дозволено свободно развивать эти науки, был разрешён ввоз научной литературы, а также контакты с учёными из других стран. Если бы это произошло, то психология, психопатология и психиатрии пережили бы обильный расцвет и породили бы новое поколение выдающихся исследователей.

Каким был бы результат?

Такое накопление соответствующих знаний позволило бы в кратчайшие сроки провести исследования на темы, смысл которых нам уже известен. Недостающие элементы и недостаточно изученные вопросы были бы дополнены и углублены посредством соответствующих пристальных исследований. В течение первых 12 лет после формирования патократии — особенно, если она была навязана, — мы могли бы поставить первый диагноз: патократическое положение дел. Основа дедуктивных размышлений была бы значительно обширнее любой информации, которую автор мог бы

Вплоть до своей смерти в 1987 году Снежневский отрицал, что советский режим злоупотреблял его теорией. Однако его бывшие ассистенты теперь признают, что он «был хорошо осведомлён» о происходившем. Проблема лишь в том, что эти люди всё ещё говорят об этом украдкой. Они работают в московских институтах, которыми всё ещё заведуют научные преемники Снежневского. Эта клика, состоявшая в то время примерно из 30–40 психиатров, контролировала все важные исследовательские институты в Москве. Практически то же самое происходит и в наши дни. Следствие идей Снежневского — помимо факта *их использования как средства репрессий* — состоит в том, что психиатрия в бывшем Советском Союзе «отставала в своём развитии примерно на 50 лет». Западная литература в Советском Союзе была запрещена. *Психиатры, сопротивлявшиеся политическим злоупотреблениям своей науки, оказывались за решёткой или сами объявлялись «затяжными шизофрениками».* («A Mess in Psychiatry», Robert van Voren, op. cit.) [Прим. ред.]

представить в данной работе, и обоснования были бы подкреплены богатой базой аналитического и статистического материала.

Будучи представленным мировой общественности, такой диагноз был бы быстро подхвачен общественным мнением, которое вытеснило бы наивные политические и пропагандистские доктрины из общественного сознания. Это также достигло бы стран, являвшихся объектами патократического империального экспансионизма. По меньшей мере это заставило бы усомниться в полезности любой такой пропагандистской идеологии как патократического троянского коня.

Несмотря на свои различия страны с нормальными системами объединились бы в типичной солидарности для защиты от распознанной опасности, аналогично тому, как солидарность объединяет нормальных людей, живущих под патократическим правлением.

Это осознание, распространённое в странах, поражённых этим явлением, одновременно усилило бы психологическую сопротивляемость обществ нормальных людей и наделило бы их новыми способностями к самозащите.

Может ли какая-либо патократическая империя пойти на риск допущения такой возможности?

Во времена, когда вышеупомянутые дисциплины быстро развиваются во многих странах, проблема предотвращения такой психиатрической угрозы становится для патократии вопросом «быть или не быть». Таким образом, любая возможность развития такой ситуации должна профилактически и умело пресекаться на корню, как в самой империи, так и за её пределами. В то же время империя способна развивать эффективные превентивные меры — благодаря осознанию своей инородности и особым психологическим знаниям психопатов, частично подкреплённым научными знаниями.

Как внутри, так и за пределами стран, попавших под влияние этого феномена, *приводится в действие целенаправленная и умышленная система контроля, террора и отвлечения внимания*.

Любая научная работа, опубликованная в такой стране или завезённая из-за рубежа, должна контролироваться, с тем, чтобы убедиться, что она не содержит никакой информации, которая могла бы навредить патократии. Высокоталантливые специалисты становятся объектами шантажа и

злонамеренного контроля. Естественно, это приводит к снижению качества результатов, полученных в этих областях науки.

Подобная затея, конечно же, должна проводиться таким образом, чтобы избежать привлечения внимания общественности в странах с нормальными человеческими структурами. В противном случае это может иметь далеко идущие последствия. Это объясняет, почему втихую разрушаются жизни людей, уличённых в проведении расследований в этой области, а также, почему подозреваемые, находящиеся за границей, становятся объектами тщательно организованной клеветы.[2]

Таким образом, на этих скрытых фронтах происходят битвы, напоминающие Вторую мировую войну. Солдаты и их начальники, сражавшиеся на различных театрах военных действий, не осознавали, что их судьба зависела от исхода другой войны, проводимой учёными и другими солдатами, целью которых было помешать немцам в создании атомной бомбы. Союзники выиграли эту битву, и США стали первыми обладателями этого летального оружия. Тем не менее в настоящее время Запад продолжает проигрывать научные и политические битвы на этом новом скрытом фронте. Борцов-одиночек считают шутами, им отказывают в помощи или принуждают к тяжёлой работе для заработка на хлеб насущный. Тем временем идеологический троянский конь продолжает завоёвывать всё новые страны.

Результаты исследования методологии таких битв — как на внутреннем, так и на внешнем фронтах — указывают на особые патократические знания, такие трудные для понимания сквозь призму концепций обыденного языка. Чтобы быть способным контролировать людей и те относительно малоизвестные области науки, необходимо знать, или по крайней мере чувствовать, что происходит на самом деле, и какие отрасли психопатологии представляют наибольшую опасность. Тот, кто изучает эту методологию, также начинает осознавать границы и изъяны этих особых знаний о себе и об их применении, то есть о слабостях, ошибках и оплошностях другой стороны. Тем самым он может извлечь из них выгоду.

В странах с патократическими системами задача по наблюдению за на-

[2]Именно поэтому Лобачевского лишили его статистических данных, которые он собирал на протяжении многих лет, и которые могли бы подкрепить информацию, изложенную в данной книге. [Прим. ред.]

учными и культурными организациями передаётся особым отделам, в которых работают особо благонадёжные люди, — «безымянному бюро», практически полностью состоящему из относительно интеллигентных людей, проявляющих психопатические черты характера. Эти люди должны быть в состоянии завершить свою учёбу, хотя для этого они иногда вынуждают экзаменаторов давать им щедрые оценки. Их способности обычно ниже среднего, особенно в психологических дисциплинах. Несмотря на это за свои услуги они получают учёные степени и должности, и им разрешается представлять научное сообщество своей страны за рубежом. Как особо благонадёжным индивидуумам им дозволено *не* участвовать в местных партийных собраниях и даже полностью отказаться от вступления в партию. В случае необходимости они просто проходят как беспартийные учёные. Несмотря на это такие научные и культурные надзиратели хорошо известны обществу нормальных людей, довольно быстро приобретающих способность их распознавать. Такие люди не всегда отличаются от агентов государственной полиции. Хотя они считают себя принадлежащими к более высокому классу, чем последние, они тем не менее вынуждены сотрудничать с ними.

Мы часто встречаем таких людей в странах нормальных людей, в которых различные учреждения и институты предоставляют им научные гранты, будучи убеждёнными, что они тем самым способствуют развитию «правильных» знаний в «коммунистических» странах. Эти благодетели не осознают, что оказывают медвежью услугу таким наукам и настоящим учёным, когда разрешают этим надзирателям приобретать определённый авторитет и знакомиться со всем тем, что они позднее будут считать опасным.

В конечном итоге эти люди позднее получат полномочия присваивать кому-либо докторскую степень, делать ему научную карьеру, предоставлять рабочее место в сфере науки или продвигать его по карьерной лестнице. Будучи очень посредственными учёными и движимые корыстью и ревностью, характерными для поведения патократов по отношению к нормальным людям, они пытаются устранять более талантливых учёных. Это те люди, которые будут проверять научные работы на предмет «правильной идеологии» и заботиться о том, чтобы выдающимся специалистам от-

казывалось в доступе к необходимой им научной литературе.[3]

Особенно в психологических науках осуществляемый контроль исключительно коварен и опасен — по причинам, которые мы уже понимаем. Предметы, запрещённые для преподавания, вносятся в писаные и неписаные списки; издаются соответствующие директивы для обстоятельного искажения других дисциплин. В области психологии эти списки настолько обширны, что от самой науки не остаётся ничего, кроме скелета, лишённого всего, что может быть двусмысленным или разоблачающим.

Учебный план психиатра не содержит даже минимальных знаний из областей общей, возрастной и клинической психологии, а также не нацелен на развитие основных психотерапевтических навыков. По причине такого положения дел большинство посредственных или привилегированных врачей становятся психиатрами уже после учебного курса, продолжающегося всего несколько недель. Это открывает путь к карьере психиатра для индивидуумов, склонных по своей природе служить патократическим авторитетам, что, конечно же, отражается на качестве терапии. Вследствие этого происходит злоупотребление психологией в целях, в которых она никогда не должна была использоваться.[4]

---

[3] Опираясь на многочисленные сообщения последних пяти лет, представляется, что США активно занимаются подготовкой к введению схожей системы. Тщательный анализ фактов указывает, что такая система фактически активна на протяжении уже некоторого времени. [Прим. ред.]

[4] На Украине шизофреники подвергаются операциям на головном мозге. «На Украине нет достаточно средств для покупки лекарств, поэтому они ищут альтернативные методы лечения. Кроме того, в Днепропетровске есть психиатры, считающие, что, удалив часть мозга, они смогут дёшево избавиться от шизофрении». Ван Форен представляет себе ход их рассуждений: «Возможно, мы даже получим за это Нобелевскую премию! Кто знает!»

«С другой стороны, — продолжает он, — они хорошо знают о неприемлемости таких операций. Поэтому из этих шизофреников делают мнимых эпилептиков, так как при тяжёлой эпилепсии разрешено проводить такие операции. Под этим предлогом они удаляют части мозга». Киевский институт нейрохирургии идёт ещё дальше: они вживляют мозговую ткань абортированных человеческих эмбрионов в мозг душевнобольных людей. «Они утверждают, что могут излечить их таким образом. Конечно, этого не происходит. Зачастую их состояние даже ухудшается, однако они выставляют счёт на тысячи долларов за такие операции.»

В украинской психиатрии инсулин используется как успокаивающее средство, то есть он используется в таких дозах, что пациент впадает в кому. «Это опасный для жиз-

Ввиду своей малообразованности, эти психологи оказываются беспомощными перед лицом многих человеческих проблем, особенно в тех случаях, когда необходимы доскональные знания. Эти знания должны приобретаться самостоятельно — достижение, на которое способны далеко не все.

Такое поведение влечёт за собой возникновение большого ущерба и человеческой несправедливости в сферах жизни, не имеющих никакого отношения к политике. Но, к сожалению, *с точки зрения патократов, это поведение является необходимым для предотвращения того, что эти опасные науки подвергнут риску существование системы, которую они считают наилучшей из всех возможных.*

Эксперты в области психологии и психопатологии посчитали крайне интересным анализ этой системы запретов и указаний. Поэтому становится понятным, что это может быть одним из путей, по которому мы можем вникнуть в суть проблемы — в сущность этого макросоциального феномена. Эти запреты распространяются также на *глубинную психологию*, ана-

---

ни метод. Инсулин используется в огромных количествах, когда диабетики умирают из-за его нехватки. Бессмыслица, абсолютная бессмыслица». Он продолжает: «Электрошоки, повсеместно». В Киевской центральной психиатрической больнице они дают пациентам дюжину электрошоков за один сеанс, без анестезии или мышечных релаксантов. В день выписки из больницы, с выдачей медицинской справки о выздоровлении, им могут дать ещё одну дюжину электрошоков: «как выходное пособие. И всё это происходит прямо сейчас, — завершает ван Форен, — это происходит сегодня, в этот самый момент».

В российских газетах можно открыто писать о политических злоупотреблениях психиатрией. Однако официально доктрина Снежневского так никогда и не была отменена. Большинство московских психиатров всё ещё верят в неё. «В результате этого никакие структурные изменения в Москве не представляются возможными. Даже сегодня людям, работающим в таких институтах и желающим открыто говорить о злоупотреблениях психиатрией, советуют держать язык за зубами или искать другую работу. Таким образом сохраняется прежняя структура власти.»

«Под предлогом ‘прогрессирующей шизофрении’ диссидентов советского периода всё ещё заключают в психбольницы, однако это происходит в основном в провинциях, и это больше не так ‘легко’ сделать», — говорит ван Форен.

«Люди, раздражающие местные власти, также могут попасть в такое учреждение, однако сегодня есть организации по защите прав человека и СМИ, которые могут вызволить их оттуда. В Туркменистане это всё ещё происходит в официальном порядке. Это музей Советского союза сталинской эпохи, в котором была восстановлена эта теория». («A Mess in Psychiatry», Robert van Voren, op. cit.) [Прим. ред.]

лиз человеческого *инстинктивного субстрата*, а также на *анализ сновидений*.

Как уже упоминалось во второй главе, в которой было представлено несколько неотъемлемых концепций, понимание человеческого инстинкта — это ключ к пониманию человека. Тем не менее знания об аномалиях человеческого инстинкта также представляют собой ключ к пониманию патократии.

Несмотря на своё всё более редкое применение в психологической практике, анализ сновидений всегда будет наилучшей школой психологической мысли; это делает его опасным по своей природе. В результате этого даже исследования в области психологии выбора партнёра становятся в лучшем случае объектом порицания.

Сущность психопатии, конечно же, не разрешено ни изучать, ни объяснять. Эта тема окутана мраком посредством умышленно выдуманного определения психопатии, включающего различные виды расстройств характера, в том числе и те, в основе которых лежат совершенно другие и известные нам причины.[5] Это определение должно зазубриваться не только каждым преподавателем психопатологии, психиатром и психологом, но также и некоторыми политическими функционерами, не имеющими никакого образования в этой области.

Это определение должно использоваться во время каждого публичного выступления — каждый раз, когда избегать эту тему не представляется возможным. Предпочтительно, чтобы таким доцентом был бы некто, кто всегда верит в то, что наиболее удобно для него, и чей интеллект не позволит ему углубиться в тонкие разграничения психологического характера.

Также следует отметить, что основная доктрина вышеупомянутой системы звучит, как «*бытие определяет сознание*». Как таковая она принадлежит скорее к психологии, а не является какой-то политической доктриной. По существу эта доктрина противоречит большому количеству опытных данных, свидетельствующих о роли наследственных факторов в развитии личности людей и их судьбе. Доцентам разрешено ссылаться на исследования однояйцовых близнецов, но лишь кратко, осторожно и формально. Однако более подробные размышления на эту тему публиковать

[5]Это также имеет место и в США, как было неоднократно отмечено Робертом Хаэром. [Прим. ред.]

в печатной форме не разрешается.

И вновь мы возвращаемся к особому психологическому «гению» этой системы и её знаниям о самой себе. Можно восхищаться тем, насколько эффективно вышеупомянутые определения психопатии блокируют понимание скрытого в ней феномена. Мы можем изучать отношения между этими запретами и сущностью макросоциального феномена, который фактически отражается в них. Мы также можем увидеть ограниченность и ошибки тех, кто осуществляет эту стратегию. Талантливые специалисты или пожилые люди, которым больше не нужно беспокоиться о своей карьере или даже жизни, могут воспользоваться этими недостатками для того, чтобы незаметно «протолкнуть» в систему правильные знания.

Таким образом, эта «идеологическая» война ведётся на территориях, совершенно незаметных для учёных, живущих в странах с нормальными человеческими структурами и лишь пытающихся представить себе эту другую реальность. Это применимо ко всем людям, осуждающим «коммунизм», а также и к тем, для кого эта идеология стала частью их убеждений.

Вскоре после прибытия в США я оказался в Куинс, Нью-Йорк; проходящий мимо молодой чернокожий вручил мне газету. Я потянулся за кошельком, чтобы расплатиться, но он отмахнулся; газета была бесплатной.

На первой полосе была изображена фотография молодого и красивого Брежнева. На его груди висели ордена и медали, которые он в действительности получил намного позже. Однако на последней странице я обнаружил подробную сводку об исследованиях, проведённых в Массачусетском университете на тему однояйцовых близнецов, выросших порознь. Результатом этих исследований стали эмпирические данные, указывающие на важность наследственности. Приведённое описание содержало литературную иллюстрацию схожести судеб различных пар близнецов. Насколько «идеологически дезориентированными» должны были быть издатели этой газеты, чтобы опубликовать материал, который никогда не был бы разрешён к печати в странах, подчинённых якобы коммунистической системе.[6]

[6]Свобода, которую Лобачевский наблюдал в США в 1980-х годах, в настоящее время быстро заменяется патократическим контролем. И недалёк тот день, когда такие статьи также будут подвергаться цензуре в американских газетах, за исключением тех случаев, разумеется, когда в них будет утверждаться о преимуществах психопатии. [Прим. ред.]

В той другой реальности линия фронта проходит через каждое психологическое и психиатрическое исследование, через каждую психиатрическую больницу, через каждый центр по охране психического здоровья и через личность каждого, кто занят в этой сфере. Что там происходит, так это скрытые дуэли, «проталкивание» достоверной научной информации и достижений, а также травля [инакомыслящих].

Некоторые люди претерпевают в таких условиях моральное разложение, в то время как другие создают солидный фундамент для своих убеждений и готовы взять на себя сложности и риск для получения подлинных знаний, которые позволили бы им помогать больным и нуждающимся. Таким образом, исходная мотивация последней группы не является политической по своему характеру, так как в её основе лежит добрая воля и профессиональная порядочность. Осознание ими политических причин ограничений и политического значения этой борьбы происходит лишь позднее, параллельно с ростом опыта и профессиональной зрелости, особенно если их опыт и навыки должны использоваться для оказания помощи людям, подвергающимся преследованиям.

Тем временем также необходимо каким-то образом собирать научные данные и работы, принимая во внимание возможные сложности и недостаточное понимание со стороны других людей. Студенты и начинающие специалисты, ещё не осознающие, какая информация была удалена из их учебной программы, пытаются получить доступ к украденным у них научным данным. В отсутствии этого осознания наука начинает деградировать с тревожной скоростью.

Нам нужно понять природу этого макросоциального явления, а также основополагающую связь и противоречие между патологической системой и теми областями науки, которые занимаются психологическими и психопатологическими феноменами. В противном случае мы никогда не сможем полностью понять причины такого продолжительного поведения правительства.

[Психически] ненормальным индивидуумам действия и реакции нормального человека, его идеи и моральные критерии нередко кажутся *анормальными*. Ведь если человек с психическими отклонениями *считает себя нормальным*, что, конечно же, намного легче, если он обладает ав-

торитетом, то нормального человека он будет считать другим и поэтому анормальным, будь то в действительности или вследствие конверсивного мышления. Это объясняет, почему правительства таких людей имеют тенденцию обращаться со всеми диссидентами как с «психически ненормальными».

Доведение нормальных людей до психической болезни и использование с этой целью психиатрических учреждений имеет место во многих странах с такими правительствами. Текущее законодательство в странах нормальных людей не основано на адекватном понимании психологии такого поведения и поэтому не является достаточной мерой его пресечения.

В рамках категорий нормального психологического мировоззрения мотивы такого поведения были поняты и описаны по-разному: личные и семейные причины, вопросы собственности, намерения дискредитировать свидетельские показания, а также политические побуждения. Такая дискредитация используется особенно часто индивидуумами, которые сами не совсем нормальны, и чьё поведение уже довело некоторых людей до нервного расстройства или привело к яростным протестам. У истериков такое поведение является, как правило, проекцией собственных самокритичных ассоциаций на других людей. *Психопат считает нормального человека наивным, самоуверенным сторонником теорий, с трудом поддающихся пониманию; для первого утверждение, что второй «сумасшедший» вовсе не является надуманным.*

Таким образом, собрав достаточное количество подобных примеров или накопив достаточно опыта в этой области, мы обнаружим ещё один, более существенный мотив подобного поведения. Идея доведения кого-либо до психического заболевания, как правило, рождается в умах тех, кто сам подвержен различным отклонениям и психическим дефектам. Лишь в редких случаях патологические факторы участвуют в понерогенезе такого поведения вне патократии. Поэтому хорошо продуманное и тщательно сформулированное законодательство должно предписывать тестирование индивидуумов, слишком настойчиво или безосновательно заявляющих о психической ненормальности других людей.

С другой стороны, любая система, в которой получили широкое распространение злоупотребления психиатрией в якобы политических целях, должна рассматриваться в свете схожих психологических критериев, экс-

траполированных на макросоциальный уровень. Любому человеку, внутренне протестующему против правительственной системы, которая всегда будет казаться ему чуждой и сложной для понимания, и неспособному в достаточной мере скрыть эту точку зрения, этим правительством будет с лёгкостью навешиваться ярлык «психически ненормального», нуждающегося в психиатрическом лечении. Научно и морально деградировавший психиатр станет удобным инструментом для этой цели. Тем самым возникнет исключительный метод террора и пыток, неизвестный даже тайной полиции царя Александра II.

Таким образом, злоупотребление психиатрией в уже известных нам целях берёт своё начало в самой природе патократии как макросоциального психопатологического феномена. В конце концов именно эта область знаний и разработанные в ней методы лечения должны быть низведены на низшую ступень, чтобы они не поставили под угрозу саму систему путём установления ей драматических диагнозов, и затем использоваться как подручное средство в руках властей. Как бы то ни было, в каждой стране можно встретить людей, подмечающих этот процесс и умело противодействующих ему.

Каждый раз, когда медицинские или психологические науки делают успехи, патократия чувствует, что находится под усиливающейся угрозой. Ведь эти науки могут не только выбить прямо из её рук оружие *психологического завоевания* — они даже могут ударить её в самое сердце, причём изнутри.

Таким образом, точное восприятие этих вопросов требует от патократии «идеаторной бдительности» в этой сфере. Это также объясняет, почему каждый, кто хорошо осведомлен в этой области и находится слишком далеко за пределами прямой досягаемости таких властей, обвиняется во всём, что только можно надумать, в том числе в психической ненормальности.

8 Патократия и религия

Современные мыслители рассматривают монотеистическую веру как неполную [логическую] индукцию, состоящую из онтологических знаний о законах микро- и макрокосмоса в материальной, органической и психической жизни, а также как результат определённых отношений, познаваемых с помощью интроспекции. Остальное дополняет эту индукцию с помощью элементов, которые человек приобретает другими способами и принимает либо индивидуально, либо в соответствии с предписаниями своей религии и веры. Тихий, бессловесный голос бессознательно пробуждает наши ассоциации, достигает нашего сознания в безмятежности духа, дополняя или порицая наши мыслительные процессы; этот феномен так же реален, как и всё, что было достигнуто наукой благодаря современным методам исследования.

Совершенствуя наши знания в области психологии и познавая правду, доступную прежде лишь мистикам, мы всё больше сужаем область невежества, которая ещё недавно отделяла духовность от естествознания. Когда-нибудь в не слишком отдалённом будущем эти два процесса познания встретятся, благодаря чему станут самоочевидными определённые несоответствия. Поэтому для нас было бы лучше быть готовыми к этому. Почти с самого начала моих размышлений о происхождении зла я осознавал тот факт, что результаты исследований, представленные в сжатой форме в данной работе, могут использоваться для дальнейшего заполнения этой области [познания], в которую так тяжело проникнуть человеческому разуму.

Понерологический подход проливает новый свет на вековые вопросы, которые до сих пор регулировались предписаниями систем морали, и неизбежно должен повлечь за собой пересмотр методов мышления. Будучи христианином, автор поначалу имел опасения, что это вызовет опасные конфликты с древними традициями. Однако изучение данной проблемы в свете Священного Писания постепенно устранило эти опасения. Напро-

тив, такой подход представляется наиболее подходящим для того, чтобы приблизить наши мыслительные процессы к *этому самобытному и первозданному методу восприятия нравственных знаний*. Чтение Евангелия позволяет увидеть в нём учения, которые явно совпадают с нашим методом понимания зла, основанном на естественнонаучных исследованиях его происхождения. В то же время нам необходимо предвидеть, что этот процесс коррекции и согласования будет кропотливым и продолжительным, но в конечном итоге, возможно, предотвратит крупные смятения.

Религия — это извечный феномен. Чрезмерно активное воображение поначалу дополняет всё, что не может осилить эзотерическое восприятие. Как только цивилизация и сопутствующая ей школа мышления достигают определённого уровня развития, возникает тенденция к появлению монотеистической идеи, основанной, как правило, на убеждениях некой элиты мыслителей. Такое развитие религиозной мысли можно рассматривать как историческую закономерность, а не как личное достижение таких людей, как Заратустра или Сократ. Историческое шествие религиозной мысли — это неотъемлемый фактор формирования человеческого сознания.

Принятие основных принципов религии открывает для человека целую сферу возможного познания, в которой его разум может искать истину. На этом этапе мы также освобождаемся от определённых психологических преград и приобретаем определённую свободу познания в областях, доступных для обыденного восприятия. Повторное открытие истинных, древних, религиозных ценностей укрепляет нас, раскрывая перед нами смысл жизни и истории. Также оно облегчает нам наше интроспективное принятие феноменов, которые не могут быть поняты с помощью обыденного восприятия. Наряду с нашим самопознанием мы также развиваем нашу способность понимать других людей — благодаря принятию существования аналогичной реальности в умах наших ближних.

Эти ценности становятся бесценными всякий раз, когда человека вынуждают предпринимать максимальные умственные усилия и вдаваться в глубокие размышления, чтобы не впасть во зло и не оказаться в опасности или в исключительных трудностях. При отсутствии возможности полного понимания ситуации выход из неё всё же должен быть найден — ради себя, своей семьи или своей страны. Мы действительно можем считать себя счастливчиками, если способны слышать тот внутренний голос, говоря-

щий «не делай этого» или «доверься мне, сделай это».

Поэтому мы можем утверждать, что это познание и вера, одновременно поддерживающие наш разум и приумножающие нашу духовную силу, составляют основу для выживания и сопротивления в ситуациях, когда отдельному человеку или всей стране угрожают плоды понерогенеза, который нельзя измерить в категориях обыденного мировоззрения. Такого мнения придерживаются многие благочестивые люди. Мы не можем возразить основополагающим ценностям такого убеждения. Но *если оно приводит к пренебрежительному отношению к объективной науке в этой области и усиливает эготизм обыденного мировоззрения, то люди, придерживающиеся такого убеждения, не осознают того факта, что больше не действуют из лучших побуждений.*

Ни одна крупная мировая религия не указывает на сущность этого макросоциального патологического феномена. Поэтому мы не можем использовать религиозные наставления как основу для преодоления этой масштабной исторической болезни. В отношении этого феномена патократии религия не является ни специальной сывороткой, ни действенным антибиотиком. Несмотря на то, что религия — это возрождающий фактор для личностной и общественной духовной силы, религиозные принципы не содержат в себе особых натуралистических знаний, существенных для понимания патологии этого феномена. Для человеческой личности это понимание является одновременно лечебным фактором и фактором роста сопротивляемости. Напротив, религиозная вера и феномен патократии фактически находятся на *различных уровнях реальности*, причём последний имеет более приземлённый характер. Это также объясняет невозможность существования настоящего конфликта между религией и понерологическими знаниями об этом макросоциальном патологическом феномене.

Если бы наша общественная защита и обращение с разрушительным влиянием патократии основывались лишь на истинных религиозных ценностях, то это напоминало бы лечение недостаточно понятой болезни исключительно с помощью методов, укрепляющих тело и душу. При некоторых болезнях такая общая терапия могла бы принести удовлетворительные результаты, однако *при других она показала бы свою неэффективность*. Эта макросоциальная болезнь принадлежит к последней категории.

Тот факт, что это патократическое явление, получившее максимально широкое распространение в человеческой истории, демонстрирует враждебность ко всем религиям, не означает, что оно является противоположностью религии. Такая зависимость имела бы иную структуру при других исторических и современных условиях. Если принять во внимание исторические данные, то *станет очевидным, что религиозные системы также подверглись понерогенным процессам и проявили симптомы похожей болезни.*[1]

Поэтому в основе лечения нашего больного мира, также являющейся лечебным фактором полного восстановления мыслительных способностей человеческой личности, должен лежать тот тип науки, который раскрывает сущность этого феномена и описывает его на достаточно объективном языке. Сопротивление принятию таких знаний часто оправдывается религиозными побуждениями. Как правило, это происходит по причине эготизма обыденного мировоззрения в его традиционной переоценке своих ценностей, а также из страха перед дезинтеграцией. Это должно быть преодолено конструктивным образом.

Этот патократический феномен неоднократно появлялся в историческом прошлом, паразитически питаясь различными социальными движениями, а также деформируя их структуры и идеологии характерным для него образом. Таким образом, он должен был совпасть по времени с различными религиозными системами, а также с разнообразными историческими и культурными условиями. Поэтому касательно связи между этим феноменом и религиозной системой мы можем допустить два основных сценария. Первый имеет место тогда, когда религиозная община сама подвергается инфицированию и понерогенному процессу, что приводит к развитию вышеупомянутых феноменов. Второй сценарий разыгрывается тогда, когда патократия формируется как паразит внутри некоего социального движения нецерковной и политической направленности. Это неизбежно приводит к конфликту с религиозными организациями.

В первом случае религиозная община разрушается изнутри, её организм

[1] Не говоря уже о том факте, что неоконсервативное правительство Джорджа Буша использует в настоящее время христианско-сионистскую идеологию для маскирования патократии. [Прим. ред.]

переподчиняется целям, совершенно отличным от первоначальной идеи. Её теософические и моральные ценности становятся жертвами характерной деформации, в результате чего они начинают служить прикрытием для доминирования патологических индивидуумов. *После этого религиозная идея становится как оправданием применению силы и садизма против неверующих, еретиков и ведьм, так и наркотиком для совести людей, придумывающих и приводящих в исполнение такие идеи.*[2]

Всякий, кто критикует такое положение вещей, навлекает на себя *параморалистический гнев* якобы от имени первоначальной идеи и веры в бога, но на самом деле потому, что такой человек чувствует и думает категориями нормальных людей. Такая система сохраняет название первоначальной религии, а также многие другие специфические понятия. Представитель такой системы будет клясться бородой пророка и одновременно использовать их в своей двусмысленной речи. *То, что изначально помогало в понимании божественных истин, теперь карает мечом империализма целые нации.*

Если такие феномены становятся долговременными, то люди, сохранившие свою веру в религиозные ценности, будут осуждать такое положение вещей, указывая на его сильное отклонение от истины. К сожалению, они будут делать это без понимания сущности и причин этого патологического феномена. Они будут осуждать, используя моральные категории и совершая тем самым уже известную нам пагубную ошибку. Протестуя против такого положения вещей, они будут использовать в своих интересах подходящие геополитические ситуации, рвать отношения с первоначальной системой и создавать новые секты и конфессии.

Такое расщепление можно считать типичным следствием заражения этой болезнью любого движения, будь то религиозного или светского. Вслед за этим религиозный конфликт принимает характер политических разобщений, порождая войну между людьми, верящими в одного и того же бога.

Как нам уже известно, когда человеческая злопамятность начнёт иссякать, это состояние перерастёт в фазу сокрытия, которая тем не менее будет намного более продолжительной, чем патократия, питающаяся светским движением. Людям сложно самим понять полный процесс, потому что такое состояние может продолжаться на протяжении многих поколе-

[2]Как это имеет место сегодня в США и Израиле. [Прим. ред.]

ний. Поэтому их критика будет ограничиваться только вопросами, с которыми они непосредственно знакомы. Тем не менее это станет причиной постепенного, но разрозненного давления со стороны благоразумных людей. При этом в каждой группе, возникшей таким образом, начнётся определённая эволюция. *Такая эволюция будет нацелена на восстановление исконных религиозных ценностей или на преодоление их деформации.*

Достигнет ли этот процесс своих окончательных целей зависит от двух условий: *если первоначальная идея с самого начала была заражена патологическим фактором, то цель недостижима.* Если цель достижима, то в лучшем случае лишь с помощью асимптотической аппроксимации мы сможем оказаться в положении, в котором окончательное устранение последствий уже преодолённой болезни потребует *объективного взгляда на его сущность и историю*. В противном случае мы не сможем устранить остаточные патологические деформации, которые выживут как фактор, создающий предпосылки для повторного заражения.

Некоторые религиозные группы были, возможно, сформированы людьми, которые сами были носителями определённых психологических аномалий. Здесь необходимо сосредоточить особое внимание на часто встречающиеся параноидные характеропатии, а также на их уже обсуждавшуюся роль в начальных фазах понерогенеза. Для таких людей мир нормального человеческого опыта (в том числе религиозного) подвержен деформации; за ними с лёгкостью следуют искусные ораторы, завладевающие вниманием других людей посредством патологического эготизма. Сегодня мы можем наблюдать небольшие христианские секты, истоки которых, несомненно, имели такую сущность.

Если некая религия, позднее распавшаяся на многочисленные доктринальные вариации, имела такое начало, то вышеупомянутые процессы восстановления — вызванные здравым рассудком — достигнут такой стадии развития, которую духовенство этой религии будет воспринимать как угрозу для самого её существования. *Защита своей собственной веры и социальной позиции заставит их прибегнуть к насилию против каждого, кто осмелится критиковать эту религию или желать её либерализации.* Патологический процесс начнётся заново. Таково положение вещей, каким мы его видим сегодня.

Тем не менее сам факт того, что некоторые религиозные общины стали

жертвами процесса понеризации, не доказывает того, что первоначальные знания или видение были с самого начала заражены заблуждениями, сделавшими возможным вторжение патологических факторов, или что сама религия была результатом влияния этих факторов. Для проникновения патологических факторов и дальнейшей прогрессирующей дегенерации достаточно лишь, чтобы такое религиозное движение подверглось заражению *в любой момент времени в будущем* (например, в результате чрезмерного влияния со стороны изначально чуждых архетипов светской цивилизации или вследствие компромиссов с целями правителей страны).

Это краткое заключение повторяет мои сделанные ранее выводы о причинах и законах протекания понерологического процесса — на этот раз в отношении религиозных групп. Тем не менее необходимо подчеркнуть важные различия. С исторической точки зрения, религиозные общины — это самые устойчивые и долговечные социальные структуры. *Понерологический процесс в такой группе протекает на протяжении намного более длительного временного периода.* Человек настолько нуждается в религии, что каждая такая группа — при условии, что она имеет достаточное количество членов — будет содержать большое количество нормальных людей (как правило, большинство), которые не придут в отчаяние и сформируют прочное крыло, тормозящее процесс понеризации. Поэтому сбалансированность фазы сокрытия также выгодна людям с нормальными человеческими и религиозными чувствами. Невзирая на это, у изолированных поколений может сложиться впечатление, что наблюдаемое состояние олицетворяет собой их постоянные и существенные характеристики, в том числе и ошибки, с которыми они не могут смириться.

Таким образом, мы должны задать следующий вопрос: способны ли наиболее постоянные и разумные действия, основанные на обыденном мировоззрении, а также на теологических и моральных размышлениях, когда-либо полностью устранить остаточные последствия понерологического процесса, который был давно преодолён?

Опираясь на опыт работы с отдельными пациентами, психотерапевт поставил бы под сомнение такую возможность. Последствия влияния патологических факторов могут быть полностью устранены лишь тогда, когда человек осознает, что был целью их деятельности. Такой метод тщательного исправления даже мельчайших деталей напоминает принцип рабо-

ты художника-реставратора, который решил не удалять все более поздние слои краски и тем самым не обнажать полностью первоначальную картину мастера, но скорее сохранить и законсервировать для потомков некоторые неудавшиеся правки.

Даже вопреки тому, что время способствует процессу излечения, такие усилия по постепенному развязыванию узлов с помощью обыденного мировоззрения приводят лишь к нравоучительной интерпретации последствий непонятых патологических факторов. Это вызывает панику и склонность к отходу на якобы безопасную сторону. Тем самым в организме религиозной группы останутся некоторые скрытые очаги болезни, которые могут активироваться позднее при определённых благоприятных условиях.

Поэтому нам необходимо осознать, что натуралистическое восприятие процесса возникновения зла и приписывание «вины» различным патологическим факторам могут освободить наш разум от бремени, возникающего благодаря тревожным результатам нравоучительной интерпретации их роли в понерогенезе. Это также позволяет проводить более детальную идентификации результатов их деятельности, а также их окончательно устранять. Использование при этом объективного языка оказывается не только более точным и экономичным, но также и намного более надёжным инструментом при взаимодействии со сложными ситуациями и щекотливыми вопросами.

Такое более точное и последовательное решение проблем, унаследованных от векового понерологического невежества, возможно лишь тогда, когда *данная религия воплощает в себе знания и веру, которые изначально были аутентичными в достаточной степени*. Таким образом, смелый подход к устранению обстоятельств, вызванных теперь различимыми понерическими процессами или настойчивостью тех, кто пережил эти давно минувшие состояния, требует как принятия этой новой науки, так и полной убеждённости в изначальной истине и фундаментальной науке. В противном случае сомнения будут блокировать любую такую попытку посредством недостаточно объективированного страха, даже если они были вытеснены глубоко в подсознание. *Мы должны быть убеждены в том, что Истина сможет перенести такую чистку современными моющими средствами; она не только не потеряет свои вечные ценности, но также*

сохранит свою первоначальную свежесть и благородные цвета.

Что касается второй вышеупомянутой ситуации, когда понерогенный процесс, ведущий к патократии, поражает светское и политическое движение, положение религии в такой стране будет совершенно другим. В таком случае поляризация взглядов на религию становится неизбежной. Социальная религиозная организация не может не занять критическую позицию, не поддержав оппозицию со стороны общества нормальных людей. Это, в свою очередь, спровоцирует движение, поражённое этим феноменом, на ещё большую нетерпимость к религии. Таким образом, такая ситуация ставит любую религию общества под угрозу физического уничтожения.

Каждый раз, когда патократия возникает в автономном процессе, это означает, что религиозные системы, преобладавшие в данной стране, были неспособны вовремя её предотвратить.

Как правило, религиозные организации любой данной страны оказывают на общество влияние, достаточное для противостояния зарождающемуся злу, если, конечно, они действуют смело и разумно. Если их влияние ограничено, то это является результатом либо фрагментации и разногласий между различными конфессиями, либо следствием внутреннего разложения религиозных систем. Вследствие этого религиозные организации давно терпели и даже некритично вдохновляли развитие патократии. В будущем эта слабость станет причиной злосчастий этой религии.

В случае искусственно навязанной патократии степень совиновности религиозной системы может быть ниже, но всё равно она присутствует. *Справедливым является снятие бремени вины с религиозных систем за положение вещей в стране, если патократия была навязана силой.* В такой ситуации складываются определённые условия: религиозные организации имеют морально более сильную оборонительную позицию, способны переносить материальные потери, а также претерпевать процесс своего собственного восстановления.

Патократы могут прибегнуть к примитивным и грубым средствам борьбы с религией, однако нападение на саму сущность религиозных убеждений будет для них очень сложным. Их пропаганда оказывается слишком примитивной и создаёт феномен иммунизации или сопротивляемости нормальных людей, причём его *конечный результат будет обратным*

желаемой моральной реакции. Патократы способны лишь использовать грубую силу для уничтожения религии, если они чувствуют её слабость. Если существуют несколько различных вероисповеданий с долгой историей вражды, то может использоваться принцип «разделяй и властвуй». Однако результаты таких мер, как правило, непродолжительны и могут привести к сплочению этих конфессий.

Конкретные практические знания, накопленные обществом нормальных людей под патократическим правлением, вместе с феноменом психологической иммунизации, начинают оказывать характерное для них влияние на структуру религиозных конфессий. Если некая религиозная система когда-либо в своём прошлом не устояла перед понерогенной инфекцией, последствия и хронические остаточные явления этого заражения будут чувствоваться на протяжении нескольких столетий. Их устранение посредством философских и моральных размышлений наталкивается на особые психологические трудности. Однако под патократическим правлением и несмотря на жестокость, испытываемую такой религиозной организацией, в её организме образуются антитела, устраняющие понерогенные остаточные явления.

Такой специфический процесс нацелен на очистку религиозных организаций от деформаций, представляющих собой последствия уже знакомых нам патологических факторов. Так как возникновение патократий в различных формах на протяжении всей человеческой истории всегда являлось результатом человеческих ошибок, открывавших путь патологическому феномену, нам также необходимо взглянуть и на обратную сторону медали. Нам нужно понимать это сквозь призму того недооценённого закона, который утверждает, что последствия определённой причинной структуры имеют собственное теологическое значение. Тем не менее для этого процесса восстановления было бы весьма полезным, если бы он сопровождался более широким осознанием сущности этого феномена. Это также способствовало бы развитию психологического иммунитета и исцелению человеческих личностей. Это осознание также смогло бы помочь развить более надёжный и эффективный план действий.

Если набожные индивидуумы и группы способны принять объективное понимание макросоциального патологического феномена — особенно феномена, рассматриваемого в данной книге и являющегося наиболее опас-

ным, — естественным результатом этого будет определённое разделение религиозных и понерологических проблем, которые в качественном отношении занимают различные уровни реальности. Внимание церковных деятелей может быть вновь направлено на вопросы, посвящённые человеческим взаимоотношениям с богом, то есть на сферу призвания церкви. С другой стороны, задачу по сопротивлению понерологическим феноменам и их глобальному распространению должны взять на себя, прежде всего, научные и политические институты, действия которых основаны на натуралистическом понимании сущности и происхождения зла. Такое разделение обязанностей никогда не может быть совершенно последовательным, так как процесс возникновения зла также включает в себя участие человеческих нравственных ошибок, преодоление которых на основе религиозных предпосылок находилось в сфере ответственности религиозных общин с незапамятных времён.

Некоторые религии и конфессии, подчинённые патократическому правлению, принуждаются такими обстоятельствами становиться чрезмерно вовлечёнными в вопросы, обычно относимые к сфере политики или даже экономики. Это необходимо по двум причинам: для защиты существования самой религиозной организации, а также для оказания помощи верующим и прочим людям, страдающим от жестокого обращения. Тем не менее важно избежать укоренения такого положение вещей в привычках и традициях, так как позднее это может осложнить возвращение к нормальному человеческому правительству.

Несмотря на существующие различия в убеждениях и традициях, основа совместных усилий со стороны людей доброй воли должна содержать характерное совмещение умозаключений, которые мы можем вывести между принципами заветов христианства (и прочих монотеистических религий) и понерологическим взглядом на возникновение зла. Верующие разных религий и конфессий действительно верят в одного и того же бога и находятся в настоящее время под угрозой одного и того же макросоциального патологического феномена. Этот факт представляет собой достаточное количество данных, чтобы позволить начать совместную работу, ценность результатов которой не вызывает сомнений.

9 Терапия для мира

На протяжении веков предпринимались попытки лечить различные болезни на основе наивного понимания и опыта, передававшегося от поколения к поколению. Это имело свой эффект. Во многих случаях были достигнуты положительные результаты. Замена традиционной медицины новой, более современной наукой поначалу вызвала ухудшение социального здоровья в Европе. Тем не менее многие болезни, против которых традиционные методы лечения оказались бессильными, были побеждены лишь с помощью современной медицины. Это произошло потому, что натуралистическое понимание болезни и её причин заложило основу для развития методов лечения.

В отношении феномена, обсуждаемого в данной работе, мы находимся в схожей ситуации. Состояние здоровья европейских наций ухудшается. Мы оставили позади традиционную соционравственную организацию, но ещё не развили более ценную науку, которая могла бы заполнить возникший пробел. По этой причине нам необходимы новые, упрочившиеся критерии, которые могли бы стать основой для аналогичной научной дисциплины с более прочной структурой; одновременно это удовлетворило бы острую потребность в нашем сегодняшнем мире.

Согласно современному пониманию эффективное лечение болезни возможно лишь тогда, когда мы поймём её сущность, причинные факторы, а также ход её патодинамического протекания в организмах с разнородными биологическими свойствами. С приобретением этих знаний поиск правильных методов лечения, как правило, оказывается менее сложной и менее опасной задачей. В глазах врачей болезнь — это интересный и даже захватывающий феномен. Зачастую они сознательно идут на риск контакта с заразными патогенными факторами, а также рискуют своей собственной жизнью, чтобы понять заболевание и помочь больным. Благодаря такому подходу они получают возможность разработать этиотропные[1] методы ле-

[1] То есть направленные против причины заболевания. [Прим. перев.]

чения, а также искусственно иммунизировать человеческий организм от болезни. По этой причине в наши дни здоровье врача более защищено, чем прежде; однако ему никогда не следует испытывать презрение к пациенту или его болезни.

Стоя перед лицом макросоциального патологического феномена, нам необходимо поступать согласно принципам современной медицины. В особенности это касается лечения болезней, быстро распространяющихся среди населения. В таком случае закон требует также и от здоровых людей придерживаться обязательных строгих мер. Также следует отметить, что люди и политические организации с левыми мировоззрениями в целом занимают более последовательную позицию в этом вопросе и требуют соответствующих жертв во имя общего блага.

Мы также должны отдавать себе отчёт в том, что стоящий перед нами феномен протекает сродни тем болезням, против которых старая традиционная медицина оказалась бессильной. Поэтому для преодоления этого обстоятельства нам необходимо воспользоваться новыми средствами, основанными на понимании сущности и причин патократического феномена, то есть в соответствии с принципами, аналогичными принципам современной медицины. Путь к пониманию этого феномена также был намного более сложным и опасным, нежели тот, который должен вести от такого понимания к открытию натуралистических, морально оправданных и должным образом упорядоченных терапевтических мер. Эти методы принципиально возможны и осуществимы, так как они проистекают из понимания феномена как такового и становятся его расширением. Касательно этой «болезни», как показало во многих случаях психотерапевтическое лечение, одно лишь понимание [её причин] способно начать процесс излечения человеческих личностей. Автор, опираясь на свой практический опыт, может только подтвердить это. Многие известные результаты экспериментов, по-видимому, также будут применимыми схожим образом.

Недостаточность усилий, основанных на высочайших моральных ценностях, наконец стала общеизвестной после многих лет неприятия, когда новые знания отскакивали [от общественного сознания] как резиновый мяч от стены. Мощные военные арсеналы, угрожающие всему человечеству, считаются такими же необходимыми как смирительная рубашка в психиатрии; их использование, однако, сокращается пропорционально улуч-

шению навыков людей, которым было вверено искусство излечения. Мы нуждаемся в мерах, которые смогут помочь всех людям и всем нациям и работать с уже известными причинами величайших болезней.

Такие терапевтические меры не могут ограничиваться лишь феноменом патократии. Патократия всегда найдёт положительный отклик, если некая независимая страна, сильно заражённая истерией, или небольшая привилегированная каста угнетает и эксплуатирует других граждан, удерживая их в отсталости и в темноте; каждый, кто хочет исправить мир, может подвергнуться преследованиям, и его моральное право действовать может быть поставлено под сомнение. Мировое зло фактически представляет собой континуум: одна его форма открывает дверь другой, независимо от её качественной сущности или идеологических лозунгов, за которыми оно маскируется.

Также становится невозможным найти эффективные терапевтические меры, если умы людей, взявших на себя такую задачу, находятся под влиянием тенденции к конверсивному мышлению. Это происходит, например, при неосознанном отборе и подмене данных, или когда некая обязывающая доктрина препятствует объективному восприятия реальности. В частности, политическая доктрина, для которой макросоциальный патологический феномен, находящийся в соответствии с её широко известной идеологией, превратился в догму, блокирует понимание своей сущности настолько умело, что целенаправленные действия становятся невозможными. Каждый, кто посвятил себя такой задаче, должен подвергаться соответствующей проверке или даже своего рода психотерапии, чтобы устранить любые тенденции даже к мало-мальски неточному мышлению.

Как и любое хорошее лечение, терапия нашего мира должна содержать два основных требования: укрепление общих защитных сил человеческого общества и удар по его самой опасной болезни, устраняя по возможности её первопричины. Принимая во внимание все аспекты, теоретически описанные в главе «Понерология», терапевтические усилия должны быть направлены на уже известные факторы возникновения зла. Процессы самого понерогенеза также должны быть взяты под контроль научного и общественного сознания.

Текущие стремления доверять лишь моральным данным — независимо от того, насколько серьёзно они воспринимаются, — также оказываются

несостоятельными, что сродни попыткам действовать исключительно на основе информации, содержащейся в данной книге, игнорируя при этом существенную поддержку нравственных ценностей. Подход понеролога делает упор прежде всего на натуралистические аспекты этого феномена; тем не менее это не означает, что традиционные аспекты потеряли свою ценность. Поэтому усилия, нацеленные на оснащение жизни наций необходимыми моральными ценностями, должны играть роль второго фронта, действующего параллельно натуралистическим принципам и рационально поддерживаемого ими.

Современные общества были ввергнуты в состояние морального упадка в конце 19-го — начале 20-го века; вывести их из этого состояния — всеобщая обязанность этого поколения, которая должна лежать в основе всех его действий. Основной позицией должно быть намерение выполнять заповедь *возлюби ближнего своего* — включая даже тех, кто совершил по-настоящему злостные деяния, — даже если это подразумевает профилактические мероприятия для защиты от зла других людей. Такой масштабный терапевтический замысел может быть осуществлён лишь в том случае, если мы будем делать это под честным контролем морального сознания, тщательно выбирая слова и продумывая свои действия. Начиная с этого момента, понерология покажет свою практическую полезность в выполнении этой задачи. Люди и ценности достигают зрелости через свои действия. Поэтому синтез традиционных нравоучений и этот новый натуралистический подход возможен лишь при обдуманных действиях.

9.1. Истина как целитель

Было бы сложно обобщить утверждения многих известных авторов о роли психотерапии в ознакомлении человека с информацией, запрудившей его подсознательное. Пациент страдает под натиском постоянных, болезненных усилий, потому что боится взглянуть в глаза неприятной правде, испытывает недостаток в объективной информации для выведения правильных заключений или слишком горд, чтобы признать абсурдность своего поведения. Эти вопросы хорошо поняты специалистами; кроме того, они уже стали в достаточной степени общеизвестными знаниями.

В любом методе или приёме аналитической психотерапии — или авто-

номной психотерапии, как её называл Томас Сас[2] — направляющая оперативная мотивировка состоит в том, чтобы сделать сознательным всё то, что было вытеснено в бессознательное посредством неосознанного отбора информации или было оставлено перед лицом интеллектуальных проблем. Это сопровождается крушением иллюзий о сделанных подменах данных и рационализациях[3], интенсивность которых, как правило, пропорциональна объёму вытесненного психического материала.

Во многих случаях оказывается, что информация, тревожно вытесненная из поля сознания и часто подменяемая более приятными ассоциациями, никогда не имела бы таких опасных последствий, если бы человек с самого начала обладал смелостью к её сознательному восприятию. В таком случае мы смогли бы найти независимый и зачастую созидательный выход из сложившейся ситуации.

Тем не менее в некоторых случаях — особенно, когда мы имеем дело с феноменами, сложными для понимания в категориях нашего обыденного мировоззрения, — помощь пациенту в его проблемах требует передачи ему ключевой объективной информацией (как правило, из области биологии, психологии и психопатологии) с указанием конкретных зависимостей, которые он был неспособен понимать прежде. Начиная с этого момента в психотерапевтической работе начинает преобладать образовательная деятельность. Пациенту необходима эта дополнительная информация для того, чтобы восстановить свою дезинтегрированную личность и сформировать новое мировоззрение, более соответствующее действительности. Лишь после этого мы можем прибегнуть к более традиционным методам. Если мы хотим, чтобы наши действия пошли на пользу людям, оставшимся под влиянием патократической системы, такой подход является наиболее подходящим; объективная информация, предоставляемая пациентам,

[2]Томас Сас — противоречивый американский психиатр, представляющий с 1950-х годов мнение, что принудительная госпитализация душевнобольных несовместима со свободным обществом. [Прим. ред.]

[3]Википедия: «Рационализация — механизм психологической защиты, при котором в мышлении используется только та часть воспринимаемой информации, и делаются только те выводы, благодаря которым собственное поведение предстаёт как хорошо контролируемое и не противоречащее объективным обстоятельствам. Иначе говоря, подбор (поиск) рационального объяснения для поведения или решений, имеющих иные, неосознаваемые причины.» [Прим. перев.]

должна основываться на понимании сущности этого феномена.

Как уже упоминалось, автор имел возможность наблюдать принцип действия такого процесса. Он мог видеть, как отдельных пациентов, ставших невротиками в результате влияния патократических социальных условий, ставили в известность о сущности и свойствах этого макросоциального явления. В странах с такими правительствами практически каждый нормальный человек является в той или иной степени невротиком. Ведь *невроз — это естественная человеческая реакция на навязанную патологическую систему*.

Несмотря на опасения, неизбежно возникающие с обеих сторон при таких смелых психотерапевтических мероприятиях, мои пациенты быстро ассимилировали предоставленную им объективную информацию, дополняли её своим собственным опытом, а также требовали дополнительную информацию и подтверждение правильности её применения. Вскоре после этого произошло спонтанное и созидательное восстановление целостности их личностей, сопровождавшееся схожим восстановлением их мировоззрения. Последовавшая за этим психотерапия просто продолжила оказывать поддержку этому процессу, становившемуся всё более саморегулируемым, а также в решении личных проблем — то есть более традиционный подход. Эти люди избавились от хронического напряжения; их перцептивный взгляд на эту девиантную реальность становился всё более реалистичным и приправленным юмором. Их способность к поддержанию собственной психологической гигиены, самолечению и самовоспитанию была намного выше, чем ожидалось. В повседневной жизни они стали более находчивыми и могли помогать другим людям дельным советом. К сожалению, количество людей, которым психотерапевт мог доверять, было очень ограниченным.

Схожие эффекты должны быть достигнуты на макросоциальном уровне. В нынешних условиях это технически возможно. Осуществление этого плана в таком масштабе сделает возможным спонтанное взаимодействие между такими просвещёнными людьми, а также социальное усиление терапевтического феномена. Благодаря этому возникнет качественно новая и, весьма вероятно, довольно бурная социальная реакция; нам нужно быть готовыми к этому, чтобы суметь успокоить людей. В конечном итоге это вызовет всеобщее чувство облегчения и победу правильной науки над злом.

Это событие не может отрицаться какими-либо вербальными средствами, физическая сила также становится бессмысленной. Использование мер настолько отличных от всего, что применялось прежде, породит чувство «конца света». Это конец света, в котором этот макросоциальный феномен смог возникнуть и развиться, но теперь умирает. Нормальные люди будут при этом испытывать чувство благоденствия.

В контексте предложенной глобальной психотерапии дополнительная объективированная информация в форме натуралистического понимания этого феномена составляет ключевой материал. Поэтому данная книга содержит наиболее важные данные, которые автору удалось собрать и представить здесь в отчасти упрощённой форме. Данная книга, конечно же, не содержит всю совокупность необходимых знаний, поэтому понадобятся дальнейшие дополнения. С другой стороны, я уделил меньше внимания методам, уже знакомым многим специалистам и уже применяющимся на практике, так как иначе это привело бы к многократному дублированию этих форм терапии.

Цель такого подхода состоит в том, чтобы позволить миру вернуть свою способность к использованию здравого смысла и восстановить целостность мировоззрений, основанных на научно обоснованных и соответствующим образом популяризированных данных. Сформированное таким образом сознание будет намного больше соответствовать действительности, остававшейся непонятой до недавних пор. Вследствие этого человек станет более благоразумным в своей повседневной активности, более независимым и находчивым при решении своих жизненных проблем. Также он будет чувствовать себя в большей безопасности. Эта задача не является чем-то новым; для хорошего психотерапевта она — его хлеб насущный. Это проблема скорее технического, чем теоретического характера, а именно: как можно распространить такую крайне необходимую информацию по всему миру?

Каждый психотерапевт должен быть подготовлен к сложностям, возникшим в результате психологического сопротивления, обусловленного закоренелыми взглядами и убеждениями, чья недостающая основа раскрывается в ходе терапии. Особенно в случае большой группы людей это сопротивление будет демонстративно выраженным. Тем не менее среди членов

такой группы мы также найдём союзников, которые нам помогут его сломить. Для наглядного представления давайте ещё раз обратимся к случаю с семьёй Н., когда примерно дюжина людей совместно превратили в козла отпущения приятного и интеллигентного 13-летнего мальчика.

Я объяснил его дядям и тётям, что они годами находились под влиянием психически ненормальной личности, принимая её бредовые представления как реальные. Я сказал им, что они участвовали в её мести этому парню (с видимой гордостью), который обвинялся в её неудачах, в том числе и в тех, которые случились за годы до его рождения. Во время моих объяснений *шок* временно приглушил их негодование. Нападения с их стороны не последовало, возможно, потому, что этот разговор состоялся в моём офисе, находившимся в общественной клинике, и что я был защищён белым халатом, который я всегда одевал в небезопасных ситуациях. Тем самым я испытал на себе лишь словесные угрозы. Как бы то ни было, неделю спустя они стали возвращаться — один за другим — и не без усилий предложили мне своё сотрудничество в том, чтобы я помог разрешить им сложившуюся семейную ситуацию и положительно повлиять на будущее неудачливого юноши.

Многие люди переживают неизбежный *шок*, когда их информируют о таком положении дел. Они отвечают враждой, протестом и *дезинтеграцией* своей личности, когда им становится понятным, что они находились под завораживающим и травматическим влиянием макросоциального патологического феномена, независимо от того, были ли они его сторонниками или противниками. Тот факт, что идеология теперь заняла второстепенную роль, вызывает у многих людей тревожный протест. Ведь они либо осуждали, либо неким образом принимали эту идеологию, но в любом случае считали её основной идеей.

Самые громкие протесты идут от тех, кто считает себя порядочными людьми, потому что они осудили этот макросоциальный феномен, применив свой литературный талант и возвысив свой голос против него. Для этого они воспользовались названием его идеологии и злоупотребили нравоучительными интерпретациями этого патологического явления. Заставить их сознательно воспринять правильное понимание патократии равносильно сизифову труду, так как для этого им пришлось бы осознать тот факт, что их усилия по большому счёту служили целям, прямо противопо-

ложным их намерениям. Особенно если они профессионально занимались такой деятельностью, более практичным было бы избегать высвобождение их гнева. Таких, как правило, пожилых людей можно даже было бы посчитать слишком старыми для терапии.

Трансформирование мировоззрения людей, живущих в странах с нормальными человеческими системами, оказывается ещё более хлопотной задачей, так как они более эготистически привязаны к представлениям, которые навязывались им с детства. В результате этого им сложнее примириться с фактом существования вещей, которые их обыденная система концепций не в состоянии ассимилировать. Им также недостаёт конкретного опыта, имеющегося в распоряжении людей, которые годами жили под патократическим правлением. Поэтому нам следует ожидать сопротивление и нападки со стороны людей, защищающих свои основы существования, социальные позиции и собственные личности от неприятных проявлений дезинтеграции. Воздерживаясь от такого отчуждения, нам необходимо считаться с соответствующей реакцией большинства.

Такая психотерапия будет приниматься по-разному в различных странах, в которых общества нормальных людей уже сформировали солидное сопротивление патократическому правлению. Многолетний опыт, практическая осведомлённость об этом феномене и психологическая иммунизация уже давно создали там плодотворную почву, на которой могут взрасти семена объективной правды и естественнонаучного понимания. Объяснение сущности макросоциального феномена будет рассматриваться как запоздалая психотерапия, которая, к сожалению, должна была быть проведена намного раньше (что позволило бы пациенту избежать многих ошибок); несмотря на это оно окажется полезным, потому что будет способствовать порядку и ослаблению напряжённости, а также разрешит последующие благоразумные действия. Такая информация, принятая посредством весьма болезненного процесса, будет ассоциироваться с уже имеющимся опытом. В таком мире не будет эгоистически или эготистически вдохновлённых протестов. Важность объективного мировоззрения будет оцениваться намного быстрее, так как оно формирует основу для осознанной деятельности. Вскоре после этого реалистический взгляд на окружающий мир, сопровождающийся чувством юмора, начнёт вознаграждать людей за пережитый ими опыт, а именно за дезинтеграцию их личностей, вызванную

такой терапией.

Эта дезинтеграция прежнего мировоззрения создаст временное чувство неприятной пустоты. Терапевтам хорошо знакома ответственность, следующая за максимально быстрым заполнением этой пустоты информацией, которая более достоверна и благонадёжна нежели прежний материал, чем помогает избежать примитивных методов восстановления личности. Практика показывает, что наилучший способ снижения страха пациента состоит в обещаниях того, что соответствующим образом объективированный материал в форме достоверной информации быстро заполнит эту пустоту. Это обещание должно быть сдержано в ожидании появления дезинтегративных состояний. Я успешно испробовал этот метод на отдельных пациентах и рекомендую его применение в массовом порядке. Он безопасен и эффективен.

Что касается людей, уже развивших естественный психологический иммунитет, применение этого метода может играть меньшую роль — по причине их усиленного сопротивления разрушительному влиянию патократии на их личности, сформировавшегося благодаря осознанию сущности патократии, — но всё ещё иметь свою ценность, так как оно приводит к усилению иммунитета при менее обременительных затратах в части нервного напряжения. Тем не менее для тех колеблющихся людей, составляющих часть нового среднего класса, меры по иммунизации, обеспеченные благодаря осознанию патологической природы этого феномена, могут склонить их образы действий в направлении порядочности.

Второй ключевой аспект такого подхода, который также необходимо учитывать, состоит во влиянии такого поучительного поведения на личности самих патократов.

В ходе индивидуальной психотерапии терапевты склонны избегать информирования пациентов об их перманентных [психических] отклонениях, особенно когда имеются причины предполагать их обусловленность наследственными факторами. Тем не менее при принятии решений психотерапевты руководствуются осознанием существования таких отклонений. Лишь в случае лёгкого повреждения головного мозга мы сообщаем об этом пациенту, чтобы помочь ему лучше переносить жизненные трудности и избавиться от ненужных страхов. С психопатами мы обходимся с помощью тактичного языка намёков, не забывая при этом, что они уже

в некоторой степени обладают знаниями о себе. Затем мы используем на них методы модификации поведения для исправления их личностей, помня при этом об интересах общества.

Если говорить о макросоциальном уровне, применение этой осторожной тактики, конечно же, будет нецелесообразным. Травмирование психопатов до определённой степени будет неизбежным и даже умышленным, но в то же время морально оправданным — в интересах мира на Земле. Одновременно наши взгляды должны определяться принятием биологических или психологических фактов: посредством отказа от каких-либо моральных или эмоционально окрашенных интерпретаций их психических отклонений. В этой работе мы должны ставить благо общества на первое место. Несмотря на это мы не должны отказываться от нашего психотерапевтического подхода. Также нам следует воздержаться от наказания тех, чью вину мы не смогли определить. Забыв об этом, мы повысим риск их бесконтрольной реакции, что может навлечь мировую катастрофу.

В то же время нам не следует подпитывать преувеличенные страхи, как, например, опасение того, что такое всеобщее просвещение вызовет слишком сильные реакции у патократов, например, волну насилия или самоубийств. Нет! Первичные психопаты, наряду со многим другими носителями схожих наследственных аномалий, ещё в детском периоде развили чувство психологической инаковости от других людей. Информирование их об этом будет менее травмирующим, чем, например, высказывание предположения нормальному человеку о его возможной психической ненормальности. Лёгкость, с которой психопаты вытесняют неприятную информацию из своего сознания, будет сдерживать их от яростных реакций.

Что они могут сделать, когда будут больше не в состоянии использовать идеологию как маску? Психологический результат научного изобличения сущности этого феномена состоит в том, что патократы начинают чувствовать, что их историческая роль подошла к концу. Если мир нормальных людей предлагает патократам примирение на беспрецедентно выгодных условиях, то содеянное ими может приобрести исторически созидательный смысл. Это повлечёт за собой всеобщую демобилизацию патократии, особенно в тех странах, в которых идеологическая поддержка фактически уже была утеряна. Эта внутренняя демобилизация, которую так опасаются патократы, является второй важной целью.

Неотъемлемым условием и дополнением к терапевтической работе должно быть прощение патократов, основанное на понимании как их, так и знамений времени. Это должно быть осуществлено посредством соответствующим образом изменённого законодательства, основанного на понимании человека и процессов возникновения зла, действующих в обществах. Эти законы будут противодействовать таким процессам причинным образом и упразднят прежние «уголовные законы». Прогнозирование создания таких законов не следует считать лишь психотерапевтическим обещанием; они должны быть подготовлены научным образом и затем внедрены в жизнь.

9.2. Прощение

Текущая эволюция правовых понятий и демократической социальной морали протекает в направлении демонтажа старых традиций поддержания закона и порядка посредством карательных мер. Многие страны, встревоженные преступлениями против человечества во времена Второй мировой войны, отменили смертную казнь. Прочие виды наказания и методы их исполнения были также смягчены благодаря принятию во внимание психологических побуждений и обстоятельств преступлений. Совесть цивилизованных наций протестирует против принципа римского права *Dura lex sed lex*;[4] в то же время психологи видят возможность того, что многие, в настоящее время неуравновешенные люди смогут вернуться к нормальной социальной жизни благодаря подходящим педагогическим мероприятиям. Тем не менее на практике это подтверждается лишь частично.

Причина того, что смягчение законов не было согласовано с соответствующими методами подавления процессов возникновения зла, состоит в непонимании этих процессов. Это вызывает кризис в общественной сфере профилактики преступлений, что облегчает патократическим кругам использование терроризма в своих экспансионистских целях. В таких условиях многие люди чувствуют, что возвращение к старым традициям правовой строгости — это единственный способ защитить общество от

[4] «Суров закон, но закон», т. е. каким бы ни был суровым закон, его следует соблюдать. [Прим. перев.]

бесчинств зла. Другие люди верят, что такой традиционный подход наносит нам лишь моральный урон и открывает путь для необратимых злоупотреблений. Поэтому они включают жизнь и здоровье других людей в категорию гуманистических ценностей.

Для выхода из этого кризиса нам необходимо сосредоточить все наши усилия на поиске нового пути, который был бы не только более человечным, но также эффективно защищал отдельных беззащитных людей и целые общества. Такая возможность существует и может быть реализована на основе объективного понимания возникновения зла.

По сути дела, нереалистичная традиция взаимосвязи между «преступлением» отдельного индивидуума (которому никакой другой человек не в состоянии дать объективную оценку) и его «наказанием» (редко способным исправить его личность) должна уйти в историю. Наука о причинах зла должна повысить моральную дисциплину общества и иметь профилактический эффект. Зачастую достаточно разъяснить человеку, что он находился под влиянием патологического индивидуума, чтобы разорвать порочный круг разрушений. Поэтому каждое мероприятие по противодействию злу всегда должно включать в себя должную психотерапию. К сожалению, если кто-то стреляет в нас, мы должны отвечать на огонь с ещё большей точностью. В то же время нам не следует забывать о законе прощения — древнем законе мудрых правителей. Ведь этот закон имеет глубокие нравственные и психологические корни и во многих ситуациях более эффективен, чем наказание.

Кодексы уголовного права предусматривают, что если в момент совершения преступления злоумышленник был ограничен в своих способностях различать смысл своего поступка, или если его поведение стало результатом определённого психического расстройства или некоего другого психического отклонения, то он получает соответственно более мягкий приговор. Поэтому если мы рассматриваем ответственность патократов через призму таких нормативных актов и в свете того, что мы уже знаем о мотивах их поведения, то нам необходимо значительно смягчить рамки правосудия в пределах действующих законов.

Вышеупомянутые правовые регулирования — более современные в Европе, чем в США — являются повсюду довольно устаревшими и недостаточно согласуются с биопсихологической реальностью. Они представляют

собой компромисс между традиционным правовым мышлением и медицинским гуманизмом. Более того, законодатели были неспособны воспринимать макросоциальные патологические феномены, оказывавшие влияние на людей и значительно ограничивавшие их способность различать смысл своего собственного поведения. Восприимчивые индивидуумы незаметно втягиваются в эти феномены, так как они не осознают их патологические черты. Особые свойства этих феноменов приводят к тому, что выбор жизненных позиций решительно диктуется бессознательными факторами наряду с давлением со стороны патократических правителей, не брезгующих никакими средствами даже в отношении своих сторонников. Как в таком случае мягкий приговор всё ещё может быть справедливым?

Например, если первичная психопатия играет практически стопроцентную роль при привлечении и участии в патократической деятельности, то должен ли судебный приговор учитывать соответствующее смягчение наказания? Этот вопрос в меньшей степени также должен задаваться в отношении других наследственных аномалий, так как и они оказались основными факторами при выборе жизненных позиций.

Нам не следует обвинять никого в том, что он унаследовал от своих родителей психические аномалии, так же как мы не должны обвинять коголибо лишь на основе его телесных или физиологических изъянов, как, например, дальтонизма. Нам также необходимо прекратить порицать людей, перенёсших травмы или болезни, оставившие после себя повреждения головного мозга, или тех, кто подвергался нечеловечным педагогическим методам.

На благо им и обществу нам необходимо применять силу по отношению к таким людям. В некоторых случаях это может включать принудительную психотерапию, надзор, профилактические мероприятия и опеку. Любая концепция осуждения или вины лишь усложнит поведение, которое должно быть не только гуманным и целенаправленным, но также и более эффективным, чем прежде.

Имея дело с макросоциальным феноменом, особенно тогда, когда он более продолжителен, чем активный период жизни отдельно взятого человека, его непрекращающееся влияние заставит до определённой степени приспосабливаться даже нормальных людей. Можем ли мы — с нашими нормальными инстинктами и интеллектом и в соответствии с нашим мо-

ральным мировоззрением — обвинять тех других людей за поступки, совершённые ими во время коллективного безумия патократии? Судить их в соответствии с традиционными правовыми регулированиями было бы равносильно возвращению к системе наказания психопатов нормальными людьми, то есть к исходному состоянию, которое само себе породило патократию. Стоит ли продлевать состояние патократии посредством принятия карательных законов пусть даже лишь на один год, не говоря уже на неопределённое время? Сможет ли устранение определённого числа психопатов значительно облегчить нагрузку этих аномалий на генетический фонд общества и внести вклад в решение этой проблемы?

К сожалению, нет!

Люди с различными психическими отклонениями всегда существовали в любом обществе на нашей планете. Их образ жизни всегда оказывает *хищническое* влияние на экономическую созидательность общества, так как их собственные творческие способности в целом ниже средних. Каждый, кто подключается к этой системе организованного паразитизма, постепенно теряет все те ограниченные способности к правовой работе, какими бы выраженными они ни были прежде.

Этот феномен и его жестокость на самом деле поддерживаются посредством угрозы правовых контрмер или, что ещё хуже, посредством возмездия со стороны разгневанных масс. Желание отомстить отвлекает внимание общества от понимания биопсихологической сущности этого феномена и стимулирует нравоучительные интерпретации, результаты которых нам уже известны. Это лишь усложнит поиск выхода из сложившейся опасной ситуации и одинаковым образом усложнит для будущих поколений всякую возможность решения проблемы обременения генофонда общества психическими аномалиями. Тем не менее эти проблемы — как текущие, так и будущие — могут быть решены, если мы подойдём к ним с пониманием их натуралистической сущности и осознанием природы людей, творящих большое зло.

Правовое возмездие было бы повторением ошибки, сделанной в Нюрнберге. Эти приговоры, вынесенные военным преступникам, могли бы быть неповторимой возможностью показать миру психопатологию системы Гитлера во всей её полноте с личностью «фюрера» на её верхушке. Это повлекло бы за собой более быстрое и глубокое освобождение от иллюзий нацист-

ских традиций в Германии. Такое сознательное разоблачение принципов действия патологических факторов на макросоциальном уровне смогло бы ускорить процесс психологической реабилитации немцев и всего мира с помощью натуралистических категорий, применимых в таком случае. Это также могло бы стать прецедентом, когда была бы разоблачена и заторможена деятельность других патократий.

Но что произошло на самом деле? Психиатры и психологи с лёгкостью поддались давлению своих собственных эмоций и политических факторов. В их оценках было уделено недостаточно внимания действительным патологическим качествам как большинства обвиняемых, так и нацизма в целом. Несколько известных военных преступников с психопатическими чертами или другими отклонениями были повешены или приговорены к длительному тюремному заключению. Вместе с этими людьми были также «повешены» и «заточены» многие факты и большое количество информации, которые могли бы послужить описанным в данной книге целям. Теперь мы хорошо понимаем, почему патократы так усердно желали вынесения именно таких приговоров. Нам больше нельзя повторять такие ошибки, так как иначе это лишь усложнит понимание сущности макросоциальных патологических феноменов и тем самым ограничит возможности эффективной борьбы с их внутренними причинами.

Для сегодняшней ситуации в мире есть лишь одно научно и морально оправданное решение, способное улучшить текущее бедственное положение наций, а также положить начало будущему решению проблемы обременения генофонда обществ: соответствующий закон, основанный на наилучшем понимании макросоциальных патологических феноменов и их причин. Такой закон ограничил бы ответственность патократов лишь теми случаями (обычно криминального садистского характера), в которых было бы сложно поверить в неспособность злоумышленника осознавать содеянное. Только так общество нормальных людей сможет вернуть свою власть и высвободить внутренние таланты, необходимые для возвращения нации к нормальной жизни.

Такой акт прощения действительно оправдывается самой природой, так как он основан на признании психологических причин, управляющих поведением человека, совершающего зло — как в сфере нашего восприятия, так и за пределами нашего понимания. Эта сфера, доступная для научно-

го познания, расширяется параллельно с ростом общих знаний. Однако в патократии в образе этого феномена причинность занимает настолько доминирующую роль, что для свободного выбора практически не остаётся места.

В действительности мы никогда не сможем оценить пределы свободного выбора, которым был наделён отдельный человек. Прощая, мы подчиняем наш разум законам природы — основополагающим образом. *Отказываясь оценивать масштабы неизвестного, мы дисциплинируем наш разум в воздержании от входа в сферу, практически недосягаемую для него.*

По этой причине великодушие приводит наш разум в состояние умственной дисциплины и порядка, тем самым позволяя нам более ясно видеть реалии жизни и их причинные связи. Это облегчает нам контроль инстинктивных мстительных рефлексов и защищает наш разум от склонности реагировать на психопатологические феномены посредством нравоучительных интерпретаций. Такой подход, конечно же, идёт на благо как отдельным людям, так и целым обществам.

Одновременно и в соответствии с принципами крупных религий великодушие помогает нам наслаждаться сверхъестественным порядком и тем самым приобретать право на самопрощение. Оно облегчает восприятие нашего внутреннего голоса, говорящего нам «поступай так» или «не делай этого». Это также улучшает нашу способность к принятию правильных решений в сложных ситуациях, когда нам не хватает необходимой информации. В этой чрезвычайно сложной борьбе нам нельзя отказываться от этой помощи и от этого права, так как они могут играть решающую роль в склонении чаши весов в пользу победы.

Нации, которым долго приходилось терпеть патократическое правление, сегодня близки к тому, чтобы принять такой тезис как результат их практических знаний об этой другой реальности и характерной эволюции их мировоззрения. Тем не менее в их побуждениях ключевую роль играют практические знания, полученные в результате адаптации к жизни в этой дивергентной реальности. Религиозные побуждения также играют определённую роль; их понимание и подтверждение вызревают в таких особых условиях. Мыслительные процессы и социальная этика таких людей демонстрируют чувство определённого телеологического смысла этого феномена — в смысле переломного исторического момента.

Такой акт отказа от судебного и эмоционального отмщения людям, поведение которых было обусловлено психологическими причинами — в особенности определёнными наследственными факторами, — в значительной степени оправдывается натурализмом. Поэтому такие натуралистические и рациональные принципы должны способствовать принятию ясных решений. Умственные усилия, ведущие к расторжению связей с обыденным пониманием проблем зла и к конфронтации этого понимания с принципами морали, будут плодотворными во многих продуктах человеческой мысли.

Людям, потерявшим способность приспосабливаться на своих рабочих местах к благоразумной работе, должны быть гарантированы сносные условия жизни, а также поддержка в их усилиях по реадаптации. Понесённые при этом издержки общества будут, возможно, ниже, чем при любом другом решении. Всё это требует соответствующих организационных усилий, основанных на понимании этих феноменов и сильно отличающихся от традиционной юридической практики. Обещания, данные патократам, должны быть честно выполнены, как и подобает обществу нормальных людей. Поэтому такой акт прощения должен быть подготовлен заранее с моральных, правовых и организационных точек зрения.

Точно так же, как и представленная здесь идея находит живой отклик среди людей, знакомых по своему опыту с описанным макросоциальным феноменом, она также оскорбляет чувства многочисленных политических эмигрантов, сохраняющих старые экспериментальные методы в отношении социальных и моральных проблем. Тем самым нам следует ожидать роста несогласия из этих кругов в форме морального негодования. По этой причине необходимо будет попытаться убедить этих людей с помощью имеющихся фактов.

Было бы также полезно, если бы решение этой проблемы было разработано на основе современных достижений биогуманистических наук, нацеленных на схожую эволюцию законодательства, даже если они продолжают прятаться в академическом мире и пока ещё слишком незрелы для практической реализации. Ценность научных исследований в этой области, как правило, недооценивается консервативно настроенными обществами. Наша работа может быть облегчена посредством использования такой информации в отношении необходимости быстрой подготовки и об-

новления законов.

Законодательство нашей цивилизации поначалу развивалось на основе римского права, затем в его основу легли законы суверенов, обосновывавших свою власть данным им «божественным правом». Эта система предсказуемо защищала их позиции, и несмотря на своё «божественное покровительство», эти монархи оказались почти полностью бездушными и мстительными с точки зрения сегодняшней концепции кодифицированных правил. Такое положение вещей скорее способствовало, чем препятствовало возникновению жестоких патологических систем.

Это объясняет текущую потребность в фундаментальном прорыве и формулировании *новых принципов, основанных на понимании человека*, в том числе врагов и злодеев.

Возникнув в результате больших страданий и на основе понимания их причин, такое законодательство будет более современным и гуманным, а также более эффективным в сфере защиты обществ от продуктов понерогенеза. Это великое решение простить [патократов] берёт своё начало в наиболее надёжных принципах извечных моральных учений, а также согласуется с современной эволюцией общественной мысли. Прощение выражает собой практический интерес и натуралистическое понимание возникновения зла. Лишь такой акт милосердия, беспрецедентный в истории, способен сломить многовековое переплетение понерогенных циклов, создать предпосылки для новых решений извечных проблем, а также проложить путь для новых законодательных методов, основанных на понимании причин зла.

Поэтому такие сложные решения должны приниматься в гармонии со знамениями времени. Автор верит, что именно этот тип прорыва в методологии мысли и действий предусмотрен божественным планом для сегодняшнего поколения.

9.3. Идеологии

Подобно тому, как психиатр интересуется главным образом болезнью как таковой, уделяя меньше внимания системе маний пациента, деформирующих его реальность, какой бы она ни была, так и глобальная терапия должна фокусироваться на болезнях нашего мира. Деформированные идеоло-

гические системы, выросшие из исторических условий и слабостей данной цивилизации, должны пониматься как маскировка, инструмент или троянский конь патократической инфекции.

Общественное сознание первым делом должно различать эти два гетерогенных слоя данного феномена — посредством анализа и научной оценки. Такое корректное и выборочное понимание должно стать неотъемлемой частью сознания всех наций в некой должным образом доступной форме. Это, в свою очередь, усилит их способность к независимой ориентации в рамках сегодняшней запутанной реальности посредством различения таких феноменов в соответствии с их сущностью. Это повлечёт за собой коррекцию моральных взглядов и мировоззрения. Концентрация наших усилий на патологическом феномене приведёт к правильному пониманию и достаточно полным результатам.

Отсутствие этой фундаментальной способности разбираться в политических операциях — это ошибка, влекущая за собой напрасные усилия. Мы можем не соглашаться с идеологиями, так как все политические идеологии 19-го века — даже в своих первоначальных формах, не говоря уже об их патологически деформированных вариантах — чрезмерно упрощали социальную реальность вплоть до её полного обезображивания. Но несмотря на это на переднем плане должна стоять идентификация их роли в макросоциальных феноменах: анализ, критика и даже борьба с ними. Пока общества заняты фундаментальной дифференциацией этих феноменов, любые дискуссии о направлении необходимых преобразований должны быть приостановлены. Будучи скорректированным таким образом, социальное сознание сможет более легко найти решение этим проблемам, и социальные группы, продолжающие оставаться неуступчивыми, станут более сговорчивыми.

После успешного излечения психически больного человека мы часто пытаемся вернуть бывшего пациента в мир его более реальных убеждений. Психотерапевт ищет в иллюзорно карикатурном мире их начала и более рациональное содержание, чтобы построить мост между периодом безумия и теперь здоровой реальностью. Такая работа, конечно же, требует необходимых навыков в области психопатологии, так как каждая болезнь по-разному деформирует первоначальный мир опыта и убеждений пациента. Деформированная идеологическая система, созданная патократией,

должна быть подвергнута аналогичному анализу и выискиванию первоначальных и, конечно, более разумных ценностей. При этом должны применяться знания о специфических методах, с помощью которых патократия создаёт карикатуру на идеологию некоего движения, которым она затем питается как паразит.

Эта великая болезнь патократии приспосабливает различные социальные идеологии к своим свойствам и намерениям, лишая их при этом всяческой возможности естественного развития и созревания сквозь призму здравого человеческого рассудка и научной рефлексии. Этот процесс также трансформирует эти идеологии в деструктивные факторы, не давая им участвовать в созидательной эволюции социальных структур и разочаровывая их сторонников. Наряду со своим обратным развитием, такая идеология отвергается всеми теми социальными группами, сумевшими сохранить свой здравый рассудок. Деятельность такой идеологии склоняет нации сохранять свои старые «испробованные и подтверждённые» структурные формы, наделяя тем самым жёстких консерваторов самым эффективным оружием. Это вызывает стагнацию эволюционных процессов, что противоречит всеобщим законам социальной жизни и вызывает поляризацию взглядов среди различных социальных групп, что, в свою очередь, приводит к революционным настроениям. Образ действий патологически изменённой идеологии тем самым облегчает вторжение и экспансию патократии.

Лишь посредством ретроспективного психологического анализа идеологии, возвращаясь к периоду, предшествовавшему понерогенной инфекции и учитывая патологическое качество и причины её деформации, могут быть открыты первоначальные творческие ценности и построен мост через период болезненных феноменов.

Такое умелое раскрытие первоначальной идеологии, включая некоторые рациональные элементы, возникшие после появления понерогенной инфекции, может быть обогащено созданными между тем ценностями и привести к дальнейшей созидательной эволюции. Таким образом, эта идеология сможет активизировать преобразования в соответствии с эволюционной природой социальных структур, что, в свою очередь, сделает общество более резистентным к патократическому влиянию.

Такой анализ ставит нас перед проблемами, которые мы должны уме-

ло преодолеть путём отыскания подходящих семантических обозначений. Благодаря своей характерной креативности в этой области патократия создаёт большое количество суггестивных понятий, цель которых состоит в том, чтобы отвлекать внимание от самой сущности феномена. Каждый, кто попадал в эту семантическую ловушку, терял не только свою способность к объективному анализу такого типа феноменов, но также частично терял свой здравый рассудок. Создание таких эффектов на человеческие умы — это конкретная цель этой патологической семантики; сначала необходимо защитить от них свою собственную личность, прежде чем приняться за защиту социального сознания.

Единственные понятия, которые мы можем принять, это понятия, имеющие историческую традицию: данные и факты доинфекционного периода. Например, если мы называем домарксистский социализм «утопическим социализмом», то нам сложно понять, что он был намного более реалистичным и социально созидательным, чем более поздние движения, уже пропитанные патологическим материалом.

Тем не менее такой осторожности будет недостаточно, если мы имеем дело с феноменами, которые нельзя измерить в рамках обыденной структуры концепций, потому что они были созданы макросоциальными патологическими процессами. Поэтому необходимо вновь подчеркнуть, что обыденного здравого смысла будет недостаточно для проведения такой конкретизации идеологических ценностей, которые позднее были подвергнуты деформации таким процессом. Психологическая объективность, соответствующие знания из области психопатологии, а также информация из предыдущих глав данной книги совершенно необходимы для этой цели.

Вооружённые этим мы также приобретём достаточную квалификацию для создания новых незаменимых обозначений, которые прольют свет на действительные свойства феноменов, если только мы будем уделять достаточно внимания принципам семантики со всей прямотой и расчётливостью, как этого потребовал бы Уильям Оккам. В конечном итоге эти новые названия распространятся по всему миру и помогут многим людям скорректировать своё мировоззрение и социальное поведение. Такой подход, несмотря на свой правовой характер, на самом деле нацелен на то, чтобы лишить патократические круги их монополии на контроль обозначений; их предсказуемые протесты лишь подтвердят, что мы находимся

на правильном пути.

Восстановленная таким образом идеология возвращается к жизни и отвоёвывает свои эволюционные способности, которые были задушены процессом патологизации. В то же время она больше не будет выполнять навязанные ей функции, как, например, подпитывание патократии и её сокрытие как от здравой критики, так и от чего-то даже ещё более опасного, а именно от чувства психологической реальности и её юмористических аспектов.

Осуждение некой идеологии по причине её заблуждений, содержавшихся в ней с самого начала или впитанных позднее, никогда не освободит её от этой новой функции, в особенности в умах людей, не осудивших её по схожим причинам. Пытаясь и дальше анализировать такую осуждённую идеологию, мы никогда не достигнем лечебного эффекта для человеческой личности; мы просто упустим действительно важные факторы и не сможем заполнить содержанием возникшую пустоту. Наши мысли будут вынуждены избегать ограничивающих их преград, упуская тем самым очевидные истины. Нечто, однажды поддавшееся психопатологическим факторам, не сможет быть понято до тех пор, пока не будут применены правильные категории.

9.4. Иммунизация

Многие инфекционные заболевания приводят к повышению естественного иммунитета организма на период от нескольких до многих лет. Медицина имитирует этот биологический механизм путём использования вакцин, иммунизирующих организм без необходимости перенесения болезни. Психотерапевты всё чаще пытаются иммунизировать психику пациента к различным травмирующим факторам, которые сложно устранить из его жизни. В практике мы часто используем это на людях, подверженных деструктивному влиянию характеропатов. Иммунизация к разрушительным эффектам психопатических личностей ещё более сложна; тем не менее это представляет собой более близкую аналогию задачи, которая должна быть выполнена в отношении наций, поддавшихся влиянию патократического психологического отвлекающего манёвра.

Общества, в течение многих лет находившиеся под правлением пато-

кратической системы, развивают вышеупомянутый естественный иммунитет, а также характерную отстранённость от этого феномена и саркастический юмор. В совокупности с ростом практических знаний это состояние должно учитываться каждый раз, когда мы хотим оценить политическую ситуацию данной страны. Также необходимо подчеркнуть, что эта невосприимчивость касается патологического феномена как такового, а не его идеологии. Это объясняет, почему эта иммунизация также эффективна против любой другой патократии независимо от её идеологической маски. Приобретённый психологический опыт позволяет распознавать схожие феномены на основании его действительных свойств, причём идеология рассматривается согласно её истинной роли.

Психотерапия, правильно проведённая с отдельным человеком, поддавшимся разрушительному влиянию жизненных обстоятельств под патократическим правлением, всегда приводит к значительному усилению его психологического иммунитета. Информирование пациента о патологических свойствах такого влияния облегчает развитие у него критической беспристрастности и духовной безмятежности, чего никогда бы не произошло в результате естественной иммунизации. Таким образом, мы не просто имитируем природу, но достигаем ещё более сильного иммунитета, что более эффективно для защиты пациента от невротического напряжения и усилении его практической, повседневной изобретательности. Осознание биологической сущности этого феномена наделяет пациента преимуществами как над самим феноменом, так и над неосведомлёнными об этом людьми.

Этот тип психологического иммунитета также оказывается более долговременным. Если естественный иммунитет длится на протяжении жизни одного поколения, в котором он развился, то научно обоснованный иммунитет может передаваться следующему поколению. Аналогичным образом очень сложно передать естественный иммунитет вместе с практическими знаниями, лежащими в его основе, другим нациям, не имевшим такого непосредственного опыта. Тем не менее знания, основанные на общедоступных научных данных, могут быть переданы другим нациям без приложения сверхчеловеческих усилий.

Здесь мы стоим перед двумя целями. В странах, поражённых вышеописанном феноменом, нам необходимо попытаться качественно улучшить

существующий естественный иммунитет, тем самым сделав возможным усиление оперативного облегчения при одновременном снижении психологического напряжения. В отношении индивидуумов и обществ, проявляющих очевидный иммунодефицит и находящихся под угрозой патократической экспансии, нам необходимо облегчить развитие искусственного иммунитета.

Этот иммунитет возникает прежде всего как естественный результат понимания реального содержания этого макросоциального явления.

Это осознание вызывает бурный период накопления опыта, не лишённый протестов. Этот процесс, заменяющий собой болезнь, однако, непродолжителен. Обнажение натуралистической действительности, прежде скрытой под идеологической маской, представляет собой эффективную и необходимую поддержку для отдельных людей и обществ. В течение кратчайшего периода времени оно начинает защищать их от понерогенной деятельности патологических факторов, мобилизованных на монолитном фронте патократии. Надлежащие показания для практических средств для защиты собственной психической гигиены облегчат и ускорят формирование иммунитета подобно механизму действия вакцин.

Такой индивидуальный и коллективный психологический иммунитет, основанный на натуралистически объективированном понимании этой другой реальности, сопровождается чувством обладания правильными знаниями, благодаря которому возникает новая сеть людей. Достижение такого иммунитета является предпосылкой успеха любых усилий и действий политического характера, нацеленных на контроль над правительствами обществом нормальных людей. Без этих знаний и иммунизации достижение кооперации между свободными странами и нациями, страдающими под патократическим правлением, будет всегда сложной задачей. Единый язык общения не может быть гарантирован никакой политической доктриной, основанной на обыденном воображении людей, которым недостаёт как практического опыта, так и натуралистического понимания этого феномена.

Самые современные и дорогие вооружения, угрожающие человечеству глобальной катастрофой, становятся ненужными уже в день своего производства.

Почему?

Да потому, что это оружие для войны, которая никогда не должна быть развязана, и страны всего мира молятся о том, чтобы этого не произошло.

История человечества — это история войн, поэтому для нас в ней отсутствует извечный смысл. Новая крупная война стала бы триумфом безумия над волей наций к жизни.

Поэтому международный здравый рассудок должен одержать верх, укреплённый недавно открытыми моральными ценностями и натуралистической наукой о причинах и происхождении зла.

Это «новое оружие», предложенное в данной книге, никого не убивает; несмотря на это оно способно предотвратить процесс возникновения зла в человеке и активировать его собственные силы исцеления. Общества, наделённые пониманием патологической природы зла, смогут предпринимать согласованные усилия, основанные на моральных и естественнонаучных критериях.

Этот новый метод решения извечных проблем будет самым гуманным оружием, когда-либо использовавшимся в истории человечества. Также это единственное оружие, которое может применяться безопасно и эффективно. Будем надеяться, что применение такого оружия поможет положить конец столетиям войн между людьми.

10 Видение будущего

Чтобы быть плодотворной, человеческая деятельность должна пустить корни как в прошлое, так и в будущее. Прошлое снабжает нас знаниями и опытом, которые учат нас решать проблемы и предостерегают от совершения ошибок прошлого. Поэтому реалистичное и сознательное восприятие прошлого и порой болезненное понимание его ошибок и несчастий становятся необходимыми предпосылками для построения более счастливого будущего.

Такое же реалистичное видение будущего, дополненное хорошо продуманной и точной информацией, придаёт направление нашей текущей деятельности и делает её цели более конкретными. Умственные усилия, направленные на формирование такого видения, позволят нам преодолеть психологические барьеры на пути к высвобождению разума и воображения — барьеры, созданные эготизмом и пережитками привычек прошлого. Люди, цепляющиеся за прошлое, постепенно теряют контакт с настоящим и поэтому неспособны сделать положительный вклад в будущее. Поэтому давайте направим наш разум в сторону будущего — за пределы кажущихся непреодолимыми реальностей настоящего времени.

Есть множество преимуществ, которые мы можем извлечь из конструктивного планирования будущего (в том числе и более отдалённого), если мы сможем предугадать его форму и облегчить принятие целенаправленных решений. Это требует от нас правильного анализа действительности и точного прогнозирования — то есть дисциплинированности мышления, как, например, полного устранения подсознательной манипуляции информацией и снижения всяческого чрезмерного влияния, исходящего от наших эмоций и предпочтений. Разработка такого первоначального видения с целью сделать его конкретным планом для новой реальности — это наилучший способ подготовки человеческих умов к другим, не менее сложным задачам в будущем.

Это также позволило бы своевременно устранить многие разногласия,

которые в дальнейшем могли бы привести к насильственным конфликтам. Эти расхождения во мнениях иногда вытекают из недостаточно реалистичного восприятия текущего положения вещей, различных жизненных позиций, основанных на несбыточных мечтах, или обусловлены деятельностью пропаганды. Если это конструктивное видение логически развито и не противоречит достаточно объективным пониманиям феноменов, которые мы уже частично обсудили, то оно может быть претворено в жизнь.

Планирование должно протекать подобно хорошо организованному техническому проекту, в котором работе конструкторов предшествует изучение условий и возможностей. Претворение в реальность этого видения также требует временного планирования в соответствии с обоснованными техническими данными и фактором человеческой безопасности. Мы знаем по опыту, что хорошее и дальновидное планирование проекта значительно облегчает его реализацию и делает его более успешным. Схожим образом более современные и оригинальные конструкты в целом оказываются более эффективными, чем те, которые привязаны к старым традициям.

Чтобы доказать свою эффективность, дизайн и устройство новой социальной системы также должны быть основаны на правильном распознавании реальности и продуманы во многих деталях. Это требует отказа от некоторых традиционных обычаев политической жизни, позволивших человеческим эмоциям и эгоизму играть недопустимо большую роль. Творческое мышление — это единственное необходимое решение, так как оно использует реальные данные и находит другие новаторские решения, не теряя при этом своей способности действовать в условиях реальной жизни.

Отсутствие таких предварительных конструктивных усилий приведёт как к пробелам в знаниях о реальности, в которой должна действовать новая система, так и к нехватке людей, имеющих ключевую подготовку и необходимых для создания новых систем. Восстановление утраченного права решать свою собственную судьбу, особенно в нации, поражённой патократией, было бы дорогой и опасной импровизацией. Ожесточённые споры среди сторонников различных структурных концепций, которые зачастую могут быть нереалистичными, незрелыми или устаревшими, потому что потеряли за это время свою историческую важность, могут даже

привести к гражданской войне.

Повсюду, где старые социальные системы, созданные историческими процессами, были почти полностью разрушены в результате введения государственного капитализма и развития патократии, также была разрушена социальная и психологическая структура нации. Ей на смену пришла патологическая структура, проникшая в каждый уголок страны и вызвавшая деградацию и снижение продуктивности во всех сферах жизни. В таких условиях восстановление социальной системы, основанной на устаревших традициях и нереалистичных ожиданиях, что такая реконструкция действительно возможна, оказывается невыполнимым. Что действительно необходимо, так это план действий, который сначала позволит осуществить как можно более быстрое восстановление этой фундаментальной социопсихологической структуры, а затем сделает возможным участие этой структуры в процессе автономизации социальной жизни.

Прошлое не оставило нам практически никакой информации об этой неотъемлемой деятельности, которая поэтому может основываться лишь на более общих данных, описанных в начале данной книги. Поэтому нам необходимо полагаться на результаты современной науки. Также были потеряны усилия как минимум одного поколения — а с ними и эволюция, которая должна была созидательно трансформировать прежние структурные формы. Таким образом, нам следует руководствоваться представлениями о том, что *должно было бы* произойти, если бы данное общество имело в своё время право на свободное развитие, а не данными из прошлого, которые, несмотря на свою историческую достоверность, сегодня являются устаревшими.

Тем временем в этих странах пустили корни многие различные образы мышления. Мир частного капитализма в социальных институтах стал для нас чуждым и трудным для понимания. Больше не осталось никого, кто мог бы быть капиталистом или действовать самостоятельно в такой системе. Демократия превратилась в не до конца понятное модное словечко для общения в обществе нормальных людей. Рабочие не могут себе представить реприватизацию крупных промышленных предприятий и поэтому противятся любым усилиям в этом направлении. Они верят, что сохранение независимости своей страны позволит им участвовать как в управлении, так и прибыли. Такие общества приняли некоторые социальные

институты, как, например, службу общественного здравоохранения и бесплатное образование вплоть до университетского диплома. Они хотят, чтобы деятельность таких институтов была реформирована — посредством подчинения здравому рассудку и соответствующим научным критериям, а также проверенным временем элементам крепких традиций. Должны быть восстановлены общие законы природы, которые обязаны регулировать общества; структурные формы должны быть восстановлены более современным способом, который облегчит их принятие.

Некоторые из уже сделанных изменений исторически необратимы. Тем самым восстановление права придавать форму своему собственному будущему создало бы опасную и даже трагическую «пустоту в системе». Предчувствие такой критической ситуации уже беспокоит людей в данных странах, подавляя их волю к действиям. Такая ситуация должна быть немедленно предотвращена. Единственный способ достичь этого состоит в хорошо организованных усилиях в области аналитического и конструктивного мышления, направленных на общественную систему с ультрасовременными экономическими и политическими принципами.

Даже нации, страдающие под гнётом патократических правительств, приняли бы участие в таких созидательных усилиях, что могло бы послужить отличным входным сигналом для вышеупомянутой общей задачи лечения нашего больного мира. Непоколебимые в нашей надежде о скором приходе времени возврата таких наций к системам нормальных людей мы должны построить социальную систему с прицелом на постпатократическое будущее.

Эта социальная система будет положительно отличаться от всех её предшественниц. Реалистичное представление о лучшем будущем, а также участие в его создании исцелит разбитые человеческие души и привнесёт порядок в их мыслительные процессы. Эта конструктивная работа обучает людей самообладанию в различных условиях и обезоруживает каждого, кто служит злу, усиливая их чувство раздражения и осознание того, что их патологическая деятельность подходит к своему концу.

Внимательное прочтение данной книги может позволить нам различить контуры творческого видения такой будущей социальной системы, такой необходимой для наций, страдающих под патократическим правлением. Если это удастся, то это станет наилучшей наградой за усилия автора. Та-

кое видение сопровождало меня на протяжении всей работы над данной книгой (несмотря на то, что я не мог ни дать ему название, ни подробно описать его). Это видение помогло мне и оказалось весьма полезным в будущем. Поэтому в некоторой степени оно присутствует в строках данной работы, а также между ними.

Такая социальная система будущего должна гарантировать гражданам широкий спектр личной свободы и предоставлять возможность использования их творческих возможностей как в личных, так и в коллективных усилиях. Но в то же время она не должна указывать на хорошо известные слабые стороны демократии в сфере внутренней и внешней политики. В такой системе личные интересы и общественное благо должны быть не только сбалансированы соответствующим образом, но и вплетены в общую картину социальной жизни на уровне, на котором понимание её закономерностей приводит к исчезновению всяческих разногласий между ними. Мнения широких масс населения, диктуемые прежде всего голосом базисного интеллекта и зависящие от обыденного мировоззрения, должны быть уравновешены способностями людей, использующих объективное познание реальности и имеющих соответствующий опыт в их сферах деятельности. С этой целью должны использоваться подходящие и хорошо продуманные системные решения.

Основные принципы практических решений в такой улучшенной системе будут содержать в себе создание правильных условий для обогащённого развития человеческих личностей, в том числе их психологического мировоззрения, социальная роль которых уже была представлена в данной работе. Нужно максимально способствовать индивидуальной социопрофессиональной адаптации, созданию межличностной сети и здоровой социопсихологической структуре.

Структурные, правовые и экономические решения должны рассматриваться таким образом, чтобы выполнение этих критериев также сделало бы возможным оптимальную самореализацию индивидуума в рамках социальной жизни, что одновременно пошло бы во благо всего сообщества. Вслед за этим прочие традиционные критерии, как, например, динамика экономического развития, окажутся второстепенными в сравнении с этими более общими моральными ценностями. Результатом этого будет экономическое развитие страны, политические навыки и созидательная роль

на международной арене.

Поэтому приоритеты с точки зрения ценностных критериев будут последовательно смещаться в сторону психологических, социальных и моральных данных. Это будет происходить в согласии с духом времени, однако осуществление этого требует сообразительности и конструктивного мышления, чтобы достичь вышеупомянутых практических целей. Ведь всё начинается и заканчивается в человеческой психике.

Такая система должна была бы быть эволюционной по своей природе, так как она основывается на принятии эволюции как закона природы. Естественные эволюционные факторы играли бы в ней важную роль. Так, например, процесс познания постепенно протекал бы от более примитивных и легко постижимых данных до более реальных, существенных и тонких проблем. Принцип эволюции должен был бы быть твёрдо закреплён в основных философских принципах такой системы с целью её защиты от будущих революций.

Такая социальная система по своей природе была бы более устойчивой к опасности возникновения в ней макросоциальных патологических феноменов. Её принципы представляли бы собой более развитое психологическое мировоззрение и структуру общественных связей наряду с научным и социальным осознанием сущности таких феноменов. Это должно составлять основу для зрелых методов воспитания. Такая система также должна иметь выстроенные на постоянной основе институты, доселе неизвестные нам, задача которых будет заключаться в предотвращении развития понерогенных процессов в обществе, в особенности в органах власти.

«Совет мудрецов» был бы институтом, состоящим из нескольких людей с высочайшей общей, медицинской и психологической квалификацией. Этот совет имел бы право проверять физическое и психологическое здоровье кандидатов до их избрания на самые высокие правительственные должности. Негативное мнение этого совета [касательно того или иного кандидата] должно быть труднооспоримым. Этот «совет мудрецов» служил бы главе государства и законодательным органам, а также оказывал бы исполнителям поддержку в вопросах, входящих в его научную компетенцию. Он также обращался бы к общественности по важным вопросам биологической и психологической жизни, затрагивающим важнейшие моральные аспекты. В обязанности такого совета также входило бы поддер-

жание контакта и дискуссий с религиозными общинами по таким вопросам.

Система безопасности для людей с различными психическими отклонениями отвечала бы за облегчение их жизни, одновременно ограничивая их участие в процессах зарождения зла. В конечном итоге таких людей всё-таки можно убедить, если пойти им навстречу с правильными знаниями об этой проблеме. Такой подход также смог бы помочь постепенно снизить нагрузку наследственных отклонений генофонда на общество. Совет мудрецов также взял бы на себя роль научного надзора за такой деятельностью.

Правовая система подверглась бы обширным преобразованиям практически в каждой сфере, постепенно эволюционируя от формул, основанных на обыденном мировоззрении общества и старых традициях, до правовых решений, основанных на объективном восприятии реальности, особенно её психологического аспекта. В результате этого изучение права претерпело бы настоящую модернизацию, так как оно стало бы научной дисциплиной, основанной на тех же эпистемологических принципах, что и все другие науки.

То, что мы сегодня называем «уголовным» правом, было бы заменено другим типом законов с полностью усовершенствованными принципами, основанными на понимании происхождения зла и личностей людей, совершающих его. Такие законы были бы намного более человечными и предоставляли бы отдельным людям и обществам более эффективную защиту от незаслуженного дурного обращения. Конечно же, такие оперативные меры были бы намного более сложными и более зависимыми от лучшего понимания причинных связей, чем это когда-либо было бы возможным в карательной системе. Тенденцию к трансформации в этом направлении уже можно видеть в законодательстве цивилизованных наций. Предлагаемая в данной книге социальная система должна преодолеть господствующие в этой области традиции более эффективным образом.

Ни одно правительство, система которого основана на понимании законов природы — независимо от того, относятся ли они к физическим и биологическим феноменам либо к природе человека — не вправе посягать на суверенитет (в том смысле, в каком он понимался в 19-м веке) и основанные на нём националистические или тоталитарные системы. Все

мы дышим одним и тем же воздухом и пьём одну и ту же воду. Тем самым всеобщие культурные ценности и основные моральные критерии становятся более распространёнными. Мир взаимосвязан посредством транспортных сообщений, коммуникации и торговли — он стал Нашей Планетой. В таких условиях взаимозависимость и сотрудничество с другими нациями и наднациональными институтами, а также моральная ответственность за общую судьбу становятся законом природы. Национальный организм становится саморегулируемым, но не полностью независимым. Это должно регулироваться посредством надлежащих соглашений и должно быть включено в национальные конституции.

Такая воображаемая система превосходила бы всех её предшественниц, так как она основывается на понимании законов природы, действующих в индивидуумах и обществах, и постепенно заменяла бы объективными знаниями взгляды, основанные на обыденных реакциях на эти феномены. Нам следует назвать её *логократией*.

Благодаря своим свойствам и согласованности с законами природы и эволюции, логократические системы могли бы гарантировать социальный и международный порядок на долгосрочной основе. В гармонии со своей природой логократии стали бы ещё более совершенными — расплывчатое и отдалённое видение в сравнении с тем, что мы считаем возможным сегодня.

Я выжил во многих опасных ситуациях и глубоко разочаровался во многих людях и институтах. Однако Великое Провидение никогда не обмануло мои надежды — даже в самых сложных обстоятельствах. Одного лишь этого достаточно для моего обещания, что создание более детального эскиза такой неизбежно лучшей системы также будет возможным.

Послесловие издателя: предостережение

Когда в апреле 2006 года было опубликовано первое издание этой книги, мы понимали, что это с высокой вероятностью вызовет обратную реакцию. Приведённые в данной книге описания способов и средств, с помощью которых патологические индивидуумы захватывают и подтачивают социальные структуры нормальных людей, содержали слишком много точных клинических данных, чтобы остаться без внимания «идейно бдительных заинтересованных сторон».

Автор, подверженный арестам и в конечном итоге высланный из его родной Польши, в 80-х годах направился в США и обнаружил, что американские органы власти были такими же невосприимчивыми к тезисам его книги.

Теперь, когда *Политическая понерология* всё-таки была опубликована и получила широкое распространение, не удивительно, что с различных сторон были вновь предприняты изощрённые попытки по дискредитации этой важнейшей работы Лобачевского. Эти попытки по дискредитации принимают форму следующих якобы убедительных аргументов:

Первая группа утверждает, что *Политическая понерология*, подразделяя население на «нормальных и патологически ненормальных людей», имеет своей целью разделение, которое могло бы быть использовано для оправдания «погромов», и поэтому продвигает те самые идеи, которые осуждает Лобачевский. Согласно этому аргументу нам не следует обсуждать эти проблемы — даже если они реальны, — потому что они могут стать причиной геноцидов, происходивших на протяжении всей человеческой истории.

Вторая группа нападок состояла в принятии и восхвалении идей *Политической понерологии* теми самими людьми, которые в ней анализирова-

лись, то есть людьми без совести, нагло пытавшимися очернить эту работу посредством ассоциации.

Если фундаментальное различие между патологическими индивидуумами, описываемыми в книге, и нормальными людьми сводится к вопросу совести (Роберт Хаэр справедливо отмечает в своей работе *Лишённые совести: пугающий мир психопатов*, что психопаты не имеют совести), то реакция на книгу Лобачевского может поспособствовать дальнейшему акцентированию этого разделения среди людей.

Давайте поближе рассмотрим эти точки зрения.

Мы и они

На протяжении всей нашей истории невидимый враг среди нас использовал всевозможные виды физиологических и материальных различий между людьми для их разобщения и настраивания друг против друга: цвет кожи, язык, национальность, благосостояние и социальную позицию, религию; нет ничего, что было бы слишком маленьким, слишком большим или неприкосновенным и не могло бы использоваться для разжигания ненависти в сердцах людей и настраивания против других. Сколько миллионов людей были жестоко убиты, сколько других жизней было разрушено во имя таких поверхностных различий?

Таким образом, различия бесспорно могут использоваться в ущерб интересам нормальных людей.

Но означает ли это, что мысль о различии как таковом также должна быть отвергнута? Разве невозможно провести различие между различными формами различий? «Различие, имеющее значение», как сформулировал Грегори Бейтсон?

Приведённые выше различия материальны, быстро распознаваемы и поверхностны. Они приводят к нисходящим обобщениям, игнорирующим различия в индивидуумах одной и той же группы. Например, фундаменталистские христиане придерживаются, как правило, экстремистских взглядов на религию, однако предполагать, что по этой причине все фундаменталистские христиане плохие люди, было бы неразумным.

Другая проблема состоит в том, что такие обобщения и навешивания ярлыков всегда формулируются моральным образом: «мы»лучше, чем «они»,

и затем приводится ряд причин, якобы подтверждающих это предположение. Приведённые причины часто основываются исключительно на ненависти и предрассудках, которые, в свою очередь, усиливаются и повторяются СМИ.

Подход Лобачевского кардинально иной. В противоположность упомянутому нисходящему методу, Лобачевский подходит к этой проблеме «снизу вверх»: каждый патологический индивидуум должен идентифицироваться и рассматриваться как отдельный случай.

Эта отличительная особенность различия, проводимого Лобачевским, заключается в том, что оно не является ясно заметным или очевидным. Не существует никакой огромной сети, с помощью которой можно было бы «выудить» целые группы людей. Это различие, основанное на поведении, на том, соответствуют ли слова человека его поступкам или нет. Это различие, требующие от нас детального изучения индивидуума и проверки в течение некоторого времени, совпадают ли его слова с его поступками, а также того, какое влияние эти слова и поступки оказывают на людей, с которыми он взаимодействует. Оно не является очевидным или легко различимым. Его нельзя быстро и опрометчиво охарактеризовать.

Даже если патократы занимают все важные влиятельные посты, их всех всё равно не удастся «выудить» широкой сетью, так как диагностирование специфических патологий должно проводиться отдельно для каждого из них.

Второй аспект, отличающий подход Лобачевского от использовавшихся до настоящего времени методов, заключается в том, что мы имеем дело с различием, основанном на совести. Поэтому каждый метод идентификации патологических индивидуумов также должен руководствоваться совестью. Если для идентификации психопатов и прочих шизоидных индивидуумов некто предложит прибегнуть к жестоким и бесчеловечным методам, то это признак того, что он сам имеет определённое психическое отклонение или находится под понеризирующим влиянием. Унижение психически ненормальных людей, вместо оказания им медицинской и психологической помощи и понимания их патологий, приведёт к тому, что «рабы» вырвут кнут из рук их «хозяев» и восстанут против них. Одну группу патократов нельзя заменять другой, но именно это произошло бы в таком случае.

Если эти патологии осознаны как форма болезни, то они могут поддаваться лечению, а не мести или возмездию. Для неизлечимых случаев могут быть найдены гуманные методы изоляции для предотвращения влияния этих индивидуумов на общественную жизнь, в которой они могли бы навязать свои патологические взгляды на реальность другим людям. Они имеют право на существование, но не имеют права диктовать большинству мировоззрение и стандарты меньшинства. 6% населения не имеет право навязывать свою волю оставшимся 94%.

Более того, обогащая уровень своих знаний о существовании и опасностях этих патологий и широко освещая сущность и принципы действия патократической системы, а также тренируя свою способность распознавать и реагировать на используемые патократами манипуляции, нормальные члены общества смогут иммунизировать себя от них.

Невежество — наша величайшая слабость. Сегодня мы не только беззащитны против их манипуляций, но мы также абсолютно не осознаём их существование как отдельного класса людей, с которыми мы совместно проживаем на этой планете и которые правят ею.

Лобачевский подробно пишет об опасностях нравоучительной позиции. Смещая фокус нашего понимания на диагноз и лечение, мы можем устранить эту склонность к нравоучениям и позволить занять их место диагностированию, осуществляемому совестливыми людьми.

И последнее слово на тему «мы и они».

Нужно чётко осознавать, что процесс понимания как патократов, так и их патократии как платформы, с которой общество нормальных людей может вернуть под контроль свои собственные жизни, ни в коей мере не подразумевает борьбу против чего-либо. Это было бы вновь сродни попаданию в ловушку нравоучительного поведения. Мы не ввязываемся в борьбу, но защищаем себя, используя свою совесть. По этой причине работа по изобличению патократов может осуществляться лишь теми людьми, которые говорят от имени совести, и чьи поступки руководствуются совестью. Мы не ведём войну, в которой «враг моего врага — мой друг». Единство состоит лишь в единстве вокруг «ядра совести».

Мы не можем вступать в союз с людьми, чьи поступки демонстрируют, что в лучшем случае они подверглись понеризации, а в худшем — сами являются частью проблемы. Это приводит нас ко второму пункту.

Маргинализация политической понерологии

Существует ряд методов по предотвращению циркуляции и распространения идей, которые скрытые силы считают опасными. Первый метод состоит в предотвращении их публикации. Лобачевский описывает, как Збигнев Бзежинский предпринял всё возможное, чтобы помешать выходу его книги, одновременно восхваляя её и обещая посодействовать в её издании.

20 лет спустя, после того, как издательство Red Pill Press получило манускрипт и решило его опубликовать, им пришлось прибегнуть к новой стратегии для дискредитации книги и результатов её исследований. Сегодня мы видим, как идеи Лобачевского подхватываются группами и индивидуумами, явно придерживающимися экстремистских взглядов, включая неонацистов и белых расистов. Необходимо подчеркнуть, что когда люди, прилагающие значительные усилия для реабилитации одних из самых явных и жестоких психопатов прошлого столетия, подхватывают идеи Лобачевского, то имеет место очевидная и опасная нестыковка. Либо они сами являются патологическими индивидуумами, либо они не поняли ничего из того, как нормальные люди становятся жертвами психопатов благодаря особым психологическим знаниям, которыми последние обладают о них.

Когда сегодняшние латентные экстремисты подчёркивают мнимую «культуру» или «культивированную речь» некой исторической фигуры с явно патократическими чертами, или её «доброту по отношению к детям и животным» как подтверждение тому, что она была «неправильно понята» или «испытала несправедливое отношение», то это достаточное доказательство того, что использование параморализмов и паралогизмов не вышло из моды с падением Советского Союза.

Человеческая история — это история власти и режимов, расцветающих и увядающих. За многими из этих режимов стояли люди, подходящие под описание патологических типов в этой книге. Хотя Лобачевский даёт нам — возможно, впервые в документированной истории — ключ к пониманию этого процесса, вплотную приближающий нас к истинной природе человеческого зла в нашем мире, очевидно, что эти знания вызовут ещё больше ужаса и страданий, если попадут в руки людей, описываемых на страницах этой книги. Лишь при условии, когда нормальные люди — миллиарды людей, обладающих совестью, — смогут осознать реальную угрозу,

стоящую перед нами, и научатся самостоятельно иммунизировать себя от неё, у нас есть шанс разорвать этот порочный круг.

Послесловие автора: проблемы понерологии

Изучение патологических отклонений начало проводиться в Европе с момента зарождения современной психиатрии в конце 19-го века. В течение первых 30 лет 20-го века некоторые выдающиеся европейские психиатры были пионерами в этой области. За этим последовало время преследований, не только науки, но и самих учёных. Учитывая то, что сегодня известно в западном мире, многое из этой работы было, кажется, потеряно безвозвратно.

Например, в моё студенческое время в Польше рассказывали историю о выдающемся немецком профессоре, сделавшим анализ психопатической личности Гитлера. По всей видимости, он пытался предупредить немцев о том, что Гитлер приведёт Германию к ужасной катастрофе. Его отправили в концентрационный лагерь, где он умер от побоев. Рассказывали, что его последние слова были: «Я однозначно это доказал!» К сожалению, я не смог узнать его имени, поэтому эта история осталась неподтверждённой. Тем не менее она интересна тем, что была одной из многих похожих историй, курсировавших в то время в научном сообществе.

В то же время Советы, кажется, осознали опасность, исходящую от науки. Они не только остановили изучение генетики,[1] но и методически пы-

[1] Дискуссия о роли воспитания и природных факторов в [формировании характера и способностей человека] нигде не была более обострённой, чем в Советском Союзе. По идеологическим причинам прогресс в области генетики был приостановлен на 25 лет. Марксисты не смогли принять неизменность некоторых человеческих качеств, обусловленную биологическим программированием… Маркс настаивал на том, что человека можно изменить посредством изменения общества; как только революция одержала бы победу, возникло бы новое, лучшее человечество. По сути это была теория наследственности. Процесс создания нового человека в Советском Союзе зашёл дальше, чем в какой-либо другой стране. Массы выполнили первый пятилетний план всего за четыре года, уничтожив при этом миллионы кулаков и представителей интеллигенции, все из которых были якобы грабителями и вредителями…

тались ликвидировать независимые исследования в области психологии и захватить политический контроль над наукой, чтобы использовать её в своих гнусных целях. Несколько лет спустя после окончания Второй мировой войны был проведён обыск во всех публичных библиотеках Польши, все «опасные» книги были изъяты и уничтожены. Профессоров поставили в известность о том, какие темы были разрешены в их лекциях, и как им следовало их преподавать. «Власти» устанавливали, что было разрешено понимать психиатру или клиническому психологу. Большая часть ценных исследований, проводившихся в то время, была подавлена и забыта.

Затем в США Херви Клекли и другие исследователи взяли на себя задачу вновь открыть то, что уже было изучено в горниле той самой темы, которую они пытались понять: социально опасные психические аномалии. Однако у них не было доступа к результатам предыдущих научных исследований, проводившихся в Европе. Никто на Западе не имел к ним доступа, так как они были тщательно скрыты из поля зрения общественности.

Для меня и других исследователей процесса возникновения зла и сущности макросоциальных патологических феноменов, охвативших наши страны, эта старая европейская наука, сохранившаяся в наших умах из лекций, читавшихся до начала политических угнетений, заложила основу нашего понимания. Я считаю, что восстановление этой науки, сформированной

Эта идеология — наряду с её поддельными экспериментами — имела катастрофические последствия. В 1942 году Трофим Лысенко утверждал, что если посеять озимую пшеницу (обычно выращиваемая в местах с достаточно мягким климатом) в Сибири на стернях яровой пшеницы, то она сможет пережить даже холоднейшую зиму. Эта «яровизация пшеницы» (которая просто потерпела неудачу) была навязана крестьянам и в конечном итоге привела к голоду.

В 1948 в СССР генетика прекратила своё существование… Наследственная передача приобретённых черт характера стала законом… Много лет спустя Хрущёв сказал Лысенко: «Вы со своими экспериментами можете отправляться на Луну», и с 70-х годов генетика в Советском Союзе вновь приобрела статус науки. Лысенко был зеркальным отражением взглядов, распространённых в Германии и в других странах в 30-х годах, согласно которым гены определяли всё. Известно, что сам Гитлер прочитал научную работу на тему человеческой генетики, и что многие эксперты в области «расовой гигиены» (как это называли в то время) участвовали в массовом уничтожении людей. Поиск людей с лучшими генами и уничтожение тех, кто якобы имел худшие гены, было для них единственным способом улучшения общества. Тем не менее эта идея также не выдержала проверку историей. (Стивен Джоунс, *In the Blood*, Harper Collins, 1995) [Прим. ред.]

исследователями и психиатрами того времени и уничтоженной фашизмом и коммунизмом, является непременным условием дальнейшего прогресса в изучении макросоциального зла. Важно отметить, что возникшая в то время европейская терминология в этой области, была более развитой и ясной. Сегодня в западном мире, как кажется, в терминологии присутствует большая путаница.

Как я узнал из научной публикации Салекина, Тробста и Криоковой,[2] в США в качестве основной системы распознания и оценки психопатий используется хорошо продуманный личностный опросник. Такая система может значительно повысить вероятность правильного диагноза, однако не обеспечит достаточную определённость по причине типовой вариации. Нам срочно необходимы практические подходы и дальнейший научный прогресс. Необходимая определённость в постановке диагноза может быть достигнута с помощью знаний о различных типах психических аномалий, выработанных в утраченных сегодня научных работах европейских учёных.

Согласно моему опыту клинического психолога и исследователя природы зла в области психопатологии мне представляется, что почти половина патологических факторов, участвующих в процессах возникновения зла — понерогенезе — являются результатом различных типов повреждений мозговой ткани. На психопатии здесь приходится не самая большая доля. Существуют также и другие факторы, как, например, то, что широко известно как расстройство множественной личности. Концентрация внимания на одних лишь психопатиях может привести к одностороннему пониманию основной проблемы и к ошибкам в практике, особенно психотерапии. Ситуация в отношении случаев психопатии ещё более запутанная. Тем не менее я надеюсь, что обширные знания о биологической природе и генетических свойствах специфических типов психопатии могут открыть путь к пониманию этой проблемы. Именно по этой причине я привожу здесь мои замечания, основанные на моей тренировке и опыте, полученных в центре событий, которые мы надеемся, нет — должны понять.

Нашей целью должно быть сокращение активности патологии в процессе возникновения зла в обществе, а также его трагических результатов

[2] Салекин, Тробст и Криокова, «Construct Validity of Psychopathy in a Community Sample: A Nomological Net Approach», *Journal of Personality Disorders* 15:5 (2001): 425–441.

на всех уровнях: от отдельных людей (например, женщин, становящихся жертвами психопатов) до семей, социальных групп и движений вплоть до арены политических событий. Такая цель требует глубоких и детальных знаний о природе всех [патологических] аномалий. Все знания, собранные европейскими психиатрами старой школы, а также современные достижения должны быть тщательно рассмотрены и учтены в будущих исследованиях. Современный уровень знаний может быть достаточным для понимания этого макросоциального феномена, однако для полного осознания стоящей перед нами задачи он будет всё ещё неадекватным, так как индивидуальные случаи также играют важную роль.

С моей точки зрения, основная задача состоит в различении аномалий: были ли они вызваны повреждением мозговой ткани или обусловлены генетической наследственностью? Это вопрос также входит в сферу компетенции психолога. Определение места и типа повреждения в головном мозге не вызывает особых трудностей, если используются стандартные тесты и технологии. Можно наблюдать, что люди с патологиями, вызванными такими механическими нарушениями, чаще всего являются инициаторами макросоциальных процессов, приводящих к крупномасштабным человеческим страданиям; они создают предпосылки для дальнейшей активности переданных по наследству патологических факторов. Эти условия, кажется, легче взять под контроль посредством психотерапии. Ввиду того, что повреждения головного мозга не являются наследственными, терапевт обязан информировать своих пациентов и всех непосредственно связанных с ними людей об отсутствии опасности передачи их по наследству, поэтому план лечения должен быть другим в сравнении со случаями, вызванными наследственными факторами.

В части понерологической активности (и здесь я не имею в виду явно криминальное поведение, хотя оно также может играть определённую роль, даже если остаётся необнаруженным) в моей практике самыми активными были случаи лобной характеропатии. (Я полагаю, что в западном мире характеропатии часто обозначаются как «личностные расстройства».)

Повреждения в регионах 10A и 10B головного мозга наблюдаются главным образом у новорождённых и являются следствием неонатальной гипоксии и различных других болезней, часто встречающихся в этом кри-

тическом возрастном периоде. Эти патологические свойства незаметны у детей дошкольного возраста. Тем не менее с возрастом эти проблемы растут, и, как правило, к 50 годам формируется ярко выраженная понерогенная личность. Наглядный и типичный тому пример — Сталин. При этом необходимо провести сравнительные исследования этой особо понерогенной характеропатии, сформировавшейся одновременно с перинатальным повреждением лобных долей его головного мозга. Литература и новости о нём изобилуют соответствующими признаками: жестокий, харизматичный, завораживающий как змея; принятие безвозвратных решений; нечеловеческая жестокость, патологическая мстительность, направленная на каждого, кто вставал у него на пути; эготистическое убеждение в своей гениальности вопреки его среднестатистическому интеллекту. Это состояние также объясняет его психологическую зависимость от такого психопата, как Берия. На некоторых фотографиях Сталина однозначно видна характерная деформация лба, встречающаяся у людей, перенёсших в раннем возрасте травму вышеупомянутых областей мозга.

Современное акушерство и неонатальный уход значительно снизили вероятность появления таких типов характеропатии, однако предстоит сделать ещё очень многое. В наши дни мы наблюдаем менее тяжёлые случаи. По этой причине улучшенное медицинское обслуживание — особенно женщин и детей — должно быть включено в каждый план борьбы со злом на макросоциальном уровне. Надеюсь, что мы больше не увидим людей, подобных Сталину.

Позвольте мне ещё раз вкратце обрисовать основные категории с некоторыми дополнительными деталями, которые не были включены в первоначальный текст.

Параноидные расстройства характера — это ещё один тип характеропатии, вносящей свой вклад в возникновение зла. Сегодня мы знаем, что психологический механизм параноидных феноменов носит двоякий характер: с одной стороны, он вызывается повреждениями головного мозга, а с другой — является функциональным или поведенческим. Определённые поражения мозговой ткани вызывают притупление мышления и, как следствие, потерю контроля над структурой личности. Наиболее типичными являются случаи, вызванные агрессией в диэнцефалоне (промежуточном мозге) под влиянием различных патологических факторов, что приводит

к необратимому снижению тональных способностей, а также торможению тонуса в мозговой коре. Особенно во время бессонных ночей неконтролируемые мысли вызывают параноидное изменение взглядов на человеческую реальность, а также различные идеи — либо немного наивные, либо крайне революционные.

У людей, не страдающих от повреждений мозговой ткани, такие феномены наиболее часто возникают в результате воспитания параноидными характеропатами наряду с психологическим ужасом, перенесённым в детском периоде. Такой психологический материал, в свою очередь, ассимилируется и создаёт жёсткие стереотипы анормального опыта. Это осложняет нормальное развитие мышления и мировоззрения, и заблокированная пережитым ужасом информация трансформируется в постоянные, функциональные и застойные центры.

Для людей с параноидальным поведением типична способность к более или менее рациональному мышлению и участию в дискуссиях, вызывающих лишь небольшие разногласия. Всё внезапно меняется, как только аргументы их оппонентов начинают подтачивать их собственные переоценённые идеи, разрушать их устоявшиеся стереотипы мышления или заставляют их принимать умозаключения, которые они уже подсознательно отвергли. Это вызывает у них желание выпалить на оппонента тираду псевдологических, по большей части параморалистических и зачастую оскорбляющих высказываний, всегда содержащих некую долю внушения.

Подобные высказывания вызывают отвращение среди образованных и рациональных людей, стремящихся после этого избегать параноиков. Как бы то ни было, сила параноиков состоит в том, что они с лёгкостью способны порабощать менее критические умы, то есть людей с прочими психологическими недостатками (в частности, большую часть молодёжи), уже ставших жертвами эготистического влияния индивидуумов с расстройствами характера.

Пролетарий, возможно, воспринимает эту силу порабощения как своего рода победу над людьми, принадлежащими к более высокому классу, и поэтому становится на сторону параноика. Тем не менее это ненормальная реакция для большинства людей, воспринимающих психологическую реальность в такой же мере, как и интеллектуалы.

Подводя итог вышесказанному, принятие параноидной аргументации в

качественном отношении происходит чаще в обратной зависимости от цивилизованности данного общества. Как бы то ни было, параноики со временем осознают своё порабощающее влияние на других людей — через собственный опыт и попытки злоупотребления им патологически эготистичным образом.

Психопатии — это аномалии, передающиеся по наследству и встречающиеся в основном в человеческом инстинктивном субстрате. Они представляют собой недостатки природного филогенетического капитала, но являются при этом многообразными по своей природе. Нам известно большое количество различных видов этих аномалий, которые отличаются друг от друга как по своей природе, так и в наследственной передаче. Поэтому нам необходимо понимать с самого начала, что они являются биологически различными категориями.

В части понерогенеза самая активная категория — это то, что запрещённые учёные того времени называли «первичной психопатией». В наши дни этот тип описывается многими исследователями, хотя они зачастую используют различную терминологию.

Эта аномалия хорошо известна по причине её часто драматической вовлечённости в жизненные трагедии женщин. Колин Уилсон описывает этот тип как «правый человек».[3] Другие называют его «доминантным мужчиной» или «альфа-самцом», хотя в нашем случае мы имеем дело с крайностями поведения этого типа, а не просто с обычными доминантными или лидерскими качествами. Это описание, несмотря на использование другой терминологии, позволяет нам лучше представить себе этот тип первичной психопатии. В большинстве случаев первичный психопат представляет собой домашнего тирана, терроризирующего свою семью. Однако их можно встретить во всех сферах человеческой деятельности. Их можно распознать уже в раннем периоде их жизни — как обидчиков других детей и мучителей беспомощных животных.

Работа Уилсона базируется на научных выводах Альфреда ван Вогта, автора многочисленных психологических исследований. Концепция «правого» или «жестокого человека» ван Вогта уместна в данном контексте благодаря её описанию патологии, о которой идёт речь; не столько из-за её интерпретации. Уилсон пишет:

[3] англ. «right man», то есть «честный», «порядочный» человек.

В 1954 году ван Вогт начал работать над своим военным романом *The Violent Man*, события которого разворачивались в китайском лагере для военнопленных. Комендант лагеря — один из тех жестоких и авторитарных людей, способных мгновенно и без колебаний отдать приказ на экзекуцию каждого, кто бросает вызов его авторитету. Ван Вогт создал этого персонажа на основе наблюдений таких личностей, как Гитлер и Сталин. Раздумывая над зверским поведением этого коменданта, он задавался вопросом: «Что могло бы побуждать такого человека?» Почему некоторые люди считают каждого, кто противоречит им, либо бесчестным, либо абсолютно злым? Действительно ли они считают себя, в глубине своей души, непогрешимыми богами? Если это так, то разве они не являются в некотором смысле сумасшедшими, подобно тому, кто считает себя Юлием Цезарем?

В поисках подходящих примеров у ван Вогта сложилось впечатление, что мужское авторитарное поведение слишком распространено, чтобы его можно было назвать безумием <…> [Например,] согласно наблюдениям ван Вогта брачный союз порождает «авторитарную» личность во многих мужчинах <…>

Жестокий или «правый мужчина» <…> движим маниакальной потребностью в самоуважении — желанием «быть кем-то». Он одержим страхом «потерять лицо» и поэтому никогда, ни при каких обстоятельствах, не признает свою неправоту. …

Также интересна неудержимая, безумная ревность. Большинство из нас испытывают ревность в той или иной мере, так как сама идея, что любимый человек предпочитает кого-то другого, сродни нападению на наше тщеславие. Но «правый мужчина», чья самооценка напоминает постоянно гноящееся больное место, приходит в ярость от этой мысли, что порой приводит к убийствам. <…>

Он считает оправданными свои взрывы ярости, подобно разъярённому богу. Он считает, что всего лишь воздаёт по заслугам <…>

Одно становится очевидным во все случаях «правого человека»: его нападки не являются неизбежными; некоторые из его проступков тщательно спланированы, продуманы и совершены сознательно. Правый человек совершает их, так как верит, что они помогут ему пробиться в жизни, и это интересует его больше всего.

Это обстоятельство делает очевидным то, что проблема правого человека — это проблема крайне доминантных людей. Доминантность вызывает огромный интерес у биологов и зоологов, потому что доля доминантных животных — или людей — на удивление по-

> стоянна. Биологические исследования подтвердили, [что] по какой-то непонятной причине 5% — один из 20 — представителей любой группы животных проявляет доминантные черты, то есть обладает качествами лидера <…>
>
> «Рядовой» член этой доминантной 5-процентной группы не видит причин, препятствующих ему быть богатым и известным как некоторые другие. Он испытывает гнев и раздражение, когда не уважаются его «привилегии», и готов прибегнуть к неординарным методам на пути к власти. Это однозначно может объяснить растущий уровень преступности и насилия в нашем обществе <…>
>
> Мы также можем наблюдать, как многие из этих доминантных индивидуумов превращаются в «правых людей». В каждой школе с 500 учениками можно найти примерно 25 доминантных индивидуумов, борющихся за господствующее положение. Некоторые из них обладают естественными преимуществами: они хорошие атлеты, прилежные школьники и талантливые ораторы. (Конечно же, существует большое количество недоминантных школьников, достаточно талантливых для того, чтобы унести домой парочку выигранных трофеев.) Неизбежно существует некоторая доля доминантных учеников, не обладающих какими-либо особыми талантами или одарённостью; некоторые из них могут быть откровенно глупыми. Как такой человек удовлетворяет своё стремление к превосходству? Он будет неизбежно выражать свою доминантность всеми возможными способами. [Колин Уилсон *A Criminal History of Mankind*, 1984 г.]

Как бы то ни было, в своём анализе ван Вогт и Уилсон упускают из виду корень проблемы — первичную психопатию. Несмотря на то, что их описания внешних проявлений этого типа соответствуют действительности, генетические аспекты этой проблемы они упоминают лишь вскользь.

Во время моих собственных исследований мне стала ясна необходимость глубокого изучения этого [психологического] типа, когда появилось подозрение, что он играл существенную и вдохновляющую роль в макросоциальной патологии, которую мы всё ещё называем «коммунизмом». Частота его появления разнится от страны к стране. По моим оценкам, на моей родине — в Польше — этот показатель составляет 6%.

В инстинктивном субстрате таких индивидуумов отсутствуют естественные синтонические реакции. Выглядит так, как будто в их природной сущности имеются пробелы — подобно «недостающим струнам» музыкально-

го инструмента. В результате этого такие индивидуумы неспособны понимать тонкие человеческие эмоции и даже здравый моральный смысл. Они эгоисты и патологические эготисты, заставляющие других людей чувствовать и думать, как они требуют.

Благодаря моему многолетнему опыту наблюдения этого феномена и моих попыток найти его источник, я разделяю убеждение других исследователей, что эта аномалия наследуется через X-хромосому и не передаётся от отца к сыну. Если мать имеет нормальную хромосомную пару, то её сын получает свободный от этой патологии генотип. В некоторых случаях это существенная информация, так что наказания за «грехи отцов» не навлекаются на их сыновей. Носителями становятся дочери, которые часто, хотя и не всегда, проявляют некоторые патологические черты. Вопрос о том, почему эта патология проявляется не у всех из них, требует дальнейшего изучения.

Шизоидная психопатия встречается и проявляется схожим образом у обоих полов. Это наводит на мысль об аутосомальной передаче этой аномалии. В среднем она встречается чаще, чем первичная психопатия, однако значительно варьируется среди различных расовых и этнических групп. Она встречается чаще всего у евреев, и по причине своей исключительной устойчивости характеризует всю их цивилизацию и мировоззрение.

Инстинктивный субстрат шизоидного психопата в целом функционирует так, как будто стоит на зыбучем песке. У шизоидных психопатов отсутствует естественное чувство психологических реальностей. Они имеют очень высокий интеллект, который, однако, имеет сложности с расплывчатым восприятием человеческой природы. Несмотря на это их интеллект упорно стремится и пытается создавать влиятельные доктрины и аморальные стратегии, которые настолько хорошо продуманы, что вызывают суггестивный эффект на наивных людей с плохо развитым интеллектом. Шизоидные люди и их доктрины играли инициирующую роль в создании величайших макросоциальных трагедий нашего времени.

В семейных отношениях шизоидные психопаты вызывают у своих супругов состояние подавленности и депрессии. Менее интеллектуально развитые типы, кажется, легко подвергаются манипуляциям более хитроумных интриганов. Когда их ошибки в суждениях или ассоциациях приводят к серьёзным проблемам, они легко впадают в реакционное состояние,

близко напоминающее шизофрению.

Астеническая психопатия в числовом отношении является наиболее распространённой. Существуют сомнения о том, являются ли все симптоматически схожие случаи достаточно схожими с точки зрения номологии.[4] Как представляется, некоторые астенические типы определённо сыграли свою роль в процессе возникновения зла, в то время как другие типы, по-видимому, смогли с большей лёгкостью приспособиться к требованиям нормальной социальной жизни.

Скиртоидизм наблюдается одинаково часто у обоих полов. Эти люди эмоционально динамичны, вульгарны и не понимают тонких вопросов морали. Из скиртоидных мужчин получаются очень хорошие солдаты, но если их энергия не направляется в определённое русло, они становятся чрезмерно эготистичными и превращаются в более слабые версии вышеупомянутого «правого человека». Они плохо обращаются со своими жёнами и детьми, но в то же время достаточно озабочены своим собственным благополучием, чтобы не вступать в конфликт с законом.

Восточноевропейские психиатры старой школы также включили в свою классификацию «дебилизм» или «*салонных дебилов*».[5] Это качественная аномалия, считающаяся наследственной и в некоторой степени похожа на шизоидность. Индивидуумы с этой аномалией в целом порядочны, но в то же время для них характерна поверхностная, льстивая болтливость и неспособность понимать серьёзные вопросы.

Выше я перечислил наиболее часто описываемые типы психопатий, с которыми я знаком. Различные комбинации этих аномалий, а также их более редкие проявления — известные, неизвестные или недостаточно хорошо описанные — дополняют совокупность [психических] аномалий, скрытых в обществах. Такой пул существует в каждой стране, но его состав варьируется и затрагивает от 4% до 9% всего населения.

Детальные знания о природе всех этих аномалий, особенно об их биологических свойствах, должны лежать в основе каждого плана практических

[4] Согласно законам природы. Дедуктивно-номологическое объяснение — это формальный метод объяснения, основанный на проверке гипотез, проистекающих из общих законов. [Прим. ред.]

[5] В разговорном французском языке означает что-то вроде «сумасшедший человек» или «деревенский дурачок». [Прим. ред.]

действий во всех областях, которые могли бы оградить человечество от деятельности таких социальных патогенов. Что касается меня, то возможности одного единственного человека, совершавшего эту работу в сложных и практически невозможных условиях, были довольно скромными. Поэтому мне остаётся лишь обратиться к другим исследователям с призывом способствовать работе в этой важной области — ради выживания человечества.

Понимание того, какие типы психических отклонений активны в каждом процессе понерогенеза, и каким образом они участвуют в них, должно лежать в основе всех действенных контрмер. Например, такое понимание является решающим в психотерапии каждого человека, мировоззрение которого было искажено под влиянием патологической личности, и увеличивает вероятность успешного лечения.

Другой пример: попытки убедить кого-либо (как правило, женщин, хотя и не всегда), находящегося под влиянием первичного психопата, в целом обречены на провал. Но если мы зададимся вопросом, почему жертва психопата не распознала сразу его ненормальный мир «чувств» и мыслей, то во многих случаях обнаружим, что она проявляет мыслительные процессы и поведение, сформированные под ранним влиянием другой ненормальной личности, имевшей психические расстройства, вызванные травмой головного мозга. Это настолько часто бросалось мне в глаза, что требует здесь особого внимания и рассмотрения. Важно то, что осознание пациентом этого факта немедленно открывало путь для его эффективной психотерапии.

После этого психотерапевт может помочь пациенту развить полную осознанность этого пагубного влияния, а также найти силы и средства для преодоления или устранения этих тенденций из её или его личности. В результате этого пациент сможет переобучиться точным методам ощущения и понимания не только себя, но и других людей.

Как показывает практика, когда пациент стоит перед лицом определённых проблем, якобы не имеющих очевидных причин, и психотерапевт распознаёт пленительное влияние психопата в его жизни, то успешной терапии будет больше способствовать именно такой подход, с помощью которого можно разрешить не только эту сложную ситуацию, но и другую, скрытую проблему — влияние психопата, потому что пациент научится

распознавать аномалии в процессе самоидентификации.

Психотерапевты должны быть искусными. Факт в том, что психотерапия — это первая область, в которой понерология находит своё непосредственное применение. По моему опыту, понимание макросоциальных, а затем и групповых и семейных элементов, приводит к идентификации и реализации более конкретных и эффективных корректирующих мер. Затем эти анализы могут вызвать более стойкую реорганизацию личности пациента, а также помочь ему обогатить свой разум способностью к пожизненному самоуправлению. Некоторые сложности могут возникнуть при этом с менее смышлёными пациентами. Как бы то ни было, мой собственный опыт убедил меня в том, что изучение понерологии на всех уровнях должно быть добавлено в программу изучения психологии и стать частью профессиональной деятельности всех психотерапевтов.

В процессах понерогенеза на всех социальных уровнях — от индивидуальных до макросоциальных феноменов — участвуют самые различные психические аномалии. Они проявляют свою активность в отдельных людях, ограничивая их способность к самоконтролю, или проявляются в форме травмирующего или пленительного влияния на других людей, особенно на молодёжь, деформируя их личности и мировоззрения. Поиск этих разносторонних процессов понерогенеза, а также внутри них, — это задача и основная тема нашей науки. Понерология как научная дисциплина удовлетворяет требования принципа медицины: *Ignoti nulla curatio morbi*. Не пытайтесь лечить непонятую болезнь.

В целом выводы понерологии часто подкрепляют некоторые убеждения античных этиков, усиливая их со стороны естественнонаучного мышления. При использовании данных, которые прежде не принимались во внимание или были открыты лишь в последние десятилетия, понерология позволяет нам понять и решить многие загадочные и таинственные проблемы жизни, в том числе и те, которые терзают отдельных людей, семьи, общины и нации. В ближайшем будущем эта наука могла бы с большой вероятностью предотвратить исторические трагедии прошлого столетия.

Понерологический подход к психологии и психотерапии, возможно, также внесёт детальные корректуры в этические науки. Распознавая реальные причины и запутанные процессы понерогенеза, понерология внедряет механизм сортирования психологических и психопатологических аспектов

макросоциальных проблем, которые всегда должны приниматься во внимание. Поэтому традиционные, исключительно нравственные интерпретации зла можно оставить позади как архаичные и устаревшие реликты ненаучного прошлого. На то имеется веская причина, так как нравственные интерпретации не позволяют проводить достаточно эффективные контрмеры и нейтрализовать зло, которое изо дня в день появляется в новом обличье. Поэтому можно сказать, что исключительно этическое мышление, не учитывающее научный вклад понерологии, также является аморальным. Но так было на протяжении тысячелетий. Чтобы преодолеть эту долгую традицию, мы должны предстать перед лицом сопротивления философов; но это наш долг.

Понерологический подход представляется многообещающим во многих областях науки и практики. Такая новая интерпретация драматических событий истории — как прошлой, так и недавней — может заменить сухие повествования историков яркой картиной действительной динамики, способной показать нам реальные причины и тем самым предоставить новые возможности для предотвращения возникновения зла или по крайней мере более эффективного совладания с его последствиями. История человечества требует пересмотра и пересказа историками, разбирающимися в понерологии.

Понерология возникла в горниле попыток научно понять макросоциальный феномен того, что нельзя назвать никак иначе как экстремальное и непомерное зло: фашизм и советский коммунизм. После периода интеллектуальных невзгод, когда обычный язык социальных наук доказал свою несостоятельность в описании пережитого опыта, стало очевидным, что в первую очередь было необходимо разработать новую научную дисциплину и новый язык, чтобы иметь в распоряжении адекватные категории и термины для изучения и описания проблемы такого масштаба. Это развитие в конечном итоге привело к адекватным ответам и разработке подходящих научных описаний подлинного характера этого феномена. Эта макросоциальная система имела все характеристики патологического индивидуума, как я описал в моей книге. Я осознавал, что схожие феномены неоднократно возникали в истории человечества — в различных масштабах и в различных исторических условиях. Они всегда вносились в общество — подобно троянскому коню, — облачённые в идеологию некоего идеали-

стического и гетерогенного социального движения. Это происходит и в наши дни.

Во многих странах правовое регулирование помогло обществу отчасти справляться с этими патологиями. Но без объективных предпосылок и целей, основанных на принципах, раскрытых в понерологии, правовые нормы могут иметь лишь случайный эффект — путём проб и ошибок. И так будет продолжаться до тех пор, пока правовое регулирование не будет подкреплено понерологией. Но претворение этого изменения в жизнь не будет лёгкой задачей! Использование этой науки и её знаний вызовет землетрясение в умах традиционных юристов. Формирование улучшенной правовой системы потребует много работы, которая должна будет закончена в нужные сроки. Понадобятся новые пути и методы борьбы со злом в обществе — одной лишь системы наказаний будет недостаточно. Должны быть найдены новые средства по борьбе с возникновением зла.

Как мы возьмёмся за это?

Сначала необходимо полностью реорганизовать психологию, а также поддерживать и финансировать исследования во всех областях применения психологии, то есть во всех сферах общественной жизни. Затем будет необходимо продвигать эту науку и её полезность во всём обществе. Наряду с необходимой информацией о патологиях и обзором их макросоциальных последствий, эта научная дисциплина должна будет преподаваться в университетах. Популяризация настоящей психологии улучшит способность людей и обществ принимать более правильные жизненные решения. Базовые знания об истинной сущности зла, способные быть сформулированными с научных позиций, сделают людей более осмотрительными в межличностных отношениях и в жизни в целом.

Такие популяризированные предпосылки необходимы для развития науки и её многостороннего применения в обществе. Сообщества, понимающие ценности и идеи понерологии, будут поддерживать изменения, необходимые для борьбы с социальной патологией. Такая популяризация сделает возможным развитие так называемой «евгенической морали», которая могла бы вдохновить на добровольные усилия по постепенному (от поколения к поколению) снижению бремени передающихся по наследству

психопатологических аномалий. Наивность женщин, основанная на серьёзной нехватке точных психологических знаний, является основной причиной роста числа генетических психопатов, родившихся в последние 50 лет и продолжающих рождаться в наши дни.

Исключительно важно полностью понять важность понерологии как науки, а также то, насколько многочисленными будут области её применения для создания мирного будущего и гуманного человечества. Эта наука позволяет человеческому разуму понимать вещи, остававшиеся непознанными на протяжении тысячелетий: генезис зла. Это понимание вполне могло бы привести к поворотному пункту в истории цивилизации, которая в настоящее время находится на грани саморазрушения.

Поэтому я вас прошу: не отчаивайтесь от огромного объёма этой задачи! Примите это как пошаговую работу в надежде на то, что многие другие люди присоединятся к вам, обеспечив тем самым её успех.

Как представляется, в естественном порядке вещей люди, больше всех пострадавшие от психопатов или носителей других психических аномалий, почувствуют призвание к этой работе и возьмут на себя эту ношу. Если вы уже сделали это, мои дамы и господа, то примите также вашу судьбу с открытым сердцем, смиренностью и должным чувством юмора. Заручитесь поддержкой Вселенского разума и не забывайте, что величайшие ценности часто возникают в результате больших страданий.

Жешув, 24 августа 2006 г.

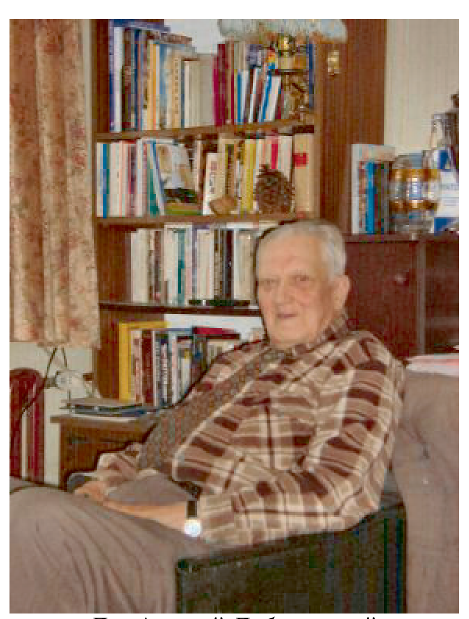
Об авторе

Анджей М. Лобачевский родился в 1921 году и вырос в сельском имении в красивом горном краю Польши. Во время оккупации нацистов он работал пчеловодом на ферме, а затем вступил в ряды Армии Крайовой, подпольной организации польского сопротивления. После советского вторжения в Польшу власти конфисковали имение и изгнали семью Лобачевского.

Работая, чтобы прокормить себя, он одновременно изучал психологию в Ягеллонском университете в Кракове. Условия жизни при власти коммунистов привлекли его внимание к теме психопатологии, особенно к роли психопатических личностей в таких системах правления. Он был не первым таким исследователем. Работа в этом направлении ранее тайно велась учёными старшего поколения, но была уничтожена вскоре после появления коммунистических органов безопасности. Позже Лобачевский стал один из тех, кто смог закончить свою работу и переложить её на бумагу.

Работая как в психиатрических, так и обычных больницах, а также в службе психологической помощи, автор отточил свои способности клинической диагностики и психотерапии. В конечном итоге, попав под подозрение политической власти в том, что он может слишком много знать о патологической природе системы, он был вынужден эмигрировать в 1977 году. В США он подвергся активному влиянию длинных рук советской разведки. Представленная здесь работа была написана в Нью-Йорке в 1984 году. Все попытки опубликовать эту книгу в то время оказались тщетными.

С подорванным здоровьем в 1990 году он вернулся в Польшу и начал лечение у своих старых друзей врачей. Его состояние постепенно улучшилось, и он смог вернуться к работе и опубликовать другие свои работы по психотерапии и социальной психологии. Анджей М. Лобачевский скончался в конце ноября 2007 года.

Д-р Анджей Лобачевский

Библиография

- Альфред Адлер. *О нервическом характере*. Спб.: Университетская книга, 1997.
- Светлана Аллилуева. *Двадцать писем к другу*. Москва: Книга, 1989.
- Assagiolli, Roberto. *Dynamic Psychology and Psychosynthesis*. New York Research Foundation, 1959.
- Becker, Ernest. *The Structure of Evil.* New York: The Free Press, 1968.
- Bilikiewicz, Adam (ed). *Psychiatria*. Warszawa: PZWL, 1998.
- Buhler, Charlotte Malachowski. *The Course of Human Life: A Study of Goals in the Humanistic Perspective*. New York: Springer Publishing Co., 1968.
- Campbell, Philip. «The nature of belief systems in mass publics» in David Apter, ed., *Ideology and Discontent*. New York: Free Press, 1964.
- Chirot, Daniel. *Modern Tyrants*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994.
- Cleckley, Hervey. *The Mask of Sanity.* 4th Edition. St. Louis: Mosby, 1983.
- Dabrowski, Kazimierz. *Psychoneurosis is Not an Illness*. London: Gryf Publications Ltd., 1972.
- Ллойд Демоз. *Психоистория*. Ростов-на-дону: Феникс, 2000.
- *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*. 3rd Edition.
- Doren, Dennis M. *Understanding and Treating the Psychopath*. New York: J. Wiley & Sons, 1987.
- Drewa, Gerard (ed). *Podstawy genetyki*. Volumed. Wroclaw, 1995.
- Edwards, Paul (ed). *Encyclopedia of Philosophy*. New York: MacMillan Publishing Co., Inc. & Free Press, 1972.
- Ehrlich, S. K. and R.P. Keogh. «The psychopath in a mental institution.» *Archiv neurol. Psychiatr* 76 (1956): 286-295.

- Ferrari, Giuseppe. *Teoria dei Periodi Politici*. 1872.
- Freud, Sigmund. *Basic Writings*. New York: Modern Library, 1955.
- Freud, Sigmund. *Studies in Hysteria.* New York: Basic Books, 1957.
- Goleman, Daniel. *Inteligencja emocjonolna.* Media Rodzina of Posnań, 1997.
- Goertzel, Ted. «Generational Conflict and Social Change.» *Youth and Society* (1972).
- Gordon, Thomas and Max Morgan-Witts. *Pontif*. New York: New American Library, 1964.
- Granovetter, Mark. «Threshold Models of Collective Behavior.» *American Journal of Sociology* 83 (1978): 1420-1443.
- Gray, K.C. and H.C. Hutchinson. «The psychopathic personality: a survey of Canadian psychiatrists' opinions.» *Canadian Psychiatric Association J.* 9 (1964): 452-461.
- Greenfield, Susan (ed). *The Human Mind Explained: An Owner's Guide to the Mysteries of the Mind*. New York: Holt, 1996.
- Hare, Robert, Ph.D. «Psychopathy and Antisocial Personality Disorder: A Case of Diagnostic Confusion.» *Psychiatric Times* 8:2 (February 1996).
- Роберт Д. Хаэр. *Лишенные совести. Пугающий мир психопатов.* Москва: Вильямс, 2017.
- Hartau, Frederyk. *Wilhelm II*. Lublin: Median s.c., 1992.
- Густав Херлинг-Грудзинский. *Иной мир: Советские записки.*. London: Overseas Publications Interchange, 1989.
- Hoess, Rudolf. *Commandant of Auschwitz: The Autobiography of Rudolph Hoess*. World Pub. Co., 1960.
- Карен Хорни. *Невроз и рост личности*. Москва: Академический проект, 2008.
- Карен Хорни. *Невротическая личность нашего времени*. Москва: Академический проект, 2006.
- Irving, David. *Secret Diaries of Hitler's Doctor*. London: Grafton Books, 1991.
- Jenkins, Richard. *Social Identity*. Routledge, 1996.

- Jenkins, Richard. «The psychopathic or antisocial personality,» *J. Nerv. Ment. Disease* 131 (1960): 318-332.
- Keller, Morton. «Reflections on Politics and Generations in America,» in *Generations*, edited by Stephen Graubard, 123-135. New York: Norton, 1979.
- Kępiński, Antoni. *Psychopatie*. Warszawa: PZWL, 1977.
- Артур Кёстлер. *Слепящая тьма*. Л., Лениздат, 1989.
- Klinberg, Frank. «The historical alternation of moods in American foreign policy.» *World Politics* 4 (1952): 239-273.
- Ежи Конорский. *Интегративная деятельность мозга*. М. : Мир, 1970.
- Эрнст Кречмер. *Строение тела и характер.* Москва — Петроград: Государственное издательство, 1924.
- Klinberg, Frank. «The historical alternation of moods in American foreign policy.» *World Politics* 4 (1952): 239-273.
- Łobaczewski, Andrew M. *Political Ponerology*, trans. Alexandra Chciuk-Celt, Ph.D. New York: University of New York, 1984.
- Łobaczewski, Andrzej. *Ponerologia polityczna – Nauka o naturze zła w zastosowaniu do zagadnień politycznych*. Rzeszów, 1997.
- Łobaczewski, Andrzej. *Chirurgia słowa.* Rzeszów: Mitel, 1997.
- Александр Лурия. *Высшие корковые функции и их нарушение при локальных поражениях мозга.* М., 1962, 2-е изд. 1969.
- Maher, Brendan (ed). *Contemporary Abnormal Psychology.* Harmondsworth, Middlesex, England: Penguin Books Ltd., 1974.
- Карл Маннгейм. *Избранное: Социология культуры., Эссе о социологии культуры*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Marias, Julian. *Generations: A Historical Method*. University of Alabama Press, translation, 1970.
- McCord, W. and J. *Psychopathy and Delinquency.* Grune & Stratton, 1956.
- Merz, Ferdinand und I. Stelz. *Einführung in die Erbpsychologie.* Stuttgard und Berlin: Verlag W. Kohlhammer, 1977.
- Miller, Alice. *Am Anfang war Erziehung*. Frankfurt am Main: Surkamp Verlag, 1951.

- Сильвия Назар. *Игры разума*. М.: Corpus, 2017.
- АнтонНоймайр. *Диктаторы в зеркале медицины. Наполеон. Гитлер. Сталин*. Ростов-на-дону: Феникс, 1997.
- Poradowski, Ks. Michal. *Dziedzictwo rewolucji francukiej.* Warszawa: Civitas, 1992.
- *Psychnews International* 2:5 (Oct-Dec 1997).
- *Psychotherapy: Journal of the Division of Psychotherapy of the American Psychological Association*.
- Raine, Adrian. «Psychopathy, Schizoid Personality and Borderline/Schizotypal Personality Disorders,» *Person. Individ. Diff.* 7:4 (1986).
- Russell, E.S. *Form and Function: A Contribution to the History of Animal Morphology*. Univ of Chicago Press, 1982.
- Salekin, Trobst, Krioukova. «Construct Validity of Psychopathy in a Community Sample: A Nomological Net Approach.» *Journal of Personality Disorders* 15:5 (2001): 425-441.
- Schlesinger, Arthur M., Sr. *Paths to the Present*. New York: MacMillan, 1949.
- Simonton, Dean Keith. «Does Sorokin's data support his theory? A study of generational fluctuations in philosophical beliefs.» *Journal for the Scientific Study of Religion* 15 (1976): 187-198.
- Sommerhoff, G. *Analytical biology*. Oxford University Press, 1950.
- Питирим Сорокин *Social and Cultural Dynamics, Volume Four: Basic Problems, Principles and Methods*. New York: American Book Company, 1941.
- Питирим Сорокин *Социокультурная динамика*. Москва: Директ-Медиа, 2007.
- Styczeń, Tadeusz SDS. *Wprowadzenie do etyki*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 1995.
- Taylor, Frederick Kraupl. *Psychopathology: Its Causes and Symptoms*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1979.
- Ziskind E., Somerfield-Ziskind E. Peter Jacob Frostig, 1896-1959. *Am J Psychiatry* 117 (November 1960): 479-8.

Список рекомендуемой литературы

- Altemeyer, Bob. *The Authoritarians*. home.cc.umanitoba.ca/∼altemey
- Babiak, Paul and Robert D. Hare. *Snakes In Suits: When Psychopaths Go To Work*. New York: ReganBooks, 2006.
- Black, Donald W., M.D. with C. Lindon Larson. *Bad Men, Bad Boys: Confronting Antisocial Personality Disorder*. New York: Oxford University Press, 1999.
- Black, Donald W., M.D. with C. Lindon Larson. *Lehrbuch Psychiatrie*. BeltzPVU, 1992.
- Blair, James, David Mitchell, Karina Blair. *The Psychopath: Emotion and the Brain*. Malden, MA: Blackwell, 2005.
- Brown, Sandra. *How To Spot a Dangerous Man Before You Get Involved*. Alameda, CA: Hunger House Inc., 2005.
- Brown, Sandra. *Women Who Love Psychopaths: Inside the Relationships of Inevitable Harm with Psychopaths, Sociopaths, & Narcissists*. 2nd edition. Penrose, NC: Mask Publishing, 2009.
- Brunner, Jose. «Oh Those Crazy Cards Again: A History of the Debate on the Nazi Rorschachs», 1946–2001. *Political Psychology* 22:2 (2001), 233–61.
- Cleckley, Hervey. *The Mask of Sanity*. Augusta, Georgia: Emily S. Cleckley, 1988.
- Collins, John, and Ross Glover (eds). *Collateral Language: A User's Guide to America's New War*. New York: New York Unitersity Press, 2002.
- Dąbrowski, Kazimierz. *Multilevelness of Emotional and Instinctive Functions*. Lublin, Poland: *Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego*, 1996 [1977].
- Dąbrowski, Kazimierz. *Personality-shaping Through Positive Disintegration*. Boston: Little, Brown, 1967.
- Dąbrowski, Kazimierz. *Positive Disintegration*. Boston: Little, Brown, 1964.
- Dąbrowski, Kazimierz. *Psychoneurosis Is Not An Illness*. London: Gryf, 1972.

- Dąbrowski, Kazimierz (with Andrzej Kawczak and Michael M. Piechowski). *Mental Growth Through Positive Disintegration*. London: Gryf, 1970.
- Dąbrowski, Kazimierz (with Andrzej Kawczak and Janina Sochanska). *The Dynamics of Concepts*. London: Gryf, 1973.
- Donaldson-Pressman, Stephanie, and Robert M. Pressman. *The Narcissistic Family: Diagnosis and Treatment*. San Francisco: Jossey-Bass, 1994.
- Felthous, Alan, and Henning Saß (eds). *International Handbook on Psychopathic Disorders and the Law*. West Sussex: John Wiley & Sons, 2007.
- Funder, Anna. *Stasiland: Stories from behind the Berlin Wall*. London: Granta, 2003.
- Gilbert, Gilbert M. *The Psychology of Dictatorship*. New York: Ronald, 1950.
- Goleman, Daniel. *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ*. 10th Anniversary Edition. New York: Bantam Dell, 2006.
- Griffin, David Ray. *The 9/11 Commission Report: Omissions and Distortions*. Northampton, MA: Olive Branch Press, 2005.
- Griffin, David Ray. *The New Pearl Harbor: Disturbing Questions about the Bush Administration and 9/11*. Northampton, MA: Olive Branch Press, 2004.
- Griffin, David Ray. *The New Pearl Harbor Revisited: 9/11, the Cover-Up, and the Expose*. Northampton, MA: Olive Branch Press, 2008.
- Хаэр, Роберт. *Лишенные совести. Пугающий мир психопатов*. Вильямс, 2017.
- Hedges, Chris. *American Fascists: The Christian Right and the War on America*. New York: Free Press, 2006.
- Kelly, Edward F., Emily Williams Kelly, Adam Crabtree, Alan Gauld, Michael Grosso and Bruce Greyson. *Irreducible Mind: Toward a Psychology for the 21st Century*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2007.
- MacDonald, Kevin B. *The Culture of Critique: An Evolutionary Analysis of Jewish Involvement in Twenieth-Century Intellectual and Political Movements*. New York: Praeger, 1998.
- Mack, Burton. *A Myth of Innocence: Mark and Christian Origins*. Minneapolis: Fortress Press, 2006.
- Mack, Burton. *Myth and the Christian Nation: A Social Theory of Religion*. London: Equinox, 2008.

- Magid, Ken, and Carole McKelvey. *The Psychopath's Favourite Playground: Business Relationships.*
- Massi, Jeri. *Schizophrenic Christianity: How Christian Fundamentalism Attracts and Protects Sociopaths, Abusive Pastors, and Child Molestors*. Jupiter Rising Books, 2008.
- Mendaglio, Sal (ed). *Dąbrowski's Theory of Positive Disintegration*. Scottsdale, AZ: Great Potential Press, 2008.
- Mouravieff, Boris. Gnosis: *Exoteric Cycle: Study and Commentaries on the Esoteric Tradition of Eastern Orthodoxy*. Robertsbridge: Praxis Institute Press, 2002.
- Needleman, Jacob. *Lost Christianity: A Journey of Rediscovery*. New York: Jeremy P. Tarcher/Penguin, 2003.
- Oakley, Barbara. *Evil Genes: Why Rome Fell, Hitler Rose, Enron Failed, and My Sister Stole My Mother's Boyfriend*. Amherst, NY: Prometheus Books, 2007.
- Prior, Michael. *The Bible and Colonialism: A Moral Critique*. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1999.
- Prouty, L. Fletcher. *The Secret Team: The CIA and Its Allies in Control of the United States and the World*. New York: Skyhorse Publishing, 2008.
- Ross, Colin A. *The C.I.A. Doctors: Human Rights Violations by American Psychiatrists*. Richardson, TX: Manitou Communications, 2006.
- Salekin, R.T., K.K. Trobst, M. Krioukova. «Construct Validity of Psychopathy in a Community Sample: A Nomological Net Approach». *Journal of Personality Disorders* 15:5 (2001): 425-441.
- Salter, Anna C., Ph.D. *Predators: Pedophiles, Rapists, and Other Sex Offenders: Who They Are, How We Can Protect Ourselves and Our Children* New York: Basic Books, 2004.
- Schumaker, John F. *The Corruption of Reality: A Unified Theory of Religion, Hypnosis, and Psychopathology*. Amherst, NY: Prometheus Books, 1995.
- Schwartz, Regina M. *The Curse of Cain: The Violent Legacy of Monotheism*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.
- Sharlet, Jeff. *The Family: The Secret Fundamentalism at the Heart of American Power*. New York: Harper Perennial, 2008.
- Саймон, Джордж. *Кто в овечьей шкуре? Как распознать манипулятора*. Альпина Паблишер, 2014.

- Стаут, Марта. *Социопат по соседству. Люди без совести против нас. Как распознать и противостоять*. Бомбора, 2017.
- Stout, Martha. *The Myth of Sanity: Tales of Multiple Personality in Everyday Life*. New York: Penguin, 2001.
- Stout, Martha. *The Paranoia Swtich: How Terror Rewires Our Brains and Reshapes Our Behavior – and How We Can Reclaim Our Courage*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007.
- Szasz, Thomas S. *The Manufacture of Madness: A Comparative Study of the Inquisition and the Mental Health Movement*. New York: Harper & Row, 1970.
- Thompson, Thomas L. *The Mythic Past: Biblical Archaeology and the Myth of Israel*. Basic Books, 1999.
- Winn, Denise. *The Manipulated Mind: Brainwashing, Conditioning and Indoctrination*. Cambridge, MA: Malor Books, 2000.
- Wolf, Naomi. *The End of America: Letter of Warning to a Young Patriot*. White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing Company, 2007.
- Zimbardo, Philip. *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*. New York: Random House, 2008.

Другие книги издательства Red Pill Press

Земные изменения и взаимосвязь между человеком и космосом

Отклонения струйных потоков, замедления Гольфстрима, ураганы, землетрясения, извержения вулканов, болиды, торнадо, наводнения, провалы грунта и серебристые облака стали всё чаще появляться с началом этого века. Оказались ли правы сторонники теории антропогенного глобального потепления, или что-то другое, что-то гораздо большее, происходит на нашей планете?

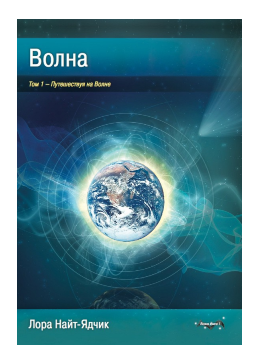
В то время как доминирующие научные взгляды представляют эти изменения как несвязанные между собой, Пьерр Лескодро использует открытия модели Электрической Вселенной и физики плазмы, чтобы показать, что они на самом деле могут быть тесно связаны и происходить по одной общей причине — приближению «двойника» нашего Солнца и сопровождающего его кометного роя.

Обращаясь к историческим записям, автор раскрывает прочную взаимосвязь между периодами авторитарного гнёта с катастрофическими бедствиями, вызванными в том числе и космическими факторами. Обращаясь к исследованиям в области метафизики и теории информации, *Земные изменения и взаимосвязь между человеком и космосом* являет собой фундаментально новую попытку воссоединить современную науку с древним убеждением в том, что человеческое сознание и состояния коллективного опыта людей могут влиять на космические и земные феномены.

Охватывая широкий спектр научных областей и включая в себя более 250 изображений и 1000 источников информации, *Земные изменения и взаимосвязь между человеком и космосом* представлена в доступном формате для всех, кто пытается понять знаки нашего времени.

Волна, том 1 — «Путешествуя на Волне»

... Правда и ложь о 2012 годе и глобальная трансформация

С быстрым приближением 2012 года мнения о том, чего ожидать от этой давно предвкушаемой даты, сильно разделены. Переживёт ли человечество глобальную духовную трансформацию? Катастрофические земные изменения? И то, и другое? Или ни одно из них? Если Земле и её обитателям предстоит какое-либо переломное или роковое событие, мы должны задаться вопросом о том, что мы знаем об этом и как нам к этому подготовиться.

Опираясь на десятилетний опыт изучения истории, религии и эзотерики, Лора Найт-Ядчик знакомит нас с концепцией «Волны» для описания возможных феноменов, стоящих за шумихой о глобальной трансформации. *Путешествуя на Волне* не только рисует самые вероятные сценарии, которые могут ожидать нас в ближайшем будущем, но также описывает их подоплёку, делая эту информацию более доступной для понимания.

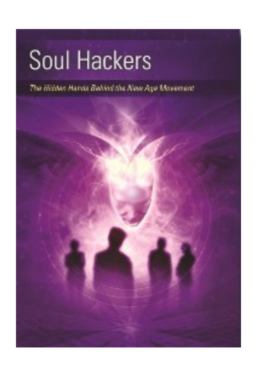
Опираясь на теоретические основы гиперизмерений, популяризированных физиком Митио Каку, и теории Чарльза Форта, развитые в дальнейшем Джоном Килем, в *Путешествуя на Волне* высказывается идея о том, что множество заметных изменений, произошедших на планете в прошлом веке, являются признаками приближающейся Волны. От климатических изменений, перенаселения планеты и технологического развития, а также новых социальных и политических движений, до массовых случаев наблюдения НЛО, загадочных кругов на полях и множества других сверхъестественных явлений что-то неизвестное происходит на нашей планете, и всё это, по всей видимости, ведёт к кардинальному изменению того, как мы воспринимаем мир и взаимодействуем с ним. Вопрос только в том, будет ли это изменение к лучшему или к худшему?

Будучи тесным переплетением науки и мистицизма, эта книга Лоры Найт-Ядчик из серии «Волна» запускает процесс раскрытия правды о жизни на Земле и о «кукловодах».

В продаже на http://ru.pilulerouge.com

The Wave 2 – «Soul Hackers»

... The Hidden Hands Behind the New Age Movement

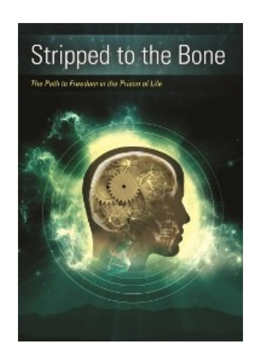
Почему мы здесь? Что является причиной наших страданий? Если этот мир является бесконечной школой, то чему нам нужно здесь учиться? И почему наши усилия по «налаживанию» нашей жизни часто приводят к совершенно противоположным результатам? Будучи мистиком и исследователем, Лора Найт-Ядчик пишет в этой книге из её обширной серии «Волна»: «если вы задаёте вопрос — вопрос, не дающий вам покоя, — то ответом на него становится ваша жизнь. Весь ваш жизненный опыт и взаимодействия с окружающим миром формируются вокруг этого ответа, который вы ищете в глубине души. Мой вопрос звучал так: «Как быть в единстве с Богом?». Ответом было: «Ключ к этому — любовь, однако нужно иметь правильное представление о том, что она действительно собой представляет».

Soul Hackers — глубоко личный и проницательный рассказ, посвящённый этому самому процессу: не дающим покоя вопросам и преобразующим ответам. Через историю собственной борьбы с традиционной и альтернативной религиями и предлагаемыми ими «ответами», Найт-Ядчик выводит на чистую воду проблемы, присущие движению Нью-Эйдж в целом: от Рейки, магии и феномена ченнелинга до таких насущных проблем, как одержимость злыми духами, манипуляция сознанием и потусторонние хищники, выдающие себя за доброжелательных существ. Она задаётся вопросом, что действительное означает «создание собственной реальности». Является ли это всего лишь самогипнозом или всё-таки нечто большее скрыто в этом утверждении Нью-Эйдж?

Ответы на эти вопросы лежат в самой природе Волны — космической силе и «фабрике» эволюции на персональном и коллективном уровнях. Для тех, кто желает понять глубокий смысл и реальность человеческого опыта, и что наше ближайшее будущее, возможно, готовит для нас, книга *Soul Hackers* предлагает карту нашей символической реальности и знаний, необходимых для того, чтобы перенести надвигающийся шторм.

The Wave 3 – «Stripped to the Bone»

… The Path to Freedom in the Prison of Life

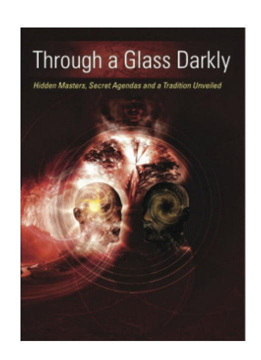
Пропаганда СМИ. Официальные укрывательства. Мошенническая наука. «Нелетальное» оружие. Технология манипуляции сознанием. Расовые стереотипы. Социальная инженерия. Религиозное программирование. Хладнокровная погоня за прибылью. Неослабевающая тяга к материализму… В мире, в котором «свобода» экспортируется под дулом пистолета, истинная свобода больше напоминает сказку былых времён, скрытую от нас всеми возможными и невозможными способами.

В *Stripped to the Bone* её автор Лора Найт-Ядчик выводит на чистую воду силы, стремящиеся держать человечество в созданной им же тюрьме. Она описывает доступным языком, какую роль играет в космосе зло: от тёмного мира политического заговора и правительственных программ по манипуляции сознанием до реальности, скрытой за феноменом НЛО. Однако в ответ на ужасающее положение дел на нашей планете она также задаётся вопросами: «Есть ли выход из этой ситуации? Чему мы можем научиться у наших предков?» В *Stripped to the Bone* высказывается предположение о том, что эти знания были не только известны и широко применялись на практике в человеческой предыстории, но также и то, что они могут быть переоткрыты сегодня.

Благодаря её обширному изучению эзотерических тем Найт-Ядчик уверена в том, что, зная пределы наших возможностей, мы способны их преодолеть. В этой книге из серии «Волна» она разносит в пух и прах наши иллюзии о свободе и о том, что она может быть завоёвана в войнах. Путь к свободе представляет собой скорее внутреннюю битву со многими ограничениями, наложенными официальной культурой на нашу способность выбирать, нашими собственными убеждениями и силами, стоящими за реальностью нашей повседневной жизни. Показывая нам наши собственные ограничения, она также с успехом заново описывает реальные возможности и истинный потенциал свободного человечества.

The Wave 4 – «Through A Glass Darkly»

... Hidden Masters, Secret Agendas and a Tradition Unveiled

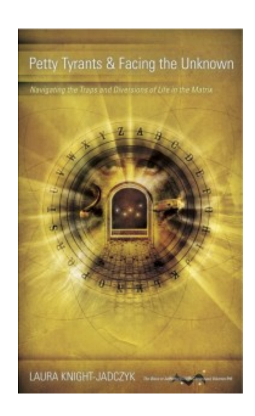
Под покровом повседневной жизни лежат тайны, скрытые от глаз человечества. Практически в каждой области знаний мы, кажется, идём в неверном направлении, приходя к заключениям, диаметрально противоположным истине. Складывается такое впечатление, что истинная наука, история, смысл человеческой жизни, наше прошлое и различные варианты нашего возможного будущего — все они «запрещены» для широких масс населения. Почему это так сложилось, и могут ли эти истины стать доступными для нас?

В книге *Through a Glass Darkly* Лора Найт-Ядчик продолжает развивать идею о том, что в нашем мире ничто не является тем, чем оно кажется на первый взгляд. От выдуманных историй с целью создания и поддержания нашей собственной идентичности до исторических мифов, лежащих в основе многих народов, мы живём в море лжи и полуправды. Так же как мы лжём себе и другим о том, кто мы есть на самом деле, часто представляя себя в наилучшем свете, есть также и те, кто фабрикует, манипулирует и формирует события настоящего и прошлого в своих собственных корыстных интересах. События настоящего завтра станут историей, продолжив формировать наши ложные представления о том, кто мы есть как человеческая раса, так же как это уже происходило в прошлом.

Однако несмотря на такое унылое положение вещей истина ожидает своего открытия. В этой 4-й книге серии *The Wave or Adventures with Cassiopaea* Найт-Ядчик идёт по следу скрытых хозяев нашей планеты, разоблачая планы мнимого тайного ордена «Приорат Сиона» и его загадочные связи с алхимией, островом Оук и каббалистами давних времён. По ходу повествования она раскрывает некоторые аспекты традиции, хранившиеся в тайне этими самыми группами людей. Разоблачая планы и заговоры элит, мы узнаем правду о нас самих, и почему она всё это время от нас скрывалась.

The Wave 5 & 6 – «Petty Tyrants & Facing the Unknown»

... Navigating the Traps and Diversions of Life in the Matrix

От романтических мифов до героических сказок жажда знаний и бытия всегда изображались как битва. Вдали от дома герой смело встречает препятствия и испытания его мужества, воли и хитрости. Но какое отношение имеют лабиринты и чудовища этих посланий от наших далёких предков к нашей жизни в 21-м веке? Как разыгрываются эти архетипические драмы в эру СМИ, интернета и международных корпораций?

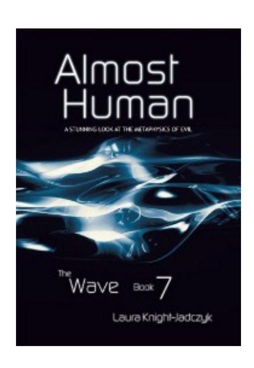
В этих двух томах её революционной серии *The Wave or Adventures with Cassiopaea* Лора Найт-Ядчик продолжает проект по выявлению природы нашей реальности. Используя опыт, набранный во время эксперимента Кассиопеи и показывающий, что правда фантастичнее вымысла, Лора описывает динамику из реальной жизни, которая упоминается в мифологии лишь форме туманных намёков. Что ещё более важно, она предоставляет нам инструменты и зацепки, необходимые для прочтения символов реальности: теологическую основу наших обыденных психологических побуждений.

В контексте этих ошеломительных открытий известные слова Шекспира приобретают совершенно иное значение: «Весь мир — театр, и люди в нём актёры».

Будучи впервые опубликованными на её прогрессивном веб-сайте cassiopaea.org, *Petty Tyrants & Facing the Unknown* были полностью переработаны и совмещены в одной книге. Для каждого, кто питает живой интерес к миру эзотерических знаний, изучению паранормального и прочих «альтернативных» тем, кто проявляет любопытство к жизни в целом и её важности и смыслу, эта книга является обязательной для прочтения.

The Wave 7 – «Almost Human»

... A Stunning Look at the Metaphysics of Evil

В этой книге своей пророческой серии Лора Найт-Ядчик привносит порядок в хаотический и запутанный мир покушений, заговора и паранормального. В оригинальном и глубоком синтезе науки и мистицизма она показывает подробную серию тематических исследований и применения на практике её гипотезы о гипермерном воздействии.

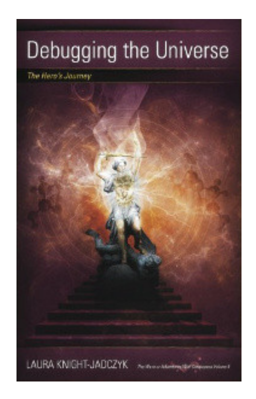
От межличностных отношений и их выражения в архетипических драмах до влияния на человеческое поведение для достижения гипермерных целей — *Almost Human* раскрывает принцип действия зла, как оно закрадывается в наши жизни, и что нам необходимо осознавать, чтобы это избежать.

На конкретных примерах Джона Нэша (John Nash) — шизофренического создателя теории игр — и Айры Эйнхорна (Ira Einhorn) — Нью-Эйдж психопата, убившего свою подругу, — Найт-Ядчик распутывает клубок лжи, целей и контрцелей сильных мира сего.

Almost Human обязательна для прочтения для каждого, кто задаётся вопросом о том, почему наш мир становится все более подконтрольным, а наши свободы всё более ограниченными.

The Wave 8 – «Debugging the Universe»

... The Hero's Journey

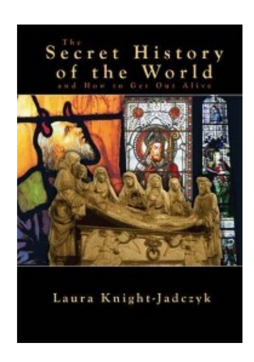
Путь глупца, Путешествие Героя, Великое делание — как бы это ни называли, путь саморазвития и увеличения знания сопряжён со сложными уроками и сильной борьбой. Но в чём же заключается природа этих уроков, и какую ценную информацию могут предоставить нам последние достижения современной науки?

Debugging the Universe переносит нас в сердце того, что означает быть человеком: от молекул нашей ДНК до смысла нашей жизни и нашего истинного места во Вселенной и всего того, что отделяет нас от воплощения нашего высшего потенциала. Изученные изнутри методы применения из реальной жизни, важность нейробиологии и «молекул эмоций», тайный смысл загадочных эзотерических символов и значение жизни внутри сложной системы: вселенское дыхание хаоса и порядка.

Эта книга логически завершает уникальный и провокационный магнум опус Лоры Найт-Ядчик: *The Wave or Adventures with Cassiopaea*. Впервые опубликованная в интернете на www.cassiopaea.org, The Wave представляет собой современное толкование знаний древних, охватывающее темы от метафизики, науки, космологии и психологии до паранормального, НЛО, гиперизмерений и макрокосмической трансформации.

«The Secret History of the World»

... and how to get out alive

Если бы вы услышали Истину, вы бы поверили в неё? Древние цивилизации. Гипермерные реальности. Изменения ДНК. Библейские теории заговора. Что представляют собой другие реальности? В чём заключается дезинформация?

The Secret History of The World and How To Get Out Alive — это наиболее полная книга, содержащая насущные ответы, в которых Истина фантастичнее вымысла. Лора Найт-Ядчик, супруга всемирно известного физика-теоретика, Аркадиуша Ядчика, эксперта в области гипермерной физики, использует науку и мистицизм для приоткрытия завесы над нашей реальностью. Из-за многочисленных угроз её жизни со стороны как известных, так и неизвестных лиц и организаций, Лора была вынуждена покинуть США и переселиться во Францию, где она работает в тесном контакте с Патриком Ривьером (Patrick Rivière), учеником Юджина Канселье (Eugene Canseliet) — единственным адептом легендарного алхимика Фульканелли (Fulcanelli).

С искромётным юмором и мудростью она продолжает незаконченную работу Фульканелли, делясь с нами результатами своих исследований, длившихся более 30 лет. Впервые Великое делание и эзотерические знания древних доносятся в доступной форме как специалистам, так и любителям.

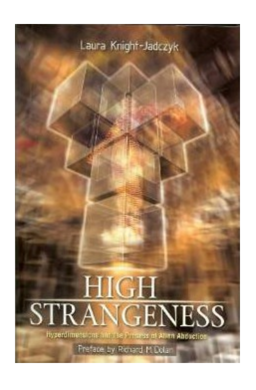
Теории заговора существуют со времён Каина и Авеля. Исторические факты были подделаны для поддержки этой иллюзии. В настоящий момент вопрос состоит в том, удастся ли достаточному количеству людей распознать этот обман, создав тем самым противодействующую силу для положительных изменений — сокровища человечества — во время грядущего периода Макрокосмического квантового скачка. Лора приводит убедительные доводы, основанные на откровениях глубочайших эзотерических секретов, в пользу того, что настоящее время является временем потенциального фазового перехода, исключительной возможности для возрождения как на индивидуальном, так и на коллективном уровне: квантовый скачок сознания и чувственных восприятий, способный дать рождение истинной креативности в науке, искусстве и духовности. *The Secret History of the World* даёт нам возможность пересмотреть нашу интерпретацию Вселенной, истории и культуры и тем самым проложить и пройти путь через эту темноту. Таким образом, Лора Найт-Ядчик наглядно показывает, как мы можем расширить наши возможности для любых возможных вариантов будущего.

Содержа в себе 850 страниц увлекательного материала, *The Secret History of The World and How to Get Out Alive* становится всё более признанной классической работой, несущей в себе далекоидущие последствия для судьбы человеческой расы. Тщательно изучив факты и количественные данные, автор переворачивает с ног на голову устоявшиеся идеи из областей религии, философии, легенд о священном Граале, науки и алхимии, представляя связное повествование о существовании античной технологической духовности Золотого века, включавшей в себя господство над временем и пространством: святой Грааль, Философский камень, истинный процесс Вознесения. Лора предоставляет доказательства существования продвинутого уровня научной и метафизической мудрости, которым обладали величайшие из исчезнувших цивилизаций — культуры, бывшие настолько продвинутыми, что они не нуждались ни в каких известных нам внешних атрибутах цивилизации. Логически законченные выводы автора проливают свет на Историческое послание, сохранённое для человечества, включая космологию и мистицизм человеческой расы до её Падения, когда, как нам поведывают древние тексты, человек был в прямом контакте с богами. Лора показывает, что грядущий скачок является тем самым поворотным пунктом в продолжительном космологическом цикле, когда человечество — или, по крайней мере, его часть — имеет возможность вернуть назад свой статус Королевского ребёнка золотого века.

Если и существует книга, способная ответить на вопросы ищущих Правды в духовных дебрях этого мира, то, вне всякого сомнения, *The Secret History of the World and How to Get Out Alive* является таковой.

«High Strangeness»

... Hyperdimensions and the Process of Alien Abduction

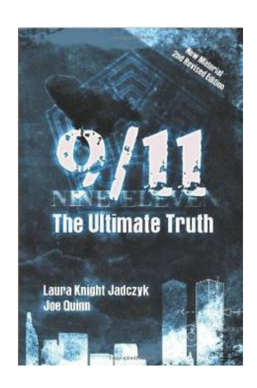

High Strangeness: Hyperdimensions and the Process of Alien Abduction представляет собой попытку соединить между собой религию, науку, историю, похищение инопланетянами и истинную природу политических заговоров. Опираясь на доскональное исследование и движимая жаждой правды, Лора Найт-Ядчик срывает внешнюю оболочку официальной культуры и предоставляет нам возможность понять окружающую нас реальность.

Второе издание книги включает в себя дополнительный материал, объясняющий гипермерные механизмы контроля и формирования нашей реальности «внеземными силами». Корыстные действия ничего не подозревающих марионеток: психопатов и прочих патологических типов, возможно, не осознающих, что их используют, и становящихся порталами, через которые осуществляются враждебные по отношению к человечеству планы.

High Strangeness придаёт науке о понерологии совершенно новое измерение!

«9/11 – The Ultimate Truth»

За годы после терактов 11 сентября 2001 г. в десятках книг была предпринята попытка найти правду, скрывающуюся за официальной версией событий того дня, однако и по сей день ни одна из этих публикаций не предоставила удовлетворительного ответа на вопрос, **почему** они произошли и кто несёт за них полную ответственность.

Рассматривая эти события в продолжительном тысячелетнем контексте, книга Лоры Найт-Ядчик *9/11: The Ultimate Truth* раскрывает истинную природу правящих на нашей планете элит и показывает новую основополагающую информацию о том, как были проведены эти теракты.

В *9/11: The Ultimate Truth* приводятся веские факты в пользу того, что день 11 сентября 2001 г. ознаменовал собой момент, когда наша планета вошла в финальную фазу дьявольского плана, готовившегося в течение многих лет. Этот план был придуман и поддерживался последовательными поколениями бесчеловечных людей, беспощадно использующих слабые стороны элементарной человеческой природы для того, чтобы удерживать всё человечество в ловушке бесконечных войн и страданий с целью держать нас в замешательстве и отвлекать от реальности скрытых кукловодов.

Опираясь на исторические и генеалогические источники, Найт-Ядчик убедительно связывает события 11 сентября 2001 г. с современным конфликтом между Израилем и Палестиной. Также она приводит наглядные доказательства того, что на нашей планете периодически происходят природные катаклизмы, и текущий цикл уже, возможно, привёл человечество на грань разрушения в наши дни.

Благодаря чёткому стилю изложения сути и настойчивому уклонению от болота дезинформации, использовавшейся сильными мира сего для заметания своих следов, *9/11: The Ultimate Truth* может по праву считаться **той самой** исчерпывающей книгой на тему 9/11 и реальных последствий того судьбоносного дня для будущего человечества.

Второе издание *9/11: The Ultimate Truth* было дополнено новым материалом, подробно описывающим реальные причины обрушения башен ВТЦ, ключевую роль агентов Израиля в проведении этих терактов, и как высокомерное правительство Буша теперь вынуждено плясать под дудку сионистов.

Предметный указатель